

Институт нового индустриального развития (ИНИР)
им. С.Ю. Витте

**НОВОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ
ОБЩЕСТВО:
ИСТОКИ, РЕАЛЬНОСТЬ, ГРЯДУЩЕЕ.
НООНОМИКА**

VI-й том

Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий
Института нового индустриального развития (ИНИР)
им. С.Ю. Витте по тематике концепции
нового индустриального общества второго поколения
и нооиндустриального развития общества

Санкт-Петербург
2022

Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. VI-й том (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. Сб. науч. трудов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2022. – 347 с.

В сборнике научных трудов Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте раскрываются результаты современных научных исследований, посвященных адаптации теорий Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и ноономики к современным реалиям социально-экономического развития; обозначены направления дальнейшего совершенствования и трансформации этих теорий, а также даны рекомендации по использованию их положений в качестве инструментальной и методологической основы для прогрессивных преобразований социально-экономической системы.

Сборник трудов предназначен для профессорско-преподавательского состава университетов и научных сотрудников, занятых исследованием проблем современной экономики, докторантов, аспирантов, магистрантов, а также студентов бакалавриата, обучающихся по направлению 38.03.01 «Экономика». Материалы сборника могут быть использованы руководителями и специалистами аппарата управления бизнес-организаций и государственных органов при разработке программ и стратегий развития.

ISBN 978-5-00020-097-1

© Институт нового индустриального
развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, 2022

**НОВОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО:
ИСТОКИ, РЕАЛЬНОСТЬ, ГРЯДУЩЕЕ.
НООНОМИКА**

VI том

Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Часть 1. НИО.2: концептуальные основы – российские практики и международные контексты (материалы семинаров и конференций ИНИР им. С.Ю. Витте).....	13
1.1. Материалы научного онлайн-семинара «От хомо экономикус к хомо креатор: теория и практики XXI века» (29 октября 2021 г.) (стенограмма)	15
Часть 2. НИО.2: что сегодня?	77
2.1. Бодрунов С.Д. «Современные императивы возрождения планирования». Доклад на открытии Пленарной сессии международной научной конференции «Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем» (к 100-летию создания Госплана), (25-26 марта 2021 г.).....	79
2.2. Бодрунов С.Д. «Ноономика – базовый элемент новой концептуальной платформы стратегии опережающего развития». Доклад на открытии Пленарной сессии делового форума «Стратегия опережающего развития Евразийского экономического союза» на тему: «Становление ноономики в процессе	

смены технологических и мирохозяйственных укладов», (Москва, 21 апреля 2021 г.)	90
2.3 Бодрунов С.Д. «Глобальная трансформация современного общества и цели национального развития России». Пленарный доклад на Московском академическом экономическом форуме (МАЭФ) (Москва, РАН, 26 мая 2021 г.)	111
2.4. Бодрунов С.Д. «Глобальная трансформация XXI века: на пути к ноономике». Стенограмма выступления на ежегодной Конференции Международной инициативы по продвижению политической экономии (IPPE) «Пандемия и будущее капитализма: политическая экономия нашего общества» (Италия, Феррара, 12-17 сентября 2021 г.)	127
2.5. Бодрунов С.Д. «Ресурсы роста: нооподход». Доклад на открытии Пленарной сессии Уральского экономического форума «Урал – драйвер неоиндустриального и инновационного развития России» (Екатеринбург, 22 октября 2021 г.).....	135
2.6. Бодрунов С.Д. «30 лет новой России: ретроспектива, проблемы, развитие». Доклад на Всероссийском экономическом собрании (11 ноября 2021 г.).....	152
2.7. Бодрунов С.Д. «Технологический прогресс: предпосылка и результат социо-гуманитарной ориентации экономического развития». Пленарный доклад на VIII Международном конгрессе ПНО-2021 «Производство. Наука. Образование: сценарии будущего» (29 ноября – 01 декабря 2021 г.)	167
2.8. Бодрунов С.Д. «Политико-экономические основания исследования глобальных трансформаций 21 века: от мифов постиндустриализма к ноономике». Доклад на Форуме WAPE (18 декабря 2021 г.)	178

Часть 3. Ноономика 183

3.1. Бодрунов С.Д. Материалы лекции «Ноономика: сущность и механизм перехода» в Уральском государственном экономическом университете (Екатеринбург, 22 октября 2021 г.)..... 185

3.2. Бодрунов С.Д. Modern Development Strategy Requires Turnabout to Planning / Стратегия современного развития требует поворота к планированию 210

3.3. Бодрунов С.Д. New Stage in Industrial Development (NIS.2) – Pivotal Step on the Path towards Noonomy / Новая ступень индустриального развития (НИО.2) – определяющий шаг на пути к ноономике..... 223

3.4. Бодрунов С.Д. От хомо экономикус – к хомо сапиенс..... 251

3.5. Бодрунов С.Д. Ноономика как стратегический проект 272

Часть 4. НИО.2: что дальше? (материалы коллоквиумов ИНИР им. С.Ю. Витте)..... 295

4.1. Стенограмма коллоквиума на тему «Генезис ноономики. Качественные изменения в общественном производстве в процессе продвижения общества к ноономике – диффузия собственности (критическое сопоставление позиций классической политэкономии и неоклассических взглядов)» (03 января 2021 г.)..... 297

4.2. Стенограмма коллоквиума на тему «Измерение результатов общественного развития: к постановке проблемы» (03 января 2021 г.)314

4.3. Стенограмма коллоквиума по теме «Рост знаниеемкости производства ведет к диффузии стоимости и собственности» (30 января 2021 г.)323

4.4. Стенограмма коллоквиума по теме «Теория ноосферы и теория ноономики» (31 июня 2021 г.) 333

Предисловие

Концепция Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и теория ноономики, как концептуальная основа устойчивого социально-экономического развития

«2020 год стал для человечества особенным». Именно с этих слов начиналось предисловие к предыдущему сборнику трудов ИНИР им. С.Ю. Витте «Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика». И эта особенность связывалась нами с охватившей мир пандемией новой коронавирусной инфекции Covid-19, которая стала серьезным вызовом для человечества, на скорое преодоление которого многие рассчитывали. И уже с конца 2020 – начала 2021 гг. стали появляться статьи, проводиться конференции и т.д., в названиях которых шла речь о «постпандемийной» реальности.

Но жизнь, как всегда, оказалась сложнее и непредсказуемее, чем ожидали самые смелые футурологи. Прошел 2021 год, а пандемия Covid-19 не только не угасает, но, напротив, развертывается с новой силой. Новая «волна» инфекционного заболевания нарастает с каждым днем. Видимо, это – фактор нашей новой реальности, фактор, с которым следует считаться и не ожидать его скорого ослабления. Его надо учитывать в прогнозах, стратегиях и планах на всех уровнях социально-экономической системы: от глобального до уровня отдельных бизнес-организаций и домохозяйств.

Длящаяся уже третий год пандемия в очередной раз указывает на необходимость в управлении социально-экономическим развитием делать упор на фундаментальные аспекты, связанные с трансформациями генетического ядра существующей социально-экономической системы. Только такой подход позволяет выделять ключевые тенденции и тренды развития с тем, чтобы сконцентрировать ресурсы на достижении приоритетных целей, существенно не отвлекая их на решение пусть и важных, но всё же тактических задач.

Эти тактические задачи, связанные с ситуационными вызовами развитию, всегда были и будут. И решать их, безусловно,

надо. Но за ними надо видеть и более значимые процессы, поддержка которых и встраивание в которые должны составлять основу проводимой политики развития. Только так можно прийти к тому желаемому образу, видению будущего, которое находит отражение в теоретических разработках, стратегических планах и программах развития.

Конечно, будущее отличается высокой степенью неопределенности. Тем не менее, уже сегодня можно увидеть черты перспективного общественного устройства. Они находят отражение в предлагаемых президентом Вольного экономического общества (ВЭО) России и Международного Союза экономистов, директором Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте профессором С.Д. Бодруновым и творчески развиваемых коллективом этой исследовательской организации теорий Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и ноономики.

Эти теории, несмотря на их сравнительно незначительный срок существования, уже не воспринимаются сегодня как нечто экзотическое. Их прочный теоретический и методологический фундамент, связь с эмпирическими фактами, а также высокая прогностическая способность привлекают множество сторонников, как в России, так и в других странах мира.

В силу того, что постулаты этих теорий еще находятся в стадии формирования и развития, вокруг них ведутся жаркие научные дискуссии, в ходе которых исходная аксиоматика наращивается детальными теоретическими и методологическими положениями, подтверждается реальными фактами, выстраиваются гносеологические связи теорий НИО.2 и ноономики с другими разделами современной науки, предлагаются инструменты практического воплощения ряда идей, которые теоретически предсказаны.

Эта напряженная интеллектуальная работа находит отражение в публичных дискуссиях, разработке и апробации новых идей, публикации научных работ. Активно велась она и в 2021 году. «Поставленный на паузу» пандемией ритм научной жизни, когда пришлось в силу объективных причин сократить число личных контактов исследователей, а многие научные мероприятия перешли в онлайн-режим, не привел к снижению

продуктивности исследований в области НИО.2 и ноономики. Напротив, эти исследования приобрели ярко выраженную прикладную направленность.

Эта направленность становится все в большей степени интернациональной. Несмотря на то, что идеи НИО.2 и ноономики «вызрели на российской почве», они находят признание в международном сообществе. Это нашло отражение, в частности в материалах онлайн-семинара «От хомо экономикус к хомо креатор: теория и практики XXI века», проведенного 29 октября 2021 г., участники которого остановились на анализе универсалистской природы идей НИО.2 и ноономики, что является характерной чертой фундаментального научного знания.

25-26 марта 2021 г. состоялась международная научная конференция «Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем», посвященная к 100-летию создания советского Госплана. В ходе обсуждения на ней сложных и, зачастую, противоречивых вопросов экономической истории XX века, дискуссанты пришли к выводу, что слова «воспоминания о будущем» в ее названии не случайны – в современной экономике планирование начинает играть всё более заметную роль, а переход к НИО.2 и ноономике во многом будет происходить на планомерной основе.

Это, в частности, отметил профессор Бодрунов С.Д. в своем докладе «Современные императивы возрождения планирования». Сама идея «нооса», разумности, заложенная в основу НИО.2 и ноономики предполагает неслучайный характер движения к перспективным формам общественной организации. А целенаправленность – первичный признак планирования. Именно поэтому следует выделять в работе по возрождению плановых институтов два «слоя» – тактический, направленный на повышение качества решения злободневных проблем социально-экономического развития, и стратегический, ориентированный на формирование нового облика экономики и общества.

О значимости выхода за шаблонные схемы регулирования социально-экономического развития в долгосрочной перспективе, институты которого закладываются уже сегодня, шла речь и на деловом форуме «Стратегия опережающего развития Евразийского экономического союза» (Москва, 21 апреля 2021 г.), где

была отмечена значимая роль формирования элементов ноономики в процессе смены технологических и мирохозяйственных укладов, который мы наблюдаем уже сегодня, причем пандемия Covid-19 ускорила этот процесс.

Эти же идеи, применительно к внутристрановому, региональному уровню развития, были высказаны и плодотворно обсуждались на Уральском экономическом форуме «Урал – драйвер неоиндустриального и инновационного развития России» (Екатеринбург, 22 октября 2021 г.).

Следует подчеркнуть, что ноономика – это не узкая страновая концепция, она адекватно описывает процессы и итоги развития общества в целом. Именно поэтому следует ее рассматривать как базовый элемент концептуальной платформы стратегии опережающего развития. Эта принципиальная позиция нашла подтверждение на Московском академическом экономическом форуме (Москва, РАН, 26 мая 2021 г.), где глобальные трансформации современного общества, связанные с переходом к НИО.2 и ноономике, были рассмотрены в тесной увязке с достижением целей национального развития России.

Глобальный характер трансформаций и необходимость опоры на концептуальные инварианты НИО.2 и ноономики нашел поддержку и в международном контексте. Эти идеи профессора Бодрунова С.Д. были положительно восприняты на ежегодной Конференции Международной инициативы по продвижению политической экономии (ПРРЕ) «Пандемия и будущее капитализма: политическая экономия нашего общества» (Италия, Феррара, 12-17 сентября 2021 г.).

В то же время, нельзя не учитывать новые возможности практического использования теоретических конструкций НИО.2 и ноономики в регулировании современного социально-экономического развития. Это было подчеркнуто в программном докладе профессора Бодрунова С.Д. «30 лет новой России: ретроспектива, проблемы, развитие» на Всероссийском экономическом собрании (11 ноября 2021 г.).

Любое развитие должно осуществляться целенаправленно, и именно отсутствие четких представлений о будущем во многом послужило основой теоретических метаний, которые породили «зигзаги» в развитии постсоветской России. Сегодня,

благодаря возникновению и активному развитию теории НИО.2 и концепции ноономики создаются уникальные перспективы для осуществления сверхдолгосрочного целеполагания, что обеспечит устойчивость траекторий социально-экономического развития нашей страны, которое, конечно же, должно быть выстроено на базисе технологической модернизации российской экономике.

Эта идея была подчеркнута в пленарном докладе профессора Бодрунова С.Д. на VIII Международном конгрессе ПНО-2021 «Производство. Наука. Образование: сценарии будущего» (29 ноября – 01 декабря 2021 г.) на тему: «Технологический прогресс: предпосылка и результат социогуманитарной ориентации экономического развития», а в дальнейшем получила развитие в докладе на Форуме WAPE (18 декабря 2021 г.) «Политико-экономические основания исследования глобальных трансформаций 21 века: от мифов постиндустриализма к ноономике».

Следует отметить, что одной из проблем ранее выдвигавшихся и популярных в настоящее время концепций социально-экономического развития является их недостаточное «человеческое измерение». Действительно, любые изменения в экономике и обществе оказываются возможными лишь в случае их принятия людьми, встраивания этих изменений в институциональную матрицу.

В противном случае попытки трансформации институциональной среды наталкиваются не отторжение «имплантированных» институтов. Вместо поступательного прогрессивного развития, в итоге, мы сталкиваемся с «зигзагами истории». Причина их – в недостаточном учете трансформации самого человека, факторов, границ и условия этой трансформации.

Изменение человека, его потребностей, мотивов поведения, морально-этических норм и многих других аспектов находится в центре внимания концепций НИО.2 и ноономики, которым, несмотря на отмечаемую в них важность технологической составляющей, присуща ярко выраженная человекоцентричность.

В частности, эти вопросы получили развернутое отражение в докладе профессора Бодрунова С.Д. «Генезис ноономики: от человека экономического к человеку культурному» на меж-

дународном научном семинаре Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте «От хомо экономикус к хомо креатор: теория и практики XXI века» (29 октября 2021 г.).

Материалы вышеуказанных докладов, обогащенные новыми идеями, высказанными в ходе научных дискуссий, получили отражение в научных статьях, которые (в конспективном изложении) представлены в этой книге, эти статьи планируются к опубликованию в таких авторитетных научных изданиях, как «World Review of Political Economy», «China's Model and Theory: a Study of Cheng Enfu's Academic Thoughts», «Вопросы философии», «Стратегирование: теория и практика», «Вопросы политической экономии» и др.

Интеллектуальная работа по проработке и уточнению новых положений теорий НИО.2 и ноономики еще далека от завершения. Причем проходит эта работа не только в формате кабинетных исследований и заочных дискуссий на страницах научных изданий, но и на регулярно проводимых коллоквиумах ИНИР им. С.Ю. Витте, где высказываются новые пионерные идеи, происходит их первичная апробация, вырабатываются оригинальные подходы к анализу процессов социально-экономического развития.

За истекший год было проведено четыре коллоквиума: «Генезис ноономики. Качественные изменения в общественном производстве в процессе продвижения общества к ноономике – диффузия собственности (критическое сопоставление позиций классической политэкономии и неоклассических взглядов)»; «Измерение результатов общественного развития: к постановке проблемы»; «Рост знаниеемкости производства ведет к диффузии стоимости и собственности»; «Теория ноосферы и теория ноономики».

По их итогам, безусловно, будут написаны новые книги и статьи, а высказанные на них идеи получат дальнейшее развитие и признание научно-экспертного сообщества. А также они, несомненно, станут предметом исследований и дискуссий постоянных участников семинаров Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте (Бодрунов С.Д., Бузгалин А.В., Булавка-Бузгалина Л.А., Гринберг Р.С., Десаи Р., Фриман А., Гэлбрейт Дж.К., Золотарев А.А., Квинт В.Л.,

Клейнер Г.Б., Колганов А.И., Котц Д., Лайбман Д., Габриэль Л., Файзенфест Д., Ленчук Е.Б., Лэйн Д., Плотников В.А., Пороховский А.А., Ткаченко Е.А., Толкачев С.А., Хубиев К.А. и другие известные российские и зарубежные специалисты) в будущем.

Публикацией данного сборника трудов мы приглашаем читателей к продуктивной и конструктивной дискуссии по кругу рассмотренных в нем проблем, а также к активному сотворчеству в разработке новых и перспективных разделов современной науки, связанных с теоретическим осмыслением концепции Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и теории ноономики.

Золотарев А.А., к.э.н.

Плотников В.А., д.э.н., проф.

Часть 1.

**НИО.2:
концептуальные основы –
российские практики и международные
контексты (материалы семинаров и
конференций ИНИР им. С.Ю. Витте)**

Стенограмма
международного научного семинара Института нового
индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте,
Санкт-Петербург
«От “хомо экономикус” к “хомо креатор”:
теория и практики XXI века»

29 октября 2021 года.

Начало: 15.00.

Организатор мероприятия: Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте.

Руководитель научного семинара – директор ИНИР им. С.Ю. Витте, д.э.н., профессор С.Д. Бодрунов.

Модератор семинара – руководитель Центра современных марксистских исследований МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С.Ю. Витте, д.э.н., профессор А.В. Бузгалин.

Форма проведения семинара – онлайн.

Стенограмма приводится в сокращении.

Бузгалин А.В.: Добрый день, уважаемые коллеги!

Представляюсь: Бузгалин Александр Владимирович. Я выступаю в качестве научного руководителя Московского отделения Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте.

Сейчас – о замысле семинара. Он посвящен одной из фундаментальных проблем, которые ставят во главу угла и Организация Объединенных Наций, и национальные лидеры, в том числе нашей страны, и научные сообщества. Это – проблема человека и тех качественных, глубоких трансформаций, которые переживает человек в условиях технологических изменений последних десятилетий, социально-экономических и глобальных противоречий и перемен, которыми мы сегодня переполнены. Я не боюсь этого образного выражения.

Качественные изменения совершаются на наших глазах, и они вызывают существенные изменения человека, его ценностей и мотивации, его бытия в обществе. Вот этому посвящен наш семинар. Далее я предвирать ничего не буду. У нас регламент выступлений порядка 10 минут. Исключение – пленарный доклад (это традиция нашего семинара). Пленарный доклад у нас продолжается порядка 25 минут плюс-минус – докладчика мы жестко не ограничиваем.

Сергей Дмитриевич Бодрунов в особом представлении не нуждается, он – директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, профессор. Все его должности и звания я перечислять не буду, а то я весь регламент «съем».

Сергей Дмитриевич, пожалуйста, Вам слово. Мы Вас очень внимательно слушаем.

Бодрунов С.Д.: Уважаемые коллеги!

Наш Институт нового индустриального развития (ИНИР) имени С.Ю. Витте, который сегодня пригласил вас на эту очередную сессию своего научного семинара, работает по методическим планам, согласованным с Отделением общественных наук Российской академии наук. Наш семинар – международный. Он проводится уже 10 лет, то есть почти половину периода деятельности ИНИРа. Нашему Институту в следующем году исполнится 25 лет, и нас откровенно радует, что наш семинар привлекает все больше коллег, расширяющих его сферу исследований. За 10 лет у нас выступило уже более 150 докладчиков, многие – неоднократно, и их доклады мы широко публикуем. Мы с вами встречаемся в рамках этого семинара в разных пространствах: очно, в старинных залах Санкт-Петербурга и Кембриджа, университетов и научных центров Вены, Мехико, Нью-Йорка, Парижа, и заочно – как сегодня. Мы – разные, и у нас часто разнятся точки зрения. Но главным остается наше стремление к поиску истины, причем к поиску там, где проблемы практик мира и России наиболее остры, а научные дискуссии наиболее глубоки.

Знаете, коллеги, в России есть такой анекдот. Нетрезвый человек ищет что-то ночью под фонарным столбом. Прохожий спрашивает: «Что Вы ищете?» Человек отвечает: «Да вот – ключищу, потерял где-то». Тогда прохожий советует: «Но Вы же, воз-

можно, потеряли его в другом месте, что же Вы ищите здесь, ясно же, что ключа тут нет». На что человек отвечает: «Так тут же, под фонарем, светло, вот и ищу. А дальше-то – темно». Мы с вами, коллеги, не должны уподобляться нетрезвому искателю из этого анекдота, мы не должны искать ключ к истине там, где уже светло и все ясно. Наш удел – искать истину везде, в новых, неизведанных пространствах, подсвечивая себе путь фонариками знания. Разными фонариками, с разной подсветкой. Искать там, где требуются глубина анализа и междисциплинарный подход. Именно этим обусловлены и тематика семинара, и состав его участников. Сессии семинара в последние годы объединяют в одном дискуссионном пространстве философов и экономистов, социологов и культурологов – ученых, развивающих разные теоретические направления и представляющих не только разные страны, но и разные континенты.

Как я уже отметил, наш семинар проходит в рамках работ Института нового индустриального развития. Казалось бы, выбранная сегодня тема далека от проблем индустрии. Однако это, если глубоко вдуматься, не так. Именно индустриальное развитие, продвижение человечества по индустриальному пути, в рамках изменяющегося характера индустрии в процессе «ускорения ускорения» НТП, меняет и характер экономики, доводя процессы в ней до критических и подготавливающих ее переход через этап НИО.2 в нономику, и состояние общества, и структуру всех видов человеческих отношений, да и, если позволите такую реминисценцию, «качество» самого человека. И это последнее мы сегодня попробуем обсудить.

На сегодняшней сессии мы планируем затронуть вопросы, которые, с одной стороны, относятся к кругу «вечных», но, с другой, стали практически жгуче актуальными именно в последние два десятилетия. Это – вопросы рождения *нового качества человека*.

Эта трансформация касается не только изменения места и роли человека в социальном процессе, но и его социального качества. Подчеркну: социального. О человеке как биологическом существе и трансцендентном феномене я в данном докладе размышлять не буду. Но не потому, что эти аспекты незначимы, а

потому, что они лежат вне поля нашего сегодняшнего обсуждения, да и, как известно, «нельзя объять необъятное».

* * *

Итак, я начну доклад с вопроса: в чем сущность тех трансформаций социального качества человека, которые начались несколько десятилетий назад?

Если коротко, это – переход от бытия человека как преимущественно «человека экономического» к его бытию как «человека культурного».

Не претендуя на роль социального философа (в этом жанре я подготовил три статьи для российского журнала «Вопросы философии», первая из которых уже вышла, а две остальных заявлены к печати в этом и следующем годах), в данном докладе отмечу только несколько базовых характеристик первого и второго с политэкономической точки зрения. Основная же часть доклада будет посвящена анализу того, почему происходит этот поворот, и что из этого следует.

Думаю, коллеги, базовые характеристики «человека экономического» («хомо экономикус») всем хорошо известны; они восходят еще к авторам XVIII века, прежде всего к Адаму Смиту. Их воспроизводит и аксиоматика современной неоклассической экономической теории. Итак, «человек экономический» – это, если взять квинтэссенцию, рациональный максимизатор полезности и минимизатор издержек и обременений.

Здесь, на первый взгляд, все очевидно и прозрачно. Но на второй (третий и так далее) возникает сонм проблем.

Для начала позволю себе ряд последовательных уточнений.

Первое. При переходе от абстрактных постановок во введениях, подготовленных для учебников, к исследованию реальных экономических проблем неоклассика абстрактное понятие «полезность» как бы «незаметно» подменяет категорией «деньги» и далее везде начинает считать эту «полезность» в долларах, евро, рублях. Подмена как бы (именно «как бы») очевидная: а что еще можно максимизировать в современном мире, если ты рационален, как не деньги? Но это «как бы» – это симулякр. Человек всегда, в том числе в рыночной экономике, считает для себя

полезным не только деньги или иные блага, имеющие стоимость, и следовательно денежный эквивалент.

Если мы акцентируем этот нюанс, то мы можем (и, более того, должны) поставить вопрос: где и когда в своем социальном бытии человек максимизирует деньги, а где, когда и почему – что-то иное? И главное – что именно? Представители неоклассики этот вопрос стали робко упоминать только со второй половины прошлого века (в скобках замечу: марксистская политическая экономия и социальная философия его видела и ставила лет на сто раньше). Сегодня им, этим вопросом, всерьез задается едва ли не наиболее модное направление неоклассики – «поведенческая экономика». Запомним это.

Второе. Тезис о минимизации издержек и обременений в подавляющем большинстве экономических работ, даже в XXI веке, применяется и к труду как обременению, которое надо минимизировать. Это не случайный посыл: в пространстве отчужденного репродуктивного труда, тем более – труда наемного работника, выступающего как придаток машины, труд не может не быть обременением. Но творческий труд, как показали многие прогрессивные социальные философы и политэкономы (в том числе – советские и российские), характеризуется иным свойством – свойством самомотивации; он самоценен, то есть является ценностью, а не обременением. Запомним и этот нюанс.

Третье. Человек – это актер, далеко не всегда действующий рационально, причем не только в пространствах веры и искусства, но и в экономике. Даже хомо экономикус рационален относительно. Но до сих пор из этого не сделаны многие прямо из этого вытекающие выводы.

Какие же?

* * *

Я не открою вам, уважаемые коллеги, большой тайны, если скажу, что уже не первое десятилетие на смену «человеку экономическому», максимизирующему товары и деньги и минимизирующему затраты труда, идет новый социальный тип человека – «человек культурный». С разных позиций о нем писали Эрих Фромм и Жан Поль Сартр, Генрих Батищев и Эвальд Ильенков, десятки других авторов XX века. Активно разрабатывают эту те-

му и наши современники, в том числе и участвующие в этом семинаре профессора. Достаточно хорошо известны и основные черты этого нового человека.

Напомню важнейшие.

Человек культурный изменяет круг и содержание своих потребностей. На смену вещным ценностям и симулякрам приходят и занимают превалирующее место новые ценности – *личностного развития*. Ниже мы раскроем этот аспект подробнее, а сейчас продолжим.

Далее. Главное развитие личности человека культурного осуществляется в деятельности, причем деятельности, главным содержанием которой является творчество. Именно эта компонента определяет главные его личностные качества в той мере, в какой он из «человека экономического» превращается в «человека культурного». В этом смысле он становится «человеком творческим», или, как называет наш коллега профессор А.В. Бузгалин, «хомо креатором».

Это две первые важные отличительные черты «человека культурного».

Третья. «Человек культурный» стирает границу между рабочим и свободным временем. Для него время деятельности превращается в пространство личностного развития, а досуг (например, погружение в книгу, в театральные спектакль, в музыку) становится деятельностью.

Есть и иные характерные тренды формирования «человека культурного». Но здесь я в своем докладе поставлю многооточие, ибо при постановке главной задачи сегодняшнего выступления я неслучайно пообещал остановиться в первую очередь на вопросах: *где, когда и почему* трансформация «человека экономического» в «человека культурного» становится императивом общественного развития.

* * *

Ответы на эти вопросы дают наши исследования последних десятилетий.

Я полагаю, что названная трансформация человека происходит вследствие генезиса сначала нового индустриального общества второго поколения, а затем – ноономики.

Остановимся на этом положении подробнее.

Как я показал в серии предшествующих докладов на нашем семинаре в предыдущие годы и десятках публикаций (уверен, постоянные участники семинара с ними в основном знакомы), мир сегодня находится на развилке. Один путь – к «человеку культурному», другой – к деградации: не к «ноо», а к «зоо».

Очевидны тенденции нарастающего реактивного развития технологий и производств нового поколения. Производство становится *знаниеемким* и позволяет человеку взять на себя преимущественно *творческие* функции, но в то же время может лишить занятости всех тех, у кого не будет доступа к качественному образованию и культурному развитию. Аналогичные вызовы рождает и еще один тренд: ускорилось движение по таким траекториям, как цифровизация экономических отношений, переход к дистанционной занятости и онлайн-образованию, роботизация и использование искусственного интеллекта. При этом, однако, возросли техногенные риски, и одновременно обнаружилось крайне неравное распределение возможностей позитивно воспользоваться этими технологическими достижениями. Малоимущим и основной массе работающих в промышленности и в сфере услуг оказалось невозможно пока воспользоваться современными цифровыми технологиями для организации удаленной работы, в связи с чем идет перестройка индустрии, и нужно время. В то же время менеджеры, специалисты финансового рынка, большая часть других категорий офисных работников получили такую возможность практически сразу, что отмечают даже лидеры Давосского форума.

Иными словами, в совокупности новые технологические тенденции, которые мы уже не раз характеризовали как рождение нового индустриального общества второго поколения, позволяют человеку идти по пути выхода из непосредственного участия в процессе производства и расширяют пространство свободного времени, но одновременно – в рамках на глазах архаизирующейся современной социально-экономической системы – создают и предпосылки углубления социального отчуждения людей.

Непросто развивается и растущая «замена» реального человеческого общения виртуальным. Безусловно, виртуальный мир создает дополнительное пространство для развития и самореализации человека, для расширения его общения. Этот процесс

набирает колоссальные темпы. Речь идет уже об Интернете 3.0, создании виртуальных миров и мегавселенных, и тому подобном. Буквально вчера М. Цукерберг переименовал «Фейсбук» в компанию «Мета», заявив о переходе к созданию глобального продукта «МетаВселенная».

Но вместе с новыми возможностями эти процессы порождают проблемы идентификации общающихся, инфантилизма восприятия виртуального мира (что переносится и на мир реальный) и другие, не менее серьезные, проблемы философского и социального порядка.

И это – на фоне растущего неравенства, бедности, проблем экологии.

При этом – парадокс! – достигнутый ныне уровень мирового общественного производства, отражающий реалии и достижения современного НТП, позволяет уже сейчас приступить к решению большинства из упомянутых выше проблем. Однако воз, что называется, и ныне там – проблемы акселерируются и нарастают.

Это – глобальное противоречие современности.

И оно обостряется в ходе прогрессирования технологий при сохранении нынешних устаревающих экономических моделей, регрессирующих в направлении финансиализации и фетишизации рынка, в рамках которых достижения технологического прогресса служат не разрешению и редукции накопленных проблем, а, скорее, наоборот, еще раз подчеркнуту, – их *акселерации*.

Для преодоления упомянутого противоречия, являющегося следствием отставания развития социально-экономических отношений от темпов прогресса, задаваемого ускорением развития знаниеемкой индустрии и новых технологий, меняющих и образ жизни людей, и механизмы удовлетворения их потребностей, и... самого человека, необходим переход к следующему – второму – поколению Нового индустриального общества: к **НИО.2**.

Переход к НИО.2 создает совокупность предпосылок – и в сфере производства (во всех его элементах), и в сфере соответствующей организации общества – для продвижения в сторону формирования нового человека, для которого будет характерно доминирование неэкономического способа удовлетворения человеческих потребностей. А это уже готовит переход к **ноономике** – пространству, лежащему по ту сторону собственно экономическо-

го способа жизнедеятельности человека, а значит – и к невозможности воспроизводства экономических отношений, следовательно, и к новому, уже неэкономическому типу человека – к **«человеку культурному»**, без которого невозможна нономика.

Особо отмечу – этот переход совершается не в силу субъективных нравственных императивов прогрессивных мыслителей, хотя они присутствуют и принципиально важны. Для этого есть *объективные* основания. Подчеркну еще раз. *Современная экономика уже создала материальные предпосылки и технологические возможности для удовлетворения человеческих потребностей на гораздо более высоком уровне, чем ранее, – на постэкономическом.*

Весь вопрос в том, всегда ли эти возможности используются для обеспечения реальных нужд человека?

В XXI веке в результате развития неолиберальной модели рыночной экономики формируется не просто «общество потребления», не знающее границ в наращивании объема потребляемых благ, а экономическая машина раздувания мнимых – симулятивных – потребностей и средств их столь же мнимого удовлетворения, на которые, однако, расходуются вполне реальные ресурсы (упомяну, что этот тезис звучит уже более 50 лет, начиная с работ Жана Бодрийяра и заканчивая работами участников нашего семинара). В результате растет как объем потребляемых природных ресурсов, так и поступающих в природу отходов от их переработки.

Но утрата способности к восстановлению природных ресурсов – не единственная опасность, создаваемая экономическим давлением на природную среду. Нарастает воздействие на нее самых разнообразных видов загрязнения – механического, химического, электромагнитного, акустического и так далее. Это ведет к нарушению функционирования биосферы и условий обитания самого человека, к нарушению климатического равновесия, утрате биологического разнообразия и множеству других – может быть, еще до конца не осознаваемых – последствий.

* * *

Такая ситуация неизбежна в мире, где проблемы развития человеческой цивилизации решаются лишь в меру достижения экономических критериев успеха. Без постепенного отхода от первенствующего значения этих критериев и выдвижения на перед-

ний план критериев подлинно человеческих – ноокритериев, определяющих достижение гуманистических целей развития, – упомянутые глобальные противоречия разрешить невозможно. Нужен переход к таким общественным отношениям, при которых хозяйственная деятельность, удовлетворяющая потребности человека, будет определяться в первую очередь неэкономическими критериями. И отметим, это становится объективно возможным постольку, поскольку, по мере насыщения витальных потребностей, с развитием НИО.2 на первый план «степ-бай-степ», постепенно, но неуклонно, выдвигаются иные, приобретающие неэкономическую форму. Речь идет в первую очередь об освоении благ культуры, о возвышении личности человека и человеческого разума, о развитии на этой основе способностей человека к самореализации.

В каком направлении будет развиваться человек?

Переход человечества на ступень НИО.2 означает растущие возможности для человека выйти из непосредственного участия в процессе производства и – тем самым – расширить пространство свободного времени. Однако наличие этих возможностей само по себе совершенно не гарантирует, что свободное время станет пространством человеческого развития, а не временем праздности и бездумного потребительства. И эта проблема не может быть решена ни на пути простого просветительства, ни путем пропаганды неких возвышенных идеалов.

Ключ к решению вопроса лежит не столько в степени насыщения потребностей (хотя это одна из необходимых – в первую очередь, материальных – предпосылок), сколько в изменении характера основной деятельности человека – перехода от экономически детерминированного труда ради добывания «хлеба насущного» к свободной творческой деятельности, требующей развития и мобилизации самых разнообразных способностей человека, т.е. **содействия генезису и рождению** важнейшего атрибута человека культурного – *включения в творческую деятельность*.

Однако стоит думать, что даже при наличии указанных условий структуру человеческих потребностей, сформировавшихся в экономическом обществе, воспитавшем «homo economicus», ситуацию удастся изменить легко и просто.

Ни проповедь аскетизма, ни стремление ограничить потребление различного рода принудительными барьерами, ни при-

звы к идеалам христианства, альтруизма, коммунизма и тому подобному, как показали многообразные тысячелетние попытки, на самом деле не являются решением. Решение лежит в плоскости материальной, и мы его, по сути дела, на нашем семинаре уже подсказываем.

Первый шаг – изменение содержания труда, технологические предпосылки для чего формируются в процессе генезиса НИО.2. Развитие знаниеинтенсивного производства в НИО.2 будет все более высвобождать время человека для саморазвития, образования, творчества. Кроме того, в самой сокращающейся традиционной трудовой деятельности будет с неотвратимой очевидностью возрастать творческая компонента. В том случае, когда деятельность человека станет по преимуществу творческой, его предпочтения постепенно будут смещаться от погони за объемами материальных благ и услуг к самореализации личности в процессе творческой деятельности. Таким образом, главными ценностями для «ноочеловека» станут средства и условия развития его творческого потенциала.

Другая предпосылка заключается в развитии на этапе НИО.2 – вместе со знаниеинтенсивным производством – активности человека в познании мира и самого себя как его части, а следовательно, и познании, осознании своих истинных, несимулятивных потребностей, «принятии» этого знания и, на этой основе, утрате ценностных императивов симулятивного или нерационального потребления. Тем самым человек значительно продвинется в понимании того, какие ограничения предполагает разумный подход и в производственной деятельности, и в потреблении.

Третья предпосылка лежит в сфере самого потребления. Насыщение (на базе развития знаниеинтенсивного производства) жизненных потребностей человека, обеспечивающее уход от борьбы за существование, от страха недопотребления перед лицом угрозы недоедания, болезней и так далее, создает условия для того, чтобы потребности такого рода перестали занимать первостепенное место в жизни людей, становясь все более вторичными в силу прогрессирующих возможностей их разрешения.

Важным фактором является и растущая социализация общества – общественная компонента развития человека как личности

и как социального существа. Об этом феномене мы детально докладывали на декабрьской сессии нашего семинара в прошлом году.

Технологический прогресс и растущие изменения в экономических институтах (в частности, объективный процесс неуклонной трансформации экономического способа удовлетворения потребностей в преимущественно неэкономический, в том числе процесс диффузии собственности, также обусловленный развитием технологий нового технологического уклада) прокладывают дорогу социализации общества и развитию ноокачеств человека-личности. Человек вынужден обретаать (и обретает, это невозможно отрицать, – частью неосознанно, частью осознанно) с развитием общества все большую социальную ответственность, становясь все более «социальным», все более отвечающим общекультурным императивам жизнедеятельности, все более включенным в выполнение своей общественной миссии, продвигаясь, как мы уже писали в первой из триады упомянутых выше наших философских статей на эту тему, от «зоо» к «ноо» – как в отношении формирования типа своего общественного поведения (человек «социализируется»), так и в отношении формирования критериальной базы этого поведения, мотивов, нравственно-ценностного ядра.

При этом следует обратить внимание именно на оборотную сторону социализации человека: социализирующийся, принимающий более продвинутые в социальном плане нормы общества, его установок, морали и тому подобных категорий, человек оказывает, в свою очередь, соответствующее – социализирующее – воздействие на экономические, политические и иные институты общества, внося в них собственные, порой отличные на конкретном этапе от представлений окружающих, личные представления и форматы общественного бытия. Раздвигает его существующую критериальную базу. Человек социализирует общество. Все более социализирующийся человек привносит в общественное бытие и в общественное сознание *новые ценности и мотивы* жизнедеятельности и поступков, трансформируя тем самым социо-политико-экономические институты в направлении «ноо». А эти новые институты, в свою очередь, станут оказывать соответствующее обратное влияние на человека, на сообщество индивидов, усиливая ноотрансформацию человека.

Все вышеперечисленные факторы и создают основу соединения осознания необходимости и реализации возможности разумного самоограничения количественного наращивания потребления, особенно симулятивного.

Именно такой человек способен избавиться от погони за поглощением материальных благ, за миражом фальшивых, навязанных ему рынком потребностей и обратиться к развитию подлинно человеческих качеств.

* * *

Важным следствием прогресса «человека культурного» становится создание предпосылок для *снижения конфликтогенности* человеческого развития.

Мы согласны с известной философской парадигмой, согласно которой развитие вообще не может происходить вне снятия и воспроизводства противоречий. Однако, если мы будем иметь в виду современный уровень глобальных противоречий, мы должны осознавать, что ситуация сейчас совершенно отличная от любых других исторических эпох развития человеческой цивилизации: уровень современных технологий уже не позволяет рассчитывать, в случае их применения для разрешения подобных противоречий, на ее сохранение. На сохранение цивилизации! Вообще!..

Возможно ли предотвратить такое развитие событий? И если да, то по каким траекториям пойдет такое развитие?

Мне уже доводилось представлять концепцию, образно названную мной «квадригой нономики» (по аналогии с квадригой Аполлона), характеризующей средства продвижения к качественно новому обществу. Эта «квадрига» способна, полагаю, стать тем средством, точнее системой средств, которые станут драйвером формирования «человека культурного».

Основа этого механизма – уже не раз упоминавшийся нами *технологический прогресс*. Разумеется, нынешняя социально-экономическая система неизбежно порождает и политические, и экономические, и социальные конфликты, и выход за ее пределы также вряд ли будет бесконфликтным. И все же как современное состояние процесса познания социальной действительности, так и, что не менее, а может быть и более важно, уровень развития производства, достигшего как минимум уровня НИО.2, позволяют и

предвидеть, и предотвратить или, во всяком случае, смягчить социальные конфликты. Достигнутый потенциал удовлетворения потребностей человека дает возможность нахождения социальных компромиссов вместо бескомпромиссной борьбы за средства существования, которая была неизбежна, когда эта борьба была в значительной мере тождественной борьбе за выживание.

Очевидно, что приверженность старым стереотипам отвечает определенным частным интересам тех, кто извлекает экономические выгоды либо социальные предпочтения из эксплуатации слабостей «человека экономического», навязывая ему модель безграничного раздувания потребностей, в том числе и симулятивных. Именно погоня за этими частными интересами, и притом превратно понимаемыми как безусловно разумные, лежит в основе нарастания современных глобальных проблем, о которых я говорил в начале доклада.

Поэтому изживание социальной конфликтности возможно при обеспечении перемен не только в технологических возможностях производства, но и в общественном устройстве хозяйственной деятельности, отходящем от чисто экономической рациональности.

На этой основе возможна трансформация социальных отношений – развитие процессов *диффузии собственности, социализации общества* и прогрессирование *отношений солидарности*.

Я уже не раз останавливался на характеристике остальных трех компонент «квадриги» – трех слагаемых интегрального вектора формирования нового общества и нового человека, – в том числе совершенно недавно на конференции ПРРЕ, где некоторые коллеги присутствовали и материалы которой доступны всем желающим. Поэтому, завершая этот доклад, хочу остановиться не на этом моменте, а высветить один важный новый аспект.

Одним из шагов в этом направлении может стать развитие продуктивных и *осознанно направляемых* на продвижение ноо-процессов в обществе *методов стратегирования и регулирования общественного производства*, которые избавлены от бюрократической централизации и основываются, к примеру, на вовлечении в процессы целенаправленной плановой и солидарной деятельности всех заинтересованных сторон. Это позволило бы ориентировать производство не только на критерии экономической рациональности, но и – все больше и больше, поэтапно – на

достижение конкретных целей, определяемых критериями разума и целями культурного развития.

В перспективе, при переходе от экономического способа удовлетворения потребностей людей к ноономике, где удовлетворение потребностей будет основано на взаимодействии человека и относительно автономной техносферы, для рыночных обменов и экономических отношений вообще не останется места, в то время как тоже плановое регулирование функционирования техносферы в интересах создания условий самореализации каждого человека займет в структуре организации общественного производства подобающее место.

* * *

В завершение я хотел бы подчеркнуть, что путь к сглаживанию конфликтности будет непростым, потому что инерция узкоэкономических стереотипов в поведении человека не преодолевается автоматически и сразу, даже с расширением возможностей знаниеинтенсивного производства удовлетворять человеческие потребности, как и с нарастанием творческого содержания человеческой деятельности. Тем важнее формирование идейной платформы общества, ориентированного не на принципы социалдарвинизма, а на идеологию солидаризма.

Смягчение, а затем и снятие социальных конфликтов не означают, однако, устранения социальных противоречий как таковых вообще. Однако если сейчас в основе социальных противоречий лежит глубокое экономическое неравенство, основанное, по сути, на традиции борьбы за средства существования, оборачивающейся для одних борьбой за выживание перед лицом голодной смерти, а для других – борьбой за поглощение возможно большего объема материальных ресурсов, то природа будущего неравенства будет иной. Она будет вытекать из базовых характеристик нового общественного устройства производства, основанного на принципах ноономики.

Каким же будет будущее «человека культурного»?

Поскольку в ноономике главной целью производства и одновременно главным его фактором выступает творческая самореализация человека, то и основой *нового неравенства* будет способность человека к овладению средствами этой самореали-

зации. Здесь уже не будет экономических барьеров для овладения знаниями, информацией, всеми благами культуры, для обучения и повышения квалификации. Однако останутся различия, основанные на неодинаковых индивидуальных задатках людей. При этом понятно, что эти различия также могут быть сглажены путем развития когнитивных технологий, однако различия в человеческой индивидуальности все равно останутся, в том числе в способностях людей осваивать различные виды деятельности.

Таким образом, сохранится неравенство, основанное на различиях в достигаемой мере развития творческих способностей индивида, что будет стимулировать стремление к освоению благ культуры и образования, к росту самореализации, но не будет составлять основу для имущественных привилегий и для поляризации общества на противостоящие социальные группы и классы. Человек ноообщества будет жить в обществе высокого уровня социализации, в число базовых ценностей которого будет входить представление о безусловной социальной ответственности и необходимости осознанных и солидарных усилий по преодолению общественных и личностных противоречий.

Спасибо!

Бузгалин А.В.: Большое спасибо, Сергей Дмитриевич, за целостный и концептуальный доклад! Перед нами очень важная тема для обсуждения: «Вопрос о противоречиях становления качественно нового человека». Человека, который уходит от узкоэкономических критериев в своей деятельности, в своем поведении, от узкоэкономических рыночных ценностей, мотивов деятельности к новому качеству, о котором говорил профессор Бодрунов, характеризуя трансформацию по направлению к новому индустриальному обществу второго поколения и далее – к нооэкономике.

Это пространство для очень активной дискуссии. Естественно, каждый из участников семинара всегда выбирает тот аспект этой трансформации, который наиболее близок для его профессиональных интересов. Но в результате складывается мозаика, которая не всегда очевидна в том, какая это картина. Иногда она больше напоминает авангардистские произведения искусства, иногда классические. Ну вот что у нас получится в результате этого семинара – давайте посмотрим.

Я хотел бы подчеркнуть, что в нашем семинаре участвуют ученые Академии наук, ведущих университетов России, а также Китая, Соединенных Штатов Америки, Италии, Дании, Германии.

К сожалению, Анатолий Александрович Пороховский, руководитель кафедры политической экономии Московского государственного университета, вынужден был покинуть наше пространство. Он был, слушал доклад Сергея Дмитриевича. Я уверен, что он потом изложит свои соображения в публикации по итогам семинара.

Поэтому мы движемся вперед – и по программе у нас следующий доклад – Андрея Ивановича Колганова.

Пожалуйста.

Колганов А.И.: Тема моего выступления «Эволюция содержания человеческой деятельности и изменение структуры экономики». Обычно изменение структуры экономики оценивают по такому показателю, как «удельный вес» различных отраслей или различных видов продукции, которая производится в экономике. И вот этот «удельный вес» соотносится с «валовым внутренним продуктом»: какую долю в ВВП занимает производство, скажем машиностроение, или транспорт, либо отдельные виды продукции, например доля добычи нефти в ВВП, и так далее. Структура экономики может оцениваться также с точки зрения удельного веса работников различных специальностей в общей численности занятых. Подсчитывают, сколько у нас людей занято в промышленности, сколько на транспорте, сколько в торговле, сколько в финансовых услугах и тому подобное.

Могут оцениваться не отрасли занятости, а профессиональные группы: сколько у нас в экономике занято инженеров, сколько промышленных рабочих, сколько у нас менеджеров, сколько продавцов, сколько официантов и так далее.

Значительно реже предпринимаются попытки оценки структуры экономики с точки зрения различия в технологических уровнях производства. Технологическую структуру экономики оценить довольно сложно, хотя экспертные оценки такого рода проводятся. Проводятся оценки того, какую долю в экономике занимает производство на основе того или иного технологического уклада. Но с такими оценками мы сталкиваемся не столь уж часто, хотя они делаются. Еще более редкими в экономиче-

ской теории были оценки с позиции различия характера деятельности людей, занятых в экономике. Нельзя сказать, что этим вообще наука не занималась, но такие вопросы поднимались, главным образом, в социологических науках, когда изучалась мотивация трудовой деятельности и тому подобные вопросы. Все они шли, что называется, по ведомству социологии, а экономическая теория содержанием труда не занималась. И, соответственно, она не занималась оценкой его влияния на экономическую структуру.

Хотя, надо сказать, что в последнее время этому вопросу уделяется довольно много внимания. Экономисты стали его рассматривать, но значительных экономических исследований в этой области я не знаю. Нашумевшая, скажем, разработка Ричарда Флориды, посвященная креативному классу, которая вышла тремя изданиями, – это работа социолога и специалиста по менеджменту, а не экономиста. Флорида, на мой взгляд, верно акцентирует внимание на том, что в условиях современной экономики ее технологическое развитие, опирающееся на инновационные процессы, делает востребованной творческую активность все более широкого слоя людей.

Однако, в своем нынешнем виде, креативность деятельности, безусловно, содействует развитию экономики, но в то же время порождает глубокие противоречия, как в положении того слоя людей, которые именуются «креативным классом», так и в отношениях этого слоя креативных работников, с одной стороны, с массой рядовых занятых, а с другой – с представителями капитала. С одной точки зрения, креативный класс вроде бы занимает относительно привилегированное положение, и по условиям труда, и по условиям его оплаты он вроде бы возвышается над массой рядовых работников, особенно если смотреть на рядовых работников сферы услуг. Однако при этом можно констатировать неустойчивость занятости многих категорий творческих работников, использование потенциала творческого труда зачастую не для целей развития, а для продвижения на рынок иллюзорных благ, симулякров, предназначенных лишь для извлечения денег из карманов потребителей. Фактически значительная часть творческого потенциала расходуется на такие виды деятельности, которые, в общем-то, мало что вносят в развитие экономики, а иногда и наносят ей ущерб. Огромный потенциал творческих спо-

собностей людей используется, например, для совершенствования спекулятивных операций на финансовом рынке.

Поэтому, когда мы рассматриваем структуру экономики с точки зрения того, как на нее влияет характер деятельности занятых в экономике людей, мы не можем людей, которых Флорида относит к креативному классу, что называется, стричь под одну гребенку. Потому что они решают разные задачи: несмотря на то что содержательно их деятельность несет в себе творческие компоненты, это по-разному отзывается на развитии экономических процессов.

Одни виды творческой деятельности двигают вперед развитие производительных сил, обогащают человеческую культуру, другие решают только задачи увеличения материального богатства узкого социального слоя. Преодоление такого рода противоречий возможно лишь качественным, фундаментальным образом: лишь при отказе от подчинения творческой деятельности критериям экономической рациональности – и на этой основе может произойти превращение «человека экономического» в «человека творческого».

Но достаточно ли для такого превращения только наличие творческих функций в деятельности людей? Недостаточно. Потому что, во-первых, творческие функции на данном уровне развития экономики присущи далеко не самому многочисленному слою работников. Несмотря на преувеличенные оценки численности креативного класса у Ричарда Флориды, реально творческим трудом занята сравнительно небольшая часть людей. Да, их стало значительно больше, чем было, скажем, 50 или 100 лет назад. Но все-таки этот слой немногочисленный.

Для того чтобы творческая деятельность стала достоянием большинства, должны произойти очень существенные сдвиги в технологической основе производства в сторону формирования так называемого «безлюдного производства». Однако пока еще очень сложно сказать, насколько и когда это станет возможным для значительной части массовых профессий сферы услуг. Здесь есть очень серьезный вопрос, который разрабатывается в исследованиях нашего коллеги Алана Фримана. Вопрос стоит о таких видах труда, которые принципиально незаменимы машинами. Причем это не значит, что они по своим технологическим условиям не поддаются замене машинами. Это одна сторона вопроса. Есть такие разновидности труда, которые, с точки зрения совре-

менных представлений, вообще, в принципе, никогда не будут заменены машинами.

А есть такие виды труда, для которых замена машинами просто нецелесообразна. Ну, например, можно заменить исполнителя, скажем, музыки воспроизведением этой музыки с помощью звукозаписывающего, звуковоспроизводящего устройства. Но живое исполнение музыки всегда будет более ценно для восприятия людей, чем использование технических устройств. Здесь есть моменты такого межперсонального психологического контакта, который машина предоставить не может.

Ну и во-вторых, следует сказать, что даже широкое распространение творческих функций еще не решает проблемы, потому что должна измениться вся система мотивов, целей и ценностей человеческой деятельности, которые, безусловно, меняются под воздействием содержания человеческого труда. Но этот процесс происходит не автоматически. Условием этого перехода является эволюция отношений между людьми, эволюция тех социально-экономических условий, в которых они работают.

И здесь я могу сослаться как раз на те слова, которые сказал Сергей Дмитриевич о развитии отношений между людьми в духе солидарности и эволюции их культурных ценностей в пользу самореализации и развития творческого потенциала человека.

Бузгалин А.В.: Спасибо!

Хотел бы подчеркнуть, что Андрей Иванович справедливо развил мысль профессора Бодрунова о взаимосвязи технологичного перехода к знаниеемкому безлюдному производству, с одной стороны, и изменении содержания человека, его деятельности – с другой. Но при этом я, наверное, поспорил бы со своим другом и соавтором. В значительной степени сегодня лица, которые могли бы и должны были бы заниматься творчеством, даже в силу технологий занимаются совершенно другой деятельностью. Это касается значительной части работников здравоохранения, образования, искусства, подчиненных коммерциализации, финансирования и бюрократизации, о чем вот буквально через 20 минут будет говорить Людмила Булавка-Бузгалина и о чем пишет Наталья Яковлева. Вот Сергей Дмитриевич, по-моему, хочет сразу включиться в диалог. Я правильно понял, Сергей Дмитриевич?

Бодрунов С.Д.: Александр Владимирович, коллеги, я извиняюсь: в связи с тем что мне сегодня уезжать в Санкт-Петербург (поезд у меня отходит ровно через час после завершения семинара), то я, может быть, пару слов все-таки скажу до того, как уеду.

Мне кажется, что Вы, Александр Владимирович, правильно сказали. Я не хочу предварять доклад Людмилы Алексеевны, но, тем не менее, мне кажется, важно то, и об этом я говорил в докладе, что не нужно уповать на некие уговоры людей быть «более креативными», «более творческими», «более культурными», и так далее. Технологический прогресс плюс то, что он с собой несет: «подтачивание» сегодняшней экономической модели через диффузию собственности и так далее, – поневоле станут приводить людей объективно к тем изменениям социального пространства, которые будут человека настраивать все больше и больше, шаг за шагом, на реализацию творческих функций.

Поэтому все факторы, о которых мы говорили, например освобождение времени свободного и одновременно изменение отношения к собственности и многие другие, сложатся в единый пазл – именно они дадут картину изменения человека и его качества. Вот мое мнение.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Сергей Дмитриевич! Я думаю, что диалог с основным докладчиком – это новая форма работы, которая обусловлена онлайн. Ну и давайте апробуруем ее прямо сейчас, в нашем сегодняшнем заседании.

Ну а сейчас я предоставляю слово профессору из Греции. Савас Михаил-Матсас – постоянный участник наших дискуссий, конференций, автор книг, переведенных на китайский, арабский, французский, испанский языки. Я уж не говорю об английском, русском, греческом и так далее.

Пожалуйста, Савас.

Матсас Савас М.: Добрый вечер, и большое спасибо за приглашение!

Я буду говорить о том, что я называю агонией «человека экономического», а также о будущем человека, принимая во внимание тот невероятный кризис, с которым человечество столкнулось сегодня. Глобальный пандемический шок высветил те противоречия, которые уже проявились в мировом финансо-

вом крахе 2008 года. Это не только экономический кризис, но и антропологический кризис, потому что он берет свое начало в моделях действий человека. Его разрушительная сила основана на самой основе человеческого существования, социальном метаболизме между человечеством и природой. Таким образом, пандемия – это не какой-то исключительный случай, это не какое-то случайное событие по типу «черного лебедя». Как уже говорилось ранее, это не какой-то астероид, который прилетел из космоса и который уничтожил все живое. И это не только исключительно человеческое вмешательство во внешнюю среду. Это как раз следствие того метаболизма, той связи, которая выстроилась между человеком и природой.

И тот кризис 2008 года, и этот пандемический шок, с которым мы столкнулись сейчас, – это разные аспекты одного и того же процесса последних лет. У нас в 2008 году произошла глобализация финансовых капиталов, и тот же самый глобализационный процесс разрушает природную среду на таком уровне, что, как говорят специалисты, в результате это вызвало целый ряд эпидемий. И в итоге все это привело к гуманитарной катастрофе, вызванной COVID-19. И это продолжающаяся катастрофа!

Современный кризис является сигналом-предвестником тех катастроф, которые мы можем ожидать в ближайшем будущем, сигналом тревоги в связи с грядущей климатической катастрофой. Капиталистическая социальная форма обмена веществ между человеком и природой вступает в противоречие с поддержанием этого социального обмена. И тем самым подвергает опасности само существование жизни. Управление пандемическим кризисом большинством правительств было и остается ужасным, порой даже преступным.

Мы уже видели во время глобальных финансовых кризисов прошлого десятилетия то, что называется «действием невидимой руки рынка». Она в итоге оказалась парализованной, она не смогла справиться с этим огромным количеством вызовов. Стали использоваться чрезвычайные, но ортодоксальные меры в рамках рыночной логики: количественное смягчение, пакеты стимулирующих мер, порой отрицательные процентные ставки и так далее. Все эти меры не дали результата, они провалились. И теперь мы столкнулись с новым шоком и усугублением того же

самого процесса, который мы можем назвать «кризисом политического рынка». Как справедливо подчеркнул недавно Иван Рубинич, профессор Маастрихтского университета, «пандемия ознаменовала провал самого рынка».

И основной задачей (вследствие всех этих кризисов) Центральных банков и правительств США, начиная с Федеральной резервной системы США, других Центральных банков и правительств было спасение прибылей. И вот в 2021 году журналист «Financial Times» написал следующее: «...по мере распространения вируса Центральные банки влили 9 триллионов долларов в экономики по всему миру, стремясь удержать мировую экономику на плаву. Большая часть этих стимулирующих средств ушла на финансовые рынки, а оттуда – в чистые активы сверхбогатых людей. И главный результат этого вмешательства со стороны Центробанков, начиная с Соединенных Штатов, – настоящее цунами финансовых спекуляций, хуже, чем то, что происходило в 2007–2008 годах. И все это привело к огромному социальному неравенству и дисбалансу во всем мире, во всех странах, между странами, на глобальном Севере и на глобальном Юге. И особенно это подчеркнуло различия между глобальным Югом и глобальным Севером. И теперь, несмотря на все случаи государственного вмешательства, мы столкнулись с усугублением экономического кризиса, который превратился в гуманитарный кризис».

Как говорится в материале, «...рекордное количество, 270 миллионов человек будут испытывать острую нехватку продовольствия или высокий риск нехватки продовольствия». То есть на 74% больше, чем в 2020 году. Мы видим, в каком ужасном положении находится сегодня человечество. Когда в конце 2020 года были введены требования о вакцинации, то это неравенство стало еще большим. В соответствии с докладом МВФ, в развитых странах вакцинировано 58% населения, 36% – в странах с формирующейся экономикой и только 4% – несчастные 4% населения! – в странах с низкими доходами. А именно там проживает 2/3 населения. Мы видим, что человек сегодня сталкивается с огромными проблемами, глобальными проблемами, однако глобальный капитализм не предлагает каких-либо решений.

Опять-таки мы слышали о том, что свободный рыночный индивидуализм не совместим с коллективизмом человечества.

Этот индивидуализм свободного рынка отражается на экономическом проведении политики, которая основана на методологическом индивидуализме в основных экономиках мира. И, собственно говоря, в фокусе этого индивидуализма, на самом деле, стоит ответ человека на рыночные выборы, которые определяют его отношение. Этого индивидуума мы называем «homo economicus». На самом деле «homo economicus» – это абстракция атомизированных, полностью потребительских тенденций развития рынка. Маркс же и другие говорили о том, что существо человека – это ансамбль социальных отношений.

Мы, как человечество, находимся на перекрестке. И я думаю, что на перекрестке находится и любой живой организм на планете. «Homo economicus» умирает, но вместе с ним отмирают и соответствующие социальные системы. Однако эта агония приводит к очень опасным угрозам для человечества и для всех живых организмов.

И что же мы можем сделать в этом отношении? Что мы можем сделать для того, чтобы отойти от этого направления разрушения человечества и всего мира? Мы должны бороться с социальным отчуждением, которое выражается в этой концепции «homo economicus», с концепцией, которая сегодня отмирает. Мы должны привлечь все те слои населения, всех тех людей, которые сегодня отстранены от участия в развитии общества. Это не просто какие-то благие пожелания, это абсолютно необходимо и диктуется историческим развитием. Это объективное давление, которое требует объективных действий. Требуется воздействовать на преодоление существующих барьеров и радикально трансформировать человеческое общество и отношения между человеком и природой.

Конечная цель, которая была предложена еще в 1917 году в России, заключалась в рождении нового человека, который полностью, без отчуждения, эмансипирован и свободно развивает все свои сущностные силы. И эта задача не только актуальна, но и насущна, возможна и необходима. Это наша историческая задача в XXI веке!

Спасибо вам за внимание!

Бузгалин А.В.: Спасибо, Савас!

Я благодарен за акцент на агонии «homo economicus» и эмансипации свободно, гармонично развивающегося человека. Это тот тезис, который звучит на нашем семинаре постоянно.

Я сейчас предоставляю слово Людмиле Алексеевне Булавке-Бузгалиной. Людмила Алексеевна – профессор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук.

Булавка-Бузгалина Л.А.: Здравствуйте, я приветствую всех участников этой замечательной встречи! Причем я очень рада, что здесь не только наши соотечественники, но и коллеги из других стран, и это замечательно!

И я хотела бы сегодня подчеркнуть еще раз актуальность проблемы «человека культуры» в современном мире. Она разрабатывается сегодня в рамках направления ноономики, по которому был сделан доклад Бодрунова, в рамках Центра современных марксистских исследований. И надеюсь, что другие гуманистические тенденции разных школ не будут терять это направление.

Итак, человек, культура и общество сегодня в условиях рыночной глобализации... Я ее называю несколько саркастически: «лавочной глобализацией». Когда-то молодой либерализм дореволюционной России, а также Европы XIX века провозгласил гуманистическую идею, идею проблемы «лишнего человека», будучи озабоченным вопросом человеческого в человеке. Сегодняшний либерализм, взяв эти два слова, не только поменял их местами. Он сказал: «Человек лишний». Но если человек лишний, то человек оказывается экзистенциально неприкаянный, а где ему найти эту прикаянность? Где ему почувствовать, точнее, где ему возможно почувствовать необходимость своего бытия, своей уникальности, где?.. В обществе?.. А какова природа сегодня этого общества? – Общество предполагает систему каких-то всеобщих связей, которая определяется общими идеалами, общим устремлением, общим каким-то движением. Этого нет. На работе человек человеку конкурент, а в транспорте, в метро, в автобусе: «Да уж лучше пусть все выйдут, я останусь один». Вот и сегодня капитализм делает ставку на частного человека, а для нашей страны – это катастрофа! Потому что когда-то человек был общественным, а сегодня он должен превратиться в этого частного индивида. И вот получается, что этот частный индивид сегодня, вернее обществен-

ный когда-то, то есть общественный человек, мутирующий вот в эту частную природу, не может себе найти место. Отсюда депрессия, алкоголизм и многое-многое.

Итак, теперь посмотрим, а что с культурой? Настоящая культура, когда-то существовавшая, высокая культура, как система конкретно всеобщего содержания, она в условиях глобализации (а глобализация диктует рыночный тоталитаризм сегодня) превращается в мегаиндустрию, которая производит разные формы отчуждения. Человек, который всегда находил отклики ну хоть каких-то искр, каких-то осколков, каких-то фрагментов неотчужденного мира, сегодня сам производит этот мир отчуждения. Начиная от всяких игровых технологий и так далее. Человек как субъект, творец культуры, истории сегодня не мыслится. «Лавочная глобализация» культуры сегодня, ее отношение к искусству, художественной культуре таково: в кой мере эта культура работает на интересы капитала, в той мере она актуальна. И действительно, сегодня произведение искусства актуально только в той мере, в которой оно является товаром. Но товаром искусство было и в XIX веке, еще ранее, когда культура, произведение искусства имело товарную форму, но по сути-то нет. Третьяков покупал картины: вот посмотрим Русский музей и наши другие музеи – да, эти произведения покупались, но по содержанию-то они были нерыночными.

Сегодня капитализм решил это противоречие очень просто. На товарную форму сделали товарное содержание. В результате получается, что сегодня у культуры появляется, знаете, псевдогармония: товарность по форме и товарность по содержанию.

Правда, мне могут сказать, что вот Вы критикуете, что в современной лавочной модификации культуры нет идеи, самой культурной идеи. Но ведь возьмем, например, Энди Уорхола, его идею «Кока-Колы». Это разве не культурная идея? И мы вспомним, что баночные мотивы «Кока-Колы» были лейтмотивом его так называемого творчества, которое стало основой бизнес-арта. Когда выставки из упаковок шоколада, бутылок, стирального порошка... – все вот эти выставки становились таким артефактом.

Я скажу, что, действительно, «Кока-Кола» – это не просто товар. Это атрибут, символ того престижного образа жизни, который показывает, что деньги, стремление, воля, удача – это есть основа того, что ты будешь иметь успех. Где успех? Ну, конечно,

в рыночном пространстве вот этой конкурентной борьбы. Может быть, более того, ты себе заработаешь на конкурентное бессмертие в этом рыночном пространстве.

Хорошо, я возьму тогда не просто рядового человека сегодня, который живет по схеме «дом – метро – работа», как говорил Жан-Поль Сартр. После 13–15 часов на работе в качестве таксиста или на рынке и так далее он приходит домой и должен включить телевизор, чтобы «выключиться из себя». Это есть акт творческого распрямления культуры? Конечно, нет. Возьмем того, кто самим родом профессиональной деятельности имеет право на творчество, на создание мира неотчужденных отношений, – художника. Но художник сегодня актуален в той мере, в которой он сегодня производит товар. Значит, если художник подлинной высокой культуры смотрит на Вас, то видит образ, у него рождается образ вашей личности, который он тут же набрасывает карандашом, я не знаю, сигаретой, кистью и тому подобным. И при этом человек этот понимает, что если хочешь попасть на престижные выставки, в престижные галереи, то должен исходить из рыночного канона, причем не просто рыночного, а того, который атрибутирует знаки твоего престижного образа, или, как у нас говорят, принадлежность к элите.

Поэтому сегодня художник исходит в своем «творчестве», в кавычках, из рыночного канона, а их много разных, он выбирать должен. То есть из пункта А он должен перейти в своем творчестве к пункту А, только модифицированному. Он создает этот же канон рыночный, но несколько в другой авторской модификации. Есть здесь творчество? Да нет, это вопрос просто технологии. И, таким образом, имя художника становится брендом этого товара и у потребителей, которые приходят в художественные магазины, в галереи, на выставки, хотят купить картину. Сегодня человек отчужден от культуры. Как он может понимать, как он чувствует, понимает: эта картина – полотно настоящее или нет? А ему это и не нужно, он ориентируется на бренды. Это маяки сегодняшнего рыночного пространства культуры, и он осознает, что вот я покупаю картину этого художника, имя которого становится рыночным брендом, товарным брендом, то, конечно, я тогда не проигрываю. Кстати, вы сами знаете без меня прекрасно, что на многих выстав-

ках, в той же Японии, картины покупают, но даже не смотрят, просто определяя: номер, номер, номер...

Итак, рыночный тоталитаризм сегодня, такой «лавочный тоталитаризм», продиктовал следующие тенденции, достаточно сильные. Имя художника превращается в бренд, творчество – в технологию, искусство – в арт-объект под номером, имеющим не название, а номер, а культура – в мегафабрику, которая производит разные формы отчуждения. А человек, как сказал один из западных исследователей, превращается в функцию капитала, сетей, рынка, технологий и так далее, а по сути, он превращается в орган, сейчас еще раз скажу унижительное определение: в «орган производства машин».

Итак, рыночная, «лавочная», глобализация решила противоречия общества, культуры и человека. Частного человека она поместила в эту капсулу рыночных отношений, а пандемия заточила человека в частное пространство. Ах, какая гармония! Как вырваться из этой гармонии? Надо сказать, что человек еще как-то может вырваться из ловушек, коварных ловушек рыночного тоталитаризма, а вот художники – нет. Я не хочу называть имена, но тот, кто сделал товар, сегодня уже не может создавать!

Этот вирус рыночности сегодня страшнее коронавируса, и я заканчиваю одной только фразой: где найти альтернативу этой «лавочной глобализации»? Кто сегодня будет формулировать идейно-теоретические вызовы, кто сегодня будет доносить до человека, который, может быть, не имеет прямого отношения к искусству, такие идеи, мысли, которые будут пробуждать в нем критическое самосознание этой реальности? И кто будет формировать предпосылки для появления альтернатив, то есть мира подлинной культуры, где человек – субъект, творец истории, культуры? Это будет идея прорыва из этих ловушек.

И надеюсь, что наш семинар хоть в какой-то степени будет работать на это. Спасибо!

Бузгалин А.В.: Большое спасибо, Людмила!

Я хочу подчеркнуть, что превращение человека в покупателя бренда, а творца – в создателя бренда, точнее, даже не создателя, а придатка бренда, – это та трансформация культуры, которая ломает прогрессивный тренд генезиса «человека творческо-

го» и заката «человека экономического». Я благодарен Людмиле, что она вот этот момент акцентировала.

Мы продолжаем тему культуры, и у нас включается в диалог Валентина Юрьевна Музычук, доктор экономических наук, заместитель директора Института экономики Российской академии наук.

Пожалуйста, Валентина Юрьевна, Вам слово. А затем будут выступать уже китайские коллеги, участвующие в нашем семинаре.

Музычук В.Ю.: Добрый день, дорогие коллеги, спасибо большое за приглашение! Я очень прошу организаторов подключить мою презентацию. Прежде всего, я хотела бы сказать, что в сферу моих профессиональных интересов входят экономика культуры и культурная политика. Я первый раз присутствую на этой площадке и очень рада, что нахожу своих единомышленников!

Итак, я бы хотела немножко поговорить о сфере культуры, о культуре экономики и, наверное, прояснить роль сферы культуры вот в тех самых креативных индустриях, о которых сейчас очень много говорят и на международной арене, и у нас, в России.

Но прежде всего – культура и экономика. Здесь можно задать два направления исследований: культура экономики и экономика культуры. Я занимаюсь преимущественно экономикой культуры, хотя культура экономики также попадает в область моих научных интересов. Экономика культуры – это, по сути, экономический анализ культурной деятельности, в которую попадают такие вопросы: как выжить культуре в условиях рыночной экономики? какова роль государства и общества в поддержке культурной деятельности? Я имею в виду здесь, прежде всего, именно некоммерческий сектор культуры.

К настоящему времени накопилась масса определений культуры, но я здесь приведу определение Юрия Лотмана (известного советского культуролога, философа, лингвиста и прочее). Он определяет культуру как совокупность генетически наследуемой информации в области поведения человека. Для еще одного нашего замечательного соотечественника Даниила Андреева «культура есть не что иное, как совокупный объем творчества человечества».

Если с экономикой культуры все более или менее понятно: это самостоятельное направление исследований насчитывает порядка 60 лет с момента появления первой работы У. Баумоля и

У. Боуэна «Исполнительские искусства: экономическая дилемма» (1966 год). То вот с культурой экономики, конечно, дела обстоят не лучшим образом. С одной стороны, частично это проблематика поднимается в современной экономической науке, например в институциональной экономике, где культура рассматривается как совокупность неформальных институтов традиций, норм и ценностей, а также как эти неформальные институты влияют на экономические отношения.

Культура экономики затрагивается в рамках поведенческой экономики: как когнитивные эмоциональные факторы влияют на поведение экономических агентов. То есть здесь поднимаются вопросы, связанные с этническими, религиозными особенностями и их воздействием на экономическое поведение.

И вот, собственно говоря, очень важное и недооцененное направление экономической науки – это «этические основания экономической деятельности». Речь идет о проблемах доверия, справедливости, сотрудничества, которые в настоящее время не попадают в мейнстрим экономической науки, а зря...

Если мы говорим о том, зачем нам нужна культура, культура с точки зрения потребностей общества, то я немного перефразирую слова Ю. Лотмана и приведу мнение другого нашего соотечественника, философа, многолетнего директора Института философии РАН, к сожалению, ныне покойного, академика В.С. Степина, который определяет культуру как НАДбиологическую программу человеческой жизнедеятельности. И здесь речь идет об очеловечивании человека, воспроизводстве индивидуумов, занятых духовным трудом и реализующих прогностическую функцию. Важно понимать, что культура нужна для того, чтобы разрабатывать эти программы, адресованные будущему.

Кроме того, культура – это, действительно, другой способ познания окружающего мира. Для полноценной картины мира к рациональности науки необходимо подключить иррациональность искусства.

И еще один очень важный момент: культура как передача социального опыта. Здесь я хочу привести слова Ортега-и-Гассета о том, что «государство, прежде всего, – это план работ и программа сотрудничества. Оно собирает людей для совместного дела». Здесь речь идет не о Левиафане в трактовке Дж. Локка, а

вот именно о социализации людей, которая возможна только именно посредством культуры.

Если мы посмотрим на отражение культурной тематики в документах стратегического планирования, то ее мы практически нигде не увидим. Культура не принимается в расчет при разработке социально-экономических программ развития страны. А в документах профильного министерства превалируют узкоотраслевой подход и бюрократическая отчетность.

Теперь все-таки перейдем к пониманию креативной экономики и роли сферы культуры. На этом слайде я привела последние доклады, посвященные креативной экономике. Так, по оценкам ЮНЕСКО, в творческих индустриях задействованы практически 30 миллионов человек во всем мире, доля креативной экономики в мировом ВВП составляет сейчас порядка 6,5%. К 2030 году, если бы не пандемия, по прогнозным значениям, она должна была достичь 10,0%.

Но все-таки, что такое «креативная экономика» и «креативные индустрии»? Родоначальником этого концепта является Великобритания. Но в рамках британского подхода мы должны совершенно четко понимать, что в креативную индустрию попадает огромный сегмент видов человеческой деятельности, которые напрямую вообще не связаны со сферой культуры: реклама и маркетинг, архитектура (архитектура как искусство, конечно, попадает в сферу культуры). Но это не все. Народные промыслы и ремесла традиционно входили в культурные индустрии. Следует отметить, что в креативных индустриях преобладает доля ИТ-продукции: программное обеспечение, компьютерные услуги, компьютерные игры. Поэтому доля традиционной сферы культуры, ее некоммерческого сегмента, на самом деле невероятно мала.

Если мы обратимся к российскому опыту, то следует отметить, что в России в сентябре текущего года была принята «Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года». Эта Концепция разрабатывалась под патронажем Министерства культуры Российской Федерации. В этом документе под «креативной экономикой» понимается тип экономики, основанный на капитализации интеллектуальной собственности. Что такое «творческие

индустрии»? Это сферы деятельности, в которых в процессе творческой культурной деятельности производятся товары и услуги, обладающие экономической ценностью. Но все ли создаваемое в сфере культуры обладает этой экономической ценностью? И не будет ли эта Концепция принуждать культуру к перестройке своей деятельности исключительно в направлении создания экономической ценности?

Посмотрим с другой стороны. Доля расходов домашних хозяйств на культуру и рекреацию в России составляет 6,4%, в то время как, например, в Великобритании – это 11,0%, в среднем по странам Еврoзоны – это 8,6%.

Что же входит в расходы домашних хозяйств на культуру и рекреацию? По методологии Росстата, разработанной в соответствии с международными стандартами, в 2019 году расходы домашних хозяйств на организацию отдыха и культурные мероприятия составили 6,6%. По сути, речь идет о тех же самых цифрах, которые мы видели на предыдущем графике. Однако что же попадает в этот сегмент? Это и телевизоры, и проигрыватели, и компьютеры, и принтеры, и товары для спорта, игрушки, товары для садоводства, корма для животных, ветеринарные услуги – масса всего, абсолютно не связанного с культурой. В результате собственно то, что ответственно за «очеловечивание» человека, занимает здесь всего 0,39% в совокупных расходах домашних хозяйств. Поэтому возникает вопрос: о каком «культурном человеке» мы говорим? По сути, получается, что развитие креативной экономики и творческих индустрий мало связано с воспроизводством «человека культурного».

Если мы посмотрим на занятость в сфере культуры, то, по данным ГИВЦ Минкультуры России, за последние 10 лет доля занятых в сфере культуры постоянно сокращается. Возникла эта ситуация в 2012 году, когда у нас началась реализация так называемых майских указов Президента. И вроде бы, действительно, хорошая инициатива была – повысить оплату труда в сфере культуры, как, в принципе, и во всем гуманитарном секторе экономики. Что же получилось на самом деле? Из-за недостатка финансовых ресурсов пошли по другому пути: стали переводить людей на полставки, четверть ставки при сохранении того же объема работы или просто сокращать численность занятых в сфере культуры.

В результате в России только 1 человек из 100 выбирает профессию в сфере культуры. Это значительно меньше, чем в развитых странах мира.

В заключение я хочу привести слова Майкла Сэндела о том, что «дискуссия о моральных ограничениях для рынка позволила бы нам, обществу, решить, в каких сферах рынок служит общественному благу, а где его присутствие является недопустимым». Что для этого нужно? Ну, конечно, это поиск «точки сборки» между экономикой культуры и культурой экономики. Это возвращение этического дискурса в экономическую науку. Это отказ от узкоотраслевого подхода в сторону широкого понимания культуры и ее роли в общественном развитии. И что самое главное – это недопустимость поглощения некоммерческой природы культурной деятельности бизнес-подходом со стороны креативных индустрий.

Спасибо!

Бузгалин А.В.: Мы продолжаем наш диалог, уважаемые коллеги. К нашему пространству подключены разные континенты – от Детройта, США, до Хайнаня, Китай. И сейчас я рад предоставить слово научному руководителю Хайнаньского института марксизма Хайнаньского университета, профессору Чэнь Хун! Пожалуйста, профессор Чэнь Хун, Вам слово.

Чэнь Хун: Тема моего доклада «От человека экономического к человеку культурному: содержание и следствие фундаментальных сдвигов». Согласно идеологи «homo economicus», при условии обеспечения действенности законов, институтов, свободные действия человека экономического по максимизации личной выгоды невольно и с большой эффективностью будут приводить к достижению общественного блага. Гипотеза «человека экономического», являясь основополагающим камнем в экономической теории капитализма, объясняет его поведение необходимостью приспособления к развитию экономики.

Европа около четырехсот лет была феодальным обществом с религиозными идеями, которые жестко ограничивали желания человека. Буржуазии необходимо было освободить человека от феодальных представлений, чтобы развивать экономику и узаконить его желания. Поэтому она предложила «человека экономического» как способ демонтажа идеи первородного греха, то

есть изначальной греховности человека. Гипотеза «человека экономического» направлена на высвобождение у отдельного индивида его законных желаний на достижение им большей свободы воли и действий, а также на содействие в повышении социального благосостояния путем активации его собственного потенциала. Адам Смит первым сформулировал гипотезу «человека экономического», которая узаконила корыстные мотивы человека. Смит считал, что в рыночной системе с хорошими правовыми гарантиями экономический человек, субъективно преследующий свои собственные интересы, достигнет результата, эффективно согласующегося с интересами других людей и общества в целом.

Гипотеза «человека экономического» имеет свои основания, она сыграла важную роль в истории капитализма. Но экономический человек не отражает полной сущности человеческой природы, не является полноценной личностью. В 80–90-х годах неолиберализм стал доминирующей идеологией в западных капиталистических странах благодаря расширению экономической глобализации, которая проявилась в Вашингтонском консенсусе, возглавляемом США. Неолиберальная приватизация и ослабление финансового регулирования привели к усилению поляризации, экономическому дисбалансу и перепроизводству. Беспрепятственное разрастание капитала в конечном итоге привело к мировому финансовому кризису 2008 года. С точки зрения неолиберализма, цель человека экономического – это неограниченное обращение капитала. Неолиберализм превозносит права и свободы человека экономического до бесконечности, что в конце концов приводит к отрицанию самого себя путем деглобализации и уменьшению свобод человека экономического.

Деглобализация не только отражает беспорядок в международной экономической системе, а показывает также несостоятельность неолиберализма. Страны, которые когда-то выступали за неограниченную свободу капитала, первыми стали применять торговый протекционизм, подрывая международные правила свободной торговли в периоды мировой экономической нестабильности. Это подавление политической и других сфер ценностными нормами человека экономического. Кроме того, ориентированная на прибыль любой ценой концепция «человека экономического» породила культ ВВП в области общественного разви-

тия и культ денег в сфере личного развития. Это привело к таким социальным проблемам, как загрязнение окружающей среды, падение нравов, коррупция, воровство, грабежи, мошенничество, которые идут вразрез со стремлением людей к лучшей жизни и объективно сдерживают развитие человека.

С развитием современного общества люди все больше осознают, что стремление к удовлетворению материальных потребностей бесконечно, в то время как природные ресурсы земли и жизнь отдельного человека ограничены. Экономический ВВП-центризм является ошибкой при постановке целей развития человека. Базируясь на новых материальных основах, следует выстраивать демократическую политику, повышать значимость духовной составляющей, больше продвигаться в сторону социальной справедливости, свободно и всесторонне развивать человеческую индивидуальность – вот что создаст неограниченное пространство для развития человека. «Человек культурный» – это ответ на концепцию «человека экономического». «Человек культурный» является усовершенствованным и дополненным «человеком экономическим» и представляет собой всесторонне развитого человека.

Наполнение человека культурного – это стремление к экологичному потреблению, придание большего значения балансу в отношении производства, потребления и природы. Это создание эффективного и простого механизма обмена энергией между человеком и природой, стремление вести экологичный, простой образ жизни и сознательное повышение способности человека к свободе. С точки зрения человеческих отношений – это честность и надежность, жизнь в гармонии и согласованности, совместный прогресс через взаимопомощь и взаимную заботу. Это всесторонняя реализация человеческих талантов в полной мере.

Маркс рассматривал развитие человеческих способностей как самоцель, важным условием перехода от царства необходимости к царству свободы. Это требует от нас увеличения доли высокоуровневых способов развлечения, средств развития человека в структуре потребления, а также постоянного повышения качества потребления для улучшения политических, идеологических, научных и культурных качеств человека, способствуя тем самым его всестороннему развитию. Следует развивать человеческие качества с помощью передовой культуры. В то время как материальные

потребности людей постоянно удовлетворяются, их духовная жизнь также становится более насыщенной. Это требует повышения уровня духовного и культурного потребления на основе исполнения роли ориентира потребительского спроса.

В заключение скажем, что деглобализация – это и отказ от неолиберализма, и отражение недостаточной способности человека экономического справиться с мировым экономическим кризисом. Концепция «человека культурного» направлена на повышение способности человека экономического справиться с экономическим кризисом путем налаживания отношений между людьми, обществом и природой, а также на обновление форм существования и образа жизни человека, обеспечивая антропологическую основу и ценностное руководство для преодоления этической дилеммы человека экономического.

Спасибо за внимание!

Бузгалин А.В.: Большое спасибо профессору Чэнь Хун за очень важную презентацию.

Я хотел бы сделать акцент на другой модели культуры – культуры как важнейшем факторе преодоления «рыночноцентризма» нашего общества. И я думаю, профессор Бодрунов сейчас включится в диалог. Сергей Дмитриевич, пожалуйста, ваша реплика!

Бодрунов С.Д.: Буквально несколько слов, коллеги, если позволите, учитывая, что профессор Чэнь Хун не имела возможности по техническим причинам сделать личное представление презентации. Хочу сказать, что это очень, на мой взгляд, сильная, мощная презентация. Я не знаком с госпожой профессором, но очень ей благодарен за то, что она сумела ее нам представить. Что важно и что объединяет последующего докладчика, нашего уважаемого Кайсына Азретовича, и этот доклад, так это то, что, на самом деле, если мы будем идти нынешним путем – вывод простой: если идти по пути коммерциализации (а собственно, и Валентина Юрьевна Муzychук, уважаемый профессор, тоже, в общем-то, об этом говорила), идти по пути коммерциализации культуры, образования и так далее, коммерциализации творческих функций, то мы придем, или уже пришли, к «отчуждению человека от человеческого», превратим, или уже превратили, человека в соответствующий продукт этого самого общества. И

продавать стали не просто рабочую силу, как в XIX веке, а «продавать человека», рассматривая его в абсолюте как тот самый пресловутый «человеческий капитал», против которого я категорически выступаю всегда, во всех своих выступлениях, в своих концептуальных представлениях и докладах. Профессор Чэнь Хун произнесла замечательную фразу, имеющую глубокий философский подтекст, на которую я хотел бы обратить внимание, что на самом деле это «отрицание человеком самого себя». Это – квинтэссенция ее доклада. И о культуре ВВП в области общественного развития, который этим порождается, тоже стоит говорить, и мы говорим об этом всегда. И что экономический «ВВП-центризм» – явление, к которому применен этот термин профессором Чэнь Хун, мне кажется, – это тоже очень важное следствие такого подхода, реализации сегодняшней модели – экономической. И я полностью согласен с тем, что необходимо искать пути, представленные в этой презентации профессора Чэнь Хун фразой о «гармонии и согласованности совместного прогресса», пути достижения «совместного прогресса через взаимопомощь». Мы же сегодня, даже находясь в пандемическом угаре, идем по пути чисто экономических взглядов: многие в мире зарабатывают на пандемии, как будто живем в последний раз. И это вызывает по крайней мере глубокое разочарование в тех посылах, не просто в экономической модели, а в тех представлениях сегодняшней экономической науки, которая ставит во главу угла такой подход. И в тех течениях, направлениях экономической мысли, которые это поддерживают, и в тех больших практиках, которые идут по этому пути и реализуют эти модели. На самом деле мы «уходим от человека», и я согласен полностью с фразой, повторю еще раз, профессора Чэнь Хун, что необходимо, и я тоже об этом говорю, изменять общество, «воспитывать» надо общество, воспитывать людей, а именно – *социализировать*. Она говорит: «...направлять людей через передовую культуру». Это другой термин, но он отражает те же взгляды, что необходимо, действительно, поддерживать антропоцентричность нашего сегодняшнего перехода к следующему этапу социально-экономического развития. В экономике России, в наших госдокументах, которые уже есть, в последнее время появился этот тренд, который меня удовлетворяет; хотя пока неясно, насколько он реализуем, – это отдельный во-

прос. Сегодня наша коллега, Валентина Юрьевна, говорила о том, что у нас совершенно маленькие на самом деле деньги заложены в бюджетах на творческую деятельность, но, тем не менее, по крайней мере в национальных целях развития России уже начали обозначать те вещи, которые направлены на воспитание, на формирование клиентоцентричного государства и человекоцентричного общества. Мне кажется, что если по этому пути пойти и поддержать это реальными, практическими шагами, мы можем избежать многих серьезнейших проблем, которые нас ждут впереди, в том самом будущем, которое может стать абсолютно кризисным, если мы это не будем иметь в виду. Спасибо!

Бузгалин А.В.: Спасибо, Сергей Дмитриевич, это был очень важный комментарий: термин «ВВП-центризм» как зло. И идея отказа от ВВП-центризма, с легкой руки профессора Чэнь Хун, озвученная ею на нашем семинаре, станет, уверен, научным мемом и будет использоваться и далее. Тем более что в работах профессора Бодрунова и его коллег, в Вольном экономическом обществе, эта идея уже не первое десятилетие, думаю, является доминирующей.

Мы идем дальше, с вашего разрешения, и я предоставляю слово профессору Хубиеву. Кайсын Азретович Хубиев – доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пожалуйста, Кайсын Азретович.

Хубиев К.А.: Уважаемые коллеги, я тоже приветствую всех участников данного семинара, отечественных и зарубежных! Он стал уже традиционным, проводится каждый год, и Сергей Дмитриевич периодически загружает нас такими проблемами, о которых приходится думать от семинара к семинару.

На одном из предыдущих семинаров были заявлены два тезиса. О том, что в процессе технологического прогресса в формате ноономики человек вытесняется из непосредственного процесса производства, а также он вытесняется и из экономических отношений. Вытеснение человека из непосредственного процесса производства является закономерным явлением, подтверждаемым историей развития технологий. Неожиданным был второй тезис, в котором фактически утверждалось об исчезновении экономических отношений. Для экономиста (и не только) очень

трудно даже в воображении представить такое общество. Со временем данный тезис стал предметом серьезных размышлений.

Но в настоящее время я готов с этими тезисами согласиться и привести в их пользу аргументы, которые складываются в сегодняшней действительности. Уже сегодня есть основание утверждать, что в перспективе человечество ожидают радикальные изменения, если оно будет продолжать двигаться по линии технологического прогресса.

Свое участие в этой дискуссии оправдал бы не только тем, что согласился с автором, а обратил бы внимание на переходные процессы, которые должны вести к той модели, которую нам озвучивал Сергей Дмитриевич. Экономические отношения развиваются эволюционно, и путь к их вытеснению очень длительный, и наука не может совершать прыжок в царство отсутствия экономических отношений. Предстоит большая работа по исследованию переходных экономических форм и состояний. Технологически убедительная концепция должна быть дополнена и сопровождается исследованием определенной динамики экономических отношений, соответствующих уровню и характеру производительных сил.

Нельзя не учитывать, что сегодня мы находимся в той реальности, когда в мире господствует экономика капиталистического типа и человеку властно навязана модель поведения экономического человека, причем в акцентированном либеральном варианте, на основе методологического индивидуализма, который здесь упоминался. Я верю в то, что по мере цивилизационного развития, охватывающего и технологический прогресс, и социальное развитие, эта модель будет вытесняться. Но реальность такова, что путь этот долгий и этапы движения к цели пока в основном неведомы. Здесь предмет науки – исследование переходных отношений и процессов. А каково положение в самой науке?

Научная реальность такова, что мейнстрим – основное научно-идеологическое сопровождение капиталистической системы – тоже занимается человеком и создало соответствующую теорию человеческого капитала. И в нашей научной работе мы должны критически взаимодействовать с этим течением. Я согласен с критикой Сергеем Дмитриевичем того, что неолиберализм поставил во главу угла максимизацию индивидуальной полезно-

сти, подменяя потом этот тезис максимизацией денежного дохода, и с его конечным выводом о том, что эта идеология ведет человечество в примитивный коммерческий тупик.

В своих работах я специально доказывал, что последовательное проведение принципа максимизации полезности, с учетом эффективности по Парето, приводит эту же неolibеральную теорию к тому, что наиболее рациональным и эффективным по суммарной полезности распределением благ является уравнительное распределение, что коренным образом противоречит сути рыночной экономики. Я не буду далее останавливаться на противоречиях, которые содержатся внутри неоклассической теории, основанной на методологическом индивидуализме.

Но есть смысл остановиться на сути теории. Шульц и Беккер, которые считаются родоначальниками рыночной теории человеческого капитала, заявили, что часть потребительских расходов людей надо рассматривать как инвестиции: в образование, медицину и так далее. Почему? А потому что затраты в эту область готовят индивиду в будущем более повышенный доход. Часть потребительских расходов индивида в духе основ рыночной экономики превратили в инвестиционные затраты, и экономическое поведение индивида свели к рыночному шаблону – затраты и результаты. Индивид сам на себя тратит, повышая свой человеческий капитал, и сам же получает выгоду. И все это завершается теорией жизненного цикла. Человек приходит в этот мир без ничего, потом он себе накапливает человеческий капитал, на котором наживает доход в первой активной части своей жизни. Потом во второй, более пассивной части своей жизни он расходует все прежде накопленное, и в конце жизненного цикла он должен уйти в мир иной с нулевым доходом. В этой теории либеральный прагматизм доведен до абсурда.

Эта теория, рожденная в США, сразу испытала трудности, как только она переместилась в пространство Европы. Оказалось, что в Европе затраты и результаты асимметричны. Государство затрачивает средства на образование, например, а благо извлекает индивид. Здесь дискуссия перемещается в область налогов, которые должны погашать эти расходы, и так далее. Но этой дискуссией не затронуто методологическое основание этой теории.

На этом трудности теории человеческого капитала не заканчиваются. На уровне любой организации (корпорации) действует не сумма индивидов, каждый из которых индивидуально максимизирует свою полезность. Во-первых, эти индивиды соединены и образуют сообщества; во-вторых, индивидуальное благополучие отдельного работника полностью зависит от благополучия организации (фирмы). В свою очередь, благополучие фирмы зависит от макроэкономической ситуации в стране. Поэтому этот принцип методологического индивидуализма разрушается на разных уровнях. И в этой связи переход к теории «человека креативного» и «человека социального» является перспективной альтернативой теории человеческого капитала. Это что касается области экономической теории.

Я попытался высказать свои соображения в поддержку теории, которую изложил Сергей Дмитриевич, но предложил дополнить ее исследованием приходных отношений и форм социальной организации, учитывая реальность нынешнего стартового положения движения к обществу будущего, названного ноономикой.

Теперь коротко о практике. Тезис об исчезновении в будущем экономических отношений в ноономике я воспринял первоначально в жанре фантастического предположения. Теперь я поменял свою точку зрения, и вот почему: во-первых, в работах Клауса Шваба приводятся данные о том, как новая технологическая революция действительно массово выталкивает людей из процесса производства. Приводится пример, как переход от Детройта к Кремниевой долине по капитализации крупнейших компаний характеризуется 10-кратным ее ростом и во столько же раз сокращением занятости. Это уже факт выталкивания, не где-то за фантастическим горизонтом, а у истоков новой промышленной революции.

Второе: выталкивание социальных отношений. Сейчас в развитых странах интенсивно обсуждается вопрос о так называемом минимальном доступном доходе для граждан. Причем эта идея уже приближается к началу практической реализации. В той мере, в какой будет внедряться этот социально-экономический формат, в той же мере экономические отношения начнут вытесняться. А по мере развития данного социального плана объективное экономическое развитие будет двигаться в ту сторону, кото-

рую нам сейчас и в предыдущих тоже докладах озвучивал Сергей Дмитриевич.

Спасибо большое за внимание!

Бузгалин А.В.: Спасибо, Кайсын Азретович! У нас есть профессор Фазенфест, который находится в Детройте, он выступает дискусантом. Я не знаю, согласится он или нет с позицией профессора Хубиева, это будет позже.

Хубиев К.А.: Ну, Детройт считается промышленной Америкой.

Бузгалин А.В.: Я знаю, Кайсын, мы все понимаем твой пример. Я рад, что профессор Бодрунов убеждает все большее и большее количество известных ученых в правомерности своей концепции!

Мы продолжаем наш разговор. У нас два очень интересных доклада, выступления наших коллег, философов и экономистов. Сейчас профессор Лобастов продолжит тему труда, и затем – профессор Соболева, ученый-экономист, который исследует тоже проблемы труда, но немного с другой позиции. После этого мы перейдем к дискуссии, к выступлениям дискусантов.

Пожалуйста. Геннадий Васильевич Лобастов – доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет.

Лобастов Г.В.: Добрый день! Приятно принимать участие в таком сообществе.

То, что я хотел бы сказать, касается субъектности человека. Здесь немало было сказано из того, что может вывести человека из современных экономических и политических проблем, как из всяких прочих (исторических и других), – вывести на свободное, креативно полное развитие человеческого индивида.

Маркс утверждает, что наука есть всеобщая форма труда. Тут расшифровывать это понятие не место, и наука, наверное, знает, что это такое. Но наука, если коротко сказать, это все-таки реализация человеческой способности мышления в предметных, объективных формах действительности, включая и самого себя. То есть человек, как мыслящий и как пытающийся понять человека, то бишь самого себя, способен и даже обязан обратить внимание на мыслящую способность, понять, откуда она входит в нас в качестве нашей определяющей особенности.

Поэтому, чтобы измерить саму меру развитости человека, нужно утвердиться в том, что истинная форма практики, истинная форма труда, форма труда, адекватная смыслу человека, – это, вообще-то, деятельность формирования человеческой личности. Я почему-то убежден, просто убежден, это показывает, вообще-то, и научная аналитика, что не только культура, как сегодня ссылались, имеет массу определений человеческой личности. Это доказывает то, что наука далека от науки, она неадекватна самой себе, ее самосознание содержит в себе порок, а ее труд направлен на внешние цели. Множество определений личности указывает на то, что мы не знаем, что такое личность. Это полоскание «полунаучным трудом» пустых определений – наука вязнет в этих пустяках. Это сегодня настолько очевидные факты, настолько очевидно, что наука не знает самое себя, не умеет критично отнестись к себе, но находится в самомнении, что она может мыслить, – просто остается удивляться этому феномену. Наука мнит себя умной, исполненной истины, но свидетельствует, по сути дела, о себе лишь свидетельствами, дипломами, учеными советами, цифрами, рейтингами и прочим – разве может наука претендовать на субъектность мировой исторической культуры? Понимая, что мышление – это свободная деятельность ума, мы знаем, что субъектом человек становится только тогда, когда снимает с себя детерминацию внешними обстоятельствами. И, пожалуй, в первую очередь обстоятельствами экономики.

Ни экономика, ни практика, вообще говоря, не являются самоцелью человека. Самоцелью человека является сам человек, это понятно, и личность есть самоцель его развития. Где мы и как мы можем найти пути становления человека человеком в том обществе, где человек опрокинут в пространство этого разорванного бытия, где постмодернизм уже становится картиной той действительности, в которой мы живем? Где нет нужды ни в культуре, ни в красоте, ни в добре? Здесь не удивительно, что распахивают руки, чтобы обнять религию и вместе с ней формировать по образу религии человеческую личность. Где наука о человеке? Где сила нашей мысли?

Я хотел бы элементарным фактом из науки показать, что же такое все-таки наше мышление. Этот факт отчетливо показывает наше отношение к самим себе. Я имею в виду науку вообще.

Вот посмотрите: умная мировая философия, которая считает себя философией, свое начало видит в парадоксе, который фиксирован Зеноном в качестве апорий. Для исторической философской мысли эта банальная вещь может показаться как досужий казус, вызовет у нас улыбку: рационально-логическое доказательство, что движения нет, что Ахиллес не догонит черепаху.

Мыслящая способность спотыкается об эту вещь. В конце 60-х годов факультет математики МГУ и философский факультет МГУ организовали трехдневную конференцию, посвященную этой самой проблеме, апориям Зенона. Три дня велись ученые разговоры, разрешения проблемы не нашли, и проблемы эти были оставлены на обочине своего научного пути. Если они на пути, их перепрыгивают. Разве найдете кого-нибудь, кто бы согласился с этим нелепым утверждением, что быстроногий Ахиллес не догонит, не перегонит черепаху? Ведь кажется, что здесь и думать не надо, все эти апории-проблемы лишь досужая пустота, не чувствующая огромного груза современных проблем: экономика, война, деньги, богатство, бедность и так далее, – а вы всей своей ученой головой в апории!

Заметьте, здесь любопытная штука, любопытная... Наша современная наука перепрыгивает все, ни на чем не спотыкается. На чем не спотыкается? – Ни на парадоксе Зенона. Ни на обосновании отсутствия движения. А спотыкается на *отсутствии культурной, логически обоснованной мыслящей способности*.

Всматриваться в свой способ вхождения в предмет действительности нужды нет – перепрыгнем!.. Сегодня мы анализируем и то, что есть, и то, что будет, и даже знаем пути, куда надо идти. Вон сколько об этом разговоров! И мы указываем, мы возвещаем о тех формах, которые сделают мир умным, креативным, свободным и так далее.

Мне кажется, здесь есть некая опасность, большая опасность. А на логические предостережения философии я указал, чтобы нам всмотреться в самих себя.

Спасибо! Все.

Бузгалин А.В.: Большое спасибо, Геннадий Васильевич!

Действительно, есть эта глубочайшая философская проблема, подтекст в нашем проблемном поле. Как и в любом. И то, что Вы его упомянули, поставили в центр внимания, – это очень важно.

К тому же хочу подчеркнуть, что профессор Лобастов и его коллеги по Обществу философии и культуры иницируют в декабре конференцию, посвященную философским проблемам труда. Я думаю, мы еще оповестим вас об этом интересном мероприятии.

Мы завершаем наш тур докладов докладом Ирины Соболевой, доктора экономических наук, исследователя проблем труда и человека в Институте экономики РАН и автора многочисленных работ по этим проблемам.

Пожалуйста, Вам слово.

Соболева И.В.: Добрый день, уважаемые коллеги!

Большое спасибо за приглашение на семинар! Я тоже первый раз принимаю участие в этом интересном и значимом мероприятии и очень рада быть здесь! Переходя к сути дела, попробую обосновать несколько менее радикальную позицию по поводу теории человеческого капитала. Прежде всего, нужно отметить, что она сыграла свою позитивную роль и в середине прошлого века, когда была создана, и в 1970-е годы, когда ее подвергли критическому анализу в СССР, и в постсоветский период, когда стала активно распространяться в России. Именно теоретики человеческого капитала первыми выдвинули тезис о важности нематериального накопления, о том, что инвестировать нужно не только в наращивание производственных мощностей, но и в знания и навыки человека. Более того, они просчитали, какой экономический эффект могут давать такие вложения. И это положило начало рассмотрению социальной политики не как роскоши, которую можно себе позволить, если есть деньги, а как необходимого звена воспроизводственного процесса.

На несколько десятилетий позже концепции «человеческого капитала» был разработан более широкий и более адекватный современным реалиям подход с точки зрения человеческого развития (его автор – Амартия Сен). Учитывая, что наш семинар международный, здесь следует сразу пояснить, что в русскоязычной литературе, в контексте подхода А. Сена, принято использовать термины «человеческий потенциал», «развитие человеческого потенциала». Всем известный доклад Программы развития ООН “Human Development Report” традиционно переводится на русский язык не как «Доклад о человеческом развитии», а как «Доклад о развитии человеческого потенциала».

Тем не менее, если посмотреть на риторику наших властных структур, Президента, на официальные документы, сегодня не только сохраняется, но укрепляется риторика человеческого капитала: «...мы должны накапливать человеческий капитал нации», «...нужно вкладывать человеческий капитал» и так далее. Если набрать эти сочетания в поисковой строке в Интернете, увидим, что, вопреки общемировому тренду, в России риторика человеческого потенциала уходит, а риторика человеческого капитала набирает силу. Проблему опасности подхода с позиций человеческого капитала сегодня уже обозначил Кайсын Азретович, и я бы хотела на этом остановиться подробнее.

Здесь есть несколько важных моментов. Во-первых, если мы ратуем за инвестиции в человеческий капитал, то, с одной стороны, это вроде бы похоже на человекоцентричный подход, а с другой – человек в этом случае предстает не как высшая цель развития, а лишь как материальный носитель капитала. Отсюда встают вопросы: что именно является в человеке капиталом, а что нет? какие конкретно вложения в человека будут способствовать росту производительности труда? какое именно образование принесет экономическую выгоду? какие вложения в человека рациональны, а какие – это деньги на ветер? Между тем сегодня, когда растет роль креативного труда, личной инициативы, все сложнее становится заранее просчитать, какие именно вложения принесут прибыль. Поэтому в, казалось бы, менее рациональном подходе с позиций развития человеческого потенциала есть не только гуманитарный, но и чисто экономический резон: выигрывают не те, кто все заранее просчитывает, а те, кто просто движется в направлении расширения возможностей для самореализации человека.

Во-вторых, если рассматривать человека как носителя человеческого капитала, и только, то его очень важная роль как носителя перспективных потребностей, которые и дают импульс экономическому развитию, из анализа вообще выпадает. А подход с позиций человеческого потенциала ставит в центр внимания развитие личности, ее самооценку. И косвенным результатом такого подхода все в большей степени становится в том числе и экономический прогресс.

Следующий момент. «Человеческий капитал» – это микроэкономическая теория, проецирующая все через индивидуальный интерес. Поэтому человеческий капитал нации – это лишь сумма индивидуальных человеческих капиталов. Но ведь для экономического успеха важна и сбалансированность – профессиональная, квалификационная, территориальная. Еще более важно качество взаимодействия людей, потенциал доверия в том или ином обществе. От этого зависит и комфортность условий жизни, и экономический прогресс. Если делать акцент на накоплении человеческого капитала или, еще того хуже, на поиске талантов, чтобы, не распыляя ресурсов, получить элитный человеческий капитал, что тогда?.. Сейчас очень много говорится про элиту человеческого капитала, а еще про то, что эта элита почему-то уезжает в другие страны. И наши опросы о причинах отъезда показали, что дело не в зарплате. Лидируют ответы типа: «Потому что там “цивилизация”», «Там люди лучше относятся друг к другу», «Там выше качество жизни». То есть те самые обладатели элитного человеческого капитала стихийно стремятся туда, где больше возможностей человеческого развития для всех, а не для них лично. Таким образом, получается: если опираться на концепцию «человеческого капитала» и все просчитывать, в итоге получим проигрыш, причем проигрыш экономический.

И, наконец, последнее. Из чего исходит теория человеческого капитала? Из того, что человек должен инвестировать в себя сам в расчете на будущие выгоды. Но важнейшие объемы таких инвестиций необходимы в том возрасте, когда человек еще ничего не заработал и никакими ресурсами не обладает. Вкладывать может только его семья, те, кто его опекает. И упирая на принцип личной ответственности, мы тем самым закладываем основу неравенства. Подход с позиций человеческого капитала генерирует неравенство возможностей, социально несправедливое неравенство, ловушки бедности и так далее. А это не только негативный социальный результат, это – нерациональное распределение нематериального богатства, которое ведет к дисбалансам и в конечном итоге тормозит экономическое развитие.

Спасибо!

Бузгалин А.В.: Огромное спасибо!

Два ведущих, даже не по должности, в научном смысле слова, исследователя проблемы человека, культуры труда в Институте экономики – Валентина Юрьевна и Ирина Викторовна – специально подчеркнули с экономической точки зрения необходимость преодоления узкого взгляда на человека как «homo economicus», как «человеческий капитал», как того, кто может приносить деньги. То, что даже с позиций экономики видна необходимость преодоления «homo economicus», – это принципиально важно. И я думаю, это доклад, который завершает серию выступлений, но при этом он возвращает нас к докладу Сергея Дмитриевича Бодрунова, который начинал именно с этой постановки. Кстати, изначально профессор Бодрунов – это доктор экономических наук и исследователь индустриальных процессов. И к тому же реальный участник руководства крупнейшими промышленными проектами.

Я рад представить участников-дискутантов нашего процесса – у нас очень открытый международный коллектив! В программе семинара – Дэвид Фазенфест, Лутц Брангш и Гульельмо Киоди, профессор Римского университета «Ла Сапиенца», – вот такой интернациональный коллектив дискутантов.

Прошу придерживаться регламента в 7 минут. Профессор Дэвид Фазенфест, главный редактор журнала «Критическая социология» (это – один из ведущих, известнейших журналов в области исследований общества в мире) и профессор Государственного университета Уэйна, Соединенные Штаты Америки.

Дэвид, пожалуйста!

Фазенфест Д.: Большое спасибо за то, что пригласили меня!

Вначале я хотел бы коротко ответить профессору Хубиеву. Отмечу, что Детройт – хороший пример влияния технологий, потому что Детройт производит то же самое количество автомобилей, но с использованием всего 25% рабочих, которое требовалось ранее для производства такого же количества автомобилей. И это говорит о росте производительности труда.

Я сегодня услышал интересные сюжеты для обсуждения, которые были затронуты. Они связаны с двумя общественными угрозами.

Во-первых, скажем о самом понятии «ВВП». Здесь речь идет о росте, а не о развитии. А рост ВВП отличается от социаль-

ного развития, рост ВВП – это на самом деле функция капиталистического развития, но вовсе необязательно выступает функцией развития человека. И поэтому полезнее говорить о ВВП в контексте социального развития и качественного показателя социального развития.

Во-вторых, мы говорим о концепции «человеческого капитала», а она в США возникла, по крайней мере, в качестве попытки объяснения различных результатов деятельности человека. Почему же с ее помощью пытаются объяснить различия в доходах, образе жизни, профессиональной принадлежности? В какой-то степени это является подгонкой под ответы, а не прогнозированием и объяснениями. Почему это важно? Сегодня мы, в США, по крайней мере, видим, что многие говорят о том, что само внимание к образованию перевернулось с ног на голову. Да, на самом деле образование дает предпосылки получения хорошей работы. Однако университеты сегодня делятся на определенные группы, среди них выделяются элитные университеты. Последние дают действительно хорошую возможность получения достойной работы. Но есть масса других университетов, которые на самом деле обеспечивают лишь рост долгов тех, кто в них учится (потому что бесплатного образования нет). Но реальный результат, возможность найти хорошую работу после их окончания, отсутствует.

Поговорим об идее развития концепции «человека культуры» (профессор Колганов говорил о креативных классах, профессор Бодрунов об этом упоминал). Возьмите, например, район Бруклин в Нью-Йорке. Там действительно есть люди с творческими профессиями, которые зарабатывают большие деньги. Но там же живут и бедняки, зарабатывающие мало. Однако культура и творчество, креативность в немалой степени определяют лицо общества. Очень коротко могу сказать, что социальные производственные отношения и средства производства позволяют поддерживать какую-то культурную и креативную деятельность.

Однако реальный вопрос для меня заключается в том, каким образом генерируются излишки производства, поддерживающие креативную деятельность. И вообще, кто контролирует производство этих излишков, их распределение, этот баланс, и *homo creator*? По-моему, кем-то уже было сказано, что мы в ос-

новном обращаем внимание на ценность самих авторов, а не на стоимость их труда. По словам одного из английских критиков, в какой-то момент сама личность Пикассо была важнее, чем то, что он нарисует. Он мог подписать все, что угодно, и это стоило больше, чем любой его эскиз картины сам по себе.

Но есть еще одна проблема. А к чему мы стремимся, когда мы переходим от экономики к более творческому пространству? К чему мы стремимся, какова цель? Сам процесс, каким образом эти изменения происходят, – это тоже очень важный момент. Мы видим, что капитализм на ранних этапах – это была революционная сила, которая преодолела феодализм. А сегодня капитализм – это регрессивная сила. Маркс, и многие в XIX веке соглашались с ним, например, говорил о портрете капитализма с той точки зрения, что он не освободил общество в той степени, в которой это было «обещано» в качестве противопоставления феодализму. Мне кажется, что в настоящее время необходимо сделать следующее: нужно понять, каковы механизмы принятия каких-то общественных, политических решений, которые позволят нам перейти от «homo economicus» к «homo creator». Где появляются эти возможности?

Пока у меня нет представлений о том, какими должны быть пути соответствующего перехода, но цель достойная – это важно! Мы уверены в том, где общество должно быть, мы понимаем, где оно находится сейчас, но сам процесс перехода пока не определен. Я надеюсь, что в ходе дальнейших исследований больше внимания будет уделяться этому процессу. Хотелось бы услышать об этом в контексте форм переходов. В противном случае все наше внимание будет уделяться исследованию будущих перспектив развития общества, но не будет понимания средств и способов для их достижения.

Спасибо, господин Бузгалин, спасибо, профессор Бодрунов, за то, что вы пригласили меня выступить!

Бузгалин А.В.: Да, Вы продемонстрировали просто блестяще профессорский профессионализм: действительно, именно 7 минут и очень важный акцент. Я думаю, мы обязательно Вам передадим дополнительные материалы профессора Бодрунова, который много писал именно о путях перехода, борьбе с деинду-

стриализацией, развитии новых технологий и знаниеемком производстве, примером чего отчасти является Детройт.

Мы идем дальше. Комментировать комментаторов нельзя, поэтому я на этом остановлюсь. Далее – наш коллега, с которым мы давно ведем диалог, Лутц Брангш, научный сотрудник Института общественного анализа, Германия.

Лутц, Вам слово!

Лутц Брангш: Спасибо!

Все было, как всегда на этом семинаре, очень интересно, и особая важность дискуссии для меня состоит в том, что она помогает увидеть нерешенные вопросы и слабые моменты в собственных исследованиях.

Исходя из этого у меня три замечания, которые затрагивают характер «homo creator», или «человека культурного».

Первое замечание всегда появляется у меня в обсуждениях сегодняшнего человека, а также будущего характера человека. Как экологический кризис видоизменяет все, что мы думаем о человеке культурном? Что мы должны в данном случае учитывать, если мы даем характеристику этого человека? – Это открытые вопросы, потому что поднимаются вопросы культуры, экологические, вопросы образа жизни, характера и так далее.

Я знаю, что это обсуждается в рамках ноономики, но думаю, что эта тема должна быть постоянной в наших дискуссиях.

Теперь второе замечание. Мы говорим много о сути процессов, их содержании, можно сказать. Но какие формы реализуют их содержание, какие формы соответствуют «человеку культурному»? Этот вопрос меня волнует уже долгое время, поскольку когда-то в Москве я писал свою кандидатскую: о взаимодействии личных и коллективных интересов в процессе совершенствования социально-экономических отношений. Мне кажется, что мы часто недооцениваем этот вопрос, я имею в виду их хозяйственные формы: каковы конкретные формы работы предприятия, фирмы и так далее? Это действительно большая проблема, поскольку пока в первую очередь говорят только о кооперативном начале. Вопрос в том, достаточно ли этого, чтобы описать пространство, где конкретно будет работать «человек культурный»? где он реализует такой вид разделения труда? где появляется возможность преодоления отчуждения?

Третий вопрос, или замечание. Я знаю, что мы в гостях в Институте нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, именно *индустриального развития*. Но дело в том, что сегодня значительная часть населения мира пока работает и живет в деревнях. Работают в сельском хозяйстве и порой даже живут в условиях натурального хозяйства. Вопрос в том, что это дает для понимания «человека культурного» и форм, которые мы должны развивать, чтобы высвободить потенциал культурного человека. И это тесно связано с вопросом о слиянии промышленности и сельского хозяйства, которая была разработана Марксом и которую даже буржуазные реформаторы всегда использовали, чтобы описать пути разрешения противоречий в обществе.

По-моему, необходимо обсуждать, что именно идея «человека культурного» означает для труда в сельском хозяйстве, именно в этих реалиях? Это важно в условиях экологического кризиса. Значит, надо продумать, соответствуют ли критерии, которые мы обсуждаем, условиям труда в сельском хозяйстве? И соответствует ли этим критериям многообразие социальных отношений, которые существуют в мире? Какие переходные формы необходимы, если предполагается включение старых форм разделения труда, старых форм образа жизни в процессе формирования «человека культурного»?

В заключение хочу сказать, что состоялась очень интересная дискуссия. Спасибо, и желаю вам всего доброго в дальнейшем!

Бузгалин А.В.: Спасибо, Лутц, за вопросы, обращенные ко всему нашему сообществу! Это, действительно, очень важно, потому что Вы заострили внимание на проблемах экологии, периферии и так далее.

Мы идем дальше – профессор Киоди, Италия, Римский университет «Ла Сапиенца». Мы очень рады Вас видеть, профессор!

Киоди Г.: Прежде всего, большое спасибо за приглашение! Я с огромным удовольствием выслушал всех выступавших, выслушал их презентации, их доклады, и мне все они показались крайне интересными.

К сожалению, «человек экономический», «*homo economicus*», жив, и, более того, он процветает, если мы говорим о мейнстримной экономике, что, в моем понимании, является настоящей катастрофой! Мы не должны недооценивать важности

этого фактора. Концепция «человека экономического» как раз воплощает в себе суть неолиберального мейнстрима. С самого начала в этой неоклассической теории существовал этот подход, и он до сих пор выживает, до сих пор существует, хотя, возможно, он принял немного другую форму. Несмотря на многочисленные перемены, несмотря на наличие самых разных экономических моделей, которые существуют не только на микроуровне, но и на макроуровне... Стандартные черты «человека экономического» позволяют нам формировать эту модель с математической точки зрения и, таким образом, дают возможность не только без труда доносить идеалы рыночной экономики, но также доступно и широко освещать, подсчитывать экономические аспекты человеческой жизни, образования, здравоохранения, экологии. Практически все можно просчитать, все стороны человеческой деятельности можно осветить. И доминирование этой идеи, «количественной» науки, и переход также этих идеалов в другие, в смежные науки, говорят о том, что, в целом, эта идея является эгоцентричной. Это очень удобный инструмент для того, чтобы формировать человеческое поведение.

Я также хотел бы добавить, что теория «человек экономический» оказала большое влияние на отдаление от классических идей марксизма. Концептуально «человек экономический» уже содержит в себе антропологический фактор, предположение, что общество стоит не над индивидуумом, а во главе угла стоит именно личность, и эта личность стоит над обществом, а не наоборот. Но на самом деле человеческая натура формируется обществом и институтами (школа, религия, рабочее место...) Это означает, что общество должно стоять на первом месте.

Такой подход, который сегодня проповедуется, затрудняет жизнь человека экономического в существующей модели общества. Потому что индивидуумов характеризуют их действия. Таким образом, они остаются вне общего социального контекста, в связи с этим мы не можем достигнуть необходимого баланса между личностью и обществом. Поэтому мы не можем с уверенностью говорить о том, что те цели, которые общество ставит перед собой, достижимы. В то же время я верю, что сама концепция «человека культурного» верна, осталось недолго ждать его рождения. Появ-

ление этой идеологии подорвет основы, на которых основаны текущие неолиберальные модели развития экономики.

Большое спасибо за внимание!

Бузгалин А.В.: Большое спасибо, Гульельмо! Уважаемые коллеги, я думаю, будет абсолютно правильно, если мы, продолжая наше движение, ну, не со 100%-м следованием расписанию немецко-австрийских поездов, но с точностью до нескольких минут, передадим слово профессору Бодрунову. Сергей Дмитриевич, у Вас есть где-то 14 минут.

Бодрунов С.Д.: Да, как у нас в СССР пели в песне про первых космонавтов: «У нас еще до старта 14 минут»... – До моего старта на поезд.

И за эти 14 минут я должен ответить на целое созвездие вопросов, которые, действительно, очень важны. Но я постараюсь сконцентрировать свое внимание, и ваше тоже, на тех вопросах, которые наиболее общи и важны, и ответить сразу всем.

Первое. Я еще раз хотел бы вернуться к дискуссии господина Хубиева и господина Фазенфеста. Два уважаемых профессора говорят о Детройте. Я могу сказать, что мне очень понятен этот спор. Я действительно, как сказал Александр Владимирович Бузгалин, длительное время возглавлял одну из крупнейших промышленных корпораций в России и еще был инвестором этой корпорации. А сейчас я остаюсь основным инвестором другой компании – довольно большой европейской компании, холдинга, который имеет более десятка заводов и производит комплектующие для автомобилей, почти всех автомобилей в Европе. Если вы сядете в любой автомобиль в Европе, вы найдете комплектующие, произведенные на заводах, где я являюсь инвестором. Это – живой мой опыт. Так вот, я могу сказать, что в этой европейской компании, когда я начинал инвестировать в нее 15 лет назад, выпускалось более чем в три раза меньше продукции, чем выпускается сейчас, то есть втрое стало больше продукции. Объем выпуска возрос, но при этом людей стало на 20% меньше. За счет чего это произошло? За счет того, что мы пошли изначально путем цифровизации всех процессов на этом предприятии, путем изменения, внедрения новых совершенных технологий, которые позволили нам напрямую работать с заводами-производителями автомобилей, смогли поставить выделенные линии связи, авто-

матерализовать множество процессов, и... мы сократили людей. То есть это реальный, объективный процесс вывода людей из материального производства, причем при интенсивном его развитии и внедрении новых технологий. Но сегодня люди, которые остались на производстве, гораздо эффективнее и более творчески работают. Потому что определенная часть этих сотрудников трудится в созданном новом дизайн-центре компании, разрабатывает те или иные элементы для автомобилей, совместно с дизайнерами головных автомобильных компаний, производителей автомобилей первого уровня, другие сотрудники пишут программы для новых производственных линий. И так далее...

Таким образом, и собственно работа с развитием технологического прогресса становится более креативной, и сотрудников становится меньше. То есть эти процессы, на самом деле, идут, и это, действительно, подтверждается практикой.

Еще я хотел бы согласиться с профессором Фазенфестом в том, что культура – это нечто общее для всех людей. Я бы даже сказал, что это, в общем, подтверждает мысль, что в каждом человеке – и я об этом писал тоже многократно – изначально заложено начало «ноу». Заложено то человеческое, что в этом человеке должно быть, возрастая и что постоянно искажается сегодняшней экономической системой. То есть человек расчеловечивается сегодняшней экономической системой, и это действительно очень огромная проблема. Поэтому, именно поэтому, мы говорим, отвечая тоже на вопрос господина Фазенфеста, о маршрутах смены такой модели. Мы, конечно, их действительно исследуем, мы действительно их изучаем в Институте нового индустриального развития, который, и я говорил об этом, уже 25 лет существует – почти 25 лет скоро будет, в следующем году! Мы действительно рассматривали множество процессов, которые, так или иначе, способствуют тому, чтобы найти эти самые точки изменений, показать, определить, что называется, эти «смены вех». Об этом мы говорим и в теории, и на практике, формируя и стратегию реиндустриализации, и стратегию нооиндустриализации, размышляем и о процессах диффузии собственности, и о социализации общества и исследуем многие другие вещи, о которых нами говорилось неоднократно и писалось. Думаю, что если бы эти наши работы были известны господину профессору Фазенфесту, может быть, вопрос,

очевидно, не возник бы. Но, тем не менее, я могу сказать, что, безусловно, мы не думаем, что открыли все пути и рассказали эксклюзивно о возможностях этого процесса. На самом деле это предстоит еще исследовать, исследовать и исследовать... И именно этим мы занимаемся все эти годы, и продолжаем заниматься, и будем заниматься. И я призываю к этому наших коллег – участвовать в этом, в том числе в наших семинарах.

Несколько слов по поводу замечания профессора Брангша Лутца. Был вопрос о том, как экологический кризис видоизменяет человека из экономического в культурного? Я думаю, что тут важно следующее: любой кризис, любая ситуация, любая проблема заставляет человека думать, искать выход из положения. Для этого человеку дана такая возможность Господом Богом. Проблемы – это на самом деле следствие противоречий, и проблемы порождают также противоречия, и их надо постоянно снимать. Поэтому, в этом плане, я считаю, что экологический кризис, как и любой другой, действительно заставляет человека искать пути ухода от проблем, которые возникают в связи с этим кризисом. Человек начинает осознавать, что необходимо менять подходы к сохранению климата, к урбанизации, к экономике, необходимо сохранение водных ресурсов и сохранение энергетического баланса, и так далее, и тому подобное. Человек должен это понимать, осознавать и искать пути решения. Один из факторов, которые влияют на развитие человека, – это как раз поиск таких путей.

Чем больше человек задумывается, тем больше знаний он вносит в свою жизнь, в свою деятельность. Таким образом, эти знания постепенно формируют у человека представление о том, каким ему быть. Человек проходит этот путь, который ведет его к тому, что у него все время возникает все больше и больше творческого начала, все больше и больше вариантов в сохранении своих возможностей, развития своих возможностей.

В этом плане мне представляется, что как экологический кризис, так и любой другой будет способствовать, если мы будем им заниматься предметно и будем уходить от модели экономической, постановке во главу угла не только долларов, евро или фунтов, но и реальных потребностей людей, способствовать позитивному развитию человека, и в этом случае мы будем двигаться

в сторону ноопредставления человека о том, какое место в мире он должен занимать и каким он должен быть.

Теперь – формы: формы движения, о которых тоже задавал вопрос господин Лутц. Я думаю, что, действительно, это важный и сложный вопрос. Госпожа Чэнь Хун сказала нам сегодня о том, каким она видит человека будущего. Но если говорить о хозяйственных формах перехода, о которых господин Брангш Лутц спросил, я думаю, что эти хозяйственные формы уже формируются в рамках того процесса, который сегодня есть в экономике. И сегодня эти процессы действительно реальны, способствуют развитию знаниеемкости экономики. Возникают новые формы экономических взаимодействий, экономической деятельности. В частности, возьмем ту же самую смешанную, или ассоциативную, экономику, или, например, каршеринг. Вот сегодня упоминалась и кооперативная экономика. И так далее. Возьмите все эти и им подобные формы, которые сегодня развиваются колоссальными темпами (а им способствует, их развитию, технологический прогресс). Эта деятельность, манифестирующая развитие процесса диффузии собственности, способствует в то же время «окультуриванию» человека на самом деле, потому что она уменьшает его потребность в тех симулятивных вещах, которые навязываются экономическим обществом: в собственности, в развитии, накоплении, и так далее, и тому подобное. И мне кажется, что эти тенденции будут порождать соответствующие формы хозяйственной деятельности. А эти формы хозяйственной деятельности, в свою очередь, будут способствовать усилению ноотенденций в развитии общества.

Что касается третьего вопроса профессора Брангша Лутца, что наш Институт нового индустриального развития занимается вопросами, которые сегодня могут быть актуальными в других сферах, в частности в сельском хозяйстве и так далее, я бы сказал несколько по-другому.

С нашей точки зрения, Института нового индустриального развития, индустрия, как я бы сказал, гениальное изобретение человечества, пронизывает все отрасли, она входит в них везде, во все сферы человеческой деятельности, не только в экономическую и производственную сферы, но и в сельское хозяйство, и куда угодно. Более того, я думаю, что должна речь идти на сегодняшний момент о том, что на самом деле концепция «разделе-

ния труда» (или это не концепция, а, может быть, этап), когда она была превалирующая и показывала некое усиление возможностей для большего производства продукции, объема продукции, и так далее, и тому подобное, – на самом деле, в потенциале, должна исчезать. Почему? Потому что производство, индустрия, состоит из ряда компонентов, оно включает в себя несколько компонентов, в том числе один из компонентов – это труд.

И если мы говорим о том, что труд становится более креативным, а производство более знаниеемким и происходит постепенный выход человека за пределы материального производства, то в этом случае надо понимать, что само понятие «разделение труда» превратится на самом деле в слияние компетенций, в слияние видов деятельности, а не в разделение их. И вот в этом плане я, конечно, не скажу, что будут абсолютно все заниматься всем, но то, что будут более синтетические потребности, – это совершенно очевидно. Потребности развития – это совершенно очевидно. И, более того, я бы сказал, само понятие «труда» в том понимании, которое есть, в марксовом, политэкономическом и так далее, – это понятие должно постепенно исчезать. Появляется «нетруд»: не труд, а деятельность; исчезают экономические отношения, вызванные этой деятельностью, и так далее. Все это будет происходить с развитием знаниеемкой индустрии. Выходя из процесса непосредственного производства, непосредственно экономического пространства, человек будет уходить также и от понятия «труда», и «разделения труда», и так далее. Это касается, если мы говорим об этом на практике на самом деле всех отраслей и всех видов деятельности сегодняшней. Я могу сказать, что, на мой взгляд, чем отличается сегодня труд сельскохозяйственного работника, который работает, если на то пошло, совершенно на индустриальной основе, от труда работника традиционной промышленной сферы? Практически ничем. Да, есть некоторые другие факторы производства, и прочее. Но по сути это та же самая деятельность, и использованы те же самые орудия труда и те же самые технологии – и в том числе знаниеемкие технологии.

Поэтому в этом плане я не думаю, что это какая-то должна быть особая сфера исследования, какой-то особый подход к исследованию этих процессов в сельском хозяйстве, имея в виду критические, как сказал профессор, условия труда в сельском хозяйстве.

В завершение я бы хотел сказать еще пару слов по поводу выступления Ирины Викторовны Соболевой. В прошлые времена, когда советская власть закончилась, а началась новая экономическая реальность, у нас был поставлен во главу угла такой тезис: зачем нам новые люди, надо растить грамотного, «квалифицированного» потребителя, и, мол, «грамотный потребитель» – это то, что нам всем нужно: и для того, чтобы наша экономика процветала, и чтоб наши люди себя чувствовали хорошо, и прочее. Результат такого подхода мы видим. Мы довоспитывались до того, что сегодня наш «грамотный потребитель» не знает ничего и не хочет заниматься ничем. И это очень часто мы наблюдаем во многих проявлениях нашей сегодняшней реальности. Концепция «человеческого капитала» – это продолжение, квинтэссенция этого подхода, и, я бы сказал, неолиберальной модели. И именно поэтому мы, выступая против этого, и исследуем эти процессы, и подвергаем их, может быть, какому-то остракизму в значительной мере.

Мне представляется, что этим надо заниматься постоянно и на это надо направлять наши все усилия, в том числе и участников нашего семинара, очень уважаемых и глубоко думающих профессоров. Я хотел бы еще раз всех поблагодарить за участие, и, если позволите, я хотел бы попросить всех передать нам свои материалы. Сегодняшние доклады мы, конечно, все записали. Но, тем не менее, то, что мы записали, мы попросим отредактировать. А то, что у вас есть недосказанное, невысказанное, мы готовы посмотреть до публикации и просим нас передать. Мы, конечно, безусловно, материалы эти будем дополнительно исследовать и связываться с вами. И, наверное, множество, большую часть этих материалов, а может быть и все материалы, мы опубликуем. Я полагаю, что для того, чтобы общество знало, чем мы с вами, все вместе, занимаемся, это надо широко пропагандировать и показывать.

Я хотел бы еще раз поблагодарить всех, особенно иностранных участников, находящихся в разных временных зонах, от Китая до Нью-Йорка, от Европы до Азии. И, конечно, безусловно, я очень признателен за то, что вы нашли время прийти в наше виртуальное пространство. У нас – разное физическое время, но – общая эпоха и единое интеллектуальное пространство, и это нас объединяет в поиске путей позитивной трансформации общества.

Спасибо большое!

Бузгалин А.В.: Большое спасибо, Сергей Дмитриевич, за эти реплики, дискуссию! У нас весь семинар – это явные и неявные дискуссии. Я честно выполнял роль модератора, стараясь сдерживать свои научные амбиции. Но все-таки позволю себе буквально несколько реплик в течение трех-четырех минут. И затем благодарности в адрес организаторов и важных людей в нашем пространстве – переводчиков.

Первое, чтобы мне хотелось бы подчеркнуть: мы живем в пространстве и времени глубочайших сдвигов. И то, что сегодня именно эти сдвиги, именно эти трансформации исследуются, – это принципиально важно. И это, мне кажется, важнейшая заслуга всего того научного процесса, в который вы все включены, в рамках Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, в рамках Вольного экономического общества России, и так далее.

Здесь есть концептуальная платформа профессора Бодрунова, вокруг которой идет дискуссия. Есть другие взгляды, есть неолиберальный взгляд, который рассматривает этот процесс под одним и тем же углом зрения: как все трансформационные процессы реализовать, сохраняя приоритет индивида как частного лица, как агента рынка, практически без серьезных новаций.

Есть традиционная, но постоянно модифицируемая позиция марксизма, в том числе современного марксизма (которую я представляю, которая видит будущее по-прежнему в виде коммунизма). Сергей Дмитриевич Бодрунов постоянно критикует эту концепцию, мы ведем с ним такую теоретическую дискуссию.

Но есть и общие платформы. Это – тезис о скачке человечества, качественном скачке, когда мы исчерпываем потенциал рынка капитала и предшествующих формаций. Когда осуществляется переход из царства необходимости в царство свободы. Есть общая платформа, связанная с движением по ту сторону собственно материального производства. Это – цитаты из Маркса и целой плеяды марксистов, которые писали о том, что человек будет человеком творческим, развивающимся свободно и всесторонне.

Это и многие другие тезисы, где есть пространство для такого диалога. Как, впрочем, и с либерализмом. Но, наверное, либерализмом XVIII века, который писал о свободе, равенстве и братстве, а не с неолиберализмом XX–XXI веков, который все это свел к обогащению homo economicus и очень жесткой конкуренции.

Вот эти моменты мне кажутся принципиально важными. И в этом пространстве мы обязательно будем дальше работать и вести дискуссию.

Я завершаю этот семинар как модератор, но мы не завершаем таких заседаний научного семинара ИНИРа как серии научных мероприятий. Более того, я хочу подчеркнуть, что впереди у нас конгресс «Производство. Наука. Образование», традиционно посвященный развитию как раз нового человека в ключевых сферах творчества, образования и науки, культуры и, безусловно, в сфере высоких технологий. Это раз.

Два. Есть традиционный Санкт-Петербургский экономический конгресс – СПЭК. Мы научились преодолевать очень трагические ограничения, связанные с ковидом. И, конечно, вместе сейчас перейти в пространство, где можно поднять бокал и поговорить спокойно, было бы гораздо приятнее, чем оставаться каждому перед своим экраном. Но жизнь ограничивает наши возможности. А мы всех ждем на очередном СПЭКе в марте следующего года.

Я завершаю сегодняшнее заседание нашего семинара, а Сергей Дмитриевич хочет еще что-то добавить.

Бодрунов С.Д.: Я хочу сказать всем, коллеги, что касается «поднять бокал»: пройдет пандемия, верю в это, и я всех вас обниму. Потому что я чувствую, душой чувствую, что вы в значительной мере, с разными взглядами, но – единомышленники, понимаете: нас объединяет единая мысль. Профессор Гульельмо сказал, что «человек экономический» жив, но процветает ли он?

Да, не процветает он сегодня, потому что «человек экономический» – это ущербный, расчеловеченный человек, и это – катастрофа, на самом деле катастрофа общества, и это действительно так. Но я согласен и с профессором Гульельмо, и с профессором Киоди, что «человек экономический» на самом деле стоит сегодня, «нависает» над обществом. И к чему это ведет, мы тоже видим. И какая это проблема, гигантская проблема сегодня: индивидуализм и все вытекающие отсюда вещи. Потому что в условиях сегодняшнего НТП это уже экзистенциально сверхопасно на самом деле.

Потому что «человек экономический», который не оцененностями озабочен, а некими другими вещами, имея огромную технологическую и прочую власть, может привести нас к катастрофе. Потому что он воспитан в «хремастических», ис-

пользу терминологию Аристотеля, традициях, и вот это – самое опасное сегодня. На это надо обращать серьезнейшее внимание, мы именно поэтому над этим работаем.

И я, уважаемые коллеги, считаю, что именно поэтому мы говорим (вспомним сессию предыдущую нашего семинара в прошлом году) о социализации как об общественной практике, которую необходимо развивать. И о солидаризме как идейной платформе этого процесса. И я верю, что мы все равно, и при этом объективно, даже вынужденно, будем идти к «человеку культурному», иначе нам несдобровать. Поэтому заниматься этим надо, и заниматься будем все вместе.

А бокал мы обязательно поднимем. Спасибо!

Бузгалин А.В.: Спасибо, Сергей Дмитриевич!

Я от всей души благодарю переводчиков, которые уже три часа работают с очень сложными докладами: огромное вам спасибо! Я думаю, мы можем поаплодировать им в таком интернет-пространстве. И команде, которая готовила этот семинар. Это – ученые, молодые ученые Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте: Салават Исламгулов, Ангелина Шпилева, Ольга Лемешонок, Глеб Маслов и Наталья Яковлева, главный организатор этого проекта, героический человек. Все было подготовлено и, мне кажется, великолепно прошло.

Спасибо огромное!

Бодрунов С.Д.: Потому подготовлено, что она, Наталья, у нас всегда болеет душой за то дело, которое ей поручили, за это ей огромная благодарность от меня как директора Института.

Бузгалин А.В.: Ну вот видите, как замечательно!

Друзья, всем огромное спасибо, прежде всего всем участникам семинара: профессорам, иностранным гостям! Десять стран было представлено сегодня в этом семинаре. И думаю, все признательны Вам, Сергей Дмитриевич, естественно, за инициирование такого процесса, креативного во всех смыслах слова.

Всем здоровья и успехов! До свидания, коллеги!

Часть 2.

**НИО.2:
что сегодня?**

С.Д. Бодрунов

СОВРЕМЕННАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ТРЕБУЕТ ПОВОРОТА К ПЛАНИРОВАНИЮ¹

**Доклад на открытии Пленарной сессии
международной научной конференции
«Планирование в рыночной экономике:
воспоминания о будущем»
(к 100-летию создания Госплана)**

(25-26 марта 2021 г.)

Введение

В наши дни существенно возрастает интерес к институту планирования. Применение неолиберальных рецептов развития в течение последних нескольких десятилетий привело экономику к тупику «новой нормальности». Темпы экономического развития замедляются, инвестиционная активность падает, волатильность рынков возрастает, стандартные приёмы макроэкономического регулирования теряют эффективность. Поэтому закономерно обращение к планированию как институту, позволяющему структурировать и организовывать человеческую деятельность для достижения поставленных целей (без идеологических штампов и навязанных предыдущими практиками коннотаций).

Таким, очищенным от идеологических наслоений, является один из крупнейших мировых экспериментов по внедрению плановых методов в экономику целой страны – создание 100 лет тому назад, 22 февраля 1921 г., Госплана, функционировавшего первоначально как Государственная общеплановая комиссия при

¹ Опубликовано в журнале «Экономическое возрождение России». – 2021. – № 3 (69). – С. 5-13.

Совете Труда и Обороне РСФСР². Отметим, что потенциал института планирования оказался настолько мощным, что и сегодня Госплан воспринимается преимущественно как орган, ставший на долгое время символом советской экономической модели. Более того, экономику СССР и остальных стран мировой социалистической системы, охватившей во второй половине XX в. треть населения Земли, неслучайно называли плановой – институт планирования составлял ядро экономической модели этой системы.

Мировая система социализма ушла в прошлое, но плановые методы живут. Они, как оказалось, вовсе не атрибут исключительно советского социализма. Различные виды планирования использовали в разные периоды (особенно на этапах модернизации экономики, мобилизации её на достижение национальных целей) многие страны – от Франции до Южной Кореи, и это позволило им осуществить быстрый и эффективный рывок в развитии. Плановые методы и сегодня широко используются, наиболее яркий пример – Китай, становящийся по ряду параметров уже не второй, а первой экономикой мира.

И далеко не случайно именно сегодня, во время глобальной трансформации нашей цивилизации, обусловленной переходом к новому индустриальному обществу второго поколения (НИО.2), к новому мирохозяйственному укладу на базе нового технологического уклада, всё чаще научная общественность, бизнес-структуры и власти обращаются к опыту применения института планирования. Назад? Или – вперед? Полагаем – вперед. План становится востребованным в грядущей жизни общества. В чем же «тайна» плана? Почему он не уходит в прошлое?

Чтобы понять, почему планирование оказалось востребованным не только в советской экономике и почему потребность в нём становится всё более актуальной, рассмотрим ряд теоретических и методологических предпосылок. Без их анализа невозможно оценить значение тех современных тенденций развития

²Декрет Совета Народных Комиссаров. (1921/1944). Положение о Государственной Общеплановой Комиссии. 22 февраля 1921. 1944. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М.: Управление делами Совнаркома СССР. С. 161–162. URL: <http://istmat.info/node/45925> (дата обращения: 16.08.2021).

экономики, которые делают плановые методы регулирования более чем востребованными.

Теория и практика

Обратимся к глобальным трансформациям последних десятилетий, в частности, к проблемам генезиса ноономики как неэкономического способа удовлетворения реальных потребностей людей в ходе развития НИО.2. Мы посвятили этой теме немало работ [1–3 и др.] и сейчас выделим лишь ключевые аспекты.

Сегодняшний мир захлестывают проблемы: нищета сотен миллионов и бедность миллиардов; беспрецедентное неравенство в доступе к общественным благам не только отдельных стран населения, но и целых стран; искусственное торможение и искажение развития человека-личности; чувствительность мировой экономики к шокам различной этиологии и многое другое. Проблема устойчивости общественного развития стала настолько весомой и очевидной, что вызвала к жизни известные документы ООН по достижению целей устойчивого развития³, множественные дискуссии различного уровня – от Давоса до Пекина⁴, от саммитов «семёрки» до всемирных социальных форумов⁵. При этом миро-

³ United Nations. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 16.08.2021); United Nations. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года Резолюция 70/1, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 16.08.2021).

⁴ New Economy Forum. Beijing, November 20-22, 2019. URL: <https://www.neweconomyforum.com/2019-new-economy-forum-beijing/> (дата обращения: 16.08.2021); World Economic Forum. Annual Meeting. Davos-Klosters, Switzerland, 21–24 January 2020. URL: <https://www.weforum.org/events/world-economic-forum-annual-meeting-2020> (дата обращения: 16.08.2021).

⁵ G7 Summit. Video Teleconference Meeting. March 16, 2020. URL: https://www.mofa.go.jp/ecm/ec/page4e_001055.html (дата обращения: 16.08.2021); World Social Forum. Opening and closing of the Virtual World Social Forum. From January 23 to 31, 2021. URL: <https://wsf2021.net/> (дата обращения: 16.08.2021).

вой уровень общественного производства, отражающий реалии и достижения современного научно-технического прогресса, позволяет хоть сегодня приступить к решению большинства этих проблем. Однако – воз и ныне там.

Это – глобальное противоречие современности, и оно обостряется в ходе прогресса технологий при сохранении устаревающих, на глазах архаизирующихся экономических моделей, в рамках которых технологические достижения служат не решению упомянутых проблем, а, наоборот, ускоряют их. В полной мере к таковым следует отнести господствующую неолиберальную модель современного капитализма, регрессирующего в направлении консерватизма.

Эскалация противоречий этого процесса чревата множественными глобальными рисками. Уже давно, со времен докладов Римскому клубу, стали очевидны угрозы нарушения глобального экологического равновесия в погоне за безудержным и далеко не всегда разумным наращиванием объёмов потребления. Но сейчас масштаб этих угроз стал просто пугающим⁶ [4]. Менее очевидными, но не менее опасными являются угрозы бездумного вмешательства с помощью новейших технологий в образ жизни и в саму природу человека. Замедление экономического роста при растущем имущественном неравенстве и неравенстве доходов чревато возгонкой социальных конфликтов [5, 6].

Однако негативное разрешение противоречия между накопленным экономическим и техническим потенциалом и нарастанием нерешённых глобальных проблем не безальтернативно. В недрах современного способа удовлетворения потребностей, который многим кажется естественным и вечным, объективно таится его финал – переход к неэкономическому способу удовлетворения потребностей, при котором производственная деятельность человека ориентируется не на наращивание объёмов производст-

⁶ United Nations. UN Report: Nature’s Dangerous Decline “Unprecedented”; Species Extinction Rates “Accelerating”. May 6, 2019. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/blog/2019/05/nature-decline-unprecedented-report/> (дата обращения: 16.08.2021); Earth Overshoot Day. Global Footprint Network. URL: <https://www.footprintnetwork.org/our-work/earth-overshoot-day/> (дата обращения: 16.08.2021).

ва и потребления в денежном выражении, а на степень удовлетворения конкретных потребностей, определяемых по критериям не выгоды, а разума и культуры.

Генезис ноономики – это объективный процесс, зреющий в недрах современной экономической системы и указывающий на возможный (хотя и не единственный) и оптимальный вариант решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Его четыре реперные точки – научно-технический прогресс и новое, знаниеинтенсивное производство; растущая социализация общества; усиливающийся процесс диффузии собственности и солидаризм как платформа реализации консолидированных глобальных целей развития. Эти направления детально обсуждались в декабре 2020 г. на Санкт-Петербургском экономическом конгрессе, крупнейшем международном форуме, организованном Институтом нового индустриального развития⁷.

Выводы

Объективно необходимый переход к новому типу общественного устройства и производственной деятельности человека не происходит сам собой. Без целенаправленной работы по поддержке этого процесса не обойтись. Следует сменить нынешнюю траекторию развития, чреватую тупиками, и проложить курс, позволяющий разрешать нарастающие противоречия и шаг за шагом двигаться к ноономике. Такой курс и задаёт план. План – в рамках стратегии перехода к новому состоянию общества.

При этом нужно понимать: есть важные компоненты такого перехода. Одна из них – общая концепция развития, другая – стратегия, определяющая долгосрочные перспективы, глобальные цели и основные средства их достижения в рамках принятой концепции. А план следует рассматривать как институт, определяющий систему правил, последовательность шагов, действий, поворотных точек на пути к стратегической цели, на современном этапе дополняющих и корректирующих рынок, чья

⁷ Объединенный международный конгресс СПЭК-ПНО-2020 «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм». 2–4 декабря 2020 года. Видеоматериалы конгресса. URL: <https://inir.ru/spec-pno-2020-info/> (дата обращения: 16.08.2021).

«невидимая рука» нередко указывает в сторону не прогресса, а финансиализации и регресса. План определяет русло экономической реки, позволяя рынку самостоятельно развиваться в рамках проложенного русла.

Может ли план как институт быть востребован в нынешних условиях? Полагаем, что да. С нашей точки зрения, в текущей ситуации план – это объективно обусловленное дополнение рыночного саморегулирования, но не исключительная альтернатива ему. Плановые методы позволяют сочетать плюсы рыночного саморегулирования и планомерности. При этом, с одной стороны, повышается эффективность бизнес-моделей в экономических процессах, с другой – это позволяет ставить и целенаправленно решать задачи редуцирования негативных эффектов применяемых бизнес-моделей в интересах социума и стимулирования развития ноотенденций в экономике. И именно сейчас это становится насущной потребностью и полагаем – объективным условием выживания и разумного развития социума. Этим и объясняется возрастающий интерес к плановым методам управления экономикой.

В этом плане у России богатейший опыт. В то же время Россия сейчас, как никогда, нуждается в определении своего пути в меняющемся глобальном мире и целей развития, а также в применении рациональных способов достижения этих целей.

Поэтому нам важно осознать необходимость поиска таких способов. Формирование концепции развития, плюс формулирование стратегии развития страны на перспективу, плюс использование института планирования для достижения этих целей, на наш взгляд, – это та триада, реализация которой поможет вывести нашу страну на передние рубежи цивилизационного развития. Есть ли у нас инструменты для такой работы? Многое (но – не всё) есть.

Отметим, что практически весь постсоветский период страна развивалась без ясно обозначенной стратегии и без добротных инструментов её реализации.

Сейчас у России есть закон (при всех его недочётах) о стратегическом планировании. Установлены цели национального развития, из которых можно понять, что в стране намерены строить социально ориентированное общество с развитой экономи-

кой, базирующейся на новом технологическом укладе. Определены многие подцели этих национальных целей. Есть национальные проекты. И немало отраслевых, региональных и прочих стратегий. Есть множество различных «планов». Однако качество нашего стратегического планирования оставляет желать лучшего [7, с. 55–57]. О его проблемах и необходимых направлениях совершенствования достаточно подробно рассказано в недавно вышедшей книге [8]. Назрела острая необходимость выработки главной, базовой стратегии – стратегии развития страны и использования для её реализации планирования в качестве главного инструмента. Скажу шире – возрождения института планирования с учётом современных условий.

На последнем остановимся подробнее. Правительство по поручению Президента РФ работает над проектом Стратегии развития России. Горизонт стратегии – 2035 г. и более отдаленная перспектива, вплоть до 2050 г.⁸. Создано несколько рабочих групп, анализируются варианты, механизмы, ресурсы. Предполагается, что будут определены цели и выработаны направления «главного удара».

Следуя призыву Президента России включиться в конструктивную дискуссию по этой важнейшей проблеме, эксперты ВЭО России (весьма представительная группа крупнейших макроэкономистов страны) в ходе сложных дискуссий и непростых консультаций подготовили и направили в Правительство России документ под названием «Новые пути России (к вопросу о Стратегии развития России)»⁹.

Документ ориентирует в выработке стратегии на пять основных направлений:

⁸ Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Комитет Совета Федерации по экономической политике. Стенограмма парламентских слушаний на тему «Реализация Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» в субъектах Российской Федерации». 28 мая 2019 года. URL: <http://council.gov.ru/media/files/75Yfi7H4uLDDUQkiZLZ7SQON64FUH1MI.pdf> (дата обращения: 16.08.2021).

⁹ Новые пути России (к вопросу о стратегии развития России) // Вольная экономика. 16.04.2021. URL: <http://freeeconomy.ru/vazhnoe/idi-svoim-putem-k-voprosu-o-strategii-razvitiya-rossii.html> (дата обращения: 16.08.2021).

Первое – новая социальная модель развития. Здесь в качестве главной обозначена конкретная цель: сокращение доли малообеспеченного населения и увеличение доли среднего класса. В числе мер – не только обширный пакет традиционных, радикально усиленных мер по поддержке малообеспеченных и нуждающихся страт и социальных групп, но и введение на достаточно высоком уровне общероссийского стандарта услуг общественного и бюджетного сектора и оплаты труда при значимом повышении доли затрат на оплату труда в национальном продукте; меры по снижению межрегиональной и межотраслевой дифференциации в оплате труда; корректировка денежно-кредитной политики; меры налогового регулирования материального неравенства граждан.

Второе – переход от отставания к научно-технологическому прорыву и занятию лидирующих позиций в мировом научно-техническом соперничестве. Целевой ориентир – удвоение темпов технологического развития и вхождение к 2035 г. не в десятку (как предполагалось ранее), а в пятерку мировых научно-технических лидеров по базовым направлениям б-го технологического уклада; важнейшие инструменты в этом направлении – технологическое перевооружение индустриального сектора экономики, вложения в инфраструктуру и т. д.

Третье – экологически ориентированное развитие и создание каркаса экономики природосбережения. При этом (обращаю особое внимание!) в качестве приоритета обозначено не столько сокращение «углеродного следа» (при всей важности этого вопроса), сколько комплексное использование природных ресурсов при принятии и реализации высоких норм природосбережения в рамках концепций «чистый воздух», «чистая вода», «рациональное лесопользование»; решение проблемы промышленных, бытовых отходов и других при поддержке внедрения экологически чистых технологий в традиционной для России энергетике.

Четвертое – новая модель пространственного развития, направленная на подъём срединной России, и новый поворот на Восток и к Арктике, а также инфраструктурные решения по повышению связности территорий. Предлагается создание новых уровней и механизмов территориального управления и финансирования регионального развития; поэтапный переход от нынеш-

ней, практически полностью дотационной, на нормальную систему финансирования – самокупаемость, самофинансирование и – на этой основе! – самоуправление, формирование бюджетов развития регионов и территорий, перераспределение налогов и другие меры.

Пятое направление связано с евразийским вызовом. Глобальные центры мирового экономического развития неизбежно в ближайшие десятилетия переместятся на Восток, Азиатский континент, что необходимо учитывать. При этом идёт мощная экономическая реструктуризация и реинтеграция евразийского пространства, и Россия должна внести свой вклад в этот процесс и получить определённые бенефиции. Отсюда – задачи по формированию Россией в странах – наших азиатских соседях и экономических партнёрах – центров экономического, образовательного, научного, социального сотрудничества с созданием и развитием соответствующих институтов, ныне отсутствующих либо слабо функционирующих.

Дискуссия

В целом Стратегия развития России, по мнению экспертов ВЭО России, должна быть направлена на формирование привлекательной модели жизни граждан, на реализацию возможности (а она – есть!) сбалансированного, устойчивого развития, обеспечивающего гармонизацию целей существенного прогресса в экономике, связанного с переходом к новому состоянию общества, с одновременным ростом человеческого богатства и природосбережением.

Очевидно, такая стратегия потребует возрождения института планирования. Необходима разработка системы прогнозирования и индикативного планирования социально-экономического развития страны в соответствии с законом о стратегическом планировании. При этом, исходя из особенностей и закономерностей нынешнего этапа научно-технического прогресса и уровня социально-экономического развития страны, перспективные прогнозы и форсайты должны быть разработаны на 15...20 и более лет, плюс – уточнённые среднесрочные (на срок до 10 лет) и конкретизированные краткосрочные – на 1...3 года. Последние могли бы стать основанием для формирования годовых и трёхлетних индикативных планов развития страны, включающих характеристики всех основных макроэкономических параметров и инструментов реализации государственной политики и программ развития госсектора, под

которые должен формироваться госбюджет. Как справедливо отмечал академик РАН С.Ю. Глазьев, рекомендательный характер индикативного плана должен сочетаться с его директивностью для чиновников и органов государственного управления всех уровней [9].

Что же необходимо для создания системы планирования, контуры которой здесь обозначены? Многие специалисты полагают уместным воссоздать, реинкарнировать, дать вторую жизнь (в адекватной сегодняшней ситуации форме) «новому Госплану» – некоему органу, координирующему эту работу. Такого рода идеи выдвигались и ранее [7, с. 52; 10, с. 90], что является логическим выводом из исторического опыта СССР и других стран, применявших плановые методы. Наличие экономической стратегии предполагает использование института стратегического планирования как инструмента её реализации. Применение инструментов стратегического планирования невозможно при ведомственной разобщённости государственных органов, осуществляющих разработку и ресурсное обеспечение планов, принимающих меры целеориентирующего экономического стимулирования бизнеса и отвечающих за достижение стратегических целей.

В порядке дискуссии отметим, что долгое время не только идея планирования, но даже идея активной промышленной политики предавалась в нашей стране анафеме. Считалось, что рыночное саморегулирование является универсальным и наиболее эффективным способом решения всех проблем всегда и при любых условиях, а государственное вмешательство только искажает рыночное равновесие [11, 12]. Мы полагаем, что эти идеи подлежат серьёзному пересмотру.

В завершение подчеркнём: России нужен модернизационный рывок. Мифы рыночного фундаментализма и постиндустриализма оказались нежизнеспособными. Однако, не отказываясь от рынка в России, целесообразно дополнить механизмы реализации стратегических экономических задач плановыми методами. Только так можно обеспечить решение задач реиндустриализации экономики на новой технологической основе (в первую очередь на основе знаниеинтенсивного, адекватного для перехода к НИО.2 производства) на первом этапе модернизации и продвижение к социально ориентированному государству, более справедливому устройству общества и ноономике – на последующих этапах.

Список литературы

1. *Бодрунов, С.Д.* Концепция нового индустриального развития России / С.Д. Бодрунов. – СПб.: ИНИР имени С.Ю. Витте, 2013. – 171 с.
2. *Бодрунов, С.Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С.Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2016. – 328 с.
3. *Бодрунов, С.Д.* Ноономика / С.Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
4. *Zalasiewicz J., Williams M., Colin N., Barnosky A., Palmesino J., Rönnskog A.-S., ... Wolfe A.* (2017) Scale and Diversity of the Physical Technosphere: a Geological Perspective. *The Anthropocene Review*. Vol. 4(1), pp. 1–12.
5. *Piketty Th.* (2014) *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 686 p.
6. *Bodrunov S.D., Galbraith J.K.* (2017) *New Industrial Revolution and Inequality Issues: Study guide*. Ed. by S.D. Bodrunov. M.: Plekhanov Russian University of Economics. 122 p.
7. *Клепач, А.Н.* Поворот к стратегическому планированию: тернии и перспективы / А.Н. Клепач // Вопросы политической экономики. – 2016. – №1. – С. 44–63.
8. *Квинт, В.Л.* Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика / В.Л. Квинт, С.Д. Бодрунов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021. – 351 с.
9. *Глазьев, С.Ю.* Выбор будущего / С.Ю. Глазьев. – М.: Алгоритм, 2005. – 350 с.
10. *Орешин, В.П.* Потенциал планирования экономики / В.П. Орешин // Вопросы политической экономики. – 2016. – №1. – С. 44–63.
11. *Ясин, Е.Г.* Нерыночный сектор. Структурные реформы и экономический рост / Е.Г. Ясин. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. – 88 с.
12. *Ясин, Е.Г.* Новая эпоха – старые тревоги: Экономическая политика / Е.Г. Ясин. – М.: Новое издательство, 2004. – 456 с.

С.Д. Бодрунов

**НООНОМИКА – БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ НОВОЙ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ПЛАТФОРМЫ СТРАТЕГИИ
ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ¹**

**Доклад на открытии Пленарной сессии делового форума
«Стратегия опережающего развития Евразийского
экономического союза» на тему:
«Становление ноономики в процессе смены
технологических и мирохозяйственных укладов»
(21 апреля 2021 г.)**

Базовая идея проводившихся в последние годы многочисленных международных экономических конгрессов, в т.ч. – и Делового Форума ЕАЭС, состояла в поиске новых траекторий развития экономики и общества в целом в условиях новых вызовов.

На этой основе возникли и получили определенное звучание концепции опережающего развития и реиндустриализации экономики на передовой технологической основе, нового индустриального общества второго поколения, ноономики.

Первоосновой возникновения этих концепций стало понимание определяющего характера технологических трансформаций для формирования будущего человеческой цивилизации. Мы не сторонники сугубо технократического подхода, но невозможно не признать, что именно развитие знания, познания нами мира, своих потребностей и способов их удовлетворения, породивших НТП и индустриальный способ производства, технологические импульсы – именно все это порождает, в свою очередь, изменение институтов, общественного устройства, способов организации нашей жизни – как, так сказать, «круги на воде», распространение которых и их интерференция приводят к многочисленным, порой слабо предсказуемым, отражениям в зеркале экономики и в обществе в целом.

¹ Опубликовано в сборнике "Что делать? Полемические заметки к вопросу о стратегии развития России" / ВЭО России, М., 2021 – С. 161-184.

Как следует из гегелевской диалектики, накопление количественных изменений в системе неминуемо приводит к качественному скачку, к её переходу в новое состояние. Именно такая картина, в строгом соответствии с фундаментальными философскими закономерностями, сложилась в нашей области исследовательской активности.

Предметом анализа сегодня являются те изменения, которые мы имеем возможность наблюдать в экономике и обществе, вопросы конструирования видения будущего экономического и социального устройства, а также обсуждения инструментария бесконфликтной и эффективной трансформации к этому будущему состоянию, переходу к более справедливому и разумному, целесообразному обустройству нашей жизни.

В своем докладе я хотел бы коснуться одного из самых актуальных и одновременно самых трудных, мучительных вопросов современности – глобальному кризису современной социально-экономической системы, а также возможностей ее реформирования и опережающего развития.

Наверное, многие согласятся с тем, что сейчас эта система и ее слагаемые – экономика, общество, человек – находятся в **системном** кризисе.

Я здесь намеренно расширяю взгляд на проблему, не акцентирую внимание на нынешнем мировом экономическом кризисе. Пандемия стала его триггером, но не причиной. Да, этот кризис затронул подавляющее большинство стран мира, и даже в таких странах с устойчивыми и высокими темпами экономического роста как Китай, динамика ВВП резко снизилась. В странах Евразийского экономического союза ситуация оказалась весьма драматической, хотя в большинстве случаев несколько менее тяжелой, чем в США и Западной Европе.

Но при всей его глобальности, еще раз отмечу, нынешний экономический кризис – лишь яркое проявление общего кризиса мировой социально-экономической системы.

Этот кризис всеохватывающ.

Он в полной мере затронул сложившуюся в настоящее время совокупность *производственных отношений и экономических институтов*. Рыночные механизмы саморегулирования все чаще дают сбои. «Невидимая рука» рынка чем дальше, тем боль-

ше указывает в сторону финансовых спекуляций и хищнического использования ресурсов, а не прогресса человеческих качеств и решения социальных проблем.

Не лучше обстоит дело и с институтами государства и демократии: в одних странах подвергают сомнению результаты выборов, в других эти результаты известны задолго до выборов, и т.п. Свобода, с одной стороны, все чаще превращается в смесь вседозволенности с безразличием, а с другой – попирается корпоративным, масс-медийным и идеологическим манипулированием.

В кризисном состоянии находятся мировые экономикополитические взаимодействия, то, что наш коллега политэконом из Канады Радика Дессаи называет геополитэкономией. Геополитэкономическая конфигурация мира изменяется, но траектории этих изменений темны и противоречивы.

И – едва ли не наиболее негативный момент: люди теряют идейные и духовные ориентиры. Как бы устаревший как бы постмодернизм разрушил «большие нарративы». Категории прогресса, истины, добра и красоты были чуть не полвека назад отправлены в пыльные чуланы идеологического вакуума.

Я не хочу предстать перед вами, коллеги, неким алармистом. Но каждый из участников нашего Конгресса, уверен, чувствует как личность и знает как интеллектуал, что ситуация крайне противоречива. И это, намеренно повторю, и *практическая* проблема, и *теоретический* вызов.

Тем важнее искать и находить те лежащие в пространстве **науки** решения глобальных проблем, которые станут основой для выработки теоретически обоснованных, ответственных, стратегически выверенных решений.

Итак, начну с экономики, экономической теории, которая – и это не парадокс, а логика научного исследования – начинается с обобщения фактов.

Общепризнанными эмпирическими свидетельствами системного кризиса современности стали периодически повторяющиеся, начиная с 2008 года, финансово-экономические кризисы. Существенно, что нынешний кризис начался до широкого распространения коронавируса; последний стал триггером, но не причиной кризисных явлений. Не было бы коронавируса, случился бы другой «толчок», который бы вывел экономику и обще-

ство из состояния равновесия. В терминологии Нассима Талеба, «черный лебедь» уже давно кружился над нами. И его прилет, роковой «взмах крылом» были лишь вопросом времени.

Подчеркну, далеко не случайно именно в наше время, время глобальной трансформации нашей цивилизации, обусловленной переходом к новому состоянию общества, которые мы называем Новым индустриальным обществом второго поколения (сокращенно – НИО.2), переходом к новому *мирохозяйственному* укладу на базе технологий нового *технологического* уклада, – снова и снова, все чаще и больше, – научная общественность, бизнес-структуры и власти обращают свой взор к опыту научного осмысления, практик и теоретических концепций развития, которые накоплены человечеством и которые становятся востребованными в грядущей жизни общества.

В чем же специфика сегодняшнего положения? Какой путь развития представляется и предпочтительным, и объективно возможным?

Ответ на этот вопрос предполагает обращение к глобальным трансформациям последних десятилетий и, в частности, к проблемам генезиса ноономики как неэкономического способа удовлетворения реальных потребностей людей в ходе развития НИО.2. Я немало предыдущих выступлений и текстов посвятил этой теме, и сейчас лишь коротко выделю ключевые аспекты.

Сегодняшний мир захлестывают проблемы. Это – бедность и нищета сотен миллионов, достигшее беспрецедентных размеров неравенство не только отдельных страт населения, но и целых стран в доступе к общественным благам, искусственное торможение развития человека, неустойчивость мировой экономики к шокам различной этиологии и многое другое. С усложнением глобальной экономической системы, связанным не в последнюю очередь с наблюдаемым переходом к новому технологическому и мирохозяйственному укладу, резко возрастает неопределенность будущего, хаотизация экономических отношений на всех уровнях, все хуже просматриваются перспективы. Проблема устойчивости общественного развития стала настолько весомой и очевидной, что вызвала к жизни известные документы ООН по достижению целей устойчивого развития, множествен-

ные дискуссии различного уровня – от Давоса до Пекина, от саммитов семерки до консультаций мировых лидеров.

При этом мировой уровень общественного производства, отражающий реалии и достижения современного НТП, позволяет уже сейчас приступить к решению большинства этих проблем. Однако – воз, как говорится, пока и ныне там.

Это – *глобальное противоречие современности*, и оно обостряется в ходе прогрессирующего технологического прогресса при сохранении устаревающих, на глазах архаизирующихся экономических моделей, в рамках которых достижения технологического прогресса не служат разрешению упомянутых проблем, а, скорее, наоборот, акселерируют их. В частности, в полной мере к таковым следует отнести господствующую неолиберальную модель современного капитализма, регрессирующего в направлении консерватизма, с его фетишизацией рынка.

Следует сказать, что многие специалисты давно говорят о необходимости отхода от однобокого видения модели развития человечества. Развития, тесно увязанного с идеалистически понимаемой рыночной концепцией хозяйствования, когда рыночные отношения активно проникают во все сферы жизнедеятельности общества: культуру и искусство, образование и воспитание, здравоохранение, физическую культуру и спорт, науку, право и публичное управление и т.д.

Из важной, ключевой сферы, которая создает материальные условия для жизнедеятельности людей и развития общества, экономика стала претендовать на определяющую роль в обществе, когда финансовализация разрушает и деформирует те его сферы, которые по самой своей сути ограничительно коммерциализуемы либо вообще не коммерциализуемы без принципиальных деформаций человеческого сознания.

Эскалация этого противоречивого развития в то же время, однако, чревата множественными глобальными рисками; не буду на них здесь детально останавливаться, они достаточно известны.

Но дают ли нам превалирующие в экономической науке теории, её, так сказать, делящийся вот уже более полувека мейнстрим ответ на вопрос о причинах этих явлений?

Господствующая вот уже более века неоклассическая экономическая теория не признает системности кризиса, сводя все

проблемы к тем или иным тактическим просчетам в деятельности государства. При этом, с точки зрения одних – ученых, тяготеющих к монетаризму, причина в том, что в современной экономике слишком много государственного регулирования, тогда как с точки зрения других – ученых, близких к кейнсианству – причина в том, что государственного регулирования слишком мало.

Но в это ли дело?

Предмет нашего исследования – не только эмпирически наблюдаемые структуры, правила игры, отражаемые статистикой количественные процессы. Экономическая теория, вооруженная «микроскопом» научных абстракций (воспользуюсь образом, предложенным Марксом), может и должна видеть нечто более глубокое – содержание тех или иных эмпирически наблюдаемых форм, видеть качественные изменения, скрытые за теми или иными изменениями количественных показателей. В то же время о качественных изменениях существующей системы в рамках, так сказать, «основного течения» экономической теории мало кто задумывается.

Между тем – мир изменился, и нам сегодня уже нужны не только другие **ответы**, нам нужны другие **вопросы**.

И главный их этих вопросов – гораздо более фундаментален, нежели просто тезис об исчерпанности капитализма.

Мы должны спросить себя: а не является ли нынешний кризис свидетельством **исчерпанности и бесперспективности, тупиковости** основанной на приматах парадигмы рынка, собственности и приоритета прибыли **экономической модели развития социума**? Как таковой, вообще?

И как быть с тем, что человечество стоит перед фундаментальной развилкой: или – череда все более разрушительных кризисов, вплоть до планетарной катастрофы, или – качественно новый тип развития?

Ни неоклассика, ни марксистская политическая экономия, даже с обновлениями, не предлагают нам теоретически обоснованных альтернатив, адекватных вызовам XXI века. То же касается и других ветвей общественнознания. Возьмем те же идеи «устойчивого развития» ООН, которое в большинстве случаев сводится к некоторым подвижкам в сторону **Большого внимания к экологическим, социальным и гуманитарным проблемам**, что

правильно, но, предлагаемое к реализации в рамках современной экономической парадигмы, сугубо недостаточно, да и, по большому счету, нереализуемо.

Однако негативное разрешение этого противоречия *не безальтернативно*. В недрах самого современного экономического способа удовлетворения потребностей таится, как в ларце Кашея (казалось бы, «бессмертного»!), его неизбежный конец, переход к иной форме обеспечения общественными благами.

Альтернатива – стратегия перехода к качественно новому состоянию общества, **движение к ноономике через этап Нового индустриального общества второго поколения – НИО.2.**

Эта концепция цивилизационного развития близка к Концепции устойчивого развития ООН своим гуманистическим содержанием, признанием важности, но не *первичности чисто экономических целей* в развитии современной цивилизации.

Исследуя долгосрочные перспективы и тенденции развития, эта концепция дает инструментарий согласованного достижения этих и более продвинутых целей через постепенную трансформацию технологического базиса экономики, придание ему знаниеинтенсивного характера, а социальным процессам – ноо-наполнения.

Основой этой грандиозной трансформации объективно является **процесс технологического развития**. Этот «вечный двигатель» общественного прогресса, однако, находится сегодня в плохих руках. Он встроен в весьма неэффективную, если так можно выразиться, повозку. Потенциал современных НБИКС-технологий неисчерпаемо велик, они могли бы двигать развитие общества вперед с «ускорением ускорения», но существующие экономические отношения и институты тормозят научно-технический и общественный прогресс. И здесь будет вполне уместно вспомнить известный марксистский тезис о том, что производственные отношения на определенном этапе могут становиться тормозом, «оковами» прогресса производительных сил, или, сказал бы я – прогресса общественного развития.

О каких главных трендах в развитии технологий мы можем говорить в этой связи? Их много, но сегодня выделим лишь основные, фиксирующие объективные аспекты прогресса технологий:

- превращение *знаний* в главный *источник, ресурс и результат* социально-экономического развития;
- транзит к шестому технологическому укладу и далее;
- возросшая зависимость всех основных результатов социального бытия (от форм экономической организации до политического устройства и культурных императивов) от технологического базиса.

Мощь современных технологий создает возможность (пока еще не реализованную, но объективно востребованную) перезагрузки и трансформации всех сфер – общественного производства, социально-экономических отношений и институтов.

Как эти цели могут быть достигнуты?

Каков **путь** перехода к этому новому качеству общественного бытия – **к формированию, я бы сказал, ноо-бытия?**

Этот путь – равнодействующая, говоря языком математики, четырех базовых векторов, или, говоря языком поэзии, их квадриги.

Первый вектор касается материальных условий перехода.

Технологический прогресс уже на уровне шестого уклада создает материальный базис для того, чтобы несимулятивные потребности человека удовлетворялись в полной мере. Уже сегодня в странах, где драйвером материального производства является пятый (пока еще не шестой!) технологический уклад, в основных отраслях материального производства (промышленность, транспорт, строительство, сельское хозяйство) занято всего лишь 20-25% работников. Между тем, в тех странах, где деиндустриализация не оказалась столь разрушительной, как, скажем в США или в России, эта четверть всех работающих производит достаточно машин и оборудования, сельскохозяйственного сырья и транспортных услуг, чтобы полностью обеспечить потребности своих стран и еще экспортировать продукции этих отраслей больше, чем импортировать. Человечество уже сейчас стоит на пороге движения к пространству «по ту сторону» материального производства.

Но – подчеркну – *не по ту сторону индустрии*; напротив – оно стоит на пороге движения к наиболее развитой индустрии, качественно иной индустрии – индустрии, где человек выполняет лишь творческие функции, переложив остальные на сис-

тому машин. Поэтому, говоря о реиндустриализации, о развитии промышленного производства, его возрождении, мы говорим о том, что эти процессы должны происходить на *новой технологической основе*. Ключевым фактором и базовым ресурсом развития материального производства в современную эпоху становятся не природные ресурсы, не капитал или дешевый труд, как это было ранее, а *знания*. Новые знания, которые касаются, прежде всего, новых технологий деятельности. Новое производство отличается от традиционного своей высокой знаниеинтенсивностью, а производимый им продукт – высокой знаниеёмкостью. Именно это станет базовым фактором, материальной основой и предпосылкой общественного прогресса.

Рассмотрим второй вектор.

Он касается базисного механизма формирования и удовлетворения человеческих потребностей.

Это – постепенная трансформация экономического способа удовлетворения потребностей в неэкономические.

Одно из важнейших слагаемых этого процесса, и даже, возможно, важнейшее – **диффузия собственности**.

Процессы формирования новых, преодолевающих границы института частной собственности способов присвоения, распоряжения и использования собственности известны давно. Процесс диффузии частной собственности начался более столетия назад и хорошо известен:

- индивидуальный частный собственник «диффундирует», трансформируясь во множество акционеров;
- права частного собственника ветвятся и разделяются между акционерами, менеджерами, работниками и другими экономическими акторами;
- наиболее активными инвесторами все более становятся не отдельные физические лица, а различного рода фонды – пенсионные, страховые и т.п.;
- часть прав собственности передается работникам, в том числе в рамках различных государственных инициатив;
- государство не только ограничивает, но и регулирует деятельность частного собственника, накладывая на него немалую социальную ответственность (отметим, что в законодательстве многих стран записана ответственность частного собствен-

ника перед обществом, что, в частности, инициирует формирование и развитие социально-ответственного бизнеса; напомним известный тезис «собственность обязывает»).

Перечисленные выше и многие другие аспекты давно и хорошо известны. Но не меньшее значение имеют относительно новые тренды – развитие различных форм т.н. ассоциативного, совместного производства и потребления: *ко-воркинг*, *ко-ливинг*, *кар-шеринг* и т.п. Более того, входит в научный обиход понятие «отказ от собственности».

При этом важно зафиксировать: мы ведем речь о **диффузии не частной собственности, а собственности как особого отношения и института** (равно как и соответствующей категории, выражающей наиболее существенные отношения действительности).

Процесс снижения значения института собственности как базового для реализации современного – экономического – способа удовлетворения потребностей людей мы назвали «диффузией собственности», подразумевая постепенное снижение такового значения в процессе развития по первому вектору – насыщения реальных потребностей за счет НТП и развития индустрии 4.0.

Но, вспомним политэкономический взгляд: собственность – это, вообще говоря, не вещи сами по себе, и не право распоряжаться ими, а общественное отношение людей по поводу вещей. И эти отношения, в отличие от вещей, не есть величина постоянная – они меняются в процессе общественного развития (также, как и капитал, по Марксу, – не вещи или деньги сами по себе, а определенное экономическое отношение между людьми).

Т.о., изменение экономических отношений обусловлено изменениями, происходящими с институтом собственности. И если собственность как институт «диффундирует», то редуцируются и утилитарные экономические отношения, уступая место иным, не навязанным – напрямую, а затем и косвенно – экономической логикой.

Постепенно, эволюционно отношения собственности становятся менее значимыми для общества и человека, отмирают, «засыпают». И происходит (и произойдет) это не потому, что некий **субъект** совершает политический, насильственный акт и «экспроприирует экспроприаторов», а в силу **объективного**, от

воли и сознания политических субъектов не зависящего процесса – в силу прогресса технологий, приводящих к смене одного типа общественного производства и присвоения другим.

Но – только при условии движения по остальным векторам развития.

Каковы они?

Посмотрим на следующий, третий вектор.

Он касается траектории общественной компоненты цивилизационного развития.

Технологический прогресс и диффузия собственности прокладывают дорогу **социализации общества и развитию но-качеств человека.**

Описанные выше процессы прогресса НТП и диффузии собственности ведут к тому, что Человек должен обретать и обретает (частью – вынужденно, частью – сознательно) всё БОльшую социальную ответственность, становясь все более «социальным», все более культурным, думающем о своей общественной миссии, включающей не только уже упомянутую ответственность, но и общественное признание, **продвигаясь от «зоо» к «ноо»** – как в отношении формирования своего поведения в обществе, так и в отношении формирования *критериальной* базы этого поведения, мотивов, *нравственно-ценностного ядра.*

И вот здесь я хотел бы обратить внимание на оборотную сторону социализации человека: социализирующийся, принимающий нормы общества, его установок, морали и т.п., т.е. становящийся все более культурным, ответственным перед обществом человек оказывает соответствующее – *социализирующее* – воздействие на экономические, политические и т.п. *общественные институты*, внося в них собственные, порой – отличные на конкретном этапе, представления и форматы бытия. Раздвигает его существенную критериальную базу. Скажу жестче: **человек социализирует общество.** Все более социализирующийся человек привносит в общественное бытие и в общественное сознание новые ценности и мотивы жизнедеятельности и поступков, трансформируя тем самым социо-политико-экономические институты, делая их все более ориентированным на продвижение. Но – куда? Важно – что к **ноо-обществу**, расширяя ноо-пространство. Конечно, если будут прилагаться осмысленные, **осознанные** в своей

безусловной необходимости усилия по формированию у людей, особенно вступающих в жизнь, соответствующих идей и принципов их осуществления.

И, наконец, вектор четвертый, касающийся идеологической платформы такого развития.

«Коренник» (позволю себе этот образ) в четверке, «квадриге ноономики» – **солидаризм**. Это – «синергетический принцип» взаимодействия индивидов, социальных групп, институтов, стран, народов.

Отношения солидаризма не могут родиться одномоментно – **нужен период эмбрионального развития в утробе экономического, рыночно-капиталистического общества**. И здесь вступает в свои права традиционный политико-экономический подход, исследующий потенциал стратегического планирования, активной промышленной и социальной политики, развития различных ассоциированных форм производства и потребления, пользования и присвоения, обмена и распределения. Россияне должны, осознавая, если хотите, историческую миссию своей страны, а я в это верю, существенно усилить её экономическое развитие по направлению той равнодействующей, о которой мы здесь говорим. И компоненты этого движения, вдобавок к упомянутым выше – это и развитие её инфраструктуры, и её регионов, и подъем инновационности экономики, и развитие экономики знаний, и та же цифровизация, и развитие партнерства со странами-соседями – как, подчеркну, неотъемлемый фактор модернизации экономики и вхождения и в очередной технологический уклад, и в новый уклад мирохозяйственный.

Я же только еще раз подчеркну: современная модель экономики и общества основана на получении субъектом преимущества и выгоды для себя, на превалировании одного субъекта над другим. Это касается и людей в экономике, и стран. Но все более востребованный учет интересов других субъектов приводит к необходимости *солидарного* решения упомянутых хозяйственных и социальных вопросов.

Понимание этого нашло отражение, например в концепции со-конкуренции (сотрудничество плюс конкуренция, англ. *co-competition*), в теории пяти конкурентных сил Майкла Портера, в ряде других идей. На наш взгляд, этот намечающийся в тео-

ретическом осмыслении консенсус подтверждает тезис о том, что *солидаризм – объективное условие генезиса ноообщества. По сути, он является идейной платформой для перехода к его новому состоянию, цементирующим составом всей конструкции общественного устройства будущего.*

Более того, подчеркну, осознание этого приходит и к нам, в Россию, воплощаясь в идейный базис нашего развития. Поправкой к Конституции России 2020 года солидаризм провозглашается в РФ на уровне Конституции (статья 75-1); цитирую: «В Российской Федерации ... обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность».

Итак, вывод: **названные выше четыре направления характеризуют не только компоненты равнодействующей направления движения, но и, одновременно, источник, цель, механизм и средства продвижения к нооэкономике.**

Т.о., эти четыре компоненты, на наш взгляд, имеют принципиальное значение для перехода в новый, более справедливый мирохозяйственный уклад, для теоретического осмысления его сущности и практического осуществления.

Повторим.

НТП создает материальные условия этого перехода.

Диффузия собственности, как следствие НТП и естественного развития этого института, обеспечивает изменение механизма удовлетворения потребностей.

Процесс социализации общества создает новые духовно-культурно-ценностное ядро и критериальную базу перехода.

Солидаризм предлагает идеологическую платформу перехода.

При этом важно отметить – генезис нооэкономики в рамках НИО.2 как способа удовлетворения потребностей человека на базе преимущественно неэкономических механизмов – это **объективный процесс**, зреющий в недрах современной экономической системы, который указывает на возможный (хотя и не единственно возможный) и оптимальный вариант решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Базисные тенденции экономики НИО.2 «крутятся», если позволите так выразиться, вокруг человека, его нужд, его реальных потребностей. Подчерк-

ну особо – *не симулятивных потребностей*, навязываемых нынешней «сбрендившей» (от слова «бренд») насквозь финансиализированной глобальной экономикой, которая во многом могла бы называться «зоономикой».

Эти тенденции:

во-первых, развитие знания, НТП и применение его для *решения реальных задач развития человека* – его благополучия, образования, здоровья, активного долголетия и т.д.;

во-вторых – это природосбережение и экология, *среда обитания человека*, возобновляемое ресурсное обеспечение хозяйственной деятельности и многое в этом отношении подобное;

третья тенденция – этика и культура *социальных и межличностных отношений*, ведения бизнеса, экономической и хозяйственной деятельности.

Эти **три** глобальные – подчеркну: объективные и объективно необходимые! – тенденции как раз поддерживаются и одновременно поддерживают упомянутые выше **четыре** фактора генезиса ноономики.

Этот процесс, еще раз подчеркну – *объективен*. Он, если не случится глобальная бифуркация развития, должен привести к более устойчивому состоянию общества, в котором большинство упомянутых проблем нынешнего времени найдет свое разрешение. Но это, однако, и это тоже надо жестко подчеркнуть, не значит, что это произойдет автоматически. Будет немало отклонений на этом пути, и многие из них как раз чреватые не просто сбоем развития, но – глобальными проблемами.

Именно поэтому без целенаправленной работы по поддержке этого процесса не обойтись. Нужен иной курс, позволяющий разрешать эти противоречия на основе гуманистических целей развития общества и шаг за шагом двигаться к ноономике. И для России, и для Евразийского сообщества необходимы и целевые установки развития, и определение соответствующей стратегии.

Для того, чтобы эта стратегия была реализована, она должна адекватно отражать объективные закономерности эволюции и технологий, и экономики, и геополитики. Именно для этого и нужна целостная теоретическая концепция, в частности, концепция поэтапного достижения нооцелей развития, раскрываю-

шая эти закономерности и, тем самым вектор общественно-экономического прогресса нашего общества.

Россия в этом имеет немалый исторический опыт. И, в то же время, Россия, как никогда, сейчас нуждается в определении и своего пути в меняющемся глобальном мире, целей развития, и в применении рациональных способов достижения этих целей.

Поэтому важно осознать необходимость поиска таких способов. Формирование концепции развития, плюс – стратегии развития на перспективу, плюс – использование доказавших свою состоятельность и пригодных институтов (в частности, института планирования в том или ином виде) для достижения этих целей – уверен, это – именно та **триада**, «птица-тройка», которая способна, будучи реализованной, вывести и нашу страну, и наше содружество на передние рубежи цивилизационного развития.

Но есть ли у нас уже сейчас инструменты для такой работы?

Отметим, что практически весь постсоветский период и наша страна, и отдельные наши партнеры по ЕАЭС да и, будем откровенны, в значительной мере – и все сообщество в целом, как целое, развивались и без ясно обозначенной стратегии, и без добротных инструментов ее реализации.

Нельзя сказать, что у нас, в России, попыток как-то распланировать, упорядочить нашу экономическую деятельность, выстроить стратегию долгосрочного развития не делалось. Возьмем хотя бы предыдущее десятилетие. После преодоления постсоветского синдрома доктринального неприятия института планирования, практически безуспешных попыток на уровне программирования в виде разрозненных разнообразных попыток навести хоть какой-то порядок в деятельности как на федеральном уровне, так и в регионах, сейчас у нас есть, наконец, при всех его недочетах, закон о стратегическом планировании от 2014 года. После 2014 года появилось – как бы в рамках этого закона – несколько значимых отраслевых или локальных стратегий. Среди них выделю четыре – стратегия нацбезопасности до 30-го года (2015 г.), стратегия научно-технологического развития до 35-го года (2016 г.), стратегия экономической безопасности до 30-го года (2017 г.), стратегия пространственного развития до 25-го года (2019 г.). Все они приняты, как это ни покажется странным, и без базовой теоретически продвинутой концепции, и без осно-

вополагающей и целеопределяющей стратегии развития страны в целом, особенно, что вообще удивительно, стратегии ее социально-экономического развития. Это – я бы так назвал, «казус-подход» к стратегическому планированию. Не зря эти стратегии толком и не выполняются, и все время как бы дорабатываются – чаще всего под краткосрочные и не особенно предвиденные при исходной разработке цели.

Думаю, это осознавалось. Делались, надо отдать должное, попытки такую глобальную стратегию выработать. Это происходило и в 2017 году, и в 2019-м. Но эти попытки, в силу сложности решения данной задачи в условиях современной динамической (и – ускоряющейся в своих изменениях, в этой динамике) социально-экономической системы, не были доведены до реального результата. Планировалось вернуться к этой работе позже, но – здесь будем объективны, вмешалась пандемия, и задача была отложена.

Однако теперь ситуация изменяется. Пандемия, смеем надеяться, под напором наших микробиологов и медиков, постепенно отступает. Активно в России правительство. Восстанавливается, и неплохими темпами, экономика. Мы снова плотно работаем с нашими ближайшими партнерами в экономическом пространстве.

При этом принят ряд немаловажных для этой работы решений. Президентом России установлены цели национального развития, из которых можно понять, что мы, в общем и целом, намерены строить социально-ориентированное общество с развитой экономикой нового технологического уклада. Есть многие подцели этих национальных целей. Есть национальные проекты. И – немало отраслевых, региональных и прочих стратегий, в которых более-менее ясно обозначены пучки и пласты проблем, подлежащих разрешению, которые можно было бы учесть в рамках разработки общегосударственной стратегии.

Назрела, таким образом, и острая необходимость, и возможность выработки нашей главной стратегии – стратегии развития страны.

И вот на этом я хочу сегодня, коллеги, остановиться подробнее. Думаю, наш Форум – это то место, где озвучить и обсудить предлагаемые подходы особенно важно.

Наверное, уже ни для кого не секрет, что правительство России по поручению нашего президента сейчас работает над про-

ектом Стратегия развития России. Горизонт Стратегии – 2035 год и, что называется, более отдаленная перспектива. Создано несколько рабочих групп, анализируются варианты, механизмы, ресурсы. Предполагается, что будут определены цели и выработаны направления, так сказать, главного удара. Мы полагаем при этом весьма немаловажным, что тренд, намечающийся в целеполагании стратегии, весьма созвучен и гуманистическим целям развития, определяемым базовыми положениями теории ноономики, и подходом, предлагаемым концепцией опережающего развития.

Следуя призыву президента России включиться в конструктивную дискуссию по этой важнейшей проблеме, эксперты ВЭО России (а это – весьма представительная группа крупнейших макроэкономистов страны) в ходе сложных дискуссий и непростых консультаций подготовили и направили в Правительство России документ под названием «Новые пути России (к вопросу о Стратегии развития России)». Сейчас готовится дополнение к этому документу.

Кратко охарактеризую этот документ, тем более, что результаты сегодняшнего нашего обсуждения будут нами, это совершенно ясно, учтены при его дополнении.

Итак, он базируется на обозначенной Президентом системе национальных целей развития, отвечая на новые вызовы, и ориентирует на поддержку конкретных инициатив и проектов в рамках выработки стратегии по пяти основным направлениям:

- **Первое** – *новая социальная модель развития*. Здесь в качестве главной цели обозначена цель абсолютно конкретная: уменьшение малообеспеченного слоя населения и увеличение среди населения доли среднего класса. В числе мер – не только достаточно обширный пакет традиционных, но радикально усиленных мер по снижению бедности, поддержке малообеспеченных и нуждающихся страт и социальных групп, но, к примеру, в рамках нового общественного договора – ориентация государства на человека-клиента, введение на достаточно высоком уровне общероссийского стандарта услуг общественного и бюджетного сектора и оплаты труда, при значимом повышении доли затрат на оплату труда в национальном продукте, меры по снижению межрегиональной и межотраслевой дифференциации в оплате труда и внедрение системы социального казначейства, корректировка

денежно-кредитной политики, меры налогового регулирования уровня материального неравенства граждан.

- **Второе** направление – это *переход от отставания к научно-технологическому прорыву* и занятию лидирующих позиций в мировом инновационном и научно-техническом соперничестве. Целевой ориентир здесь – удвоение темпов технологического развития и вхождение к 2035 году не в десятку, как предполагалось ранее, а в пятерку мировых научно-технических лидеров по базовым направлениям 6-го технологического уклада; важнейшие инструменты в этом направлении – технологическое перевооружение индустриального сектора экономики и новая высокотехнологичная экономика, агрессивные вложения в инфраструктуру, цифровизация с упором на большие данные о гражданах (т.н. «цифропрофилирование» граждан) и т.д.

- **Третье** – *экологически-ориентированное развитие* и создание каркаса экономики *природосбережения*. При этом, обращу ваше внимание, в качестве приоритета здесь обозначено не столько сокращение т.н. «углеродного следа» (куда двигались в последние годы и на чем сейчас жестко споткнулись США и особенно ЕС), сколько комплексное использование природных ресурсов при принятии и реализации высоких норм природосбережения в рамках концепций «чистый воздух», «чистая вода», «рациональное лесопользование», решения проблемы промышленных и бытовых отходов и других, при поддержке внедрения экологически чистых технологий в традиционной для России энергетике.

- **Четвертое** направление – новая модель *пространственного развития*, направленная на подъем срединной России и новый поворот на Восток и к Арктике. Предусматривается развитие дорог, в том числе новых высокоскоростных трансроссийских хорд, новых веток северного широтного хода и много других проектов для повышения пространственной связности страны. Предлагается создание новых уровней и механизмов территориального управления и финансирования регионального развития, постепенный пошаговый переход от нынешней практически полностью дотационной на нормальную систему финансирования – самокупаемость, самофинансирование и – на этой основе! – самоуправление, формирование бюджетов развития регионов и территорий, перераспределение налогов и другие меры.

Важно, что здесь предлагаются меры по повышению комфортности среды обитания и жизнедеятельности людей – такие, как программы «умный город», «тридцатиминутный город», «инфраструктура села» и другие.

- И, наконец, **пятое** направление связано с *евразийским вызовом*. Глобальные центры мирового экономического развития неизбежно в ближайшие десятилетия переместятся на Восток, Азиатский континент. Это необходимо учитывать. При этом идет мощная экономическая реструктуризация и реинтеграция евразийского пространства, и Россия может и должна и внести свой вклад в этот процесс, и получить от него вместе с партнерами определенные бенефиции. Отсюда – задачи по формированию Россией в странах – наших азиатских соседях и экономических партнерах – центров экономического, образовательного, научного, социального сотрудничества, с созданием и развитием соответствующих, ныне отсутствующих либо слабо функционирующих институтов. Роль ЕАЭС здесь – превалирующая и должна быть отражена в Стратегии развития России, а через институты ЕАЭС – и в стратегических решениях наших партнеров по сообществу.

В целом Стратегия развития России, по мнению экспертов ВЭО России, должна быть направлена на формирование привлекательной модели, я бы сказал, жизни своих граждан, на реализацию возможности (а она – есть!) сбалансированного, устойчивого развития, обеспечивающего гармонизацию целей существенного прогресса в экономике, связанного с переходом к новому состоянию общества, с одновременным ростом человеческого богатства и природосбережением.

Естественно, возникают вопросы: почему мы считаем принципиально важным реализовать этот подход – подход опережающего развития, ведущего к ноономике, – в рамках нашего союза, в рамках ЕАЭС? И – есть ли предпосылки для этого?

Ответим. Опережающее развитие нашего сообщества, причем именно в направлении «ноо», принципиально важно потому, что мы находимся в состоянии острейшей конкуренции за свое будущее с идейными и экономическими силами, навязывающими нам вторичность нашего существования, встраивающими нас в свой будущий мир в качестве «подсобных» рабочих и готовящими нам измельчание, а не развитие человека. Без соли-

дарных усилий в этой могучей конкуренции, причем усилий, организованных на разумной и социально продвинутой платформе, здесь нам не обойтись. При этом, в то же время, хотя есть и более продвинутые в технологическом и экономическом отношениях страны, тем не менее, страны ЕАЭС, обладая не самыми большими на данный момент объемами ВВП, имеют немалый потенциал реализации такой стратегии, которая может быть скоррелирована со стратегическими задачами развития их экономик. Это – даже не объемы, не количество, а качество экономики и нашего социума. Это – предпосылки развития по пути реализации четырех слагаемых т.н. «квадриги ноономики», определяющие ее генезис.

Каков же потенциал для опережающего развития экономик ЕАЭС по траектории ноономики в единстве названных выше четырех слагаемых?

Этот потенциал включает такие компоненты:

- сохраняющийся высокий уровень развития науки, образования, культуры и ряда сфер *высокотехнологического производства*;
- «цивилизационный код» *солидаризма*;
- историческая память о высоком уровне *социализации*, характерном для наших стран в составе СССР и Мировой социалистической системы;
- предпосылки – и экономические, и общецивилизационные – для развития *социализированных форм собственности* и диффузии собственности.

Не будем так же забывать о том, что граждане наших стран имеют исторический опыт реализации стратегии опережающего развития в рамках СССР, и определенная часть из них и лидеров наших стран обладает высокой пассионарностью.

Оговорюсь: я не идеализирую СССР и МСС; мы все помним о таких проблемах, как бюрократизм и чрезмерная централизация управления экономикой, дефицит, проблемы внедрения достижений НТП в гражданских отраслях и др. Но, выплескивая из ванны грязную воду, не стоит выплескивать вместе с ней и ребенка.

При этом важно также иметь в виду, что мы, в отличие от стран т.н. Центра (по теории мир-системного анализа), имеем и опыт успешного долго- и среднесрочного планирования, и – теперь – теорию ноономики, позволяющие нам разработать и реа-

лизовать теоретически выверенную и имеющие исторические основания единую стратегию опережающего развития.

Коллеги, в завершение подчеркну: и России, и всему ЕАЭС нужен, крайне нужен модернизационный рывок. Только так нам всем можно обеспечить решение задач реиндустриализации экономики на новой технологической основе (в первую очередь, на основе знаниеемкого производства, адекватного для перехода к НИО.2) – на первом этапе модернизации, и дальнейшее продвижение к социально-ориентированному государству, более справедливому устройству общества и ноономике – на последующих этапах. Уверен, в этом может быть и национальная идея, если хотите, и миссия России и ЕАЭС – войти в число лидеров мирового цивилизационного процесса.

С.Д. Бодрунов

ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ЦЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ¹

**Пленарный доклад на Московском академическом
экономическом форуме (МАЭФ)
(Москва, РАН, 26 мая 2021 г.)**

Уважаемые коллеги!

Базовая идея проводившихся в последние годы многочисленных международных экономических конгрессов состояла в поиске новых траекторий развития экономики и общества в целом в условиях новых вызовов.

Первоосновой осознания этих вызовов стало понимание определяющего характера технологических трансформаций для формирования будущего человеческой цивилизации. Даже далеко не сторонники сугубо технократического подхода уже не могут не признать, что именно развитие знания, познания человеком мира, своих потребностей и способов их удовлетворения, породивших НТП и индустриальный способ производства, технологические импульсы – именно все это порождает изменения, перерастающие на современном этапе в глубокую трансформацию нынешней парадигмы общественного развития.

Как следует из гегелевской диалектики, накопление количественных изменений в системе неминуемо приводит к качественному скачку, к её переходу в новое состояние. Именно такая картина, в строгом соответствии с фундаментальными философскими закономерностями, сложилась в современной социально-экономической и общецивилизационной системе.

Предметом анализа сегодня являются те изменения, которые мы, во-первых, имеем возможность наблюдать в экономике и обществе, во-вторых, вопросы «конструирования» образа бу-

¹ Опубликовано в журнале «Научные труды Вольного экономического общества России». – 2021. – Т. № 4 (230). – С. 54-65.

дущего экономического и социального устройства, а также, в третьих, обсуждения инструментария бесконфликтной и эффективной трансформации к этому будущему состоянию, переходу к более справедливому и разумному, целесообразному обустройству жизни.

Наверное, многие согласятся с тем, что сейчас мировая социально-экономическая система и ее слагаемые – экономика, общество, человек – находятся в глубоком и всеохватывающем кризисе. Намеренно расширяя взгляд на проблему, отметим, что пандемия стала его триггером, но не причиной. Нынешний экономический кризис – лишь яркое проявление общего кризиса мировой социально-экономической системы.

Он в полной мере затронул сложившуюся в настоящее время совокупность *производственных отношений и экономических институтов*. Рыночные механизмы саморегулирования все чаще дают сбой. «Невидимая рука» рынка чем дальше, тем больше указывает в сторону финансовых спекуляций и хищнического использования ресурсов, а не прогресса человеческих качеств и решения социальных проблем.

Не лучше обстоит дело и с институтами государства и демократии: в одних странах подвергают сомнению результаты выборов, в других эти результаты известны задолго до выборов, и т.п. Свобода, с одной стороны, все чаще превращается в смесь вседозволенности с безразличием, а с другой – попирается корпоративным, масс-медийным и идеологическим манипулированием.

В очевидном кризисном состоянии находятся мировые экономико-политические взаимодействия. Геополитэкономическая конфигурация мира изменяется, но траектории этих изменений неопределенны и противоречивы.

И – едва ли не наиболее негативный момент: возрастают риски развития тенденций отчуждения человека от позитивных идейных и духовных ориентиров, взрывного роста социопатических проблем вследствие стремительного прихода цифрокоммуникативно-виртуальных технологий (т.н. инфодемии) в неподготовленное к этому общество – конфликтогенности и агрессивности на межличностном, межстратовом и межстрановом уровнях, межпоколенческого коммуникативного и социального разрыва, в результате чего деформируются катего-

рии прогресса, истины, добра, исторической правды, гендерных и семейных ценностей и т.д.

Конечно, не стоит впадать в алармизм. Но каждый из участников нашего Форума, уверен, чувствует как личность и признает как интеллеktуал, что ситуация, действительно, крайне противоречива. И – чревата, без нахождения путей разрешения этих противоречий, немалыми, если не глобальными, проблемами.

И это, подчеркну, – и *практическая* проблема, и *теоретический* вызов.

Тем важнее искать и находить лежащие в пространстве **науки** решений, которые могут стать основой для выработки теоретически обоснованных, ответственных, стратегически выверенных шагов. Поэтому далеко не случайно именно в наше время, время глобальной трансформации нашей цивилизации, обусловленной переходом к новому состоянию общества, Новому индустриальному обществу второго поколения, к новому *мирохозяйственному* укладу на базе технологий нового *технологического* уклада, научная общественность, бизнес-структуры и власти обращают свой взор к опыту научного осмысления, практик и теоретических концепций развития общества.

В чем специфика сегодняшнего положения?

Ответ на этот вопрос требует анализа глобальных трансформаций последних десятилетий, и особенно – проблемы исчерпания действующей экономической парадигмы удовлетворения общественных потребностей и генезиса тенденций ноономики как отличного от исключительно экономического способа удовлетворения реальных потребностей людей.

Сегодняшний мир захлестывают проблемы. Это – бедность и нищета сотен миллионов, достигшее беспрецедентных размеров неравенство не только отдельных страт населения, но и целых стран в доступе к общественным благам, искусственное торможение развития человека, новые социо-когнитивные психологические проблемы драматического уровня, разрушение среды обитания и биоразнообразия природы, неустойчивость мировой экономики к шокам различной этиологии и многое другое. С усложнением глобальной экономической системы, связанным не в последнюю очередь с наблюдаемым переходом к новому технологическому и мирохозяйственному укладу, резко возраста-

ет неопределенность будущего, хаотизация экономических отношений на всех уровнях, все хуже просматриваются перспективы. Проблема устойчивости общественного развития стала настолько весомой и очевидной, что вызвала к жизни известные документы ООН по достижению целей устойчивого развития, множественные дискуссии различного уровня – от Давоса до Пекина, от саммитов Семерки до консультаций мировых лидеров.

В то же время мировой уровень общественного производства, отражающий реалии и достижения современного НТП, позволяет уже сейчас приступить к решению большинства этих проблем. Однако – как показывает практика, при многих вербальных благопожеланиях и призывах ведущих акторов мировой политики и экономики, их решение ныне не продвигается темпами, достаточными для опережения темпов развития негативных следствий осуществляемой человеком экономической деятельности.

Это – *глобальное противоречие современности*, и оно обостряется в ходе прогрессирования технологий при сохранении устаревающих, на глазах архаизирующихся экономических моделей, в рамках которых достижения технологического прогресса не служат разрешению упомянутых проблем, а, скорее, наоборот, акселерируют их.

В частности, в полной мере к таковым следует отнести определяющую нынешнюю ситуацию господствующую в мире неолиберальную модель современной экономики, регрессирующую в направлении консерватизма, с его фетишизацией рынка.

Следует сказать, что многие специалисты давно говорят о необходимости отхода от однобокого видения модели развития человечества. Из важной, ключевой сферы, которая создает материальные условия для жизнедеятельности людей и развития общества, современная экономика стала претендовать на определяющую роль в обществе, когда коммерциализация и финансиализация разрушает и деформирует те его сферы – культуру и искусство, образование, воспитание, здравоохранение, спорт, науку и т.д., которые по самой своей сути ограничленно коммерциализуемы либо вообще не коммерциализуемы без принципиальных деформаций человеческого сознания.

Эскалация этого противоречивого развития, в то же время, однако, чревата множественными достаточно известными глобальными рисками.

Однако негативное разрешение этого противоречия *не безальтернативно*. В недрах самого современного экономического способа удовлетворения потребностей прослеживаются тенденции перехода к иной форме обеспечения общественными благами.

Исследуя долгосрочные перспективы развития, мы наблюдаем и тенденции согласованного достижения этих и более продвинутых целей через постепенную трансформацию технологического базиса экономики, придание ему знаниеинтенсивного характера, а социальным процессам – более рационального, разумного, ноо-наполнения.

Материальной основой этой грандиозной трансформации объективно является **процесс технологического развития**. Этот «вечный двигатель» общественного прогресса, однако, сегодня встроен в весьма неэффективную систему. Потенциал современных НБИКС-технологий неисчерпаемо велик, они могли бы двигать развитие общества вперед с «ускорением ускорения», но существующие экономические отношения и институты тормозят научно-технический и общественный прогресс. И здесь было бы вполне уместно характеризовать ситуацию известным марксистским тезисом о том, что производственные отношения на определенном этапе могут становиться тормозом, «оковами» прогресса производительных сил, или, следует добавить – прогресса общественного развития.

О каких главных, определяющих позитив общественного прогресса, трендах в развитии технологий мы можем говорить в этой связи? Их много, но сегодня выделим лишь три основные, фиксирующие объективные аспекты прогресса технологий на нынешнем этапе:

- превращение *знаний* в главный *источник, ресурс и результат* социально-экономического развития;
- транзит к шестому технологическому укладу и далее;
- возросшая зависимость всех основных результатов социального бытия (от форм экономической организации до поли-

тического устройства и культурных императивов) от технологического базиса.

Мощь современных технологий создает объективно востребованную возможность перезагрузки и позитивной трансформации всех сфер – общественного производства, социально-экономических отношений и институтов.

Каким в связи с этим может быть **путь** перехода к этому новому качеству общественного бытия?

Этот путь формирует равнодействующая, говоря языком математики, четырех базовых векторов.

Первый вектор касается материальных условий перехода.

Технологический прогресс уже на уровне шестого уклада создает материальный базис для того, чтобы несимулятивные потребности человека удовлетворялись в полной мере. Даже сегодня в странах, где драйвером материального производства является пятый (пока еще даже не шестой!) технологический уклад, в основных отраслях материального производства (промышленность, транспорт, строительство, сельское хозяйство) занято всего лишь 20-25% работников. Между тем эта четверть всех работающих производит достаточно машин и оборудования, сельскохозяйственного сырья и транспортных услуг, чтобы полностью обеспечить потребности своих стран и еще экспортировать продукции этих отраслей больше, чем импортировать. Человечество уже сейчас стоит на пороге движения к пространству «по ту сторону» материального производства.

Но – подчеркну – *не по ту сторону индустрии*; напротив – оно стоит на пороге движения к наиболее развитой индустрии, качественно иной индустрии – индустрии, где человек выполняет лишь творческие функции, переложив остальные на систему машин. Поэтому, говоря о реиндустриализации, о развитии промышленного производства, его возрождении, мы говорим о том, что эти процессы должны происходить на *новой технологической основе*. Ключевым фактором и базовым ресурсом развития материального производства в современную эпоху становятся не природные ресурсы, не капитал или дешевый труд, как это было ранее, а *знания*. Новые знания, которые касаются, прежде всего, новых технологий деятельности. Новое производство отличается от традиционного своей высокой знаниеинтенсивно-

стью, а производимый им продукт – высокой знаниеёмкостью. Именно это становится базовым фактором, материальной основой и предпосылкой общественного прогресса.

Второй вектор касается базисного механизма формирования и удовлетворения человеческих потребностей.

Это – постепенная трансформация преимущественно экономического способа удовлетворения потребностей в преимущественно неэкономический.

Одно из принципиальных слагаемых этого процесса, и даже, возможно, важнейшее – **диффузия собственности**.

Процессы формирования преодолевающих границы института частной собственности способов присвоения, распоряжения и использования собственности – дробление собственности, перенос прав частных элементов права собственности к акторам-эксплуатантам собственности, узурпация общественными институтами, и особенно государством, элементов прав собственности в целях, отличных от целей владельца-собственника, и т.п. – известны давно. Но не меньшее значение имеют относительно новые по времени и новые по свойствам и глубине последствий тренды – стремительного развития различных форм т.н. ассоциативного, совместного производства и потребления, организации не только экономической активности, но и, что еще более отличает эти тренды от традиционных, – все более активных (и, подчеркнем, востребованных обществом, что делает их объективными) – форм организации пространства и рабочего, и все более увеличивающегося свободного времени: *ко-воркинг, ко-ливинг, кар-шеринг, краудсорсинг и краудфандинг в финансовой сфере, в развитии общедоступных сетей знаний, постепенно снимающих границы интеллектуальной частной собственности*, и т.п. Более того, входит в научный социолого-философский словарь и социальный обиход понятие «отказ от собственности».

При этом важно зафиксировать: речь следует вести уже о **диффузии не частной собственности, а собственности как особого отношения и института** (равно как и соответствующей категории, выражающей наиболее существенные отношения действительности). И эти отношения не есть величина постоянная – они меняются в процессе общественного развития.

Т.о., изменения, происходящие с институтом собственности, обуславливают изменение экономических отношений. Если собственность как институт «диффундирует», то редуцируются и утилитарные экономические отношения, уступая постепенно, по мере эволюции, место иным, не навязанным – напрямую, а затем и косвенно – исключительно экономической логикой. И происходит это не потому, что некий **субъект** совершает политический, насильственный акт и «экспроприирует экспроприаторов», а в силу **объективного**, от воли и сознания субъектов общества не зависящего процесса – в силу прогресса технологий, приводящих к смене одного типа общественного производства и присвоения другим.

Но – только при условии движения по остальным векторам развития.

Посмотрим на следующий, третий вектор.

Он касается траектории общественной компоненты цивилизационного развития.

Технологический прогресс и диффузия собственности прокладывают дорогу **социализации общества и развитию но-окачеств человека**.

Описанные выше процессы прогресса НТП и диффузии собственности ведут к тому, что Человек обретает (частью – вынужденно, частью – сознательно) всё БОльшую социальную ответственность, становясь все более «социальным», все более культурным, признающим свою общественную миссию, включающую не только уже упомянутую ответственность, но и общественное признание, **продвигаясь от «зоо» к «ноо»** – как в отношении формирования своего поведения в обществе, так и в отношении формирования *критериальной* базы этого поведения, мотивов, *нравственно-ценностного ядра*.

Здесь следует обратить внимание на оборотную сторону социализации человека: социализирующийся, принимающий нормы общества, его установок, морали и т.п., т.е. становящийся все более культурным, ответственным перед обществом человек оказывает соответствующее – *социализирующее* – воздействие на экономические, политические и т.п. *общественные институты*, внося в них собственные, порой – отличные на конкретном этапе, представления и форматы бытия. Раздвигает существующую критериальную базу,

социализирует общество. Все более социализирующийся человек привносит в общественное бытие и в общественное сознание новые ценности и мотивы жизнедеятельности и поступков, трансформируя тем самым социо-политико-экономические институты, делая их все более ориентированным на ноо-развитие. Конечно, если будут прилагаться осмысленные, **осознанные** в своей *безусловной необходимости* усилия по формированию соответствующих идей и принципов их осуществления.

И здесь важен вектор четвертый, касающийся идеологической платформы такого развития – **солидаризм** как «синергетический принцип» взаимодействия индивидов, социальных групп, институтов, стран, народов.

Подчеркну: современная модель экономики и общества основана на получении субъектом преимущества и выгоды для себя, на превалировании одного субъекта над другим. Это касается и людей в экономике, и стран. Но все более востребованный учет интересов других субъектов приводит – и это ярко подчеркнула пандемия – к необходимости *солидарного* решения упомянутых хозяйственных и социальных вопросов.

Понимание этого находит отражение, например, в концепции со-конкуренции, в теории пяти конкурентных сил Майкла Портера, в ряде других идей. Этот намечающийся в теоретическом осмыслении мировой наукой консенсус подтверждает тезис о том, что *солидаризм – объективное условие выживания человеческой цивилизации и генезиса нооструктуры общества. По сути, он является идейной платформой для перехода к его новому состоянию, цементирующим составом всей конструкции будущего общественного устройства.*

Более того, отметим, осознание этого приходит и к нам, в Россию, воплощаясь в идейный базис нашего развития. Поправкой к Конституции России 2020 года солидаризм провозглашается в РФ на уровне Конституции (статья 75-1); цитирую: «В Российской Федерации ... обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность».

Таким образом, **названные выше четыре направления характеризуют не только компоненты равнодействующей**

направления движения, но и, одновременно, источник, цель, механизм и средства нооразвития.

При этом важно отметить – такое направление развития на базе преимущественно неэкономических механизмов – это **объективный процесс**, зреющий в недрах современной экономической системы, который указывает на возможный (хотя и не единственно возможный) и оптимальный вариант решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Базисные тенденции Новоиндустриальной экономики ближайшего этапа объективно выстраиваются вокруг человека, его нужд, его реальных потребностей. Подчеркну особо – *не симулятивных потребностей*, навязываемых нынешней финансиализированной глобальной экономикой.

Эти тенденции:

во-первых, не просто развитие знания, НТП – но применение его для *решения реальных задач развития человека* – его благополучия, образования, здоровья, активного долголетия и т.д.;

во-вторых – это природосбережение и экология, *среда обитания человека*, возобновляемое ресурсное обеспечение хозяйственной деятельности и многое в этом отношении подобное;

третья тенденция – этика, культура, ответственность *социальных и межличностных отношений*, ведения бизнеса, экономической и хозяйственной деятельности.

Эти **три** глобальные – подчеркну: объективные и объективно необходимые! – тенденции поддерживаются и одновременно поддерживают упомянутые выше **четыре** фактора генезиса грядущего этапа общественного развития.

Этот процесс, еще раз подчеркну – *объективен*. Он, если не случится глобальная бифуркация развития, способен привести к более устойчивому состоянию общества, в котором большинство упомянутых проблем нынешнего времени найдет свое разрешение.

Но это, и это тоже надо жестко подчеркнуть – не значит, что данный процесс произойдет автоматически. Будет немало отклонений на этом пути, и многие из них как раз чреватые не просто сбоем развития, но – глобальными проблемами.

Именно поэтому без целенаправленных усилий по поддержке продвижения ноотенденций не обойтись.

Нужна существенная корректировка курса, позволяющая разрешать глобальные противоречия на основе гуманистических целей развития.

Нужна она и нашей стране. Для России, включенной в глобальные мировые геоэкономические и геополитические процессы, и на которую эти процессы оказывают обуславливающее ее развитие влияние, необходимы и целевые установки развития с учетом глобальных тенденций, и определение соответствующей стратегии, как и рациональных способов ее реализации.

Отметим, что практически весь постсоветский период наша страна развивалась без ясно обозначенной стратегии.

Думаю, это осознавалось. Делались, надо отдать должное, попытки такую глобальную стратегию выработать. Это происходило и в 2017 году, и в 2019-м. Но эти попытки, в силу сложности решения данной задачи в условиях современной динамической (и – ускоряющейся в своих изменениях, в этой динамике) социально-экономической системы, не были доведены до реального результата. Планировалось вернуться к этой работе позже, но – здесь будем объективны, вмешалась пандемия, и задача была отложена.

Однако теперь ситуация изменяется. Пандемия, смеем надеяться, под напором наших микробиологов и медиков, сознательных граждан постепенно отступает. Активно в России правительство. Восстанавливается, и неплохими темпами, экономика.

При этом к данному моменту принят ряд немаловажных для этой работы предваряющих решений. Президентом России установлены цели национального развития, из которых можно понять, что мы, в общем и целом, намерены строить социально-ориентированное общество с развитой экономикой нового технологического уклада. Есть многие подцели этих национальных целей. Есть национальные проекты. И – немало отраслевых, региональных и прочих стратегий, в которых более-менее ясно обозначены пучки и пласты проблем, подлежащих разрешению, которые можно было бы учесть в рамках разработки общегосударственной стратегии.

Назрела, таким образом, и острая необходимость, и возможность выработки нашей главной стратегии – стратегии развития страны.

И вот на этом я хочу сегодня, коллеги, остановиться подробнее во втором блоке доклада. Думаю, наш Форум – это то место, где озвучить и обсудить предлагаемые научным сообществом подходы особенно важно.

Правительство России по поручению президента сейчас работает над проектом Стратегия развития России. Горизонт Стратегии – 2035 год и, что называется, более отдаленная перспектива. Создано несколько рабочих групп, анализируются варианты, механизмы, ресурсы. Определяются контуры направлений, так сказать, главного удара. При этом важно, что тренд, намечающийся в целеполагании стратегии, весьма созвучен гуманистическим целям и подходам опережающего ноо-развития.

Следуя призыву президента России включиться в конструктивную дискуссию по этой важнейшей проблеме, эксперты ВЭО России в тесном взаимодействии с подразделениями РАН включились в эту работу, проведя сложные обсуждения и непростые консультации. Отталкиваясь от обозначенной Президентом системы национальных целей развития, отвечая на новые вызовы, фиксируя, что главная цель экономики – служить прогрессу человеческих качеств в парадигме «не человек («трудовой ресурс») для экономики, а экономика как средство развития человека» в принципиальной логике развёртывания по траектории: “прогресс технологий – знаниеемкое производство – развитие культуры, новых ценностей и общественных отношений – развитие личности“, ученые ориентируют на поддержку стратегией конкретных инициатив и проектов по ряду основных направлений.

Назову некоторые из них.

- **Первое** – «человекоориентированная» *социальная модель развития*. Здесь – в главном – представляется необходимым достижение абсолютно конкретных целей. Сегодня, несмотря на относительно успешный выход наш из первого, шокового периода пандемии, мы должны учитывать накопленные нами проблемные зоны и негативные тенденции в социально-экономической сфере. Мы постоянно отстаем. К примеру, возьмем ВВП по номиналу: ВВП США в 2013 году был больше российского в 7,3 раза, ВВП КНР – в 4,2 раза, а по итогам года 2020-го США нас опережает уже 14 раз, а Китай – почти в 10 раз. По ВВП по ППС за тот же период мы ушли с пятой позиции в мире на 6-ю, с приличным отставани-

ем от перешедшей на пятую позицию Германии. Или – по ВВП на душу населения (по номиналу) мы с 2013 года по 2020 год перешли с 51-го места в мире на 65-е, нас в прошлом году уже обогнали Китай и даже Малайзия, тогда как еще в 2013 году этот показатель у нас был выше китайского в 2,2 раза, а малайзийского – в полтора. В КНР продолжительность жизни достигла 77,4 года, у нас – в 2019-м – 73,2 года, а сейчас вообще упала до 71,1 года, при том, что у наших китайских соседей, судя по поступающей аналитике, падения продолжительности жизни вообще не произошло. И разрыв в этих показателях растет, что тоже важно видеть. Поэтому для нас крайне необходимо не просто приращение численных показателей в экономике, а усиление одновременно социальной компоненты развития. Среди очевидных целей здесь – уменьшение малообеспеченного слоя населения и увеличение доли среднего класса. В числе мер должен быть не только сохранен достаточно обширный пакет традиционных, и даже – радикально усиленных мер по снижению бедности, поддержке малообеспеченных и нуждающихся страт и социальных групп, но, к примеру, в рамках нового общественного договора – императивная переориентация государства на «человека-клиента». В этом ключе стоит поддержать идеи введения на достаточно высоком уровне общероссийского стандарта услуг общественного и бюджетного сектора и оплаты труда, при значимом повышении доли затрат на оплату труда в национальном продукте, меры по снижению межрегиональной и межотраслевой дифференциации в оплате труда и внедрение системы социального казначейства, корректировка денежно-кредитной политики, меры налогового регулирования уровня материального неравенства граждан.

- **Второе** направление – это *переход от отставания к научно-технологическому прорыву* и занятию лидирующих позиций в мировом инновационном и научно-техническом соперничестве. Целевой ориентир здесь – удвоение темпов технологического развития и вхождение к 2035 году не в десятку, как предполагалось ранее, а в пятерку мировых научно-технических лидеров по базовым направлениям 6-го технологического уклада; важнейшие инструменты в этом направлении – технологическое перевооружение индустриального сектора экономики и новая высокотехнологичная экономика, агрессивные вложения в инфраструктуру, цифровиза-

ция с упором на большИе данные о гражданине (т.н. «цифропрофилирование» граждан) и т.д. Особое внимание необходимо уделить поддержке и повышению уровня финансирования фундаментальной науки, которая не только формирует научный каркас НТП, но и прямо дает весомый, хотя и не всегда адекватно высоко оцениваемый обществом, вклад в экономику и социальное самочувствие общества. Сейчас у нас траты на фундаментальные исследования не превышают 0,15% ВВП, тогда как у стран, с которыми конкурирует российская наука, как правило, они выше 2-х процентов ВВП. В то же время имплементация фундаментальных научных разработок – это основа развития современной экономики, ее отраслей, составляющая уже, собственно, суть описанных выше трансформаций общественного развития. Возьмите, к примеру, открытия в исследовании нано- и гетеро-структур, космоса, принципов движения, связи и телекоммуникаций, философско-социологическом осмыслении процессов развития – и вы увидите, что вот это – и есть современное общество, результат того, что дала наука в предыдущие десятилетия. Пандемия подтвердила, и жесточайшим образом, необходимость исследований в сферах биомикромира, химии и биохимии, генетики, антропологии, биоценозов, медицины. Или, к примеру, до поры до времени не столь явных по, назовем, сиюминутной компоненте, но важнейших для человека исследований в сфере магнитных бурь, приводящих к немалым проблемам для значительной части людей, геоиндуцированных токов, возбуждаемых в технологических системах при резких колебаниях геомагнитного поля, с их колоссальным и вполне ощутимым экономически влиянием на работу энергетических и транспортных систем. Примеры можно множить, в этих стенах их назовут сотни и тысячи. Необходимо признать – в стратегии развития России должна быть, несомненно, учтена и эта задача. Кроме того, важно усилить и образовательную, и инновационную составляющие нашего продвижения, в их интеграции с наукой.

- **Третье** – *экологически-ориентированное развитие* и создание каркаса экономики *природосбережения*. Нобелевский лауреат по экономике и медицине Конрад Лоренц предупреждает, что мы разучились правильно обходиться с живой природой, поскольку человеку проще в рамках своей деятельности иметь дело с техно-

цессами и техустройствами, причиняя природе непоправимое зло. Это – не просто важное заявление; специалисты воспринимают такой подход как императив при определении стратегии деятельности. Для России это – также сверхактуальная проблема. При этом, однако, нам важно учитывать наши экологические возможности и особенности российской экономики. Представляется, что в качестве приоритета нам целесообразно обозначить не только сокращение т.н. «углеродного следа», но – комплексное использование природных ресурсов при принятии и реализации высоких норм природосбережения в рамках концепций «чистый воздух», «чистая вода», «рациональное лесопользование», решения проблемы промышленных и бытовых отходов и других, при поддержке внедрения экологически чистых технологий в традиционной для России энергетике.

- **Четвертое** направление – новая модель *пространственного развития*, направленная на подъем срединной России и новый поворот на Восток и к Арктике. Следует безусловно поддержать идеи, связанные с развитием дорог, в том числе новых высокоскоростных трансроссийских хорд, новых веток северного широтного хода и многих других проектов в этой области – по мнению ученых, они привлекательны не только экономически, но и – имеют высокую стратегическую важность для повышения пространственной связности страны, и коррелируют с задачами развития социально-ориентированной экономики. Важен и еще один аспект этого блока проблем – создание новых уровней и механизмов территориального управления и финансирования регионального развития, постепенный поэтапный переход от нынешней практически полностью дотационной на нормальную систему финансирования – самоокупаемость, самофинансирование и – на этой основе! – самоуправление, формирование бюджетов развития регионов и территорий, перераспределение налогов и другие меры. Специалистами предлагаются меры по повышению комфортности среды обитания и жизнедеятельности людей – такие, как программы «умный город», «тридцатиминутный город», «инфраструктура села» и другие.

- Наконец, Стратегия должна предусматривать развитие человека-гражданина, ответственной личности, человека высокой культуры и широкого кругозора, образованного и высокоморального, готового к солидарному решению общественных проблем. И это – не благое пожелание, а также – объективная необходи-

мость. Уровень технологического развития современного общества таков, что без высокоответственного отношения к использованию его результатов человек может навлечь на себя неисчислимые проблемы, возможно, напрочь перечеркивающие любые экономические и социальные бенефиции от НТП и даже чреватые самоотрицанием человека. Необходима перенастройка человеческого сознания, повышение и уровня социализации общества, и уровня ответственности людей. Отсюда – особое внимание – институтам социального проектирования, образования, воспитания, в том числе – через повышение доступа населения, особенно молодежи, к артефактам подлинной культуры, объективной истории, знаниям в сфере общественных наук, с созданием и расширением соответствующей материальной и социальной инфраструктуры.

В целом Стратегия развития России, по мнению научно-экспертного сообщества, должна быть направлена на формирование привлекательной модели жизни своих граждан, на реализацию возможности (а она – есть!) сбалансированного, устойчивого развития, обеспечивающего гармонизацию целей существенного прогресса в экономике, связанного с переходом к новому состоянию общества, с одновременным ростом человеческого богатства и природосбережением.

В завершение зададимся вопросом – почему мы считаем принципиально важным реализовать этот подход опережающего развития, ведущего к новому этапу жизни нашего общества?

Ответим. Опережающее развитие нашего общества, причем именно в направлении «ноо», гуманитарного и социального благополучия, принципиально важно потому, что мы находимся в состоянии острейшей конкуренции за свое будущее с идейными и экономическими силами, навязывающими нам вторичность нашего существования, встраивающими нас в свой будущий мир в качестве «подсобных рабочих» и готовящими нам измельчание, а не развитие человека. Без солидарных усилий в этой могучей конкуренции, причем усилий, организованных на разумной и социально продвинутой платформе, нам не обойтись. Формирование такой платформы и создание условий для реализации решаемых на ее основе проблем – полагаем, собственно, и есть задача и нашей науки, и нашей национальной стратегии развития в условиях современных вызовов.

Спасибо за внимание!

С.Д. Бодрунов

**ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ XXI ВЕКА:
НА ПУТИ К НООНОМИКЕ**

**Стенограмма выступления на ежегодной Конференции
Международной инициативы по продвижению политической
экономики (ПРРЕ) «Пандемия и будущее капитализма:
политическая экономия нашего общества»
(Италия, Феррара, 12-17 сентября 2021 г.)**

Уважаемые коллеги!

Позвольте сначала – несколько предварительных замечаний.

Первое. Мне представляется, что темы двух сегодняшних сессий нашей конференции очень интересные, во всяком случае – для меня, они имеют важные смыслы, и я хочу поблагодарить за выбор этих тем организаторов Конференции. Поскольку для меня обе темы интересны, я хотел бы сказать кое-что по каждой из них. Поэтому я попытаюсь это сделать в одном сообщении, и, может быть, даже как-то их объединить.

Второе. Два года пандемии, ставшей катализатором, но не причиной целой серии кризисных явлений, причем не только в экономике, сделали очевидным для большинства тот вывод, который мы и наши коллеги в ИНИР и других группах сделали много лет назад. И сегодня это тоже звучит – я здесь поддержу профессора Андреа Ферраттини из Италии. Мир вступает в полосу качественных трансформаций во всех сферах жизни экономики, общества и человека. Я подчеркну: *качественных* трансформаций.

Однако – вот проблема: экономическая теория, в том числе глубоко уважаемая мною политическая экономия, равно как и другие ветви гетеродоксального направления, использует по преимуществу ту же методологию и аксиоматику, что и столетия назад. И это продолжается уже многие десятилетия, затушевывая глобальность проблем трансформации общества и не позволяя подняться, что называется, над задачами экономической повседневности.

Но начинаются новые потрясения. Потрясения, которые предвещают весьма вероятный *грядущий кризис* развития цивилизации. И в них лучше вступать не вслепую, а имея *адекватную методологию и теорию*.

Проявления современного кризиса – проблемы климата, экономическая стагнация, рост социального неравенства, финансовализация, нарастание террористических угроз, социальная и психологическая деструкция и многие другие – хорошо известны. Причина этого кризиса, как было показано ранее нами в докладах на двух предшествующих форумах международной Инициативы – исчерпание потенциала как старых технологий, основанных на репродуктивном труде, так и старых отношений, основанных на господстве частного интереса.

Поэтому, исходя из этих двух замечаний, я сегодня остаюсь на основных объективно необходимых и возможных, но требующих солидарных усилий, направлениях *трансформации экономики*, позволяющих пойти по пути преодоления системного кризиса и прийти в конечном итоге к качественно новому – *постэкономическому* – состоянию *общества*, и роли в этом процессе планирования.

Я начну свой доклад с очевидных свидетельств качественных сдвигов, регулярно отмечаемых многими исследователями (но преимущественно – описательно, на уровне первичных обобщений и систематизаций).

Исследование трансформации в области технологий продвинулось едва ли не в наибольшей степени. Цифровизация, которую кое-кто считает новейшим явлением – это одна из форм процесса, который идет с нарастающей интенсивностью уже несколько десятилетий. Но это, в действительности, не что иное, как зримое проявление процесса превращения знаний и в определяющий фактор, и в результат общественного производства. Именно *знание*, а не материальные ресурсы, становятся постепенно и неуклонно *главным ресурсом*. Содержание этого процесса – становление *знаниеемкого*, становящегося безлюдным *производства*. Сбывается сделанное почти два столетия назад предска-

знание К.Маркса о том, что человек в производстве будущего будет выполнять роль «контролера и регулировщика».

Но вот – парадокс: в этих изменениях, описывающих характеристики (знаниеемкость, безлюдность), как правило, игнорируется то, что же они характеризуют – *производство*. Между тем, именно здесь, на производстве, должен быть сделан главный акцент – основой развития остается производство, однако – качественно новое, принципиально изменившееся.

Соответственно, сегодня стоит задача исследования тех *новых отношений*, которые складываются в этом новом производстве, и того *влияния*, которое оно оказывает на всю жизнь общества, включая социальную стратификацию, политику и даже культуру. И, что еще более важно, какое влияние эти новые отношения в сфере качественно преобразующегося производства оказывают на человека. Первое приближение к ответам на эти вопросы состоит в том, что в той мере, в какой научно-технический прогресс генерирует знаниеемкое производство, остающееся основой развития, формируются и новые общественные отношения.

Т.о., *первое направление глобальных трансформаций – переход к новому качеству общественного производства – знаниеемкому производству*.

Установив это, пойдем дальше.

Развитие безлюдных знаниеемких технологий ставит перед обществом вопрос о трансформации тех отношений, которые в советской и российской политической экономии традиционно называют «основными» – *отношений собственности*. Поскольку главным экономическим ресурсом становятся знания, то расширение института собственности на этот ресурс, начавшееся полтора столетия назад, сейчас идет бурными темпами. При этом сфера знаний, как хорошо известно, характеризуется тем, что создаваемые в этом пространстве блага по своему содержанию являются неограниченными: к примеру, одни и те же математические решения могут изучать и использовать столетиями миллионы и миллиарды людей, и этих знаний «не убудет». Однако их применение в качестве ресурса в экономическом обществе

ограничивается искусственно – ограничения создает институт *частной интеллектуальной собственности*. Подчеркну: не персонализация творческого результата (имя писателя, ученого, изобретателя), а экономико-правовая форма этого результата (патент и т.п.). Так встает вопрос о продвижении в направлении *снятия* интеллектуальной частной собственности. Ей на смену может идти феномен, который мои коллеги – современные марксисты (в частности, профессор Александр Бузгалин) называют «собственность каждого на все». Но здесь я с ними должен не согласиться. Я полагаю, что общедоступность благ, в т.ч. интеллектуальных благ – это уже вообще *не собственность*. Мы вступаем в пространство т.н. *диффузии собственности* как экономико-правового феномена, в пространство снятия не просто частной собственности, но *собственности как таковой*.

Сходные тренды, замечу, наблюдаются и в сфере материального производства. Это хорошо известные формы диффузии собственности на капитал, а так же различные быстро прогрессирующие и новые формы, предполагающие совместность потребления и труда: кар-шеринг, ко-ливинг, ко-воркинг и др. Сюда же примыкают тренды расщепления права собственности, размытие и фактическая передача прав собственников эксплуатантам собственности и мн. другие тенденции.

Так формируется *второй тренд трансформаций – диффузия собственности*.

Далее.

Закономерным продолжением (результатом и одновременно предпосылкой) диффузии собственности становится развитие в обществе отношений *солидаризма*. И это – не столько различные формы коллективного производства, сколько нечто большее и по масштабу, и по глубине проникновения в ткань человеческого бытия – *уход* от базовой, частно-конкурентной модели нынешнего человеческого поведения и *генезис отношений солидарности как основы взаимодействия индивидов*. Сегодня проблема перехода к солидарности как к *принципиальной основе* дальнейшего плодотворного развития общества в условиях на-

растания и преодоления кризисных явлений должна быть осознана в своей новой полноте.

Что при этом еще важно видеть?

Развитие многообразных форм солидарности невозможно вне процесса *социализации общества* (неслучайно, например, во Франции развивается тренд «социальной и солидарной экономики» (от французского «*économie sociale et solidaire*»)). Этот тренд становится важным механизмом снятия тех глубочайших социальных противоречий (подчеркну – всех упомянутых в начале доклада системных противоречий, а не только неравенства в доходах), которые стали важнейшим звеном, основой системного кризиса современности.

Развитие солидарности и социализация общества становятся, соответственно, третьим и четвертым направлениями стратегических трансформаций, ведущих к рождению нового общества.

Подчеркнем – упомянутые тренды развития *объективны*, и они объективно *противостоят* негативным трендам, навязываемых обществу экономической парадигмой его развития.

Что же становится результатом этих объективно разворачивающихся трендов прогресса?

Это – такое состояние общества, когда:

- *производство, оставаясь основой механизма удовлетворения человеческих потребностей, становится знаниеемким;*
- *отношения собственности диффундируют, развиваются и становятся превалирующими отношения совместной деятельности и потребления;*
- *солидарность вытесняет отношения частного бытия (подчеркну: не индивидуальность и уникальное личностное развитие, а – воспользуюсь языком профессора Булавки – отчужденность бытия частного человека);*
- *процесс социализации общества снимает не только экономическое неравенство (неравенство способностей и личностных качеств, безусловно, сохраняется), но и иные социально-экономические антагонизмы.*

Это – качественно новое! – состояние общества мы определили как ноообщество, основу удовлетворения потребностей в котором составляет не экономика, а *ноономика*, при этом выделенные выше тренды образно назвали «квადригой ноономики», по некоторой аналогии с квадригой Аполлона. Раскрытию содержания и форм этих феноменов посвящена серия наших работ, в частности, книги, статьи и другие публикации на русском, английском, испанском, немецком, китайском, иврите, славянских и других языках.

По-видимому, парадоксальным на конференции экономистов станет следующий тезис, который я не могу не подчеркнуть, ибо он чрезвычайно важен: ноообщество – это *пост-экономическое* состояние общества, в котором ноономика сменяет экономику. Данный вывод – следствие раскрытых выше его характеристик.

В самом деле:

- производство, из которого исключен человек;
- общественные отношения, в которых нет места собственности;
- господство солидарности и социализации при нисхождении частного экономического интереса;
- можно ли такую систему назвать экономической?

Но снятие (подчеркну: не уничтожение, а снятие, отрицание с удержанием положительного) «экономичности» системы не означает того, что в ней нет производства (оно просто становится автоматизированным, «отделенным» от непосредственного участия человека, распределение его результатов не порождает экономических отношений); и это не значит, что люди не заняты полезной деятельностью (она становится *творческой*, человек берет на себя «немашинизируемые» функции, по образному выражению моего коллеги и соавтора профессора Алана Фримена); это, наконец, не значит, что люди аскетичны и не нацелены на удовлетворение потребностей (нет, конечно, просто потребности трансформируются на основе новых ценностей, *ценностей ноообщества*, и становятся не симулятивными, а разумными и лежащими в основе личностного развития). Эти трансформации общества закономерно вызывают и трансформацию *социальной стороны человека*: от «зоо» мы движемся к «ноо», от человека экономического к человеку

культурному, истинному «сапиенсу», и от ценностей экономических – к нооценностям, определяющим жизнь человека, его потребности, а с ними – и цели общественного производства. Тем самым, апеллируя к основной теме нашего направления конференции – переходе по ту сторону (beyond) капитализма, мы можем сделать вывод, что ноономика – это пространство, лежащее «по ту сторону» не только капитализма, но и экономического способа бытия, или, выражаясь словами К.Маркса, по ту сторону «экономической общественной формации». Однако я стою на несколько иной, чем наши коллеги из постсоветской школы критического марксизма, позиции. Они это постэкономическое будущее видят как коммунизм, «царство свободы», путь к которому лежит через социальную и политическую революцию. Я принципиально не согласен с этим подходом: полагаю, в современных условиях только эволюция на основе технологического и культурного развития может привести к тем изменениям, о которых мы пишем, без того, чтобы человечество оказалось в состоянии даже не кризиса – катастрофы, которую в современных условиях неизбежно вызовут революционные потрясения.

В завершающей части своего доклада я хотел бы, однако, поставить более приземленный вопрос, имеющий прямое отношение не только к основной теме нашего направления – переходе по ту сторону капитализма, но и к теме данной сессии, а именно, – проблеме будущего планирования. Эту тему мы уже обсуждали вместе с рядом участников нашей сегодняшней сессии; кроме того, основные положения моего предыдущего доклада отражены в выходящей в ближайшее время статье в журнале Всемирной политэкономической ассоциации. Поэтому буду краток.

Рынок и частная собственность, капитал и инициатива предпринимателя – это системообразующие отношения современной экономики, и они не могут и не должны «исчезнуть» в одночасье. Речь может и должна идти о *постепенной*, особо это подчеркну, *в меру развития технологических и иных предпосылок, диффузии этих отношений и генезисе новых, постэкономических форм*. И именно этот процесс диффузии рынка по мере развития технологий может и должен иметь, в том числе (но не

исключительно), форму *плана*. Даже больше того – стратегических долгосрочных программ развития, подкрепленных средне- и кратко-срочными планами. Этот вывод делаю не только я. Данная позиция хорошо известна в мировой литературе. Прозвучала она в марте т.г. и на международной конференции, посвященной 100-летию Советского Госплана и прошедшей под эгидой Института нового индустриального развития, которым я имею честь руководить уже более 20 лет. На этой конференции с данной позицией выступили крупные специалисты – один из спикеров данной сессии профессор Ал Кэмпбелл, профессор Дэвид Котц, российский академик Абел Аганбегян и другие ведущие ученые многих стран мира.

Но вот в чем я вижу свой авторский вклад в этот вывод – это определение в качестве стратегической цели планирования общественной трансформации формирование *ноономики*. По этому поводу мы с академиком В.Л.Квинтом даже издали в этом году книгу в России, и она в следующем году выйдет в США. И это, определение цели, – принципиально: ведь план – это всего лишь средство. Между тем именно выбор цели – не придуманной, а объективно обусловленной мировыми трендами технологического и социально-экономического развития – предопределяет успех или провал любого глобального проекта.

Надо четко осознать – мы находимся в кризисной точке нашего развития.

Позитивный вариант трансформации не обязательно автоматически выльется в достижение ноосостояния общества, ибо существующий негативный тренд и инерция экономического развития пока очень сильны, и даже превалируют, и *именно поэтому* движение к ноосостоянию должно быть осознанным (в русском языке – от слов «знание», «принятие знания»!), целеустремленным (в русском языке означает – «имеющим цель» и «стремление к ней»!) и планомерным (у нас это означает – «в меру плана»).

Это – важно. Как известно, ни один ветер не будет попутным, если не знать, куда плыть.

Спасибо за внимание!

С.Д. Бодрунов

РЕСУРСЫ РОСТА: НООПОДХОД¹

Доклад на форуме «Урал – драйвер неоиндустриального и инновационного развития России», проводимом под девизом «Вызовы цифровизации и ресурсы роста»

(Екатеринбург, 22 октября 2021 г.)

Уважаемые коллеги!

Наш сегодняшний Форум проводится уже в третий раз. Выбор его ключевой темы неслучаен, он предопределен необходимостью осмысления того импульса для цифрового развития, который нам дала пандемия. Но, с другой стороны, пандемия послужила лишь триггером, спусковым крючком для ускорения модернизации экономики и общества, о необходимости которых мы неоднократно говорили и на Форуме, и на мероприятиях, проводимых Вольным экономическим обществом России и Институтом нового индустриального развития имени С.Ю. Витте. Замечу, что именно об этом, о поиске путей преодоления нынешнего кризисного состояния и дальнейшего развития цивилизации говорил вчера на Валдайском клубе Президент России.

Подчеркну при этом, что эти проблемы не только обсуждаются с позиций их злободневности, необходимости их рассмотрения и изучения грядущих перемен. Для них предлагаются научно обоснованные решения.

¹ Опубликовано в сборнике «Урал – драйвер неоиндустриального и инновационного развития России : материалы III Уральского экономического форума» (Екатеринбург, 21–22 октября 2021 г.) / ответственные за выпуск: Я.П. Силин, В.Е. Ковалев; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вольное экономическое общество России, Уральское отделение Вольного экономического общества России, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Уральский государственный экономический университет. – Екатеринбург : УрГЭУ, 2021. – С. 18-28.

Поговорим сегодня об этом. Магистральный путь развития человечества, по моему мнению, и это мнение разделяют многие авторитетные российские и зарубежные специалисты, лежит в направлении: современная экономическая модель – новое индустриальное общество 2-й генерации (НИО.2) через реиндустриализацию на современной технологической основе – и далее – ноономика (**слайд 1**).

В своем выступлении я не буду детально останавливаться на сущности и эволюции идей НИО.2 и ноономики, этой проблематике будет посвящена моя сегодняшняя лекция, на которую я приглашаю всех желающих.

Кроме того, эти вопросы всесторонне раскрыты в ряде научных изданий, в том числе опубликованных за рубежом. Некоторые из них представлены на слайдах. Со всеми ними можно ознакомиться, они доступны для участников Форума (**слайд 2**).

Слайд 2

* * *

Вернись к ключевой теме Форума. Она посвящена ресурсам роста. Безусловно, экономический рост нам жизненно необходим. И провал в экономическом росте, замедление социальной динамики, вызванные пандемией в 2020 году, не оставляют сомнения в актуальности этого тезиса. Данные на **слайде 3**, которые показывают глубину спада в мире в 2020 году, это подтверждают.

Страна	Динамика ВВП, 2020, %
Китай	2.30
Россия	-2.95
США	-3.49
Бразилия	-4.06
Германия	-4.90
Индия	-7.96
Великобритания	-9.79
Еврозона	-6.67
ОЭСР	-4.69
Мир в целом	-3.59

Слайд 3

Источник:Всемирный банк

Но здесь возникает очень важный вопрос: А какой рост необходим сегодня? Тот ли это рост, который наблюдался в течение последних десятилетий? Не приведет ли нас следование традиционной парадигме роста в цивилизационный тупик?

Ответы на эти вопросы мы и наши коллеги сделали много лет назад. И эти ответы отражены в тех публикациях, на которые я уже сегодня указывал.

Мир вступает в полосу качественных трансформаций во всех сферах жизни экономики и общества, эти трансформации затрагивают и самого человека. Я подчеркну: качественных трансформаций. И классические взгляды, закрепленные в господствовавших донныне течениях экономической мысли, не дают понимания не только сути и движущих сил этих трансформаций, но попросту предпочитают не замечать их. Возобновление роста в русле старой парадигмы не решит проблем, а лишь усугубит их. Нужна замена концептуальной основы, ключевых взглядов на сущность происходящих трансформаций.

Кризис, вызванный пандемией, это – лишь симптом глубоких тектонических сдвигов в экономике и обществе. Мы вступили в эпоху перемен. Эти потрясения предваряют грядущий кризис развития цивилизации. И в них лучше вступать не вслепую, а имея адекватную методологию и теорию. Лишь в этом случае рост из ожидаемого станет реальным, а «ресурсы роста» получат зримые очертания и однозначную классификацию.

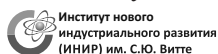
Современные проявления кризиса – проблемы климата, экономическая стагнация, рост социального неравенства, финансовализация экономики, нарастание террористических угроз, социальная и психологическая деструкция и многие другие – хорошо известны. Глубинная причина этого кризиса – исчерпание потенциала как старых технологий, основанных на репродуктивном труде, так и старых, основанных на господстве частного интереса, отношений. Новым ориентиром развития и роста должен стать переход к качественно новому – постэкономическому – состоянию общества.

Этот переход происходит по ряду направлений. Движение к новому качественному состоянию общества по этим направлениям требует выявления необходимых для этого специфических ресурсов, мобилизация которых будет способствовать ускорению развития, а также позволит если не исключить полностью, то, по

крайней мере, снизить вероятность «зигзагов» на траектории развития, обеспечить ее устойчивость.

* * *

Первый, наиболее очевидный, тренд, это – смена технологического уклада, технологического ядра экономики (**слайд 4**).

Институт нового
индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте

Ресурсы роста: нооподход. Форум «Урал – драйвер неиндустриального и инновационного развития России», Екатеринбург, 22.10.21

Тренд 1: Смена технологического уклада, технологического ядра экономики.

- Переход к VI технологическому укладу;
НБИКС-технологии;

- Сохранение индустриальной основы
общественного производства;

- Знаниеёмкость производства; знание – базовый
ресурс экономики;

- Движение в направлении пространства «по ту
сторону материального производства» (К.Маркс).

Слайд 4

И вынесенная сегодня в тему Форума «цифровизация» – это лишь одно из проявлений технологических трансформаций. Важное, но не единственное. Технологическое развитие в последние десятилетия существенно ускорилось, оно происходит «широким фронтом», причем различные технологии переплетаются, интегрируются в единую систему, как это происходит, например, с НБИКС-технологиями. Сущностное содержание этого процесса – переход к знаниеёмкому, постепенно становящемуся безлюдным производством.

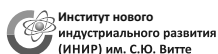
Важно подчеркнуть, что речь идет именно о производстве. В указанных изменениях, описывающих такие характеристики, как знаниеёмкость и безлюдность, как правило, игнорируется то, что они характеризуют именно производство. Технологические изменения в других сферах экономики, конечно же, тоже происходят. Но именно изменения в производстве порождают новые общественные отношения. Научно-технический прогресс формирует новое безлюдное знаниеёмкое производство, которое

по цепочке хозяйственных и социальных взаимодействий меняет весь облик экономики и общества, перестраивает структуру их взаимосвязей.

Технологические изменения, которые стали зримыми для всех в период пандемии, когда многие виды деятельности испытали шоковую цифровизацию, а некоторые бизнес-процессы были переведены в дистанционный режим исполнения, служат начальным импульсом для целого каскада трансформаций.

* * *

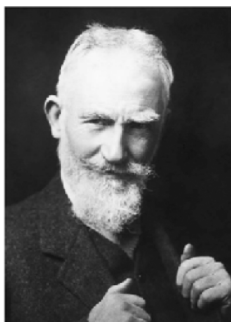
Ключевым экономическим ресурсом становится знание. Это сразу же порождает необходимость четкого определения прав собственности на него. И мы наблюдаем активное развитие института собственности на этот ресурс. Оно началось довольно давно, больше ста лет назад, но именно сейчас идет бурными темпами. Знание – ресурс специфический. Его специфичность в образной форме выразил Бернард Шоу (слайд 5).

Институт нового
индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте

Ресурсы роста: нооподход. Форум «Урал – драйвер неоиנדустриального и инновационного развития России», Екатеринбург, 22.10.21

Ключевым экономическим ресурсом становятся знания

Бернард Шоу
Ирландский драматург и
романист, лауреат Нобелевской
премии в области литературы

Слайд 5

«Если у тебя есть яблоко и у
меня есть яблоко, и мы
обменяемся этими яблоками, то
у каждого из нас будет одно
яблоко... Если у тебя есть идея
и у меня есть идея, и мы
обменяемся этими идеями, то у
каждого из нас будет по две
идеи!»

Говоря языком экономической теории – они неконкурентны в потреблении, использовании. От их распространения, овладения знаниями новыми людьми, количество знаний не

уменьшается. Напротив, вследствие распространения, диффузии знаний, могут наблюдаться осязаемые, хотя и пока еще слабо изученные, синергетические эффекты, ускоряющие развитие производства и общества в целом.

Однако их применение в качестве ресурса в современном обществе, обществе экономическом ограничивается искусственно – ограничения создает институт частной интеллектуальной собственности. Подчеркну: не персонификация творческого результата (имя писателя, ученого, изобретателя), а экономико-правовая форма этого результата (патент и т.п.). Возникает объективная необходимость снятия этого ограничения. Это требует институциональной перестройки.

Возможная и нарастающая с ростом возможностей удовлетворения человеческих потребностей на базе НТП и технологичей этапа НИО.2 общедоступность благ, в т.ч. интеллектуальных благ, по сути означает размывание, разрушение института собственности в его традиционном понимании (слайд 6).

Институт нового
индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте

Ресурсы роста: нооподход. Форум «Урал – драйвер неиндустриального и инновационного развития России», Екатеринбург, 22.10.21

Тренд 2:

Разрушение традиционных отношений собственности.

- Постепенное снижение значения института собственности для реализации целей удовлетворения несимулятивных потребностей;

- Диффузия собственности:

- = индивидуальный собственник «диффундирует», трансформируясь во множество акционеров;
- = права собственника ветвятся и разделяются между экономическими акторами;
- = наиболее активными инвесторами все более становятся общественные фонды;
- = часть прав собственности передается участникам производства;
- = государство ограничивает и все более жестко регулирует деятельность частного собственника, накладывая на него все большую социальную ответственность;
- = развитие ассоциативных форм производства и потребления;
- = развитие тенденции «отказа от собственности».

- Диффузия отношений собственности в рамках социума;

- Диффузия института собственности.

Слайд 6

И это относится не только к главному ресурсу нарождающегося НИО.2, но – к любой собственности, собственности на любые ресурсы и блага. Возникает новый эффект, новый экономико-правовой феномен – диффузии собственности; «снятие» не просто частной собственности, но собственности как таковой. Сходные тренды, еще раз замечу, наблюдаются и в сфере материального производства. Это – хорошо известные формы диффузии собственности на капитал, перехода части прав из т.н. пучка права собственности к лицам, не являющимся собственниками (например, право использования оборудования – от собственника или владельца к специалисту, умеющему его использовать, и даже запрет на использование собственником принадлежащего ему актива, если его некомпетентное использование может принести вред!), а также различные быстро прогрессирующие и новые формы, предполагающие совместность потребления и труда: кар-шеринг, ко-ливинг, коворкинг и др.

* * *

Это разрушение традиционных отношений собственности, которые строятся на монопольном обладании вещами, изменяет не только структуру экономической власти, но и структуру общества. Собственность – это не только права, но и обязанности. И они тоже «размываются», обобществляются, социализируются, становятся все более распределенными. В этой связи, закономерным продолжением (результатом и одновременно предпосылкой – эти процессы развиваются одновременно, стимулируя друг друга) диффузии собственности становится развитие в обществе отношений *солидаризма* (слайд 7):

Тренд 3: Развитие в обществе отношений солидаризма.

- Осознание необходимости солидарного предотвращения угроз цивилизационного развития;
- Отказ от безусловности принципа превалирования/ доминирования в субъектных отношениях;
- Развитие партнёрства как превалирующей системы отношений на всех уровнях социального устройства;
- Развитие и реализация на практике концепций со-конкуренции и со-работы;
- Включение и расширение принципов солидаризма в базовые форматы общественных институций (правовых, экономических, идеологических, политических и др.).

Слайд 7

Видимое проявление солидаризма – различные формы коллективного производства. Но есть и более глубокое, фундаментальное проявление: происходит постепенный отход от современной экономической (основанной на личной выгоде), частно-конкурентной модели человеческого поведения; отношения солидарности становятся основой взаимодействия индивидов в обществе. То есть, третья тенденция – перехода к солидаризму как к базовому принципу дальнейшего развития общества. Ценность этого перехода особенно четко осознается в периоды кризисов и иных испытаний, пандемия Covid-19 это ярко продемонстрировала.

* * *

Развитие многообразных форм солидарности, в свою очередь, невозможно вне процесса **социализации** общества (слайд 8), который становится важным механизмом снятия тех глубочайших социальных противоречий (подчеркну – всех упомянутых в начале доклада системных противоречий, а не только неравенства в доходах), которые стали важнейшим звеном, основой системного кризиса современности. Меняется поведение людей, их система ценностей, нравственные ориентиры, то есть вся система неформальных институтов.

Тренд 4:

Развитие процессов социализации общества.

- Повышение социальной ответственности;
- Повышение общего уровня образования и культуры;
- Развитие ноо-критериальной базы общественных отношений;
- Ноо-развитие нравственно-ценностного ядра общественных отношений;
- Рост социализирующего влияния человека на общество;
- Ускорение социализации общественных институтов.

Слайд 8

Институциональная матрица общества при этом испытывает все более ясно проявляющуюся социально-ориентированную трансформацию. То есть современное общество экономических ценностей и ориентиров, экономическое общество, заменяется на общество социально-ориентированное, где приоритетными являются гуманистические, неэгоистические идеалы. Итак, развитие солидарности (третья тенденция) и вызванная этим социализация общественных отношений – тенденция четвертая! – осуществляемые совместно, взаимно определяя и обуславливая друг друга, завершают череду трансформаций, ведущих к рождению нового общества. И это общество, что принципиально, не является экономическим.

* * *

Подчеркнем – упомянутые тренды развития объективны. Они противостоят негативным трендам, навязываемых обществу господствующей ныне экономической парадигмой его развития. Что же становится результатом этих объективно разворачивающихся трендов прогресса?

Это – такое состояние общества, которое описывается совокупностью новых качеств:

- производство, оставаясь основой механизма удовлетворения человеческих потребностей, становится знаниеёмким;

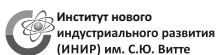
- отношения собственности диффундируют, развиваются и становятся превалирующими отношения совместной деятельности и потребления;

- солидарность вытесняет отношения частного бытия (подчеркну: не индивидуальность и уникальное личностное развитие, а отчужденность бытия частного человека);

- процесс социализации снимает не только экономическое неравенство (неравенство способностей и личностных качеств, безусловно, сохраняется), но и иные социально-экономические антагонизмы.

Это – качественно новое (!) – состояние общества мы определили как нономику, а выделенные выше направления образно назвали «квадригой нономики», по некоторой аналогии с квадригой Аполлона. Раскрытию содержания и форм этих феноменов посвящена серия наших работ, в частности, книги, статьи и другие публикации на русском, английском, испанском, немецком, китайском, иврите, славянских и других языках, о которых шла речь в начале доклада.

Ключевым является тезис, который выглядит несколько парадоксально в реалиях сегодняшнего дня. Он состоит в следующем: нономика – это пост-экономическое состояние общества (слайд 9). Данный вывод – следствие раскрытых выше его характеристик.

Ресурсы роста: нооподход. Форум «Урал – драйвер неоиндустриального и инновационного развития России», Екатеринбург, 22.10.21

**Нономика - хозяйственная система,
отличающаяся от экономики
отсутствием отношений людей в
процессе материального производства.
Нономика - это пост-экономическое
состояние общества.**

Слайд 9

В самом деле: производство, из которого исключен человек; общественные отношения, в которых нет места собственности; господство солидарности и социализации при нисхождении частного экономического интереса – можно ли такую систему назвать экономической? (слайд 10).

Характеристики ноономики

производство становится автоматизированным, «отделенным» от непосредственного участия человека;

люди заняты творческой, а не рутинной деятельностью;

потребление трансформируется на основе новых ценностей, которые становятся не симулятивными, а разумными.

Слайд 10

Но снятие (подчеркну: не уничтожение, а снятие, отрицание с удержанием положительного) «экономичности» системы не означает того, что в ней нет производства (оно просто становится автоматизированным, «отделенным» от непосредственного участия человека), что люди не заняты полезной деятельностью (она становится творческой; человек берет на себя функции, с которыми не могут справиться даже самые совершенные машины), что люди аскетичны и не нацелены на удовлетворение потребностей (нет, конечно, просто потребности трансформируются на основе новых ценностей, ценностей ноообщества, и становятся не симулятивными, а разумными и лежащими в основе личностного развития).

Эти трансформации общества закономерно вызывают и трансформацию социальной стороны человека: от «зоо» мы движемся к «ноо», от человека экономического к человеку культур-

ному, истинному «сапиенсу», и от ценностей экономических – к нооценностям, определяющим жизнь человека, его ноопотребности, а с ними – и цели общественного производства. Эволюция – именно эволюция, а не слом, не революция! – эволюция на основе технологического и культурного развития может привести к тем изменениям, о которых идет речь, без того, чтобы человечество оказалось в состоянии даже не кризиса – катастрофы, которую неизбежно вызовут революционные потрясения.

* * *

Концептуальные взгляды на выявление новых, нетрадиционных ресурсов роста, основанные на ноо-подходе, требуют своего практического воплощения. В противном случае человечество по-прежнему будет вновь и вновь безрезультатно пытаться разрешить возникающие проблемы, вызванные углубляющимся системным кризисом. Безусловно, необходим инструментарий осмысленного, разумного перехода к новой организации общества, перехода, для которого уже сформированы объективные предпосылки.

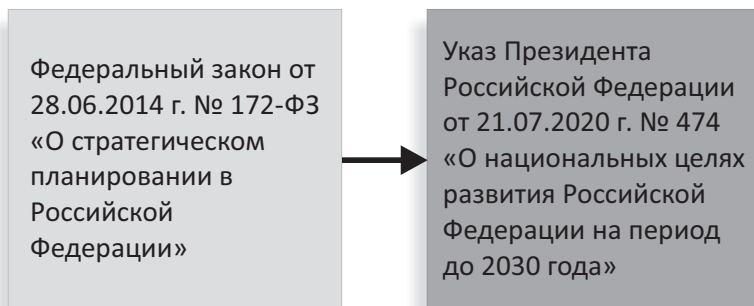
Генезис ноономики – это объективный процесс, зреющий в недрах современной экономической системы и указывающий на возможный (хотя и не единственно возможный); при этом переход к ноономике – это оптимальный вариант решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Однако без целенаправленной работы по поддержке этого процесса не обойтись. Нужен иной курс, позволяющий разрешать эти противоречия и шаг за шагом двигаться к ноономике.

Одним из признанных инструментов управляемого движения общества и развития экономики к новому качеству – НИО.2 – является *планирование*.

Отказ от планирования, который мы наблюдали в России в начале переходного периода в 90-х годах XX века, оказался разрушительным. План в современной смешанной модели российской экономики – это объективно обусловленное и необходимое дополнение рыночного саморегулирования. Такое сочетание позволяет соединить плюсы рынка с плюсами планомерности.

Отметим, что практически весь постсоветский период страна развивалась и без ясно обозначенной стратегии, и без доб-

ротных инструментов ее реализации. Сейчас у нас есть, при всех его недочетах, закон о стратегическом планировании (**слайд 11**).

Слайд 11

Президентом России установлены цели национального развития, ориентированные на построение социально-ориентированного общества с развитой экономикой, базирующейся на новом технологическом укладе. Есть многие подцели этих национальных целей. Есть национальные проекты. И – немало отраслевых, региональных и прочих стратегий. Задача – развить эту систему планов, дополнив ее полноценным стратегированием, о чем мы пишем с академиком В.Л.Квинтом в нашей книге, и о чем недавно достаточно твердо заявил президент. Таким образом, сегодня в России происходит определенное движение к возрождению института планирования.

* * *

Помимо развития инструментария планирования, его технологического, в том числе – цифрового, обеспечения, требуется четкое задание ориентиров, целей, определяющих то, в каком направлении мы будем развиваться не фундаментально (в этом ясность как раз имеется), а в среднесрочной перспективе. И здесь следует выделить пять основных направлений:

- Первое – новая социальная модель развития. Здесь в качестве главной обозначена абсолютно конкретная цель: сокращение доли малообеспеченного населения и увеличение доли

среднего класса. В числе мер – не только достаточно обширный пакет традиционных, но радикально усиленных мер по поддержке малообеспеченных и нуждающихся страт и социальных групп, но, к примеру, введение на достаточно высоком уровне общероссийского стандарта услуг общественного и бюджетного сектора и оплаты труда, при значимом повышении доли затрат на оплату труда в национальном продукте, меры по снижению межрегиональной и межотраслевой дифференциации в оплате труда, корректировка денежно-кредитной политики, меры налогового регулирования уровня материального неравенства граждан.

- Второе – это переход от отставания к научно-технологическому прорыву и занятию лидирующих позиций в мировом научно-техническом соперничестве. Целевой ориентир здесь – удвоение темпов технологического развития и вхождение к 2035 году не в десятку, как предполагалось ранее, а в пятерку мировых научно-технических лидеров по базовым направлениям 6-го технологического уклада; важнейшие инструменты в этом направлении – технологическое перевооружение индустриального сектора экономики, вложения в инфраструктуру и т.д.

- Третье – экологически-ориентированное развитие и создание каркаса экономики природосбережения. При этом, обращу ваше внимание, в качестве приоритета здесь обозначено не столько сокращение т.н. «углеродного следа» (куда двигались в последние годы и на чем сейчас жестко споткнулись США и особенно ЕС), сколько комплексное использование природных ресурсов при принятии и реализации высоких норм природосбережения в рамках концепций «чистый воздух», «чистая вода», «рациональное лесопользование», решения проблемы промышленных и бытовых отходов и других, при поддержке внедрения экологически чистых технологий в традиционной для России энергетике.

- Четвертое – новая модель пространственного развития, направленная на подъем срединной России и новый поворот на Восток и к Арктике. Предлагается создание новых уровней и механизмов территориального управления и финансирования регионального развития, постепенный поэтапный переход от нынешней практически полностью дотационной на нормальную систему финансирования – самокупаемость, самофинансирование и – на этой основе! – самоуправление, формирование бюджета

тов развития регионов и территорий, перераспределение налогов и другие меры.

- Пятое – ответ на евразийский вызов. Глобальные центры мирового экономического развития неизбежно в ближайшие десятилетия переместятся на Восток, Азиатский континент. Это необходимо учитывать. При этом идет мощная экономическая реструктуризация и реинтеграция евразийского пространства, и Россия может и должна и внести свой вклад в этот процесс, и получить от него определенные бенефиции. Отсюда – задачи по формированию Россией в странах – наших азиатских соседях и экономических партнерах – центров экономического, образовательного, научного, социального сотрудничества, с созданием и развитием соответствующих, ныне отсутствующих либо слабо функционирующих институтов.

Реализация такого рода масштабных проектов, очевидно, потребует – еще раз подчеркнем – возрождения и развития института планирования. При этом, представляется, что, исходя из особенностей и закономерностей нынешнего этапа развития страны, перспективные прогнозы и форсайты должны быть на периоды 15-20 и более лет, плюс – уточненные среднесрочные (на срок до 10 лет), и конкретизированные краткосрочные на 1-3 года. И вот такие краткосрочные прогнозы могли бы стать основанием для формирования годовых и трехлетних индикативных планов развития страны, которые включали бы характеристики всех основных макроэкономических параметров и инструментов реализации государственной политики и программ развития госсектора, и под которые должен формироваться госбюджет.

Важна в этой работе и роль регионов России. Особенно – индустриальных, которые в этих условиях становятся провайдерами, главными точками концентрации усилий общества и центрами нового индустриального развития. Уверен – важнейшее место в этом проекте продвижения России в реализации стратегии перехода к НИО.2 займет Урал, поскольку он и индустриально, и экономически, и интеллектуально, и даже географически может и должен стать одной из вершин сетевого графа реализации такой стратегии.

* * *

В завершение отмечу, что современная экономическая модель и основанное на ней экономическое общество, конечно же, не могут «исчезнуть» в одночасье. Речь может и должна идти о постепенной, особо это подчеркну, в меру развития технологических и иных предпосылок, диффузии этих отношений и генезисе новых, постэкономических форм. Для этого и необходимо то новое понимание ресурсов роста, о которых шла речь в докладе. Вовлечение этих ресурсов, их мобилизация возможны лишь на основе внятной стратегии. При этом современные вызовы определяют трансформацию стратегической цели развития и основного ориентира. Это – движение к НИО.2 и, в перспективе, к ноономике.

Спасибо за внимание.

С.Д. Бодрунов

**«30 ЛЕТ НОВОЙ РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВА,
ПРОБЛЕМЫ, РАЗВИТИЕ»¹**

**Доклад на Всероссийском экономическом Собрании
(Москва, Дом экономиста, 11 ноября 2021 г.)**

Уважаемые коллеги, искренне рад приветствовать Вас на Всероссийском экономическом собрании!

Позвольте поздравить вас с нашим профессиональным праздником – Днем экономиста. Всероссийский праздник учрежден Правительством России в дату основания Вольного экономического общества; позвольте, пользуясь случаем, выразить членам общества благодарность за активную работу, отмеченную весомым признанием его позитивной роли в развитии экономики, экономической науки и экономического образования со стороны государства.

Коллеги, в этом году Всероссийское экономическое собрание посвящено важной дате – 30-летию Международного Союза экономистов, учрежденному в нашей стране Всесоюзным экономическим обществом и коллегами из многих стран и ставшему с первых дней своего создания мощной площадкой продвижения интересов России в кругах мировой экономической общественности через механизмы ООН и другие международные структуры.

Работать нам приходится в непростых условиях.

За минувшие два года, перед лицом невиданных ранее потрясений, правительства большинства стран мира стали обращаться за оперативной помощью к науке, и отнюдь не в последнюю очередь – к науке экономической.

Этот запрос не случаен.

Практически все наработки существующих экономических моделей оказались в новых условиях малоэффективными, в первую очередь – в отношении социальной сферы.

¹ Опубликовано в журнале «Научные труды Вольного экономического общества России». – 2021. – Т. № 5 (231). – С. 34-55.

Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН подсчитал, что в 2020 году за чертой бедности в мире оказалось дополнительно более 130 миллионов человек. Это – данные из ежегодного доклада ООН «Мировое экономическое положение и перспективы», который был представлен на площадке Международного Союза экономистов в феврале этого года. И ситуация в этом отношении в нынешнем году, как недавно заявили представители ЭКОСОС, не улучшается.

Пандемия привела к ужесточению и продовольственной проблемы. Уже сейчас, по данным Всемирной продовольственной программы ООН, на грани голода находятся 41 млн человек в 43 странах. Это на 20% больше, чем в 2019 году. Мы еще на шаг приблизились к глобальному продовольственному кризису.

Перечислять все эти проблемы нет нужды, они всем известны. Подчеркнем лишь их глобальный и всеохватывающий характер – пожалуй, нет такой области, которую бы они не затронули.

Сейчас, однако, некоторыми международными институтами выражается надежда, что мировой экономике, пережившей колоссальный спад в прошлом году, удастся начать посткризисное восстановление. По прогнозу Конференции ООН по торговле и развитию, в 2021 году мировая экономика вырастет на 5,3% (это – самый высокий показатель за последние 50 лет, но надо учесть, что это – все-таки рост от предельно низкой базы предыдущего года). Обнадеживающе выглядят некоторые данные по оживлению отдельных секторов экономики, особенно тех, которые пережили отложенный спрос либо стали востребованы и получили толчок в развитии в условиях ковидных ограничений.

Однако сохранение прежних подходов, тем не менее, может свести эти надежды к неопределенности и разочарованию. Уже в 2022 году экономический рост замедлится до 3,6%. Замедление может оказаться еще более резким, чем ожидалось, если власти последуют призывам к жесткой экономии, которые звучат все отчетливее. Мировые доходы по-прежнему будут на 3,7% ниже траектории, которая предполагалась до начала пандемии, а объем производства вернется к тенденции 2016-2019 годов только к 2030 году, говорится в «Докладе о торговле и развитии» ЮНКТАД, который был презентован в сентябре на площадке Международного Союза экономистов.

Повторюсь, и думаю, ни для кого не секрет, что пандемия была не причиной, а лишь триггером, катализатором кризисных процессов, начавшихся до ее наступления и вызванных глобальными причинами исключительного характера – начавшимся переходом к новому технологическому укладу, влекущему за собой принципиальную перестройку социальных нарративов развития (в сфере труда, личностного роста, среды обитания человека, уровня доступа к благам и т.д.), при сохранении и даже эскалации негативных тенденций в мировом социально-экономическом развитии (ужесточающейся финансиализации, роста нищеты и неравенства, усиления экономического эгоизма, нарастания политического экстремизма и многих прочих неотъемлемых следствий существующей парадигмы экономического способа удовлетворения потребностей). Я намеренно избегаю словосочетания «экономический кризис», потому что даже поверхностного взгляда достаточно, чтобы осознать – этот кризис не исключительно экономический.

Если мы применим к анализу происходящего междисциплинарные методы, к которым обращается современная наука, то без труда обнаружим, что находимся в точке пересечения как минимум трех кризисных векторов, безусловно, взаимосвязанных и взаимозависимых, – экономического, экоклиматического и духовного.

Нынешний экономический кризис, при всей его глобальности, подчеркну, – это лишь отдельное проявление общего кризиса мировой социально-экономической системы, всех составляющих трихотомии – социум-экономика-планета.

Сейчас все части этой трехсторонней структуры подчинены целям извлечения прибыли. Исходя из этого формируются и становятся главенствующими отношения и институты, которые даже при ускоренных темпах роста экономики, успехах технологического развития не приводят к повышению жизненного уровня людей и не решают проблем, связанных с социальной, страновой, региональной разрозненностью и потребительским отношением к планете. Трудно не согласиться со словами Президента России, который недавно заявил, что нынешняя модель капитализма себя исчерпала. «Кризис, с которым мы имеем дело – концептуальный, даже – цивилизационный. По сути, это кризис под-

ходов, принципов, определяющих само существование человека на земле», – подчеркнул он.

Действительно, мы видим, что господствующая неолиберальная модель капитализма с максимальной финансиализацией экономики и фетишизацией рынка влекут за собой усиление несправедливости в распределении плодов роста. Все больше обостряется глобальное противоречие, которое состоит в колоссальном отрыве прогресса технологий от архаизирующихся экономических моделей, когда достижения технологического прогресса не служат разрешению проблем, а, напротив, усугубляют их.

Эти удручающие процессы сопровождаются духовной и идеологической деградацией. Свобода подменяется эскапизмом и равнодушием, а корпоративное, масс-медийное манипулирование создает конфликтогенную идеологическую смесь, часто в прямом смысле слова взрывную.

Философские духовные категории добра, совести, красоты, правды, чести, неотъемлемые для любых проявлений позитивных социальных отношений, да и, особо подчеркну, добраправленных экономических связей, подменены понятиями количественной эффективности, выхолощено понимаемой экономической целесообразности, социального инжиниринга и манипулирования, комфорта/дискомфорта и прочих выражений того, как то или иное явление, духовное ли, материальное, культурное, не важно – приумножает или уменьшает наши блага. Больше ничему не придается значения.

Отмечу, что духовные кризисы в истории человечества – не новое явление. Для экономистов, пожалуй, будет наиболее очевидным примером духовный кризис католической Европы и возникновение протестантизма как реакции на погружавшуюся в коррупцию и обюрокращивание папскую власть. Этот кризис, однако, только на первый взгляд мог бы показаться оторванным от других процессов общественного развития. На деле он совпал с зарождением индустрии и капиталистического способа производства в XVI веке. Немецкий мыслитель Макс Вебер отмечает, что капитализм и протестантизм были явлениями одного трансформационного процесса.

Сегодня мы переживаем сходную во многом ситуацию.

При этом деградация духовных ценностей прямо ведет к уничтожению доверия как принципа социального взаимодействия. А без доверия невозможно достичь, пожалуй, ни одной из целей устойчивого развития, которые были сформулированы ООН как ответ на осознаваемый крах неолиберальной модели, но стали на деле скорее лишь реактивной попыткой изменить тренды системы, а не ее основы.

Так, в 2019 году на конференцию ООН по изменению климата в Мадриде собрались лидеры стран-участниц Рамочной конвенции ООН по изменению климата, чтобы ввести конкретные механизмы для реализации Парижского соглашения о сокращении выбросов парниковых газов. Нужно было определиться с тем – кто, когда и какие шаги должен предпринять, решить, какие послабления будут у бедных стран. Как известно, несмотря на долгие заседания, прийти к консенсусу по этому важнейшему цивилизационному вопросу не получилось. Слабые не верят сильным, сильные не верят друг другу, государства не верят компаниям. Похоже, то же самое происходит в наши дни в Глазго.

Особенно сильно такие подходы отражаются на третьем векторе текущего кризиса, который наиболее точно было бы назвать эоклиматическим. Почему «эко»? Если о климатических проблемах говорится очень много, то об экологии как факторе глобального кризиса речь идет гораздо реже.

Об экологической проблеме, вызванной уже пандемией, говорят эксперты Всемирного совета по туризму и путешествиям и Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) в совместном докладе. К примеру, авторы отмечают парадоксальную, но лишь на первый взгляд, тенденцию: объемы пластикового мусора в мире в 2020 году выросли до 6300 тонн в день, в то время как до эпидемии средний показатель составлял 1500 тонн в день.

Что касается второй части термина – к тому, что прекрасно известно любому обывателю, добавлю лишь один вывод эпохального доклада ООН по климату. Климатические проблемы влекут за собой кризис в обеспечении продовольственной безопасности, ухудшение ситуации в сфере здравоохранения. 500 миллионов человек столкнутся с нехваткой воды, на жизни десятков миллионов может сказаться снижение урожаев, а аномальная жара будет воздействовать на 4,5 млрд человек.

Подчеркну, что климатические и экологические вызовы едва ли возможно эффективно решать в существующей парадигме развития. Даже успехи в модернизации экономики не приведут к реальным изменениям, если они будут обслуживать изжившую себя неолиберальную модель. Мы и сейчас видим признаки того, что климатические проблемы опять низводятся до бизнес-формулы, которой обосновываются еще один способ конкуренции на рынках, способы доминирования развитых над неразвитыми, развитие финансиализации через торговлю углеродными единицами. На наш взгляд, нам сегодня важно выразить некое предупреждение: следование этому традиционалистскому пути (коммерциализации данной проблемы) – это очередная попытка «поверить алгеброй гармонию», чреватая, как известно, гибелью гармонии.

Такова сегодня, если предельно кратко, ситуация в мире, в которой нам, России, надо выстраивать свою концепцию и стратегию развития.

* * *

В этом году мы отмечаем эпохальную для страны дату – 30-летие новой России. И в общественном сознании, и в научном дискурсе попытки отразить это событие, пока слишком близкое исторически, порождает дуалистические оценки. Нередко у серьезных ученых мы видим в анализе эмоциональный регресс в одну или другую сторону, что, конечно, не добавляет объективности анализу, не способствует должному использованию позитивного и отрицательного опыта СССР в стратегиях развития новой России.

Сегодня и мы не можем с высоты прожитых 30 лет не взглянуть пристрастно на результаты нашего постсоветского периода жизни.

Представляется, что безусловность «кончины СССР» не была заложена в его ДНК, ее причины – отнюдь не неизлечимая патология. В этом сходятся многие эксперты, и, что немаловажно, западные экономисты и политики.

Вот, например, основной тезис выступления Маргарет Тэтчер в 1991 году перед американскими нефтяниками: «Советский Союз – это страна, представлявшая серьезную экономиче-

скую угрозу для западного мира». Подчеркну: экономическую! Тэтчер, занимавшая пост премьер-министра Великобритании в течение 11 лет вплоть до 1990 года, признала, что процент прироста валового национального продукта у Советского Союза был в два раза выше, чем на Западе, и если учесть огромные природные ресурсы, то при рациональном ведении хозяйства у нашей страны были реальные возможности вытеснить западные страны с мировых рынков.

На момент завершения существования СССР, даже после достаточно приличной предваряющей стагнации, советская экономика и промышленность по валовым показателям занимала второе место в мире, уступая только США и составляя примерно 50% от американской экономики. А на рубеже 1980-х и 1990-х гг. ВВП СССР, без учета паритета цен, оказался лишь несколько меньше, чем у Японии.

Посмотрим на некоторые цифры более внимательно. Многое познается в сравнении. И хотя сравнения всегда хромают, но, как говорится, – все же, все же... Возьмем Россию в сравнении с нынешним лидером мировой экономики Китаем, ведущей европейской экономикой Германией, аграрно-сырьевой Аргентиной, которую считают одной из наиболее перспективных развивающихся экономик, и, наконец, с азиатским экономическим чудом – Индонезией.

ВВП по паритету покупательной способности на душу населения в 1990 году в России составил чуть больше 8 000 долларов США, в Аргентине – 7 195, в Китае – меньше 1 000 долларов, в Индонезии – менее 3 100 долларов, в Германии – почти 19 500. Понятно, положение какой из стран было более выгодным. Десять лет спустя после развала СССР этот показатель снизился у нас до 6 800 долларов, в Аргентине достиг 10 000, Индонезия резко сократила разрыв – 4 700, а Германия ушла далеко вперед – 23 500. Примерно то же соотношение сохранилось в 2005 году. Ситуация стала выправляться лишь в последнее десятилетие, когда мы сократили отставание от Германии, вновь обошли Аргентину и оторвались от Индонезии.

И еще один важный показатель – Индекс человеческого развития (ИЧР), который появился в международной статистике в 1990 году. Это – составной показатель положения в социальной

сфере, вбирающий в себя уровень жизни, грамотность, образование, долголетие; он используется программой развития ООН в отчетах о развитии человеческого потенциала.

В 1990 году Россия по ИЧР уступала из рассматриваемой четверки лишь Германии. В 2000 году Аргентина уже обгоняет нас, Германия увеличивает отрыв, а Индонезия и Китай подбираются все ближе. И нам не удалось пока принципиально изменить такое положение дел даже к 2019 году, за 20 лет!

И, наконец, уровень бедности, по данным Всемирного банка. Его аналитики берут за основу доход ниже 5,5 доллара; эти данные позволяют проследить главное, что нас в данном случае интересует, – динамику и общее число бедных.

Статистика России ведется с 1993 года. В 1993-м меньше, чем на 5,5 доллара в день, у нас жило 30,5% людей. Это, судя по всему, немногим больше цифры малообеспеченных (именно такой эвфемизм для обозначения бедных существовал в СССР) на 1989 год. Тогда Госкомстат, напомним, определил прожиточный минимум на уровне 90 рублей, а профсоюзы – 130 рублей в месяц. При этом 71 млн человек получали менее 100 рублей в месяц. К 2000-му году процент бедных взлетает до 43,4, и далее все эти годы мы пытались сократить этот показатель. Причем, если до 2008 года мы преуспели в этом (скажем, в 2005 – это уже 18,5%), то затем число людей, живущих де-факто в нищете, стабилизировался на уровне примерно пятой части населения – и снизить процент нам пока не удастся.

Для сравнения: Китай сократил бедность с 98% в 1990-м до 24% в 2016-м по программе снижения бедности. Индонезия пока еще очень бедная, но и ей удалось серьезно снизить уровень бедности – с 98% до 52%. В Германии число бедных, вообще, как говорится, ниже статистической погрешности: за все эти годы – максимум 0,5% населения.

Эти цифры, состоявшаяся долготелая яма и в динамике прироста населения, и в динамике ВВП по ППС, и в уровне бедности, в сравнении с показателями позднего советского периода, подтверждают тезис, который поддерживают в том числе многие специалистами в международных научных кругах, о том, что экономика СССР имела потенциал сохранения Советского Союза

как мощной в экономическом плане державы, имевшей при этом и колоссальный потенциал решения социальных проблем.

Одновременно с кризисом модели догматического социализма, построенной в СССР, во второй половине XX века появилась еще одна важная тенденция – рыночный фундаментализм, или неистовая вера в экономику свободного рынка, якобы способную разрешить все экономические и социальные проблемы. Именно эту модель взяли на вооружение многие постсоветские и постсоциалистические страны.

Строительство рыночного фундаментализма началось и в России 30 лет назад. Мы отказались не только от социализма, но – на деле – и от социализации общества. Взяли за образец на первый взгляд привлекательную и эффективную модель, которая в конечном счете оказалась малопригодна для реализации целей социально-экономического развития общества, примкнули к тренду, который сегодня себя исчерпал. Иными словами, вместе с водой догматики выплеснули и ребенка социального направления развития экономики.

Рыночная трансформация для подавляющей части населения страны оказалась связанной с глубоким экономическим спадом, уничтожением достижений в уровне и качестве жизни, огромным расслоением. По данным Росстата, коэффициент Джини был в 1992 году равен 0,29, то есть расслоение у нас было низким (кстати, примерно такой же уровень сейчас в Финляндии), а уже к 1993-му году достиг 0,40, и сейчас он составляет 0,41, т.е. неравенство фактически с тех пор не снижается.

Чем это чревато? Речь идет – ни больше, ни меньше – о национальной безопасности и судьбе страны.

В связи с этим, очевидно: новой России жизненно необходима «человекоориентированная» социальная модель развития, а не простое приращение численных показателей в экономике любой ценой.

Конечно, сегодня, в дни 30-летия новой России, надо отметить – тяжелое наследие краха СССР, наших бурных 90-х годов, в целом преодолено. Несмотря на экономические кризисы прошедших 30 лет, в последние годы мы добились макроэкономической стабилизации, ряд секторов экономики уже показывает серьезный прогресс. Это относится к авиастроению, сфере со-

временной оборонной промышленности, микробиологии, развитию индустрии софта и ИТ, в том же сельском хозяйстве и т.д. Об этих достижениях мы говорили на наших Всероссийских экономических собраниях не раз. Это – чрезвычайно важно и для нашего жизнеобеспечения, и для обеспечения нашей национальной безопасности. И здесь есть немалые позитивные результаты. Но на современном этапе этого уже мало. Теперь задача стоит шире – поворот к человеку, создание «человекоориентированной», «социальноориентированной» модели экономики.

* * *

Среди самых актуальных проблем россияне на первом месте называют восстановление социальной справедливости. Подводя итог многочисленных исследований, которые подтверждали этот главный запрос общества, в Институте социологии РАН отмечают, что в попытке отойти от советского строя мы пришли к обществу глубокой социальной неоднородности, что в России появилось т.н. «избыточное» неравенство. Добавим от себя – способное перевернуть страну.

Человекоориентированная экономика – это именно то, что отвечает интересам развития общества на современном этапе; этот принцип должен лечь в основу нового общественного договора. Жизнеспособность такого договора представляется очевидной: ведь проблемы в развитии из-за низких доходов не только акселерируют бедность, но и бьют по бизнесу, и ослабляют основы государственности. В то же время более высокие доходы, в свою очередь, и формируют спрос, и делают людей более предприимчивыми, и укрепляют основы экономической самостоятельности и устойчивости домохозяйств, делая их менее ориентированными на патерналистскую роль государства.

Судя по всему, бизнес начал осознавать это. Не зря в литературе появилось новое понятие: «импакт-бизнес-модель». Оно означает уровень вклада предпринимателя в решение социальных, экологических и других не связанных с бизнесом задач. В российском Форбсе появился импакт-рейтинг – исследование того, как богатейшие бизнесмены России тратят деньги на решение проблем общества и планеты. Трудно переоценить этот позитивный тренд.

Экономическая политика, сконцентрированная на устранении вопиющих разрывов в уровне жизни, должна стать целью солидарных усилий общества, когда интересы всех страт совпадают в необходимости обеспечения социальной и политической стабильности. Без широкой общественной поддержки, реального общественного договора все сложнее будет противостоять кризисам, геополитическим вызовам, информационной и санкционной войне, наконец, экологическим проблемам, угрозам безопасности. Без вовлеченности населения невозможно инфраструктурно обустроить огромное пространство России, связать регионы, убрать, насколько возможно, расслоение территорий по доходам и так далее.

Осознают это и власти, и гражданское общество.

Неслучайно поправки к Конституции России 2020 года провозгласили Россию государством солидарности (статья 75-1), цитирую «В Российской Федерации... обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность».

Социальная солидарность, закрепленная Конституцией, предполагает качественно новый тип взаимодействия всех социальных акторов, где на место приоритета борьбы и конкуренции приходит осознание важности единства ценностей и целей – в первую очередь, гуманистических. Этот конституционный принцип, однако, нельзя формально навязать, необходимо его постепенное и целенаправленное развитие.

Сегодня можно констатировать: похоже, лед тронулся – и не только в рамках конституционных норм, но и в экономических реалиях последнего времени. Мы находим реальное воплощение этого сдвига в многочисленных инициативах, связанных с доступом к качественной медицине, вопросами защиты семьи и детей, правами на социальную поддержку.

Отмечу, что еще в 2000 году Президент России начал говорить о бедности, а ее сокращение, наряду со снижением социального неравенства, стало упоминаться в программных документах как один из приоритетов социальной политики. Однако собственно поворот к «человекоориентированной» экономике начался в 2018-2020 годах, когда во всех экономических инициативах Президента России и Правительства стал четко прослежи-

ваться акцент на решение социальных задач. Тогда был определен и механизм их реализации – национальные проекты, а затем – определены национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года.

В сентябре, на встрече с лидерами прошедших в Думу партий, Владимир Владимирович Путин обозначил основную задачу нового состава нижней палаты парламента предельно конкретно: «Вытащить из бедности как можно больше людей». Президент еще раз обратил внимание на необходимость улучшения условий жизни россиян, повышения доступности качественного современного образования и здравоохранения.

Сегодня уже можно говорить о некоторых первых результатах.

В первом полугодии 2021 года ВВП России вырос на 4,8% по сравнению с первым полугодием 2020 года. Напомню, что в прошлом году было минус 3,6 % по отношению к 2019-му. Инвестиции в основной капитал выросли на 7,3% год к году, индекс промышленного производства показал рост 4,4%, реальная заработная плата выросла на 3,6%, ввод в действие жилых домов – на 30%, экспорт – также на 30%. Словом, по всем основным параметрам мы видим увеличение на уровне, гораздо превышающем те значения, которые экономисты любят списывать на статистическую погрешность. Следовательно, это – существенное продвижение. При этом и серьезно сократилась безработица – на 4,6%. Мы наблюдаем то, что западные аналитики называют bounce back – отскок экономики на прежние уровни. Правда, с оживлением экономики оживилась и инфляция: индекс потребительских цен вырос почти на 8%. И тут, конечно, очевидное противоречие: зарплата россиян не успевает за ценами, и тем более – их реально располагаемые доходы.

При этом антикризисные меры Правительства России позволили – впервые за 6 последних лет – существенно уменьшить падение реальных доходов населения в 2020 году, которое Росстат оценивает в 2,9%, как минимум на 2 с лишним, почти на 3 процентных пункта. Однако, по оценке Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ, при умеренных темпах роста экономики в 2 с лишним процента, сократить бедность в два раза к 2030 году мы не сможем. Необходимы дополнительные меры. Надеемся, это понимает и Правительство, и депутаты Госдумы, формирующие бюджет.

Обратим внимание – к примеру, расходы на здравоохранение в 2020 году выросли до 6,9% ВВП, но судя по цифрам, заложенным в бюджет 2021–2023 гг., даже с учетом новых стратегических инициатив Правительства России, этот показатель будет снижаться. Для того, чтобы достичь целей Указа Президента России по повышению продолжительности жизни до 78 лет к 2030 году и сокращению разрыва с развитыми странами, например, с Германией, необходимо значительное (минимум на 2-3 процентных пункта ВВП) увеличение расходов на здравоохранение, особенно государственных.

Хотелось бы еще обратить внимание, и это – консолидированное мнение многих экономистов, и на то, что сейчас, на фоне некоторых успехов, велик риск успокоиться и в результате «отскочить» от пандемического кризиса туда, куда мы упорно шли до пандемии, – к стагнационной модели экономики. Это ставит нас перед необходимостью выработки действенных механизмов и поиска решений, которые могли бы лечь в основу долгосрочных стратегических программ развития страны.

* * *

Не могу не отметить сегодня на нашем собрании, насколько велика роль консолидации научного, экспертного и бизнес-сообщества в разработке подходов к модернизации российской экономики. Эксперты ВЭО России принимают активное участие в работе по подготовке предложений, экспертного видения направлений и инструментов, которые позволят перейти к новой модели экономики, новой парадигме развития. В частности, в Правительство России в марте этого года был направлен разработанный ВЭО России с вовлечением широкой научной и экспертной общественности большой документ под названием «Новые пути России (к вопросу о Стратегии развития России)». Значительная часть рекомендаций научного сообщества, и это нас вдохновляет, были приняты во внимание и нашли отражение в материалах рабочих групп по подготовке Единого плана по достижению национальных целей развития, в который включены стратегические инициативы в сфере социально-экономического развития страны.

Есть и другие подобные примеры.

Отмечу, к примеру, что в предложениях ВЭО России, направленных в Правительство еще летом-осенью прошлого года, содержалась идея создания надведомственного органа, координирующего развитие науки и техники. Как вы знаете, Президент России недавно дал соответствующее поручение Правительству. Это – добрый знак.

На экспертных сессиях, научных форумах, в том числе крупнейшем в России Московском академическом экономическом форуме, который организует ВЭО, Международный Союз экономистов и РАН, эксперты ВЭО России и Российской академии наук, и, в частности, академик А.Аганбегян, не раз указывали на то, что неиспользование значительных средств, омертвленных в избыточных резервах, ограничивает возможности экономического роста, модернизации российской экономики. И вот буквально на днях, в октябре этого года Президент России поручил правительству рассмотреть целесообразность внесения изменений в законодательство для поэтапного повышения с 7% до 10% ВВП порога средств Фонда национального благосостояния, сверх которого они могут направляться на инвестиции. Еще один хороший знак!

Представляется, что одной из основных целей должно стать не только снижение уровня бедности, но и формирование широкой прослойки среднего класса. Эта задача требует оперативного решения. Без среднего класса сложно будет говорить о социализации, солидаризации и других «со-», без которых невозможно никакое со-вместное действие. Важно помнить, источником богатства России являются не только огромные запасы природных ресурсов. Богатство России связано с ее людьми – накопленным опытом, знаниями и навыками россиян. К такому выводу, и я думаю, многие с ним согласятся, пришел Всемирный банк, анализируя, чем и насколько богата Россия.

На наш взгляд, у России есть все шансы закрепить положительные тренды, которые просматриваются сегодня, перейти от восстановления к устойчивому росту, сформировать привлекательную модель жизни, при которой страна могла бы двигаться к реализации целей устойчивого развития и в перспективе перейти к новому состоянию общества, с одновременным ростом человеческого богатства и природосбережением.

В рамках практического решения этой задачи необходимо все более наращивать расходы на социальную сферу. И здесь просматривается позитивный тренд. Так, в проекте бюджета на 2022-й год уже 35% от всех расходов – социальные. В частности, средства будут направлены на поддержку семей с детьми, выплаты пособий беременным женщинам в трудной ситуации, одиноким родителям. Это – позитивная тенденция, она говорит о том, что мы знаем болевые точки нашей экономики и движемся к социальной модели развития.

Реализация этой модели невозможна, однако, без повышения эффективности расходов, а значит – без стратегирования и долгосрочного планирования, которое дает качественно новое видение, необходимое для формирования экономической политики и реализации национальных целей. У нас есть закон о стратегическом планировании, принятый семь лет назад, но пока все еще нет системообразующего документа для его реализации, нет центрального элемента системы планирования. Полагаю, что таким систематизирующим документом стратегического планирования как для системы нацпроектов, так и для госпрограмм мог бы стать Единый план по достижению национальных целей развития, разрабатываемый с участием экономстратегов.

Нам, в ВЭО России, представляется, что формирование человекоориентированной модели экономики, вписанной в систему долгосрочного планирования и выстроенной вокруг человека, его нужд, его реальных потребностей, его благополучия, образования, здоровья, активного долголетия, – должно стать делом недалекого будущего.

В достижении этой цели многое зависит от солидарных, консолидированных усилий бизнес-сообщества, организаций науки и образования, ведущих экспертов и общественных организаций и, конечно, от принятия государственных решений в области экономической политики, соответствующих критериям «общественного договора» и гражданского согласия.

И в строю тех, кто над этим работает, нам, экономистам России, есть важное место.

Еще раз всех – с праздником, дорогие коллеги-экономисты, и да будут труды наши на пользу Отечеству!

Спасибо!

С.Д. Бодрунов

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС: ПРЕДПОСЫЛКИ И РЕЗУЛЬТАТ СОЦИО-ГУМАНИТАРНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ¹

Сегодня темпы технологического развития таковы, что можно говорить не просто об ускорении НТП (как в 1980–1990-е гг.), а об «ускорении ускорения НТП». Актуальность проблем, с этим связанных и этим вызванных, очевидна.

Но дело не только в этом, суть гораздо глубже. Именно технологии, соединяющие воедино труд человека и остальные факторы производства, являются основой, определяющей весь ход экономического и социального развития. Подчеркнём: глубинной, фундаментальной основой. Безусловно, технологический прогресс – не единственная детерминанта развития, и он напрямую, непосредственно не предопределяет «в полном объёме» наши ценности и поступки, однако, именно он лежит в основе механизма удовлетворения человеческих потребностей: как и что мы производим, в какие отношения вступаем, какие цели преследуем. И – какого человека и какое общественное устройство мы формируем.

Достаточно вспомнить, что пар, машина и железные дороги проложили дорогу рынку, зарождению капиталистических порядков, «частичному» работнику, являющемуся придатком станка (последний тезис развит, в частности, в «Капитале» К. Маркса [1]) и, соответственно, положили начало формированию «экономического человека», а электричество, конвейер и автомобиль – более социализированному рыночному хозяйству, «экономическому человеку-профессионалу» и среднему классу.

Возникает вопрос – какой системе отношений, какому человеку прокладывает дорогу сегодняшний всё ускоряющийся научно-технический прогресс?

Вначале сделаем две важных предварительных ремарки.

¹ Опубликовано в журнале «Экономическое возрождение России». – 2022. – № 1(71). – С. 5-13.

Первая. Технологическая обусловленность специфики социально-экономических систем и человека – это прямая и основная связь во взаимодействии названных сторон общественной жизни. Но есть и обратная связь: тренды развития общества, порождаемые технологическим прогрессом, диктуют спрос на технологии, подталкивают, акселерируют НТП. Без рынка и ориентации на накопление капитала паровая машина, изобретённая впервые за полтора тысячелетия до Уатта и Ползунова, не была нужна ни протоэкономике, ни обществу. Без формирования массового спроса среднего класса на автомобили и предметы длительного пользования был бы неэффективен конвейер. И так далее. Патриархальный, неграмотный человек не стремился ни к науке, ни к инновациям.

Более того, система общественно-экономических отношений формирует не только бóльшие или меньшие стимулы к развитию технологий, но и их специфику. Так, рыночный фундаментализм обуславливает ориентацию технологического процесса на максимизацию производства вещей, а экономика, ориентированная на социальные и гуманистические приоритеты, выдвигает иной «заказ» на технологический прогресс, исходя из значимости развития экологически чистых, знаниеёмких технологий, в которых автоматизированная система, основанная на использовании НБИКС-технологий, берёт на себя все рутинные функции производства, высвобождая человека для творческой деятельности и реализуя прогнозы Маркса [2] и Кейнса [3].

Сказанное – не более чем реактуализация теоретических положений классического институционализма [4, 5], марксизма, современной теории развития и других направлений, в разных понятиях и разным языком отражающих взаимозависимость технологического прогресса и господствующей системы социально-экономических отношений.

Вторая. «Не хлебом единым» живет человек. Духовное, культурное бытие, то, что лежит в пространстве «ноо», разума, что отражается в различных философских и религиозных течениях – вторая, наряду с технологиями и экономикой, детерминанта человеческого развития.

В этой связи отметим важный тренд развития.

События последних 10 лет, включающие не только два мировых экономических кризиса и пандемию, но и начало формирования новой геополитэкономической конфигурации мира [6], заставляют думать о душе и разуме человека, о «ноо» как об актуальнейшей, экзистенциально важной практической проблеме. Либо мы повернём технологии, экономику и политику (не говоря уже о культуре) лицом к человеку, либо окажемся на пути в системный кризис, чреватый глобальной катастрофой.

И это – не алармизм, это – реальность. Этот тезис ныне звучит со всех сторон – от президентов ведущих держав до лидеров бизнес-сообществ [7], не говоря уже о Всемирном социальном форуме и духовных лидерах человечества.

Опираясь на этот тезис, перейдем к более конкретным теоретическим выводам и основанным на них практическим рекомендациям. Сделать это нам тем легче, что у Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте (который автор имеет честь возглавлять вот уже два десятилетия), как и у автора статьи, накоплен большой багаж теоретических разработок и практических рекомендаций в данной сфере; а ряд основополагающих тезисов сформулирован и аргументирован в публикациях [8–10] и коллективных монографиях ИНИР.

Продолжая начатый в упомянутых работах исследовательский разговор, расставим ряд новых важных акцентов. В центре каждого из них – Человек.

Начнём с главного – с тезиса об изменении технологических и социально-экономических детерминант общественного бытия человека.

За два десятилетия XXI в. сложилось несколько основных подходов к изучению поставленной проблемы. Большинство этих подходов основывается на традициях предшествующего столетия. Не углубляясь в историю вопроса, подчеркнём: технологические сдвиги, обуславливающие изменение роли и места человека в общественном производстве, в настоящее время фиксируются практически всеми исследователями, хотя именуется по-разному. Их называют четвёртой технологической революцией [11], третьей промышленной революцией [12]; в среде россий-

ских учёных этот феномен часто квалифицируют как переход к 5-му и 6-му технологическим укладам [13]. Ранее эти процессы связывали с формированием «общества знаний», «информационного» общества и т. п. Суть дела от этого не меняется – осуществляется переход к развитию, лежащему «по ту сторону собственно материального производства», в пространстве «царства свободы» (этот термин активно использовали в XIX в. Маркс и Энгельс [2, 14]), в пространстве ноосферы (понятие, предложенное Владимиром Вернадским [15] и Тейяр де Шарденом). Мы, в отличие от марксистов и теоретиков ноосферы, писавших о грядущих фундаментальных трансформациях с позиций классово-борьбы, естественно-научных позиций или религиозной философии, рассматриваем проблему в контексте системных трансформаций, соединяя воедино качественные изменения в технологиях, экономике (которая переходит в новое качество) и культуре.

В серии упомянутых авторских работ показано, что этот переход, связанный прежде всего с генезисом знаниеёмкого производства, будет носить сугубо эволюционный характер, приводя к рождению качественно нового состояния общества (мы называем его нообществом), основанного на нооэкономике, материальным базисом которой станет ноопроизводство, а сфера удовлетворения потребностей людей будет базироваться на не экономической, а иной – ноокритериальной базе ценностей, т. е. к постэкономическому развитию, в котором и формируется новое качество человека, осуществляется его переход от «зоо» к «ноо» [16].

Важнейшее слагаемое этой трансформации – закат «хomo экономикус», переход от бытия человека как преимущественно «человека экономического» к его бытию как «человека культурного». Этот переход осуществляется под влиянием (1) прогресса технологий, (2) изменения социально-экономических отношений и (3) развития образования и культуры. Для нас наиболее важны первый и второй аспекты.

Первый достаточно очевиден. В процессе развёртывания знаниеёмкого производства, характерного для этапа нового индустриального общества второго поколения (НИО.2), в который вступает наша цивилизация (теоретическая модель этого процесса представлена мной на двух предыдущих наших конгрессах), происходит всё большее переложение рутинных, репродуктивных

функций «на плечи» автоматизированных систем машин, соединяемых технологиями, не требующими непосредственного участия человека в производстве. Благодаря массовому развитию таких технологий человек сможет выполнять всё больше функций творческой деятельности. Эта трансформация была предсказана в XIX в.; её слагаемые раскрыты в работах многих учёных прошлого столетия, в том числе советских философов и политэкономов.

Мы показали, что новое социальное бытие человека рождается лишь по мере продвижения к нооэкономике, постэкономическому ноообществу, в котором человек эволюционно уходит от доминирования товарного и денежного фетишизма, подчинения законам накопления капитала и прочих объективных детерминант своей жизни, господствующих сегодня, и продвигается к «человеку культурному» [16]. Такое продвижение обуславливает постепенное снятие качеств человека как рационального «хомо экономикус» – экономического агента, максимизирующего доход и минимизирующего издержки [16, 17].

В этом же направлении действуют и законы трансформации современных экономических отношений. В недрах конкурентной рыночной экономики неравномерно, но все же развиваются отношения социализации и солидарности, а институт собственности диффундирует по мере развития технологических предпосылок и как следствие возникновения новых, более прогрессивных, «диффузных» форм собственности и соответствующих отношений – таких, как совместное производство и совместное потребление. Последние развиваются не только в давно известных формах (акционерные общества, «расслоение пучка прав собственности» и др.), но и в новых, шеринговых формах – коворкинг, коливинг, каршеринг и многие другие.

Социализация, солидарность, диффузия собственности и лежащий в их основе технологический прогресс образуют «квадригу нооэкономии», которая устремляет развитие цивилизации к новому, постэкономическому человеку – человеку культурному [18].

Безусловно, такой переход не может осуществляться вне трансформаций в сфере образования, науки, культуры.

При таком подходе теоретическая постановка вопроса о продвижении от человека экономического к человеку культурному закономерно оказывается в «одном флаконе» с решением практических актуальных задач социальной и экономической политики в области как производства, так и сфер, в которых преимущественно формируется и развивается человек культурный – в областях науки, образования и культуры.

Приоритетность пространств гуманитарного развития сегодня мало кем подвергается критике, но практически-ориентированные выводы, прямо обусловленные данным императивом, делаются гораздо реже. Это касается и нашей страны.

Мы по праву гордимся многими достижениями мирового уровня в интеллектуальной сфере. Не уходя в далёкое прошлое, в связи со 100-летием образования СССР напомним о величайших достижениях советских учёных в области фундаментальной науки; о том, что советское образование было одним из лучших (а во многом – просто лучшим) в мире; что мировая культура XX в. немыслима без Эйзенштейна, Шостаковича, Шолохова и многих других художников.

Позитивные результаты есть. Не оскудела наша земля талантами и человеческим интеллектом несмотря на масштабную «утечку мозгов». Как говорил великий учёный и поэт Михаил Васильевич Ломоносов, всё ещё «может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать!» [19]. Это касается в первую очередь разработок в области лазерной техники, гетерогенных структур, материаловедения, микробиологии, атомной энергетики, космоса и авиации, IT-сектора, специальных технологий в оборонной промышленности, добыче и передаче энергоресурсов. Но проблем, к сожалению, слишком много, чтобы почитать на лаврах.

Остановлюсь на важнейших. Серьёзные провалы у нас как в общем, так и в высшем образовании. Притчей во языцех стала критика неграмотных выпускников школ, а то и вузов, не знающих ни российской истории, ни базовых артефактов отечественной культуры. Мы это видим в телепрограммах и интернете; знаем из результатов специальных исследований... Ставка на возвращение «квалифицированного потребителя», в парадигме кото-

рой существовало наше образование в 1990-е – 2000-е гг., привела к плачевным результатам.

Не лучше дела и в сфере духовной. Высокая культура оторвана от масс, а в массовой культуре превалирует коммерциализированное потребительство, низводящее жизнь людей до уровня тривиальной парадигмы древнего Рима – «хлеба и зрелищ!» [20].

О каком новом человеке (а он крайне необходим для движения нашего общества на новый этап развития) можно говорить, если не обращать на это внимания и не предпринимать усилия по изменению ситуации?! А нам необходимо многое менять.

Сегодня на первое место, как правило, ставят недофинансирование науки и образования. Действительно, расходы на науку и образование по отношению к ВВП в Российской Федерации в 1,5...2 раза ниже, чем в наиболее передовых в инновационном отношении странах. Задача существенного увеличения государственного финансирования этих сфер и создания институтов развития, стимулирующих частный сектор активнее инвестировать в развитие науки и образования, должна быть одной из приоритетных в нашей экономической и бюджетной политике [21]. И это – не «эгоистическое» стремление получить побольше денег на развитие тех сфер, где мы не просто трудимся – живем! Постепенная, осуществляемая в меру реальных достижений в общественном секторе декоммерциализация и одновременно дебюрократизация образования, науки, культуры, всей социальной сферы – объективно востребованное технологическим прогрессом условие экономического развития [22], условие построения нового человека, преодолевающего узкие границы бытия, формируемые всё ещё господствующим в нашем обществе рыночным фундаментализмом. К сожалению, всё это далеко не в полной мере осознаётся субъектами социально-экономической политики.

Не меньшие трудности связаны с бюрократизацией, которая идет рука об руку с недофинансированием науки и образования. Что это такое – знает каждый из нас. И здесь альтернатива хорошо известна. Учёные и педагоги – это не кухарки, которых опасно подпускать к управлению государством. Подчеркнём: коллеги по цеху – учителя, профессора, младшие и ведущие научные сотрудники – могут и должны участвовать в управлении образовательными и научными процессами в школах, универси-

татах, НИИ и т. д. и избавляться от излишней (а порой и непомерной) административно-надзорной нагрузки. Стремление вести всё управление наукой и образованием к отчётам о выполнении формальных инструкций губит главное в нашем труде – творчество, тормозит формирование нового человека, а значит – и нового общества – предвестника ноономики.

Ещё одна проблемная зона – повсеместная коммерциализация не только образования и науки, но и культуры. В условиях экономического общества поддержка этого явления (или непротivление ему) ведёт к выхолащиванию самой сути интеллектуальной деятельности. Для преодоления такой тенденции необходимы идейная трансформация нашей политики в этих сферах и повышение уровня их материального обеспечения.

В завершение – о главном: о производстве. Ещё раз подчеркнём два основных слагаемых его развития.

Во-первых, приоритет развития новых, знаниеёмких технологий, опирающихся на высококачественное и доступное большинству (а в перспективе – всем) образование «через всю жизнь», плюс наука, реально интегрированная с производством. Такие технологии создают глубинный материальный фундамент формирования нового – культурного человека.

Во-вторых, система социально-экономических отношений, стимулирующих развитие именно таких, характерных для нового индустриального общества второго поколения, технологий и формирование условий для постепенного «ухода в тень» «человека экономического» и всё более активного развития «человека культурного», скажем шире – ноличностного развития человека. Фундаментальный ряд таких трансформаций в области социально-экономических отношений и институтов был нами выделен в ряде предыдущих работ; это, как указано выше, прогресс социализации, солидарности и диффузии собственности.

И, наконец, ещё один пласт отношений, практическое развитие которых содействует преодолению рыночного фундаментализма (при сохранении основных преимуществ рыночной экономики на этапе НИО.2) и повышению эффективности высокотехнологического производства. Мы имеем в виду стратегическое планирование и активную промышленную политику [23].

Сегодня в России есть законодательство о стратегическом планировании, и слов «промышленная политика» в последние годы перестали быть синонимом ругательства для экономических властей. Предпринимаются практические шаги в сфере повышения «стратегичности» [24] и планомерности развития страны, в построении того, что можно назвать остовом современной промышленной политики. Мы имеем достаточно содержательную в этом смысле Национальную технологическую инициативу, национальные проекты, отвечающие сформулированным недавно национальным целям развития страны. И очень важно, что среди задач, поставленных в практическую плоскость, задачи промышленной политики стали занимать существенное место. Важно при этом и то, что одновременно мы наблюдаем поворот к человекоориентированной модели развития экономики, в которой нужды человека, его потребности (в том числе духовные), потребности личностного развития, потребности в безопасности, высоком уровне образования, здравоохранения и воспитания становятся определяющими в экономической политике, в том числе – в промышленной.

Тенденции последнего времени вселяют осторожный оптимизм. Важно закреплять и развивать их – без решения практических задач мы не сможем адекватно отвечать вызовам времени, ведущего нас в новый этап мироустройства.

Список литературы

1. *Маркс, К.* Капитал : Критика политической экономии. – Т. 1, кн. I // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – Изд. 2. – М. : Госполитиздат, 1962. – Т. 23. – 920 с.

2. *Маркс, К.* Капитал : Критика политической экономии. – Т. 3, кн. III // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – Изд. 2. – М. : Госполитиздат, 1962. – Т. 25, ч. II. – 558 с.

3. Кейнс, *Дж.М.* Экономические возможности наших внуков / Дж. М. Кейнс; послесловие Д. Шестакова // Вопросы экономики. – 2009. – №6. – С. 60–69.

4. *Гэлбрейт, Дж.* Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт; пер. с англ. – М.: «Изд-во АСТ», 2004. – 602 с.

5. Гэлбрейт: возвращение / под ред. С.Д. Бодрунова. – М.: Культурная революция, 2017. – 424 с.

6. *Десаи, Р.* Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи / Р. Десаи; науч. ред. рос. изд. С.Д. Бодрунов. – М.: ИНИР им. С.Ю. Витте: Центркаталог, серия «Современная экономическая мысль», 2020. – 328 с.

7. *Шваб, К.* Covid-19: Великая перезагрузка / К. Шваб, Т. Маллере // Всемирный экономический форум. – Женева, 2020. <http://reparti.free.fr/schwab2020.pdf>

8. *Бодрунов, С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С.Д. Бодрунов. – 2-е изд. – СПб.: ИНИР имени С.Ю. Витте, 2016. – 312 с.

9. *Бодрунов, С. Д.* Ноономика / С.Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.

10. *Бодрунов, С. Д.* Ноономика: онтологические тезисы / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 4 (62). – С. 6–18.

11. *Шваб, К.* Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – Нью-Йорк: Кроун Бизнес, 2017.

12. *Рифкин, Дж.* Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику, мир в целом / Дж. Рифкин. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – 410 с.

13. *Глазьев, С. Ю.* Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии / С.Ю. Глазьев // Экономика и математические методы. – М.: Наука, 2016. – № 2. – С. 3–29.

14. *Энгельс, Ф.* Анти-Дюринг // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – Изд. 2. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 20. – 858 с.

15. *Вернадский, В. И.* Несколько слов о ноосфере / В.И. Вернадский // Успехи современной биологии. – 1944. – Т. 18, вып. 2. – С. 113–120.

16. *Бодрунов, С. Д.* От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции / С.Д. Бодрунов // Вопросы философии. – 2018. – № 7. – С. 109–118.

17. *Бузгалин, А. В.* Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) / А.В. Бузгалин // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 2. – С. 10–38.

18. *Бодрунов, С. Д.* Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм // Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества,

солидаризм. Т. 1 / С.Д. Бодрунов // Сборник пленарных докладов Объединенного международного конгресса СПЭК-ПНО-2020 / под общ. ред. С.Д. Бодрунова. – М.: ИНИР, 2021. – С. 11–28.

19. *Ломоносов, М. В.* Полное собр. соч.: в 11 т. – Т. 8: Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764 гг. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 1279 с.

20. *Булавка-Бузгалина, Л. А.* Культура как рынок: «не продается вдохновенье» / Л.А. Булавка-Бузгалина // Вопросы философии. – 2021. – № 3. – С. 5–17.

21. *Яковлева, Н. Г.* Трансформации образования в экономике постсоветской России: взаимосвязь цифровизации и маркетинга / Н.Г. Яковлева // Вопросы политической экономии. – 2021. – №2. – С. 146–158.

22. *Клейнер, Г. Б.* Системно-ориентированное планирование: Россия, XXI век / Г.Б. Клейнер // Вопросы политической экономии. – 2021. – №2. – С. 45–54.

23. Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем / под общ. ред. С.Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте; Центркаталог, 2021. – 544 с.

24. *Квинт, В. Л.* Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика / В.Л. Квинт, С.Д. Бодрунов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021. – 351 с.

С.Д. Бодрунов

**Политико-экономические основания исследования
глобальных трансформаций XXI века: от мифов
постиндустриализма к ноономике**

**Доклад на Форуме
Всемирной политэкономической ассоциации (WAPЕ)
(18-19 декабря 2021 г.)**

Уважаемые коллеги!

Я рад приветствовать участников 15-го форума Всемирной ассоциации политической экономии от имени Вольного экономического общества России, президентом которого я являюсь более 5 лет. Вольное экономическое общество – это старейшая и крупнейшая организация экономистов. Оно было основано еще в XVIII веке и в настоящее время насчитывает более 300 000 членов. В рамках и по инициативе Общества проводятся масштабные, с общей численностью участников до 5 000 человек, международные форумы, издаются журналы, десятки книг и т.д. Вольное экономическое общество открыто для представителей любых прогрессивных направлений экономической науки, но особым вниманием в рамках нашей организации традиционно пользуется политическая экономия. Мне вдвойне приятно приветствовать Форум не только как президенту ВЭО, но и как лауреату премии Всемирной ассоциации политической экономии 2018 года, за присуждение которой я хотел бы еще раз выразить признательность Ассоциации. Естественно, что в своем пленарном докладе на Форуме Ассоциации я хотел бы остановиться на роли политической экономии в решении проблем качественных трансформаций общественного производства в современную эпоху.

Первые два десятилетия XXI века ознаменовались одновременным ускорением технологического прогресса, углублением глобальных проблем и системными кризисами. Мир стоит на пороге глубоких социально-экономических, геополитических и

культурных трансформаций. Их основы – коренные изменения в общественном производстве.

Эти изменения в конце прошлого века трактовались преимущественно как переход от индустриальной экономики к постиндустриальной. Основой этого стали объективные процессы – сокращение доли и роли промышленности в общественном воспроизводстве и соответствующее возрастание доли и роли сферы услуг. Вкупе с процессами финансиализации и, в частности, опережающим ростом сферы финансового и иного посредничества это вызвало деиндустриализацию большинства развитых стран. Такой траектории развития производительных сил немало способствовала неолиберальная модель капитализма, которая стала доминировать в мире с конца 1970-х годов.

В России этот разрушительный процесс затронул большинство высокотехнологичных отраслей экономики. Назову только один пример: Советское гражданское авиастроение создавало самолеты и вертолеты, на которых летала треть человечества. В Российской Федерации только в последние годы восстанавливается гражданское авиастроение. В других странах постсоветского пространства ситуация еще хуже.

Мифы постиндустриализма конца XX века привели многие страны мира и Россию, в том числе, к трагедиям деиндустриализации. Лишь страны, выбиравшие траекторию активного развития современного производства и одновременных эволюционных, но неуклонных экономико-политических трансформаций, сумели избежать этих тупиковых моделей и показали высокие результаты развития. Эти – например, Китай, выбравший иную траекторию модернизации, сочетающую плановые и рыночные начала, использующую потенциал и частной, и общественной собственности. И успехи КНР стали очевидны всему миру.

В настоящее время ситуация вновь меняется. Мы вступаем в эпоху качественных трансформаций. Их основание – технологический прогресс. Глубина и масштабность начавшихся изменений пока что недооценены. Исследователи тонут в море деталей.

Между тем, в данном случае требуется концептуальное осмысление происходящих сдвигов. В связи с этим позволю себе, во-первых, напомнить уважаемым участникам Форума разработанную президентом Всемирной ассоциации политической эко-

номии академиком Чен Энфу теорию интеллектуальной экономики как характеристики тех качественных сдвигов, которые происходят на наших с вами глазах. Во-вторых, я хотел бы вступить в диалог с профессором Чен Энфу и сообщить участникам Форума, что в коллективной монографии «А(О)нтология ноономики», где мы с ним соавторы, публикующейся на русском и английском языках, мой китайский коллега характеризует интеллектуальную экономику как форму на пути к ноономике – постэкономическому миру, в котором, как я утверждаю, процессы социализации, диффузии собственности, солидаризма и лежащей в их основе переход к безлюдному, знаниеемкому производству, приводят к рождению общества, в котором на смену «человеку экономическому» приходит «человек культурный», ноо-человек.

Прежде чем кратко раскрыть основные тезисы теории ноономики, я хотел бы особо подчеркнуть роль политической экономики как той методологической и теоретической основы, которая является наиболее адекватной для исследования общественного производства и его качественных трансформаций, происходящих как в производительных силах, так и в производственных отношениях. Обращение к названным категориям важно в контексте рассматриваемых нами вопросов по следующим причинам.

Во-первых, категория производительных сил гораздо шире и богаче, нежели категория технологии. Первая включает в себя как основу содержание труда, предполагает рассмотрение процессов функционирования факторов производства на всех уровнях – от отдельного работника и предприятия, сети, платформы до народнохозяйственного и глобального. В этой связи хотелось бы особо остановиться на классическом политэкономическом вопросе о содержании труда. Происходящие трансформации связаны с качественным изменением этого содержания, с переходом от репродуктивного к творческому труду, который наш коллега профессор Алан Фримен называет «немашинизируемым». Наш коллега профессор Бузгалин именно здесь видит главные основания изменений. В отличие от этой позиции я настаиваю не на каких отдельных, пусть и принципиально значи-

мых факторах, а на целостной картине трансформации. К этому вопросу я еще вернусь чуть позже.

Во-вторых, политико-экономический подход обуславливает необходимость исследовать изменения не только в экономической политике, «правилах игры» (институтах), но и в объективных отношениях, в которые люди вступают в процессе общественного воспроизводства. В этой сфере так же происходят глубокие изменения. Разворачиваются процессы социализации, возрастает роль отношений солидарности, происходит диффузия собственности. Подчеркну: не только частной формы собственности, но и вообще отношения «собственность». Это отношение, эта категория постепенно утрачивает свое значение.

В-третьих, политэкономия дает ключ не только к исследованию производства. Еще в XIX веке классик политэкономии Карл Маркс предсказал, что будущее лежит *по ту сторону* собственно материального производства.

Критическое развитие его идей и исследование объективных процессов трансформации производительных сил и производственных отношений позволило нам показать, что рождение знаниеемкого производства создает материальную базу для перехода к Новому индустриальному обществу второго поколения – НИО.2. Эта ступень общественного развития является «отрицанием отрицания»: от теории нового индустриального общества Джона Гэлбрейта к мифам постиндустриализма и – на базе конструктивной критики этих идей – к теории НИО.2, отражающей новый тип индустриального производства.

НИО.2 – это такой этап развития общественного производства, на котором главным фактором развития индустрии становятся не машины и сырье, а знания, это – знаниеемкое производство. Именно в этом производстве, как это предвидел еще Карл Маркс, человек перестает быть придатком машины и переходит к роли «контролера и регулировщика» автоматически действующей системы машин.

Но НИО.2 – это не финал, а только промежуточная ступень на пути движения к новому качеству не только производства, но и всех сфер жизни общества – перехода к ноономике.

Ноономика – это эпоха общественного развития, лежащая «по ту сторону» именно экономической формации общества.

Это – не просто ноосфера (сфера разума), где, как подчеркивал великий российский мыслитель академик Вернадский, человек становится мощнейшей гео-биологической силой. Это – мир, в котором господствует человек культурный. Вышедшая на нескольких языках книга автора этого доклада «Ноономика», посвящённая исследованию этого перехода, показывает те тренды, реализация которых поможет национальным экономическим системам достигнуть наивысших результатов в мировом соревновании по пути к ноообщественному устройству.

Завершая свое выступление, я хочу еще раз вернуться к роли политической экономии в исследовании процессов общественного развития. Я уверен, что использование политэкономического инструментария в единстве с достижениями других направлений гетеродоксальной экономической мысли и неоклассики дает ключ к решению ключевых проблем XXI столетия, особенно проблем качественных трансформаций. Как таковая политическая экономия может и должна занять свое достойное место не только в пространстве академических научных исследований, но и в других сферах. Выделю только две.

Первая – это сфера выработки рекомендаций в области экономической и социальной политики плюс, что особенно важно – долгосрочной стратегии общественного развития.

Вторая – сфера образования. И здесь важно развивать преподавание политической экономии не только в институтах марксизма, но прежде всего – в экономических вузах, на экономических факультетах университетов.

Я знаю, что в обеих этих сферах у китайских коллег есть большие достижения, и этот опыт очень важен для ученых и России, и других стран. Вот почему, я уверен, 15-й Форум Ассоциации, организованный в Китае, станет важным событием в развитии экономической науки.

Часть 3.

Ноономика

Бодрунов С.Д.

Материалы лекции
«Ноономика: сущность и механизм перехода» в
Уральском государственном экономическом университете
(Екатеринбург, 22 октября 2021 г.)

Уважаемые коллеги! Форум – это больше, чем просто научная конференция. А лекция – это возможность заглянуть в суть исследуемых проблем. Поэтому сегодня мы поговорим о будущем.

Каким оно будет? Куда нам идти? Камо грядеши? Quo vadis? Это вечные экзистенциальные вопросы. Попробуем на них ответить.

Введение

Современная цивилизация очевидным образом сталкивается с нарастающими вызовами, ответ на которые человечеством пока не дан. Перечень этих вызовов хорошо известен. В 1970–1980-е гг. их называли *глобальными проблемами*, в современном дискурсе чаще используется термин *вызовы устойчивого развития*. Эти вызовы отражены в Целях устойчивого развития, принятых ООН (рис. 1).

Источник: <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015/transformingourworld>

Рис. 1. Цели устойчивого развития ООН

Именно на эти проблемы (может быть, в других терминах) обратил внимание Президент России В.В. Путин на заседании Валдайского клуба. Его речь обсуждают сейчас во всем мире, поскольку эти проблемы сегодня являются фундаментальными и концептуальными.

Независимо от используемой терминологии эти проблемы и вызовы хорошо известны и носят системный характер – они переплетаются между собой и не могут быть решены изолированно.

Бедность и нищета сотен миллионов людей во всем мире, беспрецедентное неравенство не только отдельных страт населения, но и целых стран в доступе к общественным благам... и при этом – гигантские размеры симулятивного потребления в некоторых странах и социальных группах, искусственное торможение развития человека-личности, финансиализация не только экономики, но и всех сфер жизни общества, неустойчивость мировой экономики к шокам различной природы (пандемический шок, вызванный коронавирусом, – яркое тому подтверждение), деградация (в ряде случаев – необратимая) природной среды и многое другое.

Напомним и о духовном кризисе. Нарастание экономических противоречий пагубно сказывается на обществе, на человеке. Люди теряют идейные и духовные ориентиры; утрачиваются устоявшиеся категории истины, прогресса личности, добра, красоты; разрушаются традиционные, выдержавшие испытания временем, системы морально-этических ценностей. И этот перечень можно продолжать. На все эти вызовы необходим адекватный ответ.

Но все попытки разрешить имеющиеся проблемы в рамках действующей в социальных и экономических науках парадигмы остаются безрезультатными. Проблемы только нарастают. Требуется разработка новых подходов, соответствующих складывающимся реалиям и перспективным трендам развития.

Новейшие исследования показывают, что ориентиром развития и роста должен стать переход к качественно новому – пост-экономическому – состоянию общества (рис. 2). Аргументируем этот важнейший тезис.

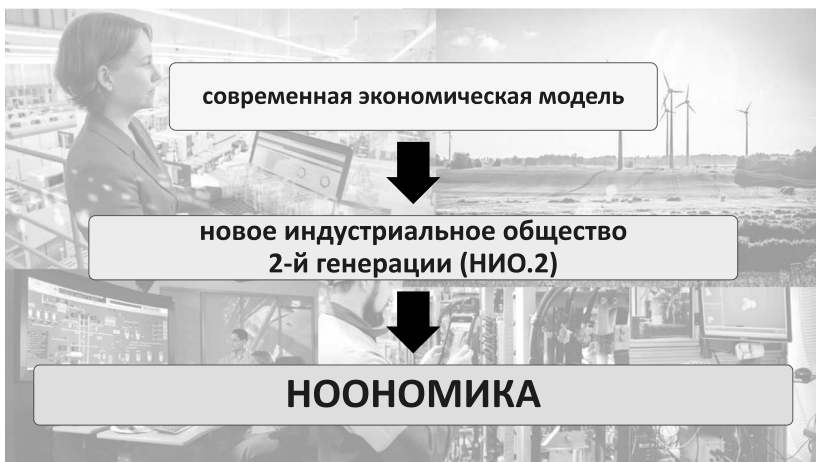

Рис. 2. Магистральный путь развития человечества

Значение технологий и промышленности

Обратимся к классической экономической теории, в частности к теоретическому наследию К. Маркса. В марксистской концепции *базиса* и *надстройки* показана определяющая роль экономики в развитии общества. Продолжая эту мысль, а также опираясь на постмарксистские идейные поиски многочисленных специалистов, попытаемся ответить на вопрос: что именно, какой фактор определяет прогресс самой экономики?

Сегодня ответ на этот вопрос для нас очевиден – *технологии*.

Самой простой иллюстрацией этого вывода является опыт пандемического 2020 г., который дал мощный импульс развитию цифровых технологий, удалённой работы. В результате практически всё образование было переведено в «дистант»: контакты и встречи в научной, деловой, управленческой и многих других сферах стали дистанционными, опосредованными цифровыми технологиями. Даже в быту, на уровне межличностного общения видеозвонки стали более частыми. По имеющимся оценкам, в 2020 г. число пользо-

вателей сервисов мобильной видеосвязи в мире достигло 1,8 миллиарда, что на 50 % больше, чем в 2019 г. (1,2 млрд человек¹).

Сегодня отрицать определяющую роль технологий в экономическом развитии невозможно. А технологии, в свою очередь, существуют не сами по себе, они создаются и во многом реализуются в сфере производства.

Совокупность имеющихся данных показывает, что реальное значение индустрии в мировой экономике значительно серьёзнее, чем это следует из формальных цифр удельного веса промышленности (или, как часто говорят экономисты, «вторичного сектора») в структуре ВВП. Да, эти показатели, действительно, имеют тенденцию к снижению, из чего представители постиндустриализма сделали ошибочный, на наш взгляд, вывод о снижении роли материального производства в современной, а тем более – в будущей экономике.

Для того чтобы опережающими темпами развивать сервисный сектор экономики, вести тот или иной образ жизни, заниматься творчеством или обмениваться информационными сообщениями, необходимо наличие материальной основы всех этих процессов. А эта основа создаётся исключительно в сфере материального производства – других источников её появления не существует.

Промышленность с момента изобретения индустриального способа производства (гениального изобретения человечества!) играет и, по-видимому, будет играть наиболее важную роль в обеспечении роста и социально-экономического развития (рис. 3).

Значение промышленности остаётся ключевым с точки зрения создания рабочих мест и генерирования внутреннего спроса в экономике; промышленное производство обеспечивает развитие экспорта и относительно более высокую заработную плату, а его развитие даёт заметный мультипликативный эффект, положительно влияя на занятость и доходы.

Например, в экономике США, которую исследователи традиционно позиционируют как постиндустриальную, сервисную (и для этого есть основания – по данным Всемирного Банка за 2019 г., на

¹ Источник: <https://www.ixbt.com/news/2021/02/18/1-2-1-8.html>.

сферу услуг в этой стране приходилось 77 % ВВП²), промышленность демонстрирует очень высокий мультипликативный эффект: каждый доллар затрат в промышленности даёт 1,32 доллара добавленной стоимости в других отраслях. Определяющим является вклад американской промышленности в инновационное, технологическое развитие страны: на промышленность приходится более 75 % расходов частного сектора США на исследования и разработки.

Рис. 3. Роль промышленности в обеспечении роста и социально-экономического развития

Аналогичная картина и в Европейском союзе. Здесь доля услуг в ВВП в 2019 г. составила немногим более 64 %³. Формально экономика ЕС – постиндустриальная, но при этом обрабатывающая промышленность обеспечивает более половины европейского экспорта, около 65 % расходов на исследования и разработки, а также рабочие места для 52 млн человек. Прямая занятость в обрабатывающей промышленности Европы в 2016 г. составила свыше

² Источник: <https://www.forbes.ru/biznes/401205-kto-posledniy-kakie-strany-vyydut-iz-krizisa-pozzhe-drugih>.

³ Источник: https://ru.theglobaleconomy.com/rankings/share_of_services/European-union.

32 млн человек, и это обеспечило работой ещё почти 21 млн человек в смежных отраслях.

В свете происходящей технологической революции роль промышленности возросла. Сейчас мы наблюдаем процесс перехода от пятого технологического уклада (ТУ), формировавшегося в 1950–1980 гг. и занявшего ведущие позиции пока только в экономике наиболее развитых стран, к шестому ТУ (рис. 4). Научные предпосылки для этого уклада создавались в 1970-е – 1990-е гг., а распространение прикладных технологий шестого ТУ началось в XXI в., и пока их удельный вес невелик.

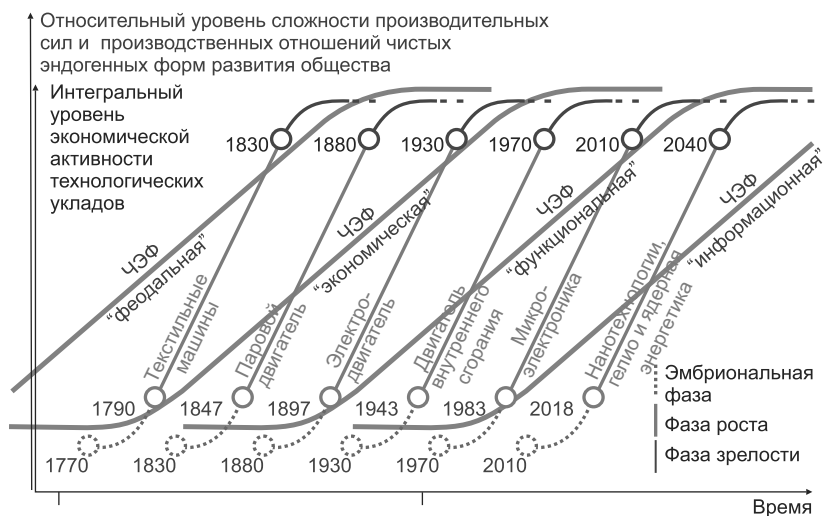

Рис. 4. Этапы развития экономики

Важнейшим результатом развития технологий шестого ТУ является формирование индустрии 4.0, основным элементом которой выступают «умные фабрики». Непосредственно в сфере производства начинается переход от дистрактивных (вычитающих) технологий, основанных на спиливании, срезании, стачивании материала с исходной заготовки, к аддитивным технологиям, основанным на добавлении или соединении исходных материалов. В частности, широкое распространение в различных отраслях получили 3D-принтеры. В 2020 г. мировой рынок промышленной 3D-печати достиг 1,9 млрд долларов, а к 2027 г. он, по прогнозам, уве-

личится до 6 млрд долларов, т. е. среднегодовой темп роста составит 17,6 %⁴.

Развитие шестого ТУ не ограничивается аддитивными технологиями. Широкие перспективы открывает синтез нано-, био-, информационных и когнитивных технологий – NBIC-конвергенция. В последнее время к аббревиатуре «NBIC» добавилась буква «S» – социальные науки. Теперь уже принято говорить о NBICS-технологиях.

Но всё это – видимые изменения, которые можно отследить по отчётам отраслевых ассоциаций и аналитических агентств. Отметим, что отличительной чертой современной технологической революции становится резкий скачок в применении новых знаний. Доля знаний в издержках производства возрастает, в то время как доля затрат материальных ресурсов относительно снижается (рис. 5).

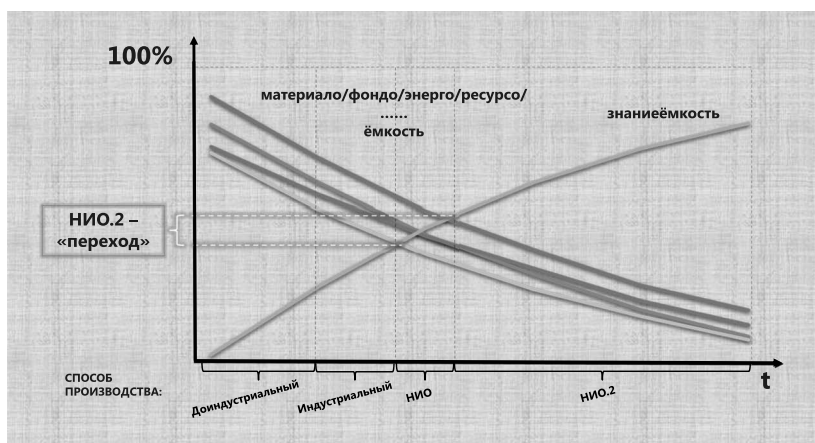

Рис. 5. Исторический процесс изменения удельных емкостных параметров компонента продукта

⁴ [https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:3D-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%8B_\(%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA\)](https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:3D-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%8B_(%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA)).

Кроме того, происходит сокращение участия человека в процессе материального преобразования исходных ресурсов. Технологическое развитие ведёт к тому, что за человеком всё чаще остаются функции целеполагания и контроля, а непосредственные манипуляции с сырьём и материалами выполняют автономные технические существа. Широкое распространение промышленных роботов – первый шаг на этом пути.

Интернет вещей и сходные технологии влекут за собой принципиальное изменение подходов к организации процессов во многих традиционных сферах экономической активности – от торговли и сферы обслуживания до строительства. Человек в современных прогрессивных производствах всё более вытесняется за пределы производственных киберсистем. С приходом новых технологий меняются содержание труда и способы организации производства. Именно поэтому речь должна идти не просто о технологической, а о комплексной индустриальной революции.

Предыдущую индустриальную эпоху американский учёный Джон Кеннет Гэлбрейт называл *новым индустриальным обществом*. И сегодня, после периода веры в могущество «постиндустриального» развития, мы возвращаемся к взглядам Гэлбрейта, которые выдержали проверку временем.

Однако, промышленность времён Гэлбрейта и современная промышленность кардинально различаются. Различаются по своему технологическому уровню, и особенно – по уровню знаниеёмкости. Различаются и ресурсы, используемые в индустрии. Место материальных ресурсов всё более активно занимает знание, которое в новых условиях становится *основным ресурсом* общественного производства. В этой связи логично Новое индустриальное общество (НИО) Гэлбрейта считать НИО первого поколения. А впереди нас ждёт переход ко второму поколению НИО, и контуры НИО.2 уже явственно вырисовываются. В перспективе, по мере накопления изменений не только в технологической, но также в экономической и социальной сферах, НИО.2 неизбежно приведёт к трансформации экономической парадигмы развития в ноономику, предполагающую более социализированный тип производства и распределения общественных благ.

Постепенное продвижение человеческой цивилизации к НИО.2 – системе отношений и институтов экономики, где глав-

ную роль играет высокотехнологичное знаниеёмкое материальное производство – происходит с последней трети XX в. Первым шагом является реиндустриализация экономики, которая строится на принципиально иных, чем это постулируется в либеральных концепциях, подходах и теоретических взглядах.

Сегодня не так важен количественный рост экономики сам по себе, как его структура, качество, а значит – технологический, научно-технический прогресс, знаниеёмкость общественного продукта, составляющего ВВП. Но сам по себе прогресс технологий – тоже не конечная цель и не высшая ценность. Это, можно сказать, операционная цель, хотя и очень важная. А что же важнее? С позиций гуманистических представлений о нашей цивилизации конечной, высшей целью и ценностью является человек, его жизнь, развитие и благополучие.

Квадрига ноономики

Мощь современных технологий, их ускоренное развитие создают возможность (пока еще не реализованную, но объективно востребованную) перезагрузки и трансформации всех сфер общественного производства, всех социально-экономических отношений и институтов. В результате само общество ожидает трансформации (рис. 6). И вызваны они четырьмя вполне конкретными факторами. Рассмотрим их подробнее.

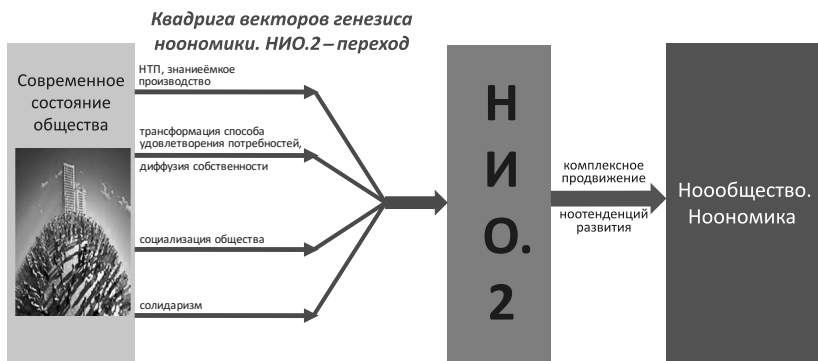

Рис. 6. Траектория глобальной ноотрансформации общества

Первый фактор. *Материальные и научно-технологические условия.*

Технологический прогресс создаёт материальный базис для того, чтобы несимулятивные потребности человека удовлетворялись в полной мере. Конечно, удовлетворить всё многообразие современных потребностей не в состоянии ни одна экономика. На это попросту не хватит ресурсов, сколь большим их запасом мы бы ни обладали. Происходит это потому, что в рыночном обществе, по определению Жана Бодриера, всё больше товаров становятся симулякрами, а потребности, которые ими удовлетворяются, – надуманными, мифическими, симулятивными.

В технико-экономическом анализе при производственном планировании используется замечательный методический прием, о котором вы, вероятно, знаете. Это переход от оценок в категории «вещей» к оценкам в категории «функций» – функционально-стоимостной анализ. Рассматривая тот или иной материал, комплектующее изделие или узел, мы задумываемся не о его вещественном воплощении, которое требует производства или закупок, а о той функции, которая ему отводится. И если смотреть на процесс производства с этой стороны, то выясняется, что многие детали и комплектующие попросту не нужны, они могут быть заменены другими – более надежными и дешевыми, но ничуть не худшими по своим свойствам.

Функционально-стоимостной анализ широко используется для оптимизации издержек производства. В результате, например, металлический крепёж заменяется клеевым соединением, а набор отдельных радиодеталей – монолитной микросборкой. Функционал от этого нисколько не страдает, напротив, может даже улучшиться. По нашему мнению, такой же (концептуально) подход можно применить к оценке потребностей как отдельного человека, так и общества в целом. И как только мы его применим, сразу же выяснится, что многие потребности, особенно у населения развитых стран, носят не истинный, глубинный, но симулятивный характер. Мало того, они постоянно, опережающим образом самовозвышаются. Создаётся масса ненужных продуктов. В итоге возникает бессмысленное потребление, разрушающее и общество, и экологию, и самого человека. Если же симулятивные потреб-

ности ограничить или вовсе исключить из рассмотрения, то окажется, что производственные возможности человечества более чем достаточны.

Например, уже сегодня в странах, где драйвером материального производства является пока ещё пятый ТУ, в основных отраслях материального производства (промышленность, транспорт, строительство, сельское хозяйство) занято всего 20...25 % работников. В тех странах, где деиндустриализация оказалась не столь разрушительной, как в США или России, эта четверть всех работающих производит достаточно машин и оборудования, сельскохозяйственного сырья и транспортных услуг, чтобы не только обеспечить потребности своих стран, но и больше экспортировать продукции этих отраслей, чем импортировать.

Человечество стоит на пороге движения к пространству по ту сторону материального производства, но – подчеркну – не по ту сторону промышленности. Значимость промышленности, даже современной, высокопроизводительной и знаниеёмкой, несколько не снижается, напротив, она возрастает, так как от её устойчивого функционирования критически зависят вся экономика и общество в целом. Поэтому реиндустриализация российской экономики, о которой мы говорили не раз, является важнейшей задачей.

Подчеркнём, что речь идёт не столько о развитии традиционного промышленного производства (таких производств очень много на Урале, который на протяжении столетий выполнял функцию «индустриального сердца» России) и даже не о возрождении традиционной промышленности. Нет, мы говорим о том, что эти процессы должны происходить на *новой технологической основе*.

Второй фактор. *Диффузия собственности.*

Любое производство, самое значимое и развитое, не существует ради самого себя. Его продукт служит удовлетворению человеческих потребностей, а этот процесс неразрывно связан с тем или иным способом захвата, контроля, использования объекта потребления – способом извлечения из него *полезности*. То есть – институт потребления неотделим от *более общего института собственности*, является его частным проявлением.

Верно и обратное: насколько институт собственности влияет на потребление, *настолько же трансформирующееся потребление способно изменить институт собственности*. Итак, проявляется цепочка причинно-следственных связей: изменения в технологиях – изменения в производстве – изменения в потреблении – изменения в институте собственности. И именно изменения в последнем звене этой цепочки мы наблюдаем сегодня, изменения, вызванные её изменившимися звеньями. Речь идёт о диффузии собственности.

Разрушение традиционных отношений собственности

- Постепенное снижение значения института собственности для реализации целей удовлетворения несимулятивных потребностей
- Диффузия собственности: = индивидуальный собственник «диффундирует», трансформируясь во множество акционеров; = права собственника ветвятся и разделяются между экономическими акторами; = наиболее активными инвесторами всё чаще становятся общественные фонды; = часть прав собственности передаётся участникам производства; = государство ограничивает и всё более жёстко регулирует деятельность частного собственника, накладывая на него всё большую социальную ответственность; = развитие ассоциативных форм производства и потребления; = развитие тенденции «отказа от собственности» ...
- Диффузия отношений собственности в рамках социума
- Диффузия института собственности

Процессы формирования новых, преодолевающих границы института частной собственности способов присвоения, распоряжения и использования собственности известны давно. Процесс диффузии частной собственности начался более столетия назад и хорошо известен: индивидуальный частный собственник «диффундирует», трансформируясь во множество акционеров; права частного собственника ветвятся (напомним, что, согласно А. Оноре (1961 г.), «пучок собственности» ветвится на 11 элементов; много об этом писали Р.Г. Коуз и А.А. Алчиан в своих теориях фирмы и прав собственности) и разделяются между акционерами, менеджерами, работниками и другими экономиче-

скими акторами, права собственника ограничиваются и/или передаются несобственнику, и т. д. Такие примеры можно продолжать.

Эти аспекты давно и хорошо известны. Но они не касаются потребления, ограничиваясь производственной и распределительной стадиями воспроизводственного цикла. Сегодня же, с развитием НТП и индустрии 4.0, которые являются материальной основой процесса диффузии собственности, мы наблюдаем новые тренды – развитие различных форм так называемого ассоциативного, совместного производства и потребления (коворкинг, коливинг, каршеринг и т. п.).

Оборот шеринговой экономики достигает сотни миллиардов долларов в год, только в Китае, по данным iiMedia Research, он составил в 2019 г. 1,05 трлн долларов, а в 2020 г., по оценкам, может составить 1,28 трлн долларов. Доля шеринговой экономики приблизилась к 8 % ВВП Китая.

Желание всё большего числа людей пользоваться, не становясь собственниками, вызывает внимание бизнеса, и инвестирование в шеринговую экономику растёт стремительными темпами.

Таким образом, размывание прав собственности происходит не где-то там далеко от повседневной жизни, а непосредственно проникает в неё. Оно становится неотъемлемой частью жизни многих людей, особенно молодёжи, более чутко реагирующей на новое. Важно зафиксировать, что мы ведём речь о диффузии не частной собственности, а собственности в целом как особого отношения и института, как системообразующего элемента современных экономики и общества. И эти изменения носят, если не революционный, то, безусловно, радикальный характер.

Но! Если собственность как институт «диффундирует», то редуцируются и порожаемые им экономические отношения, уступая место иным, не навязанным экономической логикой. Таким образом, с *редуцированием* значения *собственности исчезает и экономическое общество*. Соответственно будет происходить трансформация экономического способа удовлетворения потребностей в неэкономический.

Этот тезис выглядит, возможно, чрезмерно революционным. Но я настаиваю на нём. Постепенно, эволюционно (я против любых революций, даже в локальных сферах) отношения собственности отмирают, «засыпают». И происходит (и произойдёт)

это не потому, что некий субъект совершает политический, насильственный акт и «экспроприирует экспроприаторов», а в силу объективного, не зависящего от воли и сознания политических субъектов процесса – прогресса технологий, приводящего к смене одного типа общественного производства другим.

Третий фактор. *Социализация общества.*

Технологический прогресс и диффузия собственности прокладывают дорогу социализации общества и развитию ноокачеств человека. В экономической науке с понятием социализации, как правило, связывают возрастание роли общественных и снижение роли частных начал в экономике.

Рассмотренные нами процессы технологического прогресса и диффузии собственности ведут к тому, что человек изменяет свое поведение в обществе. Он должен обретать – и (частью – вынужденно, частью – сознательно) обретает! – всё большую социальную ответственность, становясь всё более «социальным», всё более культурным. Ориентированный исключительно на себя и свои интересы «человек экономический», изучаемый неоклассической экономической теорией, меняется.

Человек двуедин в своей сущности. И в рассматриваемом процессе он постепенно всё больше отходит от своей, если позволите, биологической ипостаси, начинает всё больше заботиться об общественной миссии, включающей не только уже упомянутую ответственность, но и общественное признание и т. п., продвигаясь от «зоо» к «ноо» – в отношении формирования как своего поведения в обществе, так и критериальной базы этого поведения, мотивов, нравственно-ценностного ядра.

И здесь, как мы указывали ранее, как только происходят изменения, включается обратная связь – фидбэк. Социализирующийся, принимающий нормы общества, его установки, мораль и т. п., т. е. становящийся всё более культурным, ответственным перед обществом человек, в свою очередь, оказывает социализирующее воздействие на экономические, политические и другие общественные институты, внося в них собственные представления и форматы бытия, порой отличные от стандарта или общепринятых на конкретном этапе. Человек социализирует общество.

Развитие процессов социализации общества

- Повышение социальной ответственности
- Повышение общего уровня образования и культуры
- Развитие ноо-критериальной базы общественных отношений
- Ноо-развитие нравственно-ценностного ядра общественных отношений
- Рост социализирующего влияния человека на общество
- Ускорение социализации общественных институтов

Всё более социализирующийся человек привносит в общественное бытие и сознание новые ценности и мотивы жизнедеятельности и поступков, трансформируя имеющиеся институты, делая их всё более ориентированными на продвижение к ноо-обществу, ноономике.

Наконец, четвёртый фактор. *Развитие солидаризма.*

Рассматривая факторы, логично вытекающие друг из друга, мы всякий раз указывали на существование и существенность обратных связей в этой последовательности. Логично предположить, что завершающий, четвёртый, фактор будет оказывать наиболее существенное обратное влияние. Четвёртый фактор – это солидаризм. По сути, это – «синергетический принцип» взаимодействия индивидов, социальных групп и институтов, объединяющий их в систему и трансформирующий её.

В основе солидаризма лежит новый тип взаимодействий социальных акторов: на место борьбы и конкуренции, присущих экономическому, рыночному восприятию действительности, приходит взаимоосознание единства ценностей, целей и путей совместной деятельности. Такой способ взаимодействия становится всё более эффективным для реализации общественными институтами своей миссии в формирующихся условиях НИО.2.

Развитие в обществе отношений солидаризма

- Осознание необходимости солидарного предотвращения угроз цивилизационного развития
- Отказ от безусловности принципа превалирования/доминирования в субъектных отношениях
- Развитие партнёрства как превалирующей системы отношений на всех уровнях социального устройства
- Развитие и реализация на практике концепций со-конкуренции и со-работы
- Включение и расширение принципов солидаризма в базовые форматы общественных институций (правовых, экономических, идеологических, политических и др.)

Феномен солидаризма не нов, он стал предметом научного изучения ещё в XIX в. Но его природа, его наполнение были несколько иными. Солидаризм в классическом понимании – это достаточно известная теория о необходимости солидарности и стремления к компромиссу, социальному сотрудничеству и духовному доверию среди различных слоёв общества, в том числе классов, партий и групп интересов. На практике солидаристские отношения строятся либо на системе взаимовыгодных договоров, ориентированных на общие интересы, либо на совокупности добровольных сообществ.

Конечно, отношения нового солидаризма, солидаризма, построенного не на экономической основе, не могут возникнуть одновременно – нужен период эмбрионального развития в недрах экономического, рыночно-капиталистического, общества, а это – сложный и длительный процесс.

Ещё раз подчеркнём – современная модель экономики и общества основана на получении субъектом преимуществ и выгоды для себя, на своём доминировании, т. е. эти преимущества и выгоды получают одни индивиды во многом за счёт других индивидов. Но всё более востребованный учёт интересов других субъектов приводит к необходимости солидарного *решения многочисленных хозяйственных и социальных вопросов.*

Итак, солидаризм – ещё одно объективное условие генезиса ноообщества. По сути, он является идейной платформой для

перехода к его новому состоянию. Более того, осознание этого приходит и в правовом поле, воплощаясь в идейный базис развития. Так, поправкой к Конституции 2020 г. (ст. 75-1) солидаризм провозглашается в РФ в качестве одного из руководящих принципов развития и существования России: «В Российской Федерации ... обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность».

Перечисленные четыре направления цивилизационной трансформации и генезиса перспективного общественного устройства характеризуют не только компоненты равнодействующей направления движения, но также источник, цель, механизм и средства продвижения к ноономике (рис. 7).

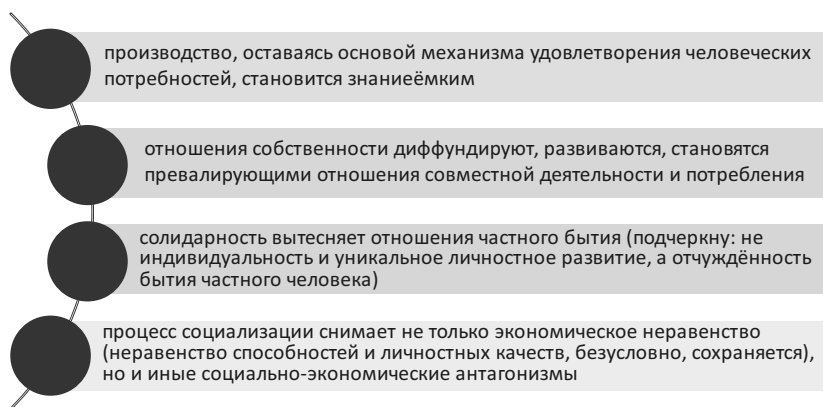

Рис. 7. Квадрига ноономики

Рассмотренная квадрига векторов развития составляет основу для перехода к новой организации общества. Задействование всех её элементов в комплексе позволит осуществить этот переход, а также (что крайне важно с практических позиций), во-первых, «обойти» наступающую кризисную точку бифуркации цивилизационного развития; во-вторых, осуществить этот переход максимально бесконфликтно.

Говоря об этом переходе, мы должны исследовать **инструментарий управления ноопереходом**.

Рассмотренные предпосылки перехода к ноономике представляются объективными и логичными. Но в жизни челове-

ских сообществ и общества в целом развитие не всегда происходит по объективным законам. Бывают и отклонения от них, своеобразные «зигзаги истории», вызванные субъективными действиями людей либо случайными обстоятельствами. Поэтому движение к ноономике должно быть не спонтанным, но, если не управляемым, то хотя бы скоординированным.

Важно не только ответить на вопрос, заданный в начале лекции: куда нам идти, к каким целям стремиться? Следует также сформулировать ответ на вопрос: как обеспечить развитие общества в заданном направлении? Сегодня остро стоит проблема выбора не только стратегических *приоритетов* и *целей* общественного развития, но и стратегических *путей* их достижения для реализации национальных интересов.

Ответам на возникающие в связи с этим вопросы посвящена новая книга: «Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика». Она подготовлена мной совместно с академиком, иностранным членом РАН Владимиром Львовичем Квинтом и издана в этом году Институтом нового индустриально-го развития имени С.Ю. Витте, который я возглавляю.

Эта книга – первый опыт совместных усилий авторов концепций стратегирования (В.Л. Квинт) и ноономики (С.Д. Бодрунов). Идея объединения взглядов на проблемы общецивилизационного развития имеет единую научную платформу – определение долгосрочных целей и выбор экономико-стратегического инструментария для их достижения. В книге изложены подходы авторов к решению рассмотренных вопросов. Это позволяет говорить о впервые полученном решении *теоретически* значимой задачи. Надеемся, что нам удалось показать продуктивность синтеза этих подходов к исследованию закономерностей общественного развития.

Нам представляется, что важна *прикладная* ценность полученных результатов. Почему? Методы стратегирования превращают знание о будущем в инструмент эффективного управления процессами развития. И концепция ноономики как нельзя лучше отвечает стратегическому подходу, поскольку включает предвидение событий, неочевидных для «здорового смысла», рутинного понимания сути происходящих в обществе и экономике

изменений, а также умение заглянуть далеко за пределы текущей инерционной повестки дня.

В книге изложены идеи, позволяющие увидеть не только назревающие перемены, но и будущее, которое наступает за качественными переломами в социально-экономическом развитии. Желающие могут получить книгу бесплатно, обратившись в ИНИР, либо ознакомиться с ней в научной библиотеке УрГЭУ, куда мы передали несколько экземпляров.

Вернёмся к теме нашей лекции. Еще один важный вопрос – о взаимоотношении понятий **ноономика** и **ноосфера**, их связи и различиях.

Современное человечество стоит на пороге одной из самых важных развилок в своей истории:

- либо поворот к человеку разумному и в конечном итоге – эволюция в сторону ноономики;

- либо путь в тупик, в технотронное общество, где элита удовлетворяет безмерно растущие (преимущественно симулятивные) потребности, а большинство населения занято в сфере обслуживания, которая всё больше превращается в сферу прислуживания. В антиутопической трактовке человечество при таком сценарии рано или поздно вырождается в элов и морлоков, ярко описанных Гербертом Уэллсом в «Машине времени».

Третью возможную альтернативу – апокалиптическую – мы даже не рассматриваем, хотя её возможность нельзя сбрасывать со счетов.

Конечно, первый вариант развития выглядит предпочтительным. А фундаментально – безальтернативным. Но эта безальтернативность, бесспорная в теоретических рассуждениях, должна ещё воплотиться в социальные практики, что связано со множеством сложностей. И главная из них – необходимость разумного поведения, осмысленного и взвешенного принятия решений.

Присущее рыночному (экономическому) мышлению стремление к личной выгоде является мощным фактором, искажающим восприятие и объективность не только отдельных людей, но и обширных социальных групп, а порой – целых народов. Поэтому, говоря о разумности, обратимся к феномену ноосферы, введённому в научный оборот великим русским учёным Владимиром Ивановичем Вернадским. Основной тезис Вернадского –

начиная с XX в. человечество становится ведущей геологической силой, ответственной за воспроизводство биосферы Земли. Более того, техногенез – создание человеком техносферы и наполнение её техновеществом, по мнению академика А.Е. Ферсмана, уже соперничает с биогенезом и биосферой по вовлечённой массе вещества и затратам энергии. Техносфера превратилась в колоссальную и во многом независимую от человека силу, что увеличивает ответственность человека за введение этой силы в разумные рамки, предотвращающие стихийное деструктивное воздействие техногенных процессов.

Вывод российских мыслителей о генезисе ноосферы, сделанный более полувека назад, на протяжении XX в. стал едва ли не очевидным для широкого круга интеллектуалов.

Фактически речь идёт о том, что хозяйственная деятельность, направленная на удовлетворение потребностей человека, будет определяться в первую очередь неэкономическими критериями, поскольку сами потребности примут неэкономическую форму. Но важнее другое – эти потребности должны стать разумными. Подчеркну – не *рациональными*, а *разумными*.

При этом отметим, что понятия «ноосфера» и «ноономика» вовсе не тождественны. И, обращаясь к идеям ноосферизма, мы хотели выделить лишь концептуальную и методологическую близость стоящих за этими понятиями феноменов. Говоря о ноосферизме, мы подчёркиваем, что выбор, который должно сделать человечество, есть выбор в пользу первой – ноономической – альтернативы, это – выбор разумный, присущий ноосферному мышлению и восприятию действительности.

Вследствие такого выбора экономика как сфера экономических отношений между людьми по поводу производства и обмена продуктов будет сжиматься вплоть до полного исчезновения в эпоху неэкономического общества – ноономики. Ноономика с учётом объективности социальных, экономических и технологических процессов, к ней приводящих, возникает как неизбежный продукт развития человеческого общества на определённой ступени его эволюции.

Общественное производство в ноономике формируется как система при наличии следующих объективных тенденций:

1. Приоритетное развитие знаниеёмкого, «умного» производства (ноопроизводства).

2. Обусловленная этим интеграция производства, науки и образования в рамках единых воспроизводственных контуров, ведущих к формированию нового типа воспроизводства – нововоспроизводству, обеспечивающему приоритетное формирование условий для дальнейшего развития общества.

3. Постепенное снижение роли утилитарных и симулятивных потребностей и возрастание нового класса потребностей – потребностей «человека разумного», или ноопотребностей.

4. Развитие новых, соответствующих этому ценностей и мотивов деятельности основных субъектов материального и духовного производства, которые теряют свойства экономических.

5. В переходный период происходят социализация и гуманизация экономических отношений и институтов, в частности, за счёт диффузии собственности, активного развития нооориентированного программирования рыночной экономики, проведения активной индустриальной политики, нацеленной на приоритетное развитие «умного» производства, усиление государственно-частного партнерства, ориентированного на решение этих задач.

6. И, наконец, возрастание культуры как сферы, обеспечивающей решение ключевых задач нооразвития, а также опережающее развитие солидаризма.

При этом **развитие человека** выступает как **условие и результат** формирования **ноономики**.

Ноопроизводство в большей степени становится производством самого человека, нежели производством материальных условий его существования. Более того, обеспечение материальных условий существования перестаёт быть делом человеческих рук. Как мы указывали ранее, производственные процессы «замкнутся» в техносфере. А человек будет воздействовать на эту сферу силой знания. Соответственно изменится и структура потребностей человека. Преобладающее значение будут иметь потребности в саморазвитии, в общении, в общественном признании – потребности духовного плана. И именно они будут регулировать характер применяемых технологий, производимых продуктов и организации производства в сфере удовлетворения материальных потребностей

человека. Эти сдвиги в структуре потребностей будут определяться прогрессом человеческой культуры.

Подчеркнём, что переход к ноономике обусловлен *трансформацией интересов и ценностей* человека. В то же время сам этот переход и сопровождающие его изменения в хозяйственной деятельности и обществе в целом будут способствовать развитию системы интересов и ценностей, **ноокритериальной базы ценностей**.

Современные ценности несут на себе глубокий отпечаток *экономической рациональности* в её специфическом преломлении для рыночно-капиталистического общества. Значит ли это, что в современном обществе нет ценностей иной направленности? Есть, и сколько угодно: альтруизм, солидарность, творчество... Их общественное значение весьма заметно. Однако в рамках нынешних социально-экономических порядков они не могут занять господствующие позиции.

Сегодня соображения выгоды, эквивалентности обмена, максимизации потребления проникают в сферы творчества, в семейные отношения, в любовь и дружбу, в религиозные воззрения, во всю ткань общественных отношений. В то же время участие людей в процессах познания и занятия творческой деятельностью ведут к формированию мотиваций и ценностных установок, среди которых наращивание объёмов потребления не стоит на первом месте.

Однако новые ценности не формируются автоматически, да и человечеству ещё очень далеко до того, чтобы «обеспечить» творческими функциями всех занятых. Для становления ноономики люди должны усвоить нооценности. Поэтому необходима трансформация духовной сферы и вообще всей сферы человеческой культуры с ориентацией людей на рациональное отношение к своим потребностям и к природной среде, а производственной деятельности – не на безграничный рост, а на развитие человека.

Критерием нормального уровня потребления станет объём потребляемых благ, а уровень удовлетворения разумных потребностей. Это изменение возможно только при усвоении внутренних культурных критериев, на основе которых происходит самоопределение человека как «человека разумного». Определяя себя таким образом, человек отделяет себя от «человека

неразумного» и ставит границы собственному потреблению согласно критериям разума.

Ноценности не могут быть утверждены с помощью проповеди. Они вырастают из потребностей, рождаемых развитием объективных условий человеческой жизни. Но вырастают не как сорняк, а как культурное растение, взращиваемое нашими осознанными в своей безусловной необходимости усилиями, прикладываемыми в том числе и к самим себе, через осознание нашей ответственности перед миром. Только усвоив эти ценности, мы сможем выбраться из тупика противоречий, в которые погружается наша цивилизация.

Таким образом, в ноономике главной целью производства и одновременно главным его фактором выступает творческая самореализация человека. Данный жизнеутверждающий тезис вовсе не означает, что это будет некое идеальное общество, лишённое противоречий. Вовсе нет. Противоречивость заложена в самой человеческой природе. Неравенство сохранится, но основой этого нового неравенства станет способность человека к овладению средствами самореализации. Останутся различия, основанные на неодинаковых индивидуальных задатках людей: например, не у всех имеется врождённый музыкальный слух, не все обладают математическими способностями. Конечно, эти различия могут быть сглажены с помощью развития когнитивных технологий, однако различия в человеческой индивидуальности останутся, в том числе – в способностях людей осваивать различные виды деятельности.

Заключение

Фраза «современный мир стремительно меняется» давно стала банальным клише. Но события, связанные с распространением новой коронавирусной инфекции Covid-19, заставили нас несколько иначе оценить ситуацию. Да, действительно, мы увидели, что изменения в применении технологий следующего технологического уклада, в экономике и в обществе происходят достаточно стремительно, и носят они не ситуационный, а фундаментальный характер.

Достичь гармонии в общественном развитии, справедливости, сбалансированности интересов различных социальных

групп, гуманистической направленности общества и т. д., не изменив лежащую в основе современного социального устройства рыночную модель экономики, к сожалению, невозможно. Необходима смена парадигмы. И эта смена должна идти в направлении: современная экономическая модель – НИО.2 – ноономика.

В перспективной модели устройства общества, сформированного на основе сверхвысокого технологического развития и кардинальных социальных трансформаций, ноопроизводство, совершающееся в автономной техносфере, будучи отделено от человека, от общества, по своим целям и задачам остаётся подчинённым обществу. С развитием ноообщества, с переходом к ноопроизводству и ноопотребностям происходит переход от экономической рациональности к новой, и этот новый характер рациональности и соответственно новая определённость целевых установок развития приобретают первостепенное значение и служат основой изменения характера общественных отношений.

Место экономики займёт ноономика. Переход к ноономике – долгий и противоречивый процесс, сопряжённый с решением целого ряда проблем современного социально-экономического устройства, включая глубокие технологические, социально-экономические и культурные различия между странами, а также социальными стратами. Но движение идёт.

Однако сохранение многих глобальных проблем, в частности, бедности и ограниченности доступа значительной части населения планеты к ресурсам развития (включая достаточно высокий уровень доходов, доступ к качественному образованию, здравоохранению, культуре и, главное, содержательному труду), являющихся прямым следствием экономического механизма удовлетворения потребностей, создаёт не только предпосылки, но и серьёзные барьеры на пути продвижения к ноономике.

Важно, чтобы на этом эволюционном пути, реперные точки которого обозначены в лекции, не была выхолощена и забыта главная цель – всемерное содействие развитию человека. Развитие цивилизации, лишённое гуманитарного наполнения, не имеет смысла. Да, социально-экономические отношения трансформируются, видоизменяются, но конечной целью этих процессов должен стать прогресс человеческих качеств, саморазвитие и самовозвышение человека.

В итоге homo economicus (человек экономический) завершит свою историческую миссию и трансформируется в «ноочеловека», для которого не расчётливость, но гуманизм станет определяющим свойством и смыслом существования. Безусловно, это – дело будущего. Насколько отдалённого, зависит от множества факторов, но это – тема другой лекции. А задачи текущего момента – опережающее и сбалансированное технологическое развитие и проведение реиндустриализации при ориентации экономики, в частности индустрии, на человека, его развитие.

К сожалению, уровень развития российской экономики (в том числе её производственного сектора) и инновационно-технологического развития на сегодняшний день, несмотря на позитивные сдвиги, заслуживает критики. Но, как известно, «дорогу осилит идущий». Поэтому чёткое понимание конечных целей, а также необходимых предпосылок и факторов развития, рассмотренных нами сейчас, позволяет нам строить стратегию движения к более эффективному (по гуманистическим критериям) и разумному общественному устройству.

В заключение вернёмся к словам Президента России. Глава государства отметил, что человечество в эпоху перемен и кризиса должно противостоять опасностям, но нельзя упускать и возможности этого периода. «Тем более, что кризис, с которым мы имеем дело – концептуальный, даже цивилизационный. По сути, это кризис подходов, принципов, определяющих само существование человека на Земле. И нам всё равно придётся их серьёзно переосмысливать», – сказал Путин.

«Вопрос: в какую сторону двигаться, от чего отказываться, что пересматривать или корректировать? При этом убежден, что за подлинные ценности нужно побороться, отстаивая их всеми силами», – подчеркнул президент.

Коллеги, не об этом ли данная лекция?

Очень важно, чтобы идеи перехода к новому состоянию общества были воплощены в конкретные решения политиков и гражданского общества.

Спасибо за внимание!

С.Д. Бодрунов

**Modern Development Strategy Requires Turnabout to Planning /
Стратегия современного развития требует поворота к
планированию¹**

Аннотация: В статье ставится вопрос об использовании исторического опыта планирования, начало которому было положено созданием Госплана в Советской России в 1921 году. Разумеется, речь не может идти о буквальном заимствовании советской модели директивного планирования. Однако практика доказала, что плановые методы с успехом могут применяться в странах с рыночной экономикой. Эти методы особенно эффективны для обеспечения ускоренного развития и глубоких структурных преобразований в экономике. Поэтому обращение к использованию опыта планирования не является шагом назад, в прошлое, а напротив, шагом вперед, к обеспечению глубоких трансформаций современной экономики. Современное экономическое развитие сталкивается с глубокими противоречиями, прежде всего – с очевидным разрывом между теми возможностями, которые создаются новейшими технологиями, и нарастанием рисков и угроз развитию человеческой цивилизации. Традиционная рыночная модель, особенно в ее неолиберальном варианте, не открывает возможностей для разрешения этих противоречий, а нередко и усугубляет их. Поэтому необходим переход к иной социально-экономической модели, опирающейся на новейшие тенденции в технологиях, и позволяющей использовать их для преодоления кризиса современной цивилизации. Автор рассматривает такую модель под углом зрения развиваемой им концепции ноономики – неэкономического способа удовлетворения потребностей людей. Плановые методы при этом выступают как один из необходимых инструментов перехода к такой модели.

Ключевые слова: планирование, стратегическое планирование, Госплан, Россия, реиндустриализация

¹ Перевод. Вариант статьи на английском языке направлен на публикацию в журнал *World Review of Political Economy*

Предисловие к основному тексту

Именно сейчас, в наши дни, существенно возрастает интерес к институту планирования. Опыт применения неолиберальных рецептов развития в течение последних нескольких десятилетий в конечном счете привел экономику к тупику «новой нормальности», в которой на самом деле нет ничего нормального. Темпы экономического развития замедляются, инвестиционная активность падает, волатильность рынков возрастает, стандартные приемы макроэкономического регулирования теряют эффективность. Поэтому закономерно обращение к планированию – без идеологических штампов и коннотаций, а как к институту, позволяющему структурировать и организовывать человеческую деятельность для достижения поставленных целей.

Как раз таким, очищенным от идеологических наслоений, необходимо рассматривать один из крупнейших мировых экспериментов по внедрению плановых методов в экономику целой страны – создание столетие тому назад, 22 февраля 1921 года, Госплана, функционировавшего первоначально как Государственная общеплановая комиссия при Совете Труда и Обороне РСФСР (Декрет, [1921] 1944, 161-162).

При этом, отметим, потенциал института планирования оказался настолько мощным, что и сегодня Госплан воспринимается преимущественно как орган, ставший на долгое время символом советской экономической модели. Более того, и экономику СССР, и экономики остальных стран Мировой социалистической системы, охватившей во второй половине XX века треть населения земли, неслучайно называли и называют плановой – поскольку институт планирования составил ядро экономической модели этой системы.

Мировая система социализма ушла в прошлое, но плановые методы живут. Они, как оказалось, вовсе не атрибут исключительно советского социализма. Более того, различные виды планирования использовали в своем развитии в разные периоды, особенно на этапах модернизации экономики, мобилизации ее на достижение национальных целей, многие страны – от Франции до Южной Кореи, и это дало им возможность осуществить быстрый и эффективный рывок в развитии. Плановые методы и сего-

дня широко используют многие страны. Наиболее яркий пример здесь – Китай, становящийся по ряду параметров уже не второй, а первой экономикой мира.

И далеко не случайно именно в наше время, время глобальной трансформации нашей цивилизации, обусловленной переходом к новому состоянию общества, которые мы называем Новым индустриальным обществом второго поколения (сокращенно – НИО.2), переходом к новому мирохозяйственному укладу на базе нового технологического уклада, – снова и снова, все чаще и больше, – научная общественность, бизнес-структуры и власти обращают свой взор ... назад, в прошлое, к опыту планирования, который накоплен человечеством. Назад? Или – вперед?

Полагаю, вперед. План становится востребованным в грядущей жизни общества.

В чем же «тайна» плана? Почему он не уходит в прошлое? Чтобы понять, почему планирование оказалось востребованным не только в советской экономике, и почему потребность в планировании становится все более актуальной в наши дни, надо рассмотреть ряд теоретических и методологических предпосылок. Без их анализа невозможно оценить значение тех современных тенденций развития экономики, которые делают плановые методы регулирования более чем востребованными.

Материалы и методы

Ответ на этот вопрос предполагает обращение к глобальным трансформациям последних десятилетий и, в частности, к проблемам генезиса экономики как неэкономического способа удовлетворения реальных потребностей людей в ходе развития НИО.2. Я немало предыдущих текстов посвятил этой теме (Бодрунов, 2013; 2016; 2018), и сейчас лишь коротко выделю ключевые аспекты.

Сегодняшний мир захлестывают проблемы. Нищета сотен миллионов и бедность миллиардов, достигшее беспрецедентных размеров неравенство не только отдельных стран населения, но и целых стран в доступе к общественным благам, искусственное торможение развития человека, неустойчивость мировой экономики к шокам различной этиологии и многое другое. Проблема устойчивости общественного развития стала настолько весомой и очевидной, что вызвала к жизни известные документы ООН по

достижению целей устойчивого развития (United Nations, 2000; United Nations, 2015), множественные дискуссии различного уровня – от Давоса до Пекина (World Economic Forum, 2020; New Economy Forum, 2019), от саммитов семерки до Всемирных социальных форумов (G7 Summit 2020; World Social Forum, 2021).

При этом мировой уровень общественного производства, отражающий реалии и достижения современного научно-технического прогресса, позволяет хоть сегодня приступить к решению большинства этих проблем. Однако – воз, как говорится, пока и ныне там.

Это – глобальное противоречие современности, и оно обостряется в ходе прогрессирования технологий при сохранении устаревающих, на глазах архаизирующихся экономических моделей, в рамках которых достижения технологического прогресса не служат решению упомянутых проблем, а, скорее, наоборот, акселерируют их. В частности, в полной мере к таковым следует отнести господствующую неолиберальную модель современного капитализма, регрессирующего в направлении консерватизма.

Эскалация противоречий этого процесса, в то же время, однако, чревата множественными глобальными рисками. Уже давно, со времен докладов Римскому клубу, стали очевидными угрозы нарушения глобального экологического равновесия в погоне за безудержным и далеко не всегда разумным наращиванием объемов потребления. Но сейчас масштаб этих угроз стал еще более пугающим (Earth Overshoot Day, 2020; Zalasiewicz et al., 2017; United Nations, 2020). Менее очевидными, но от этого не менее опасными являются угрозы бездумного вмешательства при помощи новейших технологий в образ жизни и в саму природу человека. Замедление экономического роста при растущем имущественном неравенстве и неравенстве доходов чревато социальными конфликтами (Piketty, 2014; Bodrunov & Galbraith, 2017).

Однако негативное разрешение противоречия между накопленным экономическим и техническим потенциалом и нарастанием нерешенных глобальных проблем не безальтернативно. В недрах самого современного экономического способа удовлетворения потребностей, который многим кажется «естественным» и «вечным», таится его возможный конец, переход к иной форме удовлетворения потребностей человека и общества. Речь идет о

переходе к неэкономическому способу удовлетворения потребностей, при котором производственная деятельность человека ориентируется не на наращивание объемов производства и потребления в денежном выражении, а на степень удовлетворения конкретных потребностей, определяемых по критериям не выгоды, а разума и культуры.

Генезис ноономики – это объективный процесс, зреющий в недрах современной экономической системы и указывающий на возможный (хотя и не единственно возможный) и оптимальный вариант решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Его четыре базисные, реперные точки – научно-технический прогресс и новое, знаниеинтенсивное производство, растущая социализация общества, усиливающийся процесс диффузии собственности и солидаризм как платформа реализации консолидированных глобальных целей развития. Эти направления детально обсуждались на состоявшемся декабре 2020-го года Санкт-Петербургском экономическом конгрессе, крупнейшем трехдневном международном форуме, организованном Институтом нового индустриального развития (СПЭК-ПНО, 2020).

Результаты исследования

Однако объективная необходимость перехода к новому типу общественного устройства производственной деятельности человека не реализуется сама собой. Без целенаправленной работы по поддержке этого процесса не обойтись. Необходимо сменить нынешнюю траекторию развития, чреватую тупиками, и проложить иной курс, позволяющий разрешать нарастающие противоречия и шаг за шагом двигаться к ноономике.

Такой курс и задает план. План – в рамках стратегии перехода к новому состоянию общества.

При этом мы должны понимать – есть концепция развития. Есть – стратегия, определяющая долгосрочные перспективы, глобальные цели и основные средства их достижения в рамках принятой концепции. А план следует рассматривать как институт, определяющий систему правил, последовательность шагов, действий, поворотных точек на пути к стратегической цели. На современном этапе – дополняющих и корректирующих рынок,

чья «невидимая рука» нередко указывает не в сторону прогресса, а в сторону финансиализации и регресса.

Но может ли быть план как институт востребован в нынешних условиях? Мы полагаем, что да. И план, с нашей точки зрения, в текущей ситуации, – это объективно обусловленное дополнение рыночного саморегулирования, но не исключительная альтернатива ему. Плановые методы позволяют сочетать плюсы рыночного саморегулирования с плюсами планомерности. При этом повышается, с одной стороны, эффективность бизнес-моделей в экономических процессах, и, одновременно, с другой стороны, это позволяет ставить и целенаправленно решать задачи редуцирования негативных эффектов применяемых бизнес-моделей в интересах социума и стимулирования развития нотенденций в экономике. И именно сейчас, как мы показали, это становится насущной потребностью, условием, не побоимся этих слов, выживания и разумного развития социума.

В этом и кроется возрастающий ныне интерес к плановым методам управления экономикой.

Россия имеет богатейший опыт в этом деле. И, в то же время, Россия, как никогда, сейчас нуждается в определении и своего пути в меняющемся глобальном мире, целей развития, и в применении рациональных способов достижения этих целей.

Поэтому нам важно осознать необходимость поиска таких способов. Формирование концепции развития, плюс – стратегии развития страны на перспективу, плюс – использование института планирования в том или ином виде для достижения этих целей – на мой взгляд, это именно та триада, которая способна, будучи реализованной, вывести нашу страну на передние рубежи цивилизационного развития.

Есть ли у нас уже сейчас инструменты для такой работы?

Многое (но – не всё) есть.

Отметим, что практически весь постсоветский период страна развивалась и без ясно обозначенной стратегии, и без добротных инструментов ее реализации.

Сейчас у нас есть, при всех его недочетах, закон о стратегическом планировании. Установлены цели национального развития, из которых можно понять, что мы, в общем и целом, намерены строить социально-ориентированное общество с развитой

экономикой, базирующейся на новом технологическом укладе. Есть многие подцели этих национальных целей. Есть национальные проекты. И – немало отраслевых, региональных и прочих стратегий. Есть множество различных т.н. «планов» (в данном случае я взял бы это слово в кавычки).

Однако на сегодняшний день качество нашего стратегического планирования оставляет желать много лучшего (Клепач, 2016, 55-57). О его проблемах и необходимых направлениях совершенствования достаточно подробно рассказано в книге, написанной мною в соавторстве с Иностранным членом РАН, профессором МГУ имени М.В. Ломоносова В.Л. Квинтом (Квинт, Бодрунов, 2021). Хотелось бы подчеркнуть, что назрела острая необходимость выработки нашей главной стратегии – стратегии развития страны, и использования для ее реализации планирования в качестве главного инструмента. Я бы сказал шире – возрождения института планирования на практике с учетом современных условий.

На последнем я хочу остановиться подробнее.

Правительство по поручению нашего президента сейчас работает над проектом Стратегии развития России. Горизонт Стратегии – 2035 год и, что называется, более отдаленная перспектива, вплоть до 2050 года (Совет Федерации, 2019). Создано несколько рабочих групп, анализируются варианты, механизмы, ресурсы. Предполагается, что будут определены цели и выработаны направления, так сказать, главного удара.

Следуя призыву президента России включиться в конструктивную дискуссию по этой важнейшей проблеме, эксперты ВЭО России (а это – весьма представительная группа крупнейших макроэкономистов страны) в ходе сложных дискуссий и непростых консультаций подготовили и направили в Правительство России документ под названием «Новые пути России (к вопросу о Стратегии развития России)» (Новые пути, 2021).

Здесь следует хотя бы кратко охарактеризовать этот документ.

Он ориентирует в выработке стратегии на пять основных направлений:

Первое – новая социальная модель развития. Здесь в качестве главной обозначена абсолютно конкретная цель: сокращение доли малообеспеченного населения и увеличение доли среднего

класса. В числе мер – не только достаточно обширный пакет традиционных, но радикально усиленных мер по поддержке малообеспеченных и нуждающихся страт и социальных групп, но, к примеру, введение на достаточно высоком уровне общероссийского стандарта услуг общественного и бюджетного сектора и оплаты труда, при значимом повышении доли затрат на оплату труда в национальном продукте, меры по снижению межрегиональной и межотраслевой дифференциации в оплате труда, корректировка денежно-кредитной политики, меры налогового регулирования уровня материального неравенства граждан.

Второе направление – это переход от отставания к научно-технологическому прорыву и занятию лидирующих позиций в мировом научно-техническом соперничестве. Целевой ориентир здесь – удвоение темпов технологического развития и вхождение к 2035 году не в десятку, как предполагалось ранее, а в пятерку мировых научно-технических лидеров по базовым направлениям 6-го технологического уклада; важнейшие инструменты в этом направлении – технологическое перевооружение индустриального сектора экономики, вложения в инфраструктуру и т.д.

Третье – экологически-ориентированное развитие и создание каркаса экономики природосбережения. При этом, обращу на это особое внимание, в качестве приоритета здесь обозначено не столько сокращение т.н. «углеродного следа» (куда двигались в последние годы и на чем сейчас жестко споткнулись США и особенно ЕС), сколько комплексное использование природных ресурсов при принятии и реализации высоких норм природосбережения в рамках концепций «чистый воздух», «чистая вода», «рациональное лесопользование», решения проблемы промышленных и бытовых отходов и других, при поддержке внедрения экологически чистых технологий в традиционной для России энергетике.

Четвертое направление – новая модель пространственного развития, направленная на подъем срединной России и новый поворот на Восток и к Арктике. Предлагается создание новых уровней и механизмов территориального управления и финансирования регионального развития, постепенный поэтапный переход от нынешней практически полностью дотационной на нормальную систему финансирования – самокупаемость, самофинансирование и – на этой основе! – самоуправление, формирова-

ние бюджетов развития регионов и территорий, перераспределение налогов и другие меры.

И, наконец, пятое направление связано с евразийским вызовом. Глобальные центры мирового экономического развития неизбежно в ближайшие десятилетия переместятся на Восток, Азиатский континент. Это необходимо учитывать. При этом идет мощная экономическая реструктуризация и реинтеграция евразийского пространства, и Россия может и должна и внести свой вклад в этот процесс, и получить от него определенные бенефиции. Отсюда – задачи по формированию Россией в странах – наших азиатских соседях и экономических партнерах – центров экономического, образовательного, научного, социального сотрудничества, с созданием и развитием соответствующих, ныне отсутствующих либо слабо функционирующих институтов.

Обсуждение результатов

В целом Стратегия развития России, по мнению экспертов ВЭО России, должна быть направлена на формирование привлекательной модели, я бы сказал, жизни своих граждан, на реализацию возможности (а она – есть!) сбалансированного, устойчивого развития, обеспечивающего гармонизацию целей существенного прогресса в экономике, связанного с переходом к новому состоянию общества, с одновременным ростом человеческого богатства и природосбережением.

Очевидно, такая стратегия потребует возрождения в том или ином виде института планирования. Необходима разработка системы прогнозирования и индикативного планирования социально-экономического развития страны в соответствии с законом о стратегическом планировании. При этом, представляется, что, исходя из особенностей и закономерностей нынешнего этапа научно-технического прогресса и уровня социально-экономического развития страны, перспективные прогнозы и форсайты должны быть на периоды 15-20 и более лет, плюс – уточненные среднесрочные (на срок до 10 лет), и конкретизированные краткосрочные на 1-3 года. И вот такие краткосрочные прогнозы могли бы стать основанием для формирования годовых и трехлетних индикативных планов развития страны, которые включали бы характеристики всех основных макроэкономиче-

ских параметров и инструментов реализации государственной политики и программ развития госсектора, и под которые должен формироваться госбюджет. Как справедливо отмечал в одной из своих публикаций акад. РАН С.Ю. Глазьев, рекомендательный характер индикативного плана должен сочетаться с его директивностью для чиновников и органов государственного управления всех уровней (Глазьев, 2005).

Что же необходимо для создания такой системы планирования, контуры которой я обозначил? Многие коллеги, и я бы их поддержал, полагают уместным сейчас, в год 100-летия создания Госплана, вернуться к идее воссоздать, реинкарнировать, дать вторую жизнь (конечно, в адекватной сегодняшней ситуации форме) новому Госплану – некоему органу, координирующему эту работу. Такого рода идеи выдвигались и ранее (Клепач, 2016, 52; Орешин, 2016, 90), что является логическим выводом из исторического опыта как СССР, так и других стран, применявших плановые методы. Наличие экономической стратегии предполагает стратегическое планирование, как инструмент ее реализации. А применение инструментов стратегического планирования невозможно при ведомственной разобщенности государственных органов, осуществляющих разработку планов, осуществляющих их ресурсное обеспечение, принимающих меры целеориентирующего экономического стимулирования бизнеса, и, наконец, отвечающих за достижение стратегических целей.

Стоит, однако, заметить, что долгое время не только идея планирования, но даже идея активной промышленной политики предавалась в нашей стране анафеме. Считалось, что рыночное саморегулирование является универсальным и наиболее эффективным способом решения всех проблем всегда и при любых условиях, а государственное вмешательство только искажает рыночное равновесие (Ясин, 2003; 2004).

Отмечу, что в предложениях ВЭО России, поданных во все главные органы государственного управления летом-осенью прошлого года, содержалась идея создания надведомственного органа, координирующего (чем-то сходно по функциям с Государственным комитетом по науке и технике Совета Министров СССР) развитие науки и техники. Возможно, не только мы высказали эту идею, но мы все же ее тоже высказали, и президент

недавно дал соответствующее поручение правительству. Это – добрый знак. Очень хотелось бы, чтобы и идея воссоздания планирующего органа тоже получила такое же мощное развитие.

В завершение подчеркну: России нужен модернизационный рывок. Мифы рыночного фундаментализма и постиндустриализма уже показали свою нежизнеспособность. Мы не предлагаем отказываться от рынка в России, но предлагаем дополнить его плановыми методами, ибо, я убежден, только так в России можно обеспечить решение задач реиндустриализации экономики на новой технологической основе (в первую очередь, на основе знаниеинтенсивного, адекватного для перехода к НИО.2 производства) – на первом этапе модернизации, и продвижение к социально-ориентированному государству, более справедливому устройству общества и ноономике – на последующих этапах.

Список источников

Бодрунов С.Д. (2013). *Концепция нового индустриального развития России*. СПб.: ИНИР имени С.Ю. Витте. (*Concept of the New Industrial Development of Russia*. Sanct-Petersburg, Russia: S.Yu. Vitte Institute for New Industrial Development).

Бодрунов С.Д. (2016). *Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка*. Москва: Культурная революция (*The Future. The New Industrial Society: A Reboot*. Moscow, Russia: Cultural Revolution.)

Бодрунов С.Д. (2018). *Ноономика*. М.: Культурная революция. (*Noonomy*. Moscow, Russia: Cultural Revolution).

Глазьев С.Ю. (2005). *Выбор будущего*. М.: Алгоритм.

Декрет Совета Народных Комиссаров. (1921/1944). Положение о Государственной Общеплановой Комиссии. 22 февраля 1921. 1944. In *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г.* [Decree of the Council of People's Commissars. Regulation on the State General Planning Commission. February 22, 1921. 1944. In *The Collection of Laws and Regulations of the Government for 1921*]. М.: Управление делами Совнаркома СССР, с. 161-162. <http://istmat.info/node/45925>

Квинт В.Л., Бодрунов С.Д. (2021). Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте.

Клепач А.Н. (2016). Поворот к стратегическому планированию: тернии и перспективы // Вопросы политической экономики, №1, с. 44-63.

Новые пути России (к вопросу о стратегии развития России) (2021). // Вольная экономика 16.04.2021 <http://freeeconomy.ru/vazhnoe/idti-svoim-putem-k-voprosu-o-strategii-razvitiya-rossii.html>

Объединенный международный конгресс СПЭК-ПНО-2020 «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм» 2-4 декабря 2020 года. Видеоматериалы конгресса. <https://inir.ru/spec-pno-2020-info/>

Орешин В.П. (2016). Потенциал планирования экономики // Вопросы политической экономики, №1, с. 44-63.

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. (2019). Комитет Совета Федерации по экономической политике. Стенограмма парламентских слушаний на тему «Реализация Федерального закона "О стратегическом планировании в Российской Федерации" в субъектах Российской Федерации» 28 мая 2019 года <http://council.gov.ru/media/files/75Yfi7H4uLDDUQkiZLZ7SQON64FUH1MI.pdf>

Ясин Е.Г. (2003). Нерыночный сектор. Структурные реформы и экономический рост. М.: Фонд «Либеральная миссия»,

Ясин Е.Г. (2004). Новая эпоха – старые тревоги: Экономическая политика. М.: Новое издательство.

Bodrunov S.D. & Galbraith James K. (2017). New Industrial Revolution and Inequality Issues: Study guide. Ed. by S.D. Bodrunov. Plekhanov Russian University of Economics: Moscow, Russia.

Earth Overshoot Day. (2020). Global Footprint Network. Available online: <https://www.footprintnetwork.org/our-work/earth-overshoot-day/> (accessed on 09.11.2020).

G7 Summit. (2020). Video Teleconference Meeting March 16, 2020 https://www.mofa.go.jp/ecm/ec/page4e_001055.html;

New Economy Forum (2019). Beijing, November 20-22, 2019, <https://www.neweconomyforum.com/2019-new-economy-forum-beijing/>

World Social Forum. (2021). Opening and closing of the Virtual World Social Forum. From January 23 to 31, 2021 <https://wsf2021.net/>).

Piketty, Thomas. (2014). *Capital in the Twenty-First Century* Cambridge, MA: Harvard University Press.

United Nations (2000). Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года. Retrieved from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml

United Nations (2015). Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года Резолюция 70/1, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года. Retrieved from <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1>

United Nations (2019). UN Report: Nature's Dangerous Decline 'Unprecedented'; Species Extinction Rates 'Accelerating'. May 6, 2019. Available online: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/blog/2019/05/nature-decline-unprecedented-report/> (accessed on 09.11.2020).

World Economic Forum (2020). Annual Meeting. Davos-Klosters, Switzerland, 21–24 January 2020 <https://www.weforum.org/events/world-economic-forum-annual-meeting-2020>

Zalasiewicz J., Williams M., Colin N., Barnosky A., Palmesino J., Rönnskog A.-S., ... Wolfe A. (2017). Scale and diversity of the physical technosphere: A geological perspective // *The Anthropocene Review* 2017, Vol. 4(1). P. 1-12.

С.Д. Бодрунов

**New Stage in Industrial Development (NIS.2) –
Pivotal Step on the Path towards Noonomy /
Новая ступень индустриального развития (НИО.2) –
определяющий шаг на пути к ноономике¹**

В статье рассматриваются проблемы современных тенденций технологического развития производства. Делается вывод о том, что, несмотря на рост удельного веса сферы услуг, материальное индустриальное производство остается технологическим ядром современной экономики, и определяет ее общий технологический уровень. Происходящая сейчас смена технологических укладов создает перспективы качественного снижения материалоемкости производства и окончательного превращения знаний в основной производственный ресурс. Поскольку знания не могут заменить сам процесс производства, оно остается материальным, но превращается в знаниеинтенсивное материальное производство. Вместе с этим растет уровень удовлетворения потребностей людей и происходит постепенное вытеснение человека из непосредственного процесса производства. Происходящее вместе с переходом к 6-му технологическому укладу изменение не только технологий, но и всех компонентов производства означает индустриальную революцию, ведущую к переходу к новому индустриальному обществу 2-го поколения. На этой ступени развития формируются необходимые предпосылки для разрешения назревающего цивилизационного кризиса, выражающегося в росте рисков нарушения экологического равновесия, которое возникает из-за роста ресурсной нагрузки на природную среду в погоне за удовлетворением ложных (симулятивных) избыточных потребностей. Вместе с этим возрастают также и риски вмешательства в природу человека. Выход из этих противоречий видится в переходе к ноономике –

¹ Перевод. Статья на английском языке направлена на публикацию в сборник статей *China's Model and Theory: a Study of Cheng Enfu's Academic Thoughts*.

неэкономическому способу удовлетворения разумных потребностей людей. Автор показывает, что выработанные на этой теоретической платформе рекомендации по реиндустриализации и развитию технологической независимости во многом совпадают с позицией академика Чен Эньфу, которая формировалась исходя из опыта Китая и творческого развития китаизированного марксизма.

Развитие современной экономики, несмотря на все сдвиги в ее структуре, приведшие к росту удельного веса сферы услуг, по-прежнему зависит прежде всего от материального производства. Материальное производство обеспечивает воспроизводство жизни человеческого общества, и поэтому именно сдвиги в материальном производстве являются определяющими для изменения всего остального производства, и в конечном итоге определяют перспективы развития и качественных изменений общественного устройства.

Современное материальное производство – это производство индустриальное. Поэтому следует признать тот факт, что именно индустрия занимает центральное место в производственно-технологической системе современной экономики. Только за счет индустриального производства все остальные сегменты экономики могут обеспечить себе необходимые условия функционирования. И аграрный сектор, и все сектора сферы услуг получают из индустрии машины и оборудование, именно в индустриальной экономике разрабатываются все основные технологические процессы. Если мы проследим историю изменений социально-экономического устройства общества за последние 300 лет, мы увидим, что именно сдвиги в индустрии определяют сдвиги в общественной системе производства.

В основе прогресса самого индустриального производства лежит переход от одного технологического уклада к другому. Разработанная в России концепция технологических укладов стала продолжением тех исследований в области технологического развития, которые длительное время развивались в мировой науке. Йозеф Шумпетер придавал огромное значение тем инновациям в сфере технологии и организации процесса производства, которые обеспечиваются активной предпринимательской деятель-

ностью. Он полагал, что этот процесс, обеспечивая предпринимателям конкурентные преимущества, является тем самым главным фактором, определяющим прогресс производства (Шумпетер, 1982). Согласно наблюдениям Шумпетера, инновационные процессы происходят не равномерно. Отдельные периоды характеризуются всплеском инноваций, и в эти периоды формируются новые комплексы технологий, названные Шумпетером кластерами (пучками) (Меньшиков, Клименко, 2014, с. 192). Применялся и другой термин² – «волны инноваций» (от англ. *waves of innovation*) (Блауг, 2008, с. 333), который получил более широкое распространение.

В Западной Германии в 1975 г. экономист Герхард Менш обратил внимание на такое явление, как периодическая смена технологического застоя, при котором преобладают улучшающие или даже мнимые инновации, технологическим подъемом, при котором происходит внедрение принципиально новых (базисных) технологических решений (Mensch, 1975). Герхард Менш применял ту же терминологию, что и Шумпетер: рассуждая о глубоких технологических переменах, он видел в их основе кластеры базисных инноваций. В Великобритании известный специалист по инновационной экономике Кристофер Фримэн предложил в 1970–1980 гг. понятия «технологической системы» и «техноикономической парадигмы». Эта концепция в развернутом виде была разработана его ученицей Карлотой Перес (Перес, 2011).

В российской экономической науке применяется термин «технологический уклад». Его содержание во многом аналогично таким понятиям, как «волны инноваций», «техноикономическая парадигма» и «технологическая система». Понятие «технологический уклад» впервые было разработано в статье Д.С. Львова и С.Ю. Глазьева в 1986 году (Львов, Глазьев, 1986) с учетом уже сделанного в мировой науке в этом направлении.

² https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%83%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4 – cite_note-.D0.9C.D0.B5.D0.BD.D1.8C.D1.88.D0.B8.D0.BA.D0.BE.D0.B2.2C_.D0.9A.D0.BB.D0.B8.D0.BC.D0.B5.D0.BD.D0.BA.D0.BE.E2.80.94.2014.E2.80.94.E2.80.94192-2

Если использовать это понятие, то в настоящее время в наиболее развитых странах качестве ведущего выступает пятый технологический уклад. Он формировался, начиная с 70-х годов XX века и до начала XXI века (Нанотехнологии, 2009). Основные технологии этого уклада – космические (спутниковая связь), электронные (электронно-вычислительная техника на основе микроэлектроники, оптико-волоконная техника, бытовая электроника), информационные и телекоммуникационные (программное обеспечение для электронно-вычислительной техники, Интернет, спутниковая и мобильная телефония), биотехнологии, роботостроение. Этот уклад характеризуется также сдвигом в источниках энергии от угля и нефти к газу. В конце XX века были заложены научные основы разработки шестого технологического уклада, первые технологии которого получили распространение в начале XXI века, но пока занимают весьма скромное место.

Несмотря на тот факт, что шестой технологический уклад существует сейчас скорее потенциально, чем реально, возможности, заложенные в этом укладе, открывают путь не просто к переходу от одного технологического уклада к другому, а создают перспективу новой технологической и промышленной революции. Этот вывод основывается на изучении последствий применения технологий, лежащих в основе возникающего шестого технологического уклада.

Каковы же технологические особенности шестого технологического уклада? Одной из характерных черт этого уклада является конвергенция различных технологий. В их числе – нано-, био-, информационные и когнитивные технологии. Этот феномен получил название NBIC-конвергенция (Roco, Bainbridge, 2002). На основе этой конвергенции возникают различные гибридные технологии. Представляет интерес предположение, что в этот процесс конвергенции технологий окажутся включены также и социальные технологии, что позволит говорить о NBICS-конвергенции (Spohrer, 2002). С моей точки зрения такая тенденция является объективно обусловленной, и выступает как реальное направление эволюции шестого технологического уклада, и более того – неизбежный тренд нашего дальнейшего развития.

В индустриальном секторе конвергенция технологий находит отражение в формировании индустрии 4.0 (Germany Trade&Invest, 2018), основным элементом которой выступают

полностью автоматизированные предприятия, получившие название «умных фабрик» (smart factory). Такие фабрики строятся как комплекс предприятий, использующих промышленные роботы, объединенные промышленным интернетом вещей (IIoT, industrial internet of things) (Boyes et al., 2018), обеспечивающим их взаимодействие между собой в технологическом процессе. Через IIoT осуществляется также и контроль людей над автономными техническими устройствами при помощи встроенных датчиков и систем обработки больших массивов данных (big data). Как в управлении функционированием «умных фабрик», так и во взаимодействии производственных систем с потребителями и поставщиками предполагается широкое применение искусственного интеллекта.

В сфере технологий непосредственного производства уже получил широкое развитие переход от дистрактивных (вычитающих) технологий, которые предполагают спиливание, срезание, стачивание материалов с заготовок, к аддитивным технологиям (Просвирнов, 2012; The Bod, n.d.; Биопечать, 2015), обеспечивающим изготовление конечного продукта путем добавления или соединения исходных материалов. Одним из быстро развивающихся современных направлений в аддитивных технологиях является такая гибридная технология, как 3D-принтирование. Оно основано на комбинации принтеров, осуществляющих послойное наращивание исходных материалов с помощью различных технологических решений (наслаивание полимерных расплавов, спекание металлических порошков, прямое лазерное выращивание и т.д.) с трехмерным компьютерным моделированием образцов готовых изделий.

В 2017 году продажа 3D-принтеров в мире превысила 400 тысяч экземпляров (Adams, 2018). В 2018 году количество проданных 3D-принтеров сократилось на несколько процентов, но объем продаж по стоимости вырос на 27%, а прибыль поставщиков – на 44%. Сокращение произошло в сегменте домашних настольных 3D-принтеров, тогда как продажи промышленных и дизайнерских устройств демонстрируют уверенный рост, а они занимают около 70% рынка (Greenwood, 2018). В целом рынок 3D-принтирования (включая сервис, продажи устройств для 3D-печати, исходных материалов и программного обеспечения) за

2010-2020 год рос в среднем на 27,4% в год. Даже в 2020 году, несмотря на проблемы с COVID-19, этот рынок вырос на 7,5% (Wohlers, 2021).

Что же является наиболее характерной чертой тех новых технологий, на которые опирается шестой технологический уклад? Это, прежде всего, новая ступень роста в применении новых знаний. Эту ступень можно определить как качественный переход: доля издержек производства, приходящаяся на знание, возрастает таким образом, что значительно превышает долю затрат материальных ресурсов. Материальное производство становится знаниеинтенсивным материальным производством, а его продукт приобретает высокую знаниеемкость. Последовательное развитие этой тенденции позволяет с уверенностью предсказать осуществление прогнозов, разработанных нами в книгах «Новое индустриальное общество второго поколения» (Бодрунов, 2016) и «Ноономика» (Бодрунов, 2018). Можно ожидать, что с распространением новейших технологий производство в целом достигнет такого состояния, что при любой методике подсчета именно знание станет не только основным фактором развития производства, но и главным его ресурсом.

Это будущее закладывается уже сегодня, и уже сегодня во многих секторах производства удельный вес знаний, воплощенных в конечном продукте, превышает удельный вес материальных ресурсов. В качестве примера можно привести производство смартфонов. Для модели iPhone7, согласно данным Всемирной организации интеллектуальной собственности, материальные компоненты составляют лишь 22% стоимости затрат на его производство (World Intellectual, 2017). Если же учесть, что в затратах на производство самих этих материальных компонентов доля материальных затрат также составляет, вероятно, также около 1/4, то в результате долю чисто материальных затрат в айфоне можно оценить примерно в 5-6%. Снижение материальных затрат хорошо прослеживается и в исторической динамике. Вес первого мобильного телефона, выпущенного в 1973 году компанией Motorola, составил 1135 граммов. Вес же современных смартфонов снизился до величины всего лишь 110-120 граммов (Smil, 2013, p. 127)

Назревающий технологический скачок, таким образом, предвещает выход к новому качеству материального производст-

ва. Но чтобы достигнуть этого нового качества, измениться должны не только технологии, а все компоненты материального производства, то есть еще и труд (и качества людей, этим трудом занятых), средства производства (от применяемого сырья и материалов до производственного оборудования), и формы организации производства.

Поэтому, когда мы говорим о приближающейся технологической революции, надо понимать это явление широко – речь идет не только о технологиях непосредственного производства, но и о технологиях труда и технологиях организации производственного процесса. А если меняются все компоненты материального производства, то фактически технологическая революция оборачивается промышленной революцией. Последствия такой революции могут быть очень широки, затрагивая не только лишь сферу производства.

Так какими же могут стать результаты прогнозируемой индустриальной революции? Поскольку мы говорим об изменении содержания всех элементов материального производства, то индустриальная революция, по существу, повлечет за собой переход всего общества на новую ступень развития. Индустриальное общество уже прошло ряд ступеней развития, и та из них, которая сформировалась к началу последней трети XX века, была названа Джоном Кеннетом Гэлбрейтом новым индустриальным обществом (Galbraith, 1967). Таким образом, следующую ступень развития индустриального общества, появляющуюся как итог грядущей индустриальной революции, можно будет назвать новым индустриальным обществом следующего поколения. Если то новое индустриальное общество, которое описал Дж.К. Гэлбрейт, относить к первому поколению, то нас ждет переход к новому индустриальному обществу второго поколения (НИО.2). Хотя в этом новом обществе удельный вес индустрии будет значительно ниже, чем во времена Гэлбрейта, оно все же будет индустриальным, потому что индустрия будет оставаться производственно-технологическим стержнем, на котором держатся все остальные сектора экономики.

Чем оно будет отличаться от нового индустриального общества первого поколения? Тем, что место главного производственного ресурса в этом обществе окончательно закрепится за зна-

ниями. Именно к научному познанию человеком окружающего мира и воплощению полученных знаний в технологических процессах переходит роль и главного ресурса, и основного двигателя развития производства.

От того, какие ресурсы мы кладем в основу нашей производственной деятельности, в существенной степени зависит, как будет устроено само материальное производство. На определенной ступени развития основной кладовой ресурсов была для нас природа. Мы добывали съедобные растения и животных, добывали полезные ископаемые, то есть поглощали то, что давала нам мать-Земля. В современную эпоху мы не отказываемся от использования естественных ресурсов Земли, но все больше и больше обращаем свое внимание к добыче знаний. Именно знания об окружающем мире становятся тем основным ресурсом, который определяет наши возможности достигнуть удовлетворения всех основных потребностей человечества.

Индустриальный способ производства второго поколения достигает такой высокой знаниеинтенсивности, которая позволяет резко сократить использование естественных материальных ресурсов и непосредственных затрат человеческого труда. Тем не менее материальный характер производства сохраняется. И это не просто словесный парадокс. Знаниеинтенсивное индустриальное производство по-прежнему будет создавать материальные продукты, но теперь это будут занеимки материальные продукты. Знание имеет значение в производстве не само по себе, и получение знаний, сколь бы оно ни было важно, не может заменить собой процесс материального производства. Знание является ключевым ресурсом материального производства постольку, поскольку оно воплощается в технологиях и в производимом материальном продукте.

Другая важнейшая переменная, которую влечет за собой шестой технологический уклад, и в перспективе – переход к НИО.2, состоит в постепенном выходе человека из процесса непосредственного материального производства, из участия в непосредственном воздействии на преобразуемые в производственном процессе сырье и материалы. Человек во все большей мере начинает воздействовать на производство силой своего знания, осуществляя разработку технологических процессов, определяя цели производства и контроли-

руя их достижение. Что же касается непосредственного воздействия на вещество природы для получения готовых продуктов, то такое воздействие осуществляется автономными технетическими существами. Первые шаги по замещению человека такими технетическими существами уже сделаны за счет расширяющегося применения промышленных роботов. И роботы находят теперь применение не только в промышленности. В медицине используются хирургические роботы (точнее, коботы – collaborative robots) (Blanchard, 2019), идут многочисленные эксперименты с использованием роботов-водителей на автомобильном и железнодорожном транспорте, а в процессе взаимодействия с клиентами банковских, торговых и других сервисных компаний человека, пусть и не полностью, но уже заменяет искусственный интеллект.

Существует реальная перспектива постепенного распространения развиваемых в рамках шестого технологического уклада когнитивных технологий в тех сферах производства, где ранее не существовало возможностей замены человеческого труда какими-либо техническими устройствами. Применение систем искусственного интеллекта (AI – artificial intellect), способных к самообучению, уже начинает делать первые шаги в качестве альтернативы человеку. Эти системы в состоянии осуществлять такие простейшие функции, как поиск, накопление, передача, сортировка и сопоставление информации, коммуникация с людьми и даже принятие решений на этой основе, но пока только в простейших стандартных ситуациях. Использование современных достижений биотехнологий и информационно-коммуникационных технологий позволяет на основе когнитивных технологий формировать потенциальные средства как для оповещения человека о функционировании безлюдных технологических процессов в индустрии 4.0, так и для воздействия человека на эти процессы. Речь идет о разработке таких средств, как человеко-машинные интерфейсы, человеко-машинные системы, человеко-машинные сети (Tsvetkova et al., 2015). В конечном итоге появится возможность создавать аппаратно-программные комплексы, управляющие целыми предприятиями, оснащенными новым поколением робототехники, которая становится более автономной, более адаптивной по отношению к меняющимся условиям производства, и, соответственно, более производительной.

Мы видим, как вместе с изменением технологий производства меняются все компоненты производственного процесса, в том числе и организация производства. Но дело не сводится только к этому. Сдвиги в производстве неизбежно влекут за собой и сдвиги в характере экономических отношений, в системе отношений собственности, которые формируются в новом индустриальном обществе второго поколения. Но еще до перехода нашего общества на этап НИО.2, уже в наши дни, мы можем наблюдать такие перемены в отношениях собственности, которые свидетельствуют о развитии тенденций к социализации собственности, и размыванию отношений собственности.

Для чего были нужны отношения собственности, и, в особенности, частной собственности? Они должны были обеспечить собственнику гарантированную возможность владеть, пользоваться и распоряжаться теми экономическими ресурсами, на которые распространялось право собственности. Но еще в древности те реальные экономические отношения, на которых покоилось право собственности, потребовали введения различных ограничений, которые должны были защитить общие интересы от злоупотребления частными интересами. С течением времени возник целый комплекс таких обременений, формирующих систему отношений социальной ответственности собственника.

Одними из наиболее древних из таких ограничений выступали разного рода сервитуты земельной собственности, предоставляющие не-собственникам осуществлять некоторые функции пользования не принадлежащим им земельным участком – например, право прохода и проезда, право доступа к источникам воды, право прогона скота, право доступа к участкам побережья, право прокладки коммуникаций и т.д. В настоящее время сложились многочисленные ограничения права собственности в области промышленной, транспортной, строительной деятельности и оказания услуг. Они определяются требованиями обеспечения безопасности при проведении промышленных, горнодобывающих и строительных работ, безопасности использования транспортных средств, обязанностью обеспечивать определенные нормы качества продукции, санитарные нормы, нормы пожарной безопасности, экологические нормативы и т.п.

В области отношений собственности, регулирующих доступ к главному экономическому ресурсу современности – знаниям, в настоящее время сложились весьма противоречивые тенденции. С одной стороны, ведется борьба за защиту права интеллектуальной собственности, разрабатываются различного рода технологические ухищрения, препятствующие несанкционированному доступу к интеллектуальным продуктам. С другой стороны, вводятся ограничения на длительность применения патентных и авторских прав, и даже возник целый сектор производства интеллектуальных ресурсов для свободного доступа. Развитие краудсорсинга, викиномики, таких явлений, как free software, open source, лицензий на использование интеллектуальных продуктов типа copyleft свидетельствует о тенденции к развитию свободного оборота интеллектуальных ресурсов.

Таким образом, можно фиксировать два разнонаправленных тренда эволюции отношений собственности в современной экономике. Один из них состоит в закреплении сложившихся отношений частной собственности, а второй ведет к размыванию права собственности, и в предельном случае – к отказу от права собственности вообще.

Размывание права собственности происходит не только в сфере интеллектуальной собственности. В целом ряде случаев формы совместного владения и использования собственности демонстрируют более высокую экономическую и социальную эффективность, например, в виде кооперативных предприятий. Коллективное распоряжение собственностью и кооперативная деятельность, если они основаны не на идеологических предпочтениях, а на тех реальных возможностях, которые они дают для решения задач экономического и социального развития, могут иметь большие перспективы.

Такой подход обеспечивает развитие кооперативных предприятий во многих странах. В Китайской Народной Республике видят значительные возможности таких предприятий для решения проблем развития аграрного сектора экономики и социального развития сельских районов. Академик Чен Эньфу подчеркивает: «...Мы должны, во-первых, стремиться развивать коллективное управление в рамках нынешней системы управления по двум направлениям, основанной на Системе контрактной ответственности

домашних хозяйств; во-вторых, попытаться расширить экономику коллективной собственности в сельских районах; в-третьих, усилить развитие различных форм кооперативной экономики; и, наконец, содействовать увязке коллективных и кооперативных предприятий с рыночной экономикой, с тем чтобы решить различные проблемы, с которыми сегодня сталкивается развитие сельских районов в Китае» (Enfu, Xiaoqin, 2012, p. 130).

Другая тенденция в размывании отношений частной собственности состоит в разделении функций владения и пользования. Этот процесс носит двусторонний характер. С одной стороны, владелец каких-либо ресурсов может временно отказаться от их использования для того, чтобы предоставить право пользования другим лицам, что выражается в отношениях аренды, лизинга, в различных формах долевого пользования (коворкинг, каршеринг, кикшеринг, таймшеринг и т.д.). С другой стороны, множество людей предпочитает не владеть собственностью, а ограничиваться возможностью получения каких-либо объектов во временное пользование, в том числе и совместно с другими лицами.

В Китайской народной республике такие экономические формы, которые в целом именуется шеринговой экономикой, получили широкое развитие. В 2019 году этот сектор вырос на 11,6%, достигнув 473,8 миллиарда долларов США (Xinhua, 2020), что составляет примерно 3,3% от ВВП Китая. В 2020 году, несмотря на сложности, вызванные COVID-19, этот сектор также рос быстрее, чем экономика в целом, увеличившись на 2,9%, до 522,3 миллиарда долларов США (Xinhua, 2021b).

В производственном секторе тенденция отказываться от прав на распоряжение (а подчас – и на владение) собственностью, ограничиваясь лишь возможностью временного пользования, тесно связана с технологическими причинами. Ускорение инновационных процессов, влекущих за собой появление технологических изменений, делает приобретение в собственность крупных агрегатов экономически необоснованным, поскольку через несколько лет становится практически неизбежным их моральное старение. Более того, собственники таких агрегатов, чтобы привлечь пользователей, нередко предоставляют им услуги не только по их ремонту и обслуживанию, но и по модернизации.

Еще один процесс, развитие которого ведет к диффузии собственности, заключается в растущем дроблении собственности на капитал. Речь идет не только о множестве собственников, но и о расщеплении пучка правомочий. В современной экономической теории прав собственности эти тенденции стали предметом специальных исследований.

Даже обычная акционерная собственность демонстрирует нам достаточно сложное расщепление прав собственности, которое нельзя свести к классическому делению этих прав на владение, распоряжение и пользование. Ни один акционер не имеет возможности реализовать право собственности на капитал в полном объеме, поскольку эта возможность оказывается в сложной зависимости от доли акций и от типа акций, которыми владеет тот или иной акционер, а также от разделения функций между собственниками акционерного капитала и управляющими.

Обзор этих тенденций позволяет прогнозировать существенные сдвиги в системе отношений собственности при переходе к НИО.2, вместе с трансформацией системы экономических отношений в целом. Другими становятся рыночные отношения. Они все дальше отходят от стихийных колебаний рыночной конъюнктуры, превращаясь в поле сложных согласований интересов между субъектами, которые имеют очень разнообразные и нередко переплетающиеся права собственности. Вместе с этим будет эволюционировать и государственное регулирование рынка, задачей которого во все большей мере станет поддержание баланса экономических интересов на принципах консенсуса и сотрудничества, а не соперничества. Такие сдвиги становятся неизбежными, если учитывать направление эволюции отношений собственности и рыночных отношений.

Все подобные перемены, однако, еще не достаточны для того, чтобы снять те противоречия, которые нарастают вместе с прогрессом современных технологий. Новые технологии несут с собой не только рост возможностей удовлетворения человеческих потребностей, но и рост угроз самому развитию человечества. Возрастает давление на среду обитания человека, расшатывается экологическое равновесие, возрастают риски разрушительного применения новейших технологий, растет угроза неконтролируемого вмешательства в природу самого человека. И это, к

сожалению, не вопрос отдаленного будущего, это проблемы сегодняшнего дня, требующие своего немедленного решения. Можно без преувеличения сказать, что *человечество стоит перед кризисом цивилизационного развития*.

И дилемма сейчас выглядит так: *либо общество не сумеет направить возможности, которые предоставляет техническая революция, на своё совершенствование, увлечется ложными целями и ценностями, усугубит негативные тенденции современной цивилизации вплоть до утраты человеком своей собственной сущности – либо человечество сумеет реализовать пересмотр господствующих ныне цивилизационных установок*.

Каким же видится этот пересмотр целей и критериев нашего цивилизационного развития? Необходим переход к разумным критериям ведения хозяйства, переход на нооэтап. Именно превращение ноопроизводства в такое, которое существует автономно от человека и от общества – и благодаря этому способно обеспечить удовлетворение человеческих потребностей, предопределяет возможность подчинить его человеческим целям и задачам, а не неким независимым от человека экономическим критериям. Тем самым ноообщество, опираясь на ноопроизводство, способно освободиться от подчинения экономической рациональности, и перейти к новому характеру рациональности, опирающемуся непосредственно на критерии человеческого разума и культуры. Эти новые цели и мотивы человеческой деятельности приобретают определяющее значение и ведут к изменению всей совокупности общественных отношений.

Место экономики, тем самым, займёт ноономика.

Требуется специально разъяснить значение термина ноономика. Он складывается не из соединения слов «ноосфера» и «экономика». Ноономика – это вовсе не «ноосферная экономика».

Первая составная часть этого термина восходит к древнегреческому слову «ноос». Слово «ноос» в его глубинном, можно даже сказать, сакральном понимании – это разум, но не просто разум, сам по себе, как абстрактное понятие. Разумно или неразумно нечто в определенной критериальной базе. О критериальной базе разума иносказательно говорится с древнейших времен. К примеру, уже в XI в. митрополит Илларион в «Слове о законе и благодати» писал: «въ разумъ истинный приведе» (Митрополит

Иларион, 2011, с. 70), то есть критериальная база разума – это истина, некая непреходящая осознанная ценность.

Значение слова «ноос» довольно сильно отличается от его латинского эквивалента «рацио». отождествлять эти слова было бы совершенно не точно. Современная экономика представляется вполне рациональной, или, по крайней мере, ориентированной на рациональные критерии, но вот можно ли ее с полным правом назвать разумной? Насколько разумны опирающиеся на критерии экономической рациональности действия по вырубке лесов на обширнейших площадях, или действия по раздуванию финансовых «пузырей»?

Когда мы говорим о ноономике, то мы подразумеваем, что это – некие особые, не экономические, а основанные на «ноо» принципы формирования способов удовлетворения потребностей людей. Так же, как экономика – способ хозяйствования в экономическом обществе, ноономика – способ хозяйствования в ноообществе.

Ноообщество в нашем понимании, это не ноосфера, как абстрактно-философское понятие, это определенным образом устроенное общество. Оно отличается от современного, экономического в своей основе общества, в котором способы удовлетворения потребностей людей подчиняются экономическим критериям и осуществляются через экономические отношения.

Другая половина термина «ноономика» происходит не от «экономики», а от слова «номос». Это слово также имеет древние греческие корни, означая закон или порядок. В философии первой трети XX века оно стало употребляться для обозначения основ организации любой грани бытия, некоего абсолютного закона существования всего сущего. Таким образом, применительно к производственной сфере слово «номос» означает определенный принцип организации, определенный порядок, уклад, на котором основана направляющая производство деятельность человека. Итак, ноономика – это способ удовлетворения потребностей в таком обществе, где есть «свет разума», и где нет непосредственного участия людей в производстве, а значит, и производственных отношений, где нет отношения к собственности, и отношений собственности, где нет экономики и невозможна экономика. Поэтому бессмысленно говорить о «ноосферной экономике» – это означает полное непонимание того, что есть ноономика.

В основе ноономики лежит неэкономический тип удовлетворения человеческих потребностей, которые сформируются через новое качество производства, в котором человек станет, в соответствии с предвидением Маркса, «по ту сторону собственно материального производства».

Однако, находясь по ту сторону производства, человек все же будет связан с ним, поскольку без производства невозможно существование человеческого общества. Как же будет осуществляться связь человека с ноопроизводством в ноообществе?

Ноопроизводство будет составлять автономно функционирующую сферу, а человек и общество будут существовать рядом с ним. Однако ноопроизводство будет контролироваться человеком в той части, в какой именно человек будет подчинять целям и задачам своего развития эту автономную техносферу. Человек будет осуществлять процесс познания и тем самым определять направления технологического развития, решая вопрос о допустимости применения тех или иных технологических решений. Самостоятельно функционирующие технетические существа, даже со способностью к саморазвитию, будут находиться под контролем человеческого общества, и возможности их саморазвития также будут направляться человечеством таким образом, чтобы создавать наиболее благоприятные условия для развития и самореализации человека.

Отношения между людьми по поводу управления функционированием ноопроизводства чем дальше, тем больше будут утрачивать свойства производственных отношений, постольку, поскольку человек будет покидать сферу непосредственного участия в производстве. Одновременно будет сокращаться время труда, как такой деятельности, которая диктуется необходимостью производства средств существования, и будет увеличиваться время свободной творческой деятельности. Она будет направлена на реализацию разносторонних способностей человека, среди которых существенное место занимает способность к познавательной деятельности.

Что же встанет на место экономических критериев принятия решений о направлениях функционирования относительно самостоятельной сферы ноопроизводства? Разум? Но тогда надо понять, каков будет этот разум, каковы будут критерии разумности выдвигаемых целей, т.е. удовлетворения потребностей, и ра-

зумности средств, применяемых для достижения этих целей. Ведь сила человеческого знания может быть нацелена в разных направлениях.

Мы подходим к принципиально важному моменту: та система общественных отношений, которая регулирует развитие производства в рамках ноономики, и которая описана выше, должна быть дополнена. Она приобретает внутреннюю целостность только тогда, когда человек будет усваивать не одни лишь только естественно-научные и технологические знания, необходимые для развития производства. Вместе с ними должна развиваться и другая сфера познания – познания мира, как мира культуры, как мира самоопределения и самореализации человека, что совершенно определенным образом будет задавать и круг его потребностей, и способы их удовлетворения. Определяя самого себя как человека разумного, человек будет соответственно очерчивать, ограничивать круг своих потребностей.

Человек – общественное существо, но в свое время он вышел из природы, и формирование его потребностей носило во многом естественно-обусловленный характер, так что в них существовала не только общественная, но и зоологическая сторона. С тех пор существует мнение, что обычному человеку очень трудно отказать вот от этой зоологической стороны своей сущности, от желания получить как можно больше и немедленно, сегодня, сейчас. Такие свойства человека находят отражение в своего рода «зоо»-подходе: занять территорию, никого на нее не допускать, съесть все на ней найденное только самому. Выдвигаются даже концепции, что именно на базе этого зоологического принципа формировались все наши основные общественные институты, вплоть до образования государств. Одной из причин появления феномена государства было тоже «огораживание» территории, которая наша, моя, нашей нации, нашего сообщества, и так далее, и тому подобное.

Но ведь существует еще, кроме «зоо», наш разум, существует «ноо». Человек может и в состоянии воспитать в себе разумное самоограничение, отказ от того, что может нанести ему вред. Большинство людей воздерживается от употребления наркотиков, при различных заболеваниях (например, при диабете) ограничивает себя в употреблении определенных продуктов. Мил-

лионы людей каждодневно демонстрируют такой подход на, если можно так выразиться, на микроуровне. Существует возможность понять, что приносит вред, а что – пользу, осознать, что плохо, а что хорошо и для него, и для общества. Человек способен понять также, каковы интересы других людей, и что плохо, и что хорошо и для них, и что надо делать для того, чтобы хорошо было, а не плохо. Можно привести очень много примеров, когда люди ради определенных осознанных ценностей идут на самопожертвование, они отказываются от многих вещей, вплоть до того, что отказываются от своей собственной жизни, если на то пошло.

Поэтому утверждать, что в человеке заложена неистребимая звериная сущность, которая является преобладающей, я считаю, абсолютно нерационально и неправильно. Человек – это прежде всего человек, а не зверь, и чем дальше он развивается, тем больше он ноочеловек, а не зоочеловек, не биочеловек (Бодрунов, 2018). Если же мы будем в своей экономической деятельности эксплуатировать прежде всего зоологическую сторону человека, всячески потакая его звериным инстинктам, мы, извините, сожрем планету, среду обитания, ухудшим для своих детей будущее, и так далее. Это – очень важная сторона познания природы человека. Массовое сознание над этим пока не слишком задумывается, но для людей пытливого ума эта проблема раскрывается во всей ее полноте. Человечество это осознает – рано или поздно, но только в том случае, если мы будем заниматься культурным развитием людей и расширением горизонта познания в этом направлении, а не только технологическими исследованиями разработками.

Почему же человек раньше этого не осознавал, да и сейчас в массе своей не осознает (и даже если осознает, то отмахивается под давлением нужд сегодняшнего дня), а вот в ближайшем будущем почему-то начнет не только осознавать, но и действовать в соответствии с этим сознанием?

Переход к новому индустриальному обществу второго поколения (НИО.2) обеспечивает постепенное сокращение времени непосредственного труда, увеличивая в тоже время свободное время. Однако приносит ли это автоматически «приращение счастья»? Такой результат не достигается немедленно, потому что человеку еще предстоит превратить свое свободное время в

пространство для саморазвития (творческой деятельности, освоения достижений культуры, формирования духовных запросов и т.д.), а не для бездумного потребительства.

Невозможно достичь такого результата путем чисто словесной пропаганды более высоких идеалов, а тем более – путем навязывания идеологии аскетизма, или введения рационирования, принудительного сокращения потребления. Для решения этой проблемы нужен целый ряд объективных предпосылок, а не только меры убеждения или воспитания. Разумеется, и воспитательная работа, и осознание необходимости самоограничения также нужны, но они могут оказаться действенными только при наличии необходимых предпосылок.

Что же это за предпосылки?

Прежде всего должен измениться характер человеческой деятельности. Вопреки распространенным теориям, главным фактором изменения потребностей человека вовсе не выступает насыщение потребностей низшего порядка, автоматически ведущее к переходу к более возвышенным потребностям. Ключ к структуре потребностей лежит главным образом не в потреблении (хотя насыщение потребностей тоже играет свою роль), а в деятельности человека. Когда эта деятельность становится преимущественно творческой, именно это приводит к изменению приоритетов в потреблении, смещая структуру потребностей от поглощения материальных благ и услуг в сторону средств развития человеческой личности, раскрытия ее творческого потенциала.

Кроме того, вместе с возрастанием роли творческих элементов в деятельности человека, оно во все большей мере вовлекается в процесс познания мира, в осознание того, каковы критерии разумного как в производственной деятельности, так и в потреблении. Наконец, свою роль играет и насыщение потребностей, удовлетворение жизненных нужд человека до уровня, который уже не делает насущной проблемой борьбу за средства существования, когда отступает страх перед угрозой голода, болезней, бездомности, недопотребления.

Именно все эти условия в совокупности способны обеспечить формирование у человека таких ценностных установок, которые превращают самоограничение в потреблении из желаемого во вполне возможное.

Наверное, было бы не совсем точным употреблять в данном случае слово «самоограничение». Речь идет, скорее, не о самоограничении, а о самоопределении человека. Если мы определяем себя, как человека разумного, то тем самым уже проводим определенную границу. Мы определяем, что же является для нас разумным, а что лежит за гранью разумного. Решение этой проблемы никоим образом невозможно на пути навязывания людям каких-то стандартов поведения, или на пути принуждения (физического или духовного) к ограничению потребления. Лишь создание объективных условий, при которых человек самостоятельно вырабатывает представления о критериях рациональности, которые ведут к более разумному отношению к потреблению, к окружающей природной среде, к самому себе, является действительным решением проблемы.

Но чтобы достичь такого будущего, надо преодолеть серьезные современные проблемы. Сегодня налицо отставание уровня культурного развития человека, формирования нравственных ценностей и ориентиров, от темпов технологических изменений. Это создает опасность ситуации, при которой люди не смогут правильно распорядиться тем колоссальным потенциалом, который заложен в современных технологиях. С другой стороны, и в новейшей истории мы видим примеры понимания того, как следует определять границы использования технологий. Великие ученые, которые создавали атомную бомбу, сознавали, к каким катастрофическим последствиям может привести массовое применение ядерного оружия, и поэтому предприняли ряд шагов (передачу секретов атомных технологий), которые помогли ускорить формирование баланса сил, сдерживающего применение этого оружия. В результате после варварских актов атомной бомбардировки Соединенными Штатами японских городов ядерное оружие больше ни разу не применялось. Другим показательным примером является Карибский кризис, когда стороны конфликта нашли в себе достаточно разума договориться и отойти от опасного противостояния. Поэтому есть надежда, что люди смогут осознать те опасности, с которыми может быть связано применение новых технологий, и найдут способы избежать этих опасностей.

Новые технологии настоятельно требуют изменения общественных отношений таким образом, чтобы отношения (и со-

ответствующие им ценностные установки) борьбы и соперничества сменялись отношениями компромисса, сотрудничества и солидарности. Нам кажется интересным подход, реализуемый в Китае, и основанный на использовании в качестве инструмента развития перехода от классовой борьбы к классовому миру. Поскольку для развития Китая признается необходимым существование капиталистических отношений, то невозможно обеспечить вклад капиталистического производства и участвующей в нем национальной буржуазии в экономический прогресс общества, если относиться к ним враждебно. Как подчеркивает академик Чен Эньфу, «национальная буржуазия не является объектом классовой борьбы». Он разъясняет, что «в настоящее время национальная буржуазия в целом является не объектом классовой вражды и классовой борьбы, а главным объектом единого фронта и солидарности» (Enfu, 2019, p. 526).

Даже если видеть в будущем перспективу исчезновения капиталистических отношений и экономических условий существования национальной буржуазии, это вовсе не значит, что эта историческая эволюция обязательно должна совершаться на пути борьбы и враждебности. Напротив, развитие сотрудничества будет отвечать интересам всех социальных слоев и служить делу социально-экономического прогресса общества. В этом отношении нам видится важность опоры на идеологию солидаризма, как раз и ориентированную на социальный компромисс и сотрудничество.

Путь перехода от современного состояния общества к ноообщественному устройству предстоит неблизкий. Этот переход сейчас только лишь намечается, и на этом пути предстоит решить немало сложных проблем. Я хочу прежде всего обратить внимание на наши собственные, российские проблемы. У российской экономики есть целый ряд особенностей, но многие из наших проблем являются общими и для других стран, которые хотят занять достойное место в мировой экономике.

Прежде чем сложится НИО.2, и сформируется новый общественный уклад, соответствующий этому этапу, пройдет достаточно большое время. Еще более длительным будет путь, который предстоит пройти до формирования ноономики. И все эти процессы перехода к новому общественному укладу будут происходить в условиях существования нашего современного, эко-

номического в своей основе, общества. А ведь экономическое общество строится на конкуренции и соперничестве, и в мировой экономике поэтому неизбежно есть лидеры, и есть отстающие.

Перед Россией сейчас стоит задача не отстать в экономическом развитии, если мы хотим оседлать новую технологическую волну и стать лидерами в нооразвитии, в движении к новому общественному порядку, к ноообществу. Сейчас без мощной экономики, опирающейся на знания как важнейший фактор экономического развития, невозможно претендовать на достойное место в мире. А это требует от нас развивать современную индустрию, состоящую из высокотехнологичных производств, развивать соответствующие такой индустрии научные исследования и разработки. И одновременно, конечно, надо развивать человека, способного осваивать новые знания и вместе с этим обретать новые ценностные установки, соответствующие принципам нооразвития.

Современная экономика базируется на высоких темпах инновационных процессов. И для того, чтобы достичь мирового уровня технологического развития, нужно не просто ускорить темп инноваций, а обеспечить своего рода «ускорение ускорения». Эту необходимость понимают и в Китае. Как отмечается в статье академика Чен Эньфу, «...необходимо (1) ускорить применение достижений инноваций к реальным производительным силам, преодолев препятствия, существующие в области систем и механизмов; (2) уделять больше внимания развитию инновационной базы, то есть человеческих талантов. Для китайского народа важно собраться вокруг группы лидеров, людей с международным видением и способностями, которые стоят на переднем крае различных отраслей промышленности; и (3) указать, что ключом к конкурентоспособности страны является владение основными технологиями, и наиболее жизненно важные основные технологии должны основываться на собственных исследованиях и разработках страны, независимых инновациях и самообеспеченности» (Enfu, 2018, p. 307).

Здесь академик Чен Эньфу отмечает все важнейшие принципы, на которых должно строиться движение к более высокому уровню развития: ускорение инновационного развития производительных сил; поддержка и развитие способностей талантливых людей; опора на внутренние исследования и разработки.

Последняя проблема является весьма актуальной как для Китая, так и для России. За последние 30 лет Россия утратила ряд позиций в высокотехнологичных отраслях, как в области производства, так и в исследованиях и разработках. В тоже время и сегодня в нашей стране есть примеры успешного решения научно-технических задач на высочайшем уровне, соответствующем мировому, или даже превосходящем его. Но пока еще существует множество проблем на пути реализации имеющихся разработок в сфере массового производства.

Китай к началу реформ не имел высокоразвитой научно-технологической базы, и поэтому для него была совершенно необходимой экономической политикой открытости, позволявшая привлекать и использовать зарубежные технологические достижения. Однако нельзя добиться реальной экономической независимости, опираясь только на зарубежный опыт. Академик Чен Эньфу приводит пример китайской авиационной промышленности, в которой на длительное время были допущен перерыв в собственных разработках магистральных пассажирских самолетов. Он совершенно справедливо указывает на то, что «причиной этих разочаровывающих проблем является неправильное понимание открытости как замены местных инноваций и ошибочное убеждение в том, что основные технологии могут быть приобретены через совместные предприятия» (Enfu, 2021).

В качестве противоположного примера академик Чен Эньфу приводит развитие китайской системы скоростных железнодорожных сообщений: «Успешный пример против этой ошибочной точки зрения очевиден в исследованиях и разработках и производстве высокоскоростных железных дорог. В то время Министерство путей сообщения выступило с инициативой сломать технологическую монополию нескольких крупных западных компаний и стало одной из *международных визитных карточек Made in China.*» (Enfu, 2021). Министерство путей сообщения организовало прокладку скоростных магистралей и производство скоростных электропоездов. Первые скоростные поезда китайской разработки были недостаточно эффективны для коммерческого использования. Поэтому было принято решение освоить производство таких поездов первоначально по лицензиям и при технической помощи иностранных компаний. Но затем на основе

приобретенного опыта и знаний Китай вновь перешел к разработке и производству электропоездов собственной конструкции (Dingding, 2010). В 2020 году скоростная железнодорожная сеть в Китае достигла 37 900 километров и является самой протяженной скоростной железнодорожной сетью в мире (Xinhua, 2021a).

Задачу перехода к развитию преимущественно на базе собственной техники и технологий решить было непросто. Академик Чен Эньфу отмечает, что «с 1998 по 2003 год высокотехнологичное производство Китая не только сильно зависело от импортных материалов, но и в значительной степени управлялось иностранными фирмами и инвесторами» (Enfu, Xiaoqin, 2017).

Тем не менее, только решение этой задачи позволяет экономике КНР стать вровень с теми державами, которые продвинулись далеко вперед в развитии науки и технологий, и пытаются использовать эти преимущества для навязывания своей гегемонии. Поэтому академик Чен Эньфу совершенно точно сформулировал необходимые для Китая условия развития: «...только если мы поймем инновации, первую движущую силу развития, мы сможем компенсировать различные риски, решить проблему избыточных мощностей, добиться структурных преобразований и модернизации экономики и идти в ногу с темпами глобального научно-технического развития» (Enfu, Xiaoqin, 2017).

Обеспечив эти условия, можно решить следующую задачу развития экономики Китая: «увеличить долю китайских собственных основных технологий и интеллектуальной собственности на мировом рынке» (Enfu, Xiaoqin, 2017).

Мы полностью разделяем то внимание, которое академик Чен Эньфу обращает на ключевую роль в инновационном развитии производства тех людей, которые овладевают знаниями на переднем крае современной науки. ««Люди, овладевшие передовой наукой, техникой и методами управления, играют ключевую роль в развитии производительных сил, в то время как научно-технические инновации играют решающую роль в продвижении вперед развития производства» (Enfu, 2018, p. 304) – подчеркивает он.

Мы считаем стратегически дальновидным подход академика Чен Эньфу, когда он делает вывод, что «основной задачей на начальном этапе социализма является эмансипация и развитие производительных сил, поддержка независимых инноваций и по-

строение инновационной страны» (Enfu, 2018, p. 304). На основе именно такого подхода должна произойти, по его словам, «трансформация из Китая как производственной державы в Китай как одного из ведущих мировых инноваторов» (Enfu, 2018, p. 305).

Этот вывод близок концептуальным подходам автора данной статьи. С нашей точки зрения, именно самостоятельное овладение знаниями и их использование для воплощения в новейших технологиях, может обеспечить лидерство в современном мире. Лидеры будущего – лидеры технологические. С подобных же позиций мы подходим и задачам реиндустриализации России на основе новейших технологий, опирающихся в первую очередь на отечественные исследования и разработки.

Список литературы

1. Adams S. (2018). Half million 3d printers sold in 2017 – on track for 100m sold in 2030. *3D Printing Undustry*, April 06th, 2018. URL:<https://3dprintingindustry.com/news/half-million-3d-printers-sold-2017-track-100m-sold-2030-131642/>

2. Биопечать органов на 3D принтере, как это работает? (2015). URL: <https://make-3d.ru/articles/biopечат-organov-na-3d-printere/> дата доступа 17.05.2021.

3. Blanchard E. What is a Cobot? Kollmorgen, 15 Apr 2019 URL: https://www.kollmorgen.com/en-us/blogs/_blog-in-motion/articles/emily-blanchard/what-is-a-cobot-collaborative-robots/(date of access 10.05.2021)

4. Блауг, М. Й., А. Шумпетер // 100 великих экономистов до Кейнса (Great Economists before Keynes: An introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past). СПб.: Экономикс, 2008. С. 333.

5. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. 2-е изд. СПб.: ИНИР имени С.Ю. Витте, 2016. (Bodrunov S.D. *Grjadushhee. Novoe industrial'noe obshhestvo: perezagruzka*. 2-e izd. INIR imeni S.Yu. Vitte: Spb [Future. New Industrial State: Reload. 2nd ed. S.Yu. Vitte Institute of new industrial development: Sanct-Petersburg, Russia], 2016.)

6. Бодрунов С.Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. (Bodrunov S.D. *Noonomika*. Kulturalnaya revolutsiya: Moskva: [Noonomy. Kultural revolution: Moscow, Russia] 2018.

7. Бодрунов С.Д. От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии. 2018. № 7.

8. Boyes, Hugh; Hallaq, Bil; Cunningham, Joe; Watson, Tim (October 2018). The industrial internet of things (IIoT): An analysis framework // *Computers in Industry*. Vol. 101, p. 1–12. doi:10.1016/j.compind.2018.04.015 (date of access 10.05.2021)

9. Dingding Xin. China's 'super-speed' train hits 500 km/h. *China Daily*. 2010-10-20. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2010-10/20/content_11431683.htm (date of access 10.05.2021)

10. Enfu Cheng. Marxism and Its Sinicized Theory as the Guidance of the Chinese Model: The “Two Economic Miracles” of the New China. *World Review of Political Economy*, Vol. 9, No. 3 (Fall 2018), p. 304.

11. Enfu Cheng. Opening Speech at the Fourteenth Forum of the World Association for Political Economy. *World Review of Political Economy*, Vol. 10, No. 4 (Winter 2019), p. 526.

12. Enfu Cheng. The Original Intention of Reform. Chapter III. Left Word Books (India). 2021

13. Enfu Cheng and Xiaoqin Ding. Building China’s New Countryside: Multiple Modes of Collective and Cooperative Economy. *Review of Agrarian Studies* 2(1), 2012, p. 130.

14. Enfu Cheng and Xiaoqin Ding. A Theory of China’s ‘Miracle’. Eight Principles of Contemporary Chinese Political Economy. *Monthly Review*, Jan 01, 2017. <https://monthlyreview.org/2017/01/01/a-theory-of-chinas-miracle/> (date of access 07.05.2021)

15. Galbraith J.K. *The New Industrial State*. Houghton Mifflin Co.: Boston, USA, 1967

16. Germany Trade&Invest. (2018). Industrie 4.0. Germany Market Report and Outlook. URL: https://www.gtai.de/GTAI/Content/EN/Invest/_SharedDocs/Downloads/GTAI/Industry-overviews/industrie-4.0-germany-market-outlook-progress-report-en.pdf (accessed on 07.05.2021).

17. Greenwood, Matthew. 2018 Was a Strong Year for the Global 3D Printer Market // engineering.com, January 21, 2019. URL:

<https://www.engineering.com/AdvancedManufacturing/ArticleID/18279/2018-Was-a-Strong-Year-for-the-Global-3D-Printer-Market.aspx>

18. Львов, Д. С., Глазьев, С. Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. 1986. № 5.

19. Mensch, Gerhard. Das technologische Patt: Innovationen überwinden die Depression. Frankfurt a.M.: Umschau Verlag Breidenstein, 1975.

20. Меньшиков, С. М., Клименко, Л. А. Длинные волны в экономике: Когда общество меняет кожу. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 192.

21. Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати / предисл. Митрополита Иоанна (Снычева); сост., вступ. ст., пер. В.Я. Дерягина; реконстр. древнерус. текста Л.П. Жуковской; коммент. В.Я. Дерягина, А.К. Светозарского; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. С. 70.

22. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике. Под ред. С.Ю. Глазьева и В.В. Харитонов. М.: Тривант, 2009.

23. Перес, К. Технологические революции и финансовый капитал: Динамика пузырей и периодов процветания (Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages). М.: Дело, 2011.

24. Просвирнов, А. Новая технологическая революция проносятся мимо нас // Агентство ПроАтом. 11.12.2012. URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4189>;

25. Roco M.C. and Bainbridge W.S. (Eds.). (2002). Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science. Arlington, VA: National Science Foundation.

26. Roco M.C. and Bainbridge W.S. (Eds.). (2005). Managing Nano-Bio-Infocogno Innovations: Converging Technologies in Society. National Science Foundation, National Science and Technology Council's Subcommittee on Nanoscale Science, Engineering, and Technology. Dordrecht, The etherlands: Springer.

27. Шумпетер, И. А. Теория экономического развития. М., 1982.

28. Smil, Vaclav. *Making the Modern World: Materials and Dematerialization*. Hoboken, NJ, USA: Wiley, 2013, p. 127.

29. Spohrer J. (2002) NBICS (Nano-Bio-Info-Cogno-Socio) Convergence to Improve Human Performance: Opportunities and Challenges. In: Roco, M., Bainbridge, W. (eds). *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science*. Arlington, VA: National Science Foundation. P. 102.

30. The Bod. Europe's First 3d Printed Building (n.d.). URL: <https://cobod.com/the-bod/> date of access 16.05.2021

31. Tsvetkova M., Yasseri T., Meyer E., Pickering J., Engen V., Walland P., A., ...Bravos G. (2015). *Understanding Human-Machine Networks: A Cross-Disciplinary Survey*. E-Print. Cornell University Library. Retrieved from <https://arxiv.org/pdf/1511.05324v1.pdf>

32. Wohlers Report 2021. Press release. URL: <https://wohlersassociates.com/press83.html> date of access 06.05.2021

33. World Intellectual Property Report 2017: Intangible capital in global value chains. Geneva: World Intellectual Property Organization, 2017, p. 102.

34. Xinhua (2020). China's sharing economy to grow by up to 15 pct annually: report. 2020-03-07 URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-03/07/c_138852643.htm (date of access 07/05/2021)

35. Xinhua (2021a). China's high-speed rail lines top 37,900 km at end of 2020. The State Council the People's Republic of China, Jan 10, 2021 URL: http://english.www.gov.cn/archive/statistics/202101/10/content_WS5ffa36f3c6d0f725769438ad.html

36. Xinhua (2021b). China's sharing economy turnover grows 2.9 pct in 2020: report. 2021-02-27 URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-02/27/c_139771895.htm (date of access 07/05/2021)

С.Д. Бодрунов

ОТ ХОМО ЭКОНОМУС – К ХОМО САПИЕНС¹

Современная цивилизация очевидным образом сталкивается с нарастающими вызовами, действенный ответ на которые человеческим обществом пока не дан. Это – бедность и нищета сотен миллионов, достигшее беспрецедентных размеров неравенство не только отдельных страт населения, но и целых стран в доступе к общественным благам, искусственное торможение развития человека-личности, неустойчивость мировой экономики к шокам различной этиологии и многое другое в этом ряду. Это, кроме того, и проблемы экологии, огромные масштабы загрязнения окружающей природной среды, и пока не слишком заметная для непосвященных, но все более быстро развивающаяся (и уже возрастающая на уровень драмы – по оценкам специалистов) утрата биоразнообразия, и риск использования оружия массового уничтожения, и угрозы, связанные с вмешательством в биологическую и когнитивную природу самого человека. Можно вспомнить и о духовном кризисе: разрушены «большие нарративы», люди теряют идейные и духовные ориентиры, утрачиваются устоявшиеся категории истины, прогресса личности, добра, красоты. Целый комплекс техногенных проблем влечет за собой и приближающийся новый этап технологического прогресса, меняющий материальные условия производства и всего образа жизни человека. Да и само по себе осуществление новой технологической революции тоже представляет собой существенную проблему.

Очевидно, что адекватный ответ на все эти вызовы сложившееся состояние общественного бытия человечества обеспечить не может. Человеческой цивилизации предстоит перейти в некое новое состояние, и она уже отчасти вступила в этот объективно неизбежный процесс перехода – хаотично, фрагментарно, по большей части неосознанно. При этом вместе с изменением как материальных, так и общественных условий своей жизни предстоит измениться и человеку.

¹ Опубликовано в журнале «Вопросы философии». – 2021. – № 12. – С. 18-31.

Разумно ли, при наличии такого количества все более возмущающихся проблем, создаваемых человеком, его социально-экономическое поведение? Современный человек, исторически подчиненный экономической необходимости в борьбе за средства существования и ориентирующийся ныне преимущественно на экономическую рациональность в своем поведении и социальных практиках, *homo economicus* по своей сути – если он собирается сохраниться и развиваться как человек, – с необходимостью должен уйти в прошлое. Человек меняется, он не может не меняться в том направлении, которое позволит назвать его, наконец, в полной мере человеком разумным, истинным *homo sapiens*. При этом, меняясь, человек меняет и социальную компоненту бытия, социализируя общество, формируя и укрепляя ноокритериальную базу бытия, ее нравственно-ценностное ядро.

Причины, условия, возможности и содержание этого перехода мы намереваемся обсудить в предлагаемой статье.

Цивилизация перед лицом проблем

Предметом нашего анализа являются те изменения, которые мы можем наблюдать в экономике и обществе, вопросы «конструирования» позитивного будущего экономического и социального устройства, а также обсуждения инструментария минимально конфликтной и эффективной трансформации к этому будущему состоянию, включая важнейший элемент – «трансформацию человека», и на этой основе – перехода к более справедливому и разумному обустройству жизни людей.

Современная мировая социально-экономическая система и ее слагаемые – экономика, общество, человек – находятся в системном кризисе. С усложнением глобальной экономической системы, связанным не в последнюю очередь с наблюдаемым переходом к новому технологическому и мирохозяйственному укладу, резко возрастает неопределенность будущего, хаотизация экономических отношений и связей на всех уровнях, все хуже просматриваются перспективы уже даже не развития, но самого существования человека и цивилизации. Проблема устойчивости общественного развития стала настолько весомой и очевидной, что вызвала к жизни известные документы ООН по достижению целей устойчивого развития, множественные дискуссии различного

уровня – от Давоса до Пекина, от саммитов «семерки» и «двадцатки» до непосредственных консультаций мировых лидеров.

Пандемия коронавируса, ставшая не причиной, а своеобразным индикатором и триггером многих слагаемых текущего и акселератором многих значимых тенденций будущего состояния мировой социально-экономической системы, резко высветила целый ряд уже известных проблем развития нашей цивилизации и ускорила движение по некоторым уже обозначившимся ранее трендам.

Что мы видим среди этих проблем?

Очевидно, что начавшийся кризис – всеохватывающий. Он в полной мере затронул совокупность производственных отношений и экономических институтов. Рыночные механизмы саморегулирования – основа нынешней социально-экономической системы – все чаще сбоят. «Невидимая рука рынка» чем дальше, тем больше указывает в сторону финансовых спекуляций и хищнической эксплуатации ресурсов, включая не только природные и материальные, но и трудовые и интеллектуальные, а вовсе не в сторону прогресса человеческих качеств и решения социальных проблем.

Стал очевидным и конфликт между необходимостью солидарных действий для борьбы с общими угрозами и препятствующим этому экономическим эгоизмом, на котором построена современная социально-экономическая система. Обнажилась историческая бесперспективность продолжающейся борьбы за глобальное доминирование, усилились тенденции к деглобализации как реакция на эти попытки – в свою очередь, создающая риски раскола мира на жестко противоборствующие блоки. В кризисном состоянии находятся мировые экономико-политические взаимодействия; геополитэкономическая конфигурация мира находится в состоянии глобального слома, и траектории начавшихся изменений темны и противоречивы [Десаи 2020].

Не лучше обстоит дело и с институтами государства и демократии: в одних странах подвергаются сомнению результаты выборов, в других эти результаты известны задолго до выборов и т.п. Свобода, с одной стороны, все чаще превращается во взрывоопасную смесь вседозволенности с безразличием, с другой – попирается корпоративным, масс-медийным и идеологическим манипулированием.

Очевидны тенденции нарастающего реактивного развития технологий и производств нового поколения. Ускорилося движе-

ние по таким трендам, как цифровизация экономических отношений, переход к дистанционной занятости и онлайн-образованию, роботизация и использование искусственного интеллекта. При этом, однако, возросли техногенные риски, а одновременно обнаружилось и крайне неравное распределение возможностей позитивно воспользоваться этими технологическими достижениями. Малоимущим и основной массе работающих в промышленности и в сфере услуг оказалось невозможно воспользоваться современными цифровыми технологиями для организации удаленной работы. В то же время менеджеры, специалисты финансового рынка, большая часть других категорий офисных работников получила такую возможность [Schwab, Malleret web]. Таким образом, в совокупности новые технологические тенденции позволяют человеку идти по пути выхода из непосредственного участия в процессе производства и расширяют пространство свободного времени, но одновременно – в рамках на глазах архаизирующейся современной социально-экономической системы – создают и предпосылки углубления социального отчуждения людей.

Настораживает и растущая «замена» реального человеческого общения виртуальным. Безусловно, виртуальный мир создает дополнительное пространство для развития и самореализации человека, для расширения его общения. Но одновременно он порождает проблемы идентификации общающихся, инфантилизма восприятия виртуального мира (что переносится и на мир реальный), формирования «групп ненависти» [Бондаренко 2009, 220–221] и даже «групп смерти», смещение попыток решения реальных жизненных проблем исключительно в виртуальный мир, превращение человека в потребителя виртуальной реальности, а не сохранение его как исследователя и творца [Сороцкий 2010, 230].

Тревогу вызывают и все более масштабные попытки организации тотального цифрового контроля как со стороны государств, так и со стороны крупнейших корпораций [Клейменова 2020 web].

Где выход?

Ясно, что было бы нелепо призывать противостоять новым технологическим возможностям с позиций чего-то вроде «цифрового луддизма». Новый образ жизни и деятельности людей, новые формы организации общества, приход которых ускорила в том

числе пандемия коронавируса, неизбежны. Удаленная (дистанционная) занятость, онлайн-общение и онлайн-образование, дополнительные стимулы к использованию робототехники и безлюдных технологий в производстве – все это уже становится новой реальностью. И от человека зависит – как ответить на подобные изменения. Станет ли он более человечным, опираясь на солидарность и более социально ответственное поведение как в сфере производства общественного продукта, так и в обычной жизни, в быту, в социуме? Или же экономический эгоизм и всеобщее отчуждение в конкуренции за всевозможные блага возобладают?

Результаты этого выбора не только отразятся непосредственно на жизни нынешних людей и жизни будущих поколений, но и определяют направления и темпы перехода к качественно новому состоянию общества.

Новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2)

Достигнутый ныне уровень мирового общественного производства, отражающий реалии и достижения современного НТП, позволяет уже сейчас приступить к решению большинства из упомянутых выше проблем. Однако воз, что называется, и ныне там. Это – глобальное противоречие современности, и оно обостряется в ходе прогрессирования технологий при сохранении (а именно на это направлены усилия глобальных акторов мировой экономики) нынешних устаревающих экономических моделей, регрессирующих в направлении консерватизма и фетишизации рынка, в рамках которых достижения технологического прогресса служат не разрешению и редукции накопленных проблем, а скорее, наоборот, их акселерации.

Справедливости ради следует отметить, что многие специалисты уже давно говорят о необходимости отхода от одностороннего видения модели развития человечества, тесно увязанного с идеалистически понимаемой рыночной концепцией хозяйствования, когда рыночные отношения проникают всюду и закрепляются во всех сферах человеческой деятельности: культуре, искусстве, здравоохранении, науке, спорте, праве, публичном управлении и т.д. Из важной, ключевой сферы, смысловой задачей которой является создание материальных условий для жизнедеятельности людей, рационального меха-

низма удовлетворения их потребностей, экономика в нынешнем ее варианте стала превращаться в определяющую сферу и даже претендовать на самодовлеющую роль в обществе, через усиливающуюся финансиализацию разрушая и деформируя те сферы, которые по самой своей сути ограниченно коммерциализуемы либо вообще не коммерциализуемы без принципиальных деформаций человеческого сознания и исключения из доступного общественного пространства неотъемлемых его прерогатив. Последний наглядный пример такого рода – недавняя попытка создания европейскими «грандами» футбола так называемой Суперлиги, предполагавшей резко усилить коммерциализацию спорта (именно спорта вообще, а не только футбола, поскольку подобный шаг есть не что иное, как образец для такого рода инициатив в любых видах спорта) с фактическим исключением «недоразвитых» футбольных команд и большинства стран из медийного пространства и лишения их стимулов к развитию спорта в «неудостоившихся» странах, а спортивной общественности этих стран – возможности их команд принимать участие в наиболее продвинутых матчах топовых соревнований.

Подчеркнем – эскалация указанного выше основного противоречия современности чревата множественными глобальными рисками, достаточно известными и многократно проанализированными в научной литературе.

При этом важно, что груз проблем, которые все больше угрожают человечеству, ставит вопрос о дальнейшей эволюции человеческой цивилизации к некоему новому этапу, на котором станет реализуемым расширение и закрепление возможностей, создаваемых новыми технологиями, и использование этих возможностей для преодоления упомянутого противоречия, являющегося следствием отставания развития социально-экономических отношений от темпов прогресса, задаваемого ускорением развития знаниеемкой индустрии и новых технологий, меняющих и образ жизни людей, и механизмы удовлетворения их потребностей, и – самого человека. Речь идет о переходе к следующему поколению Нового индустриального общества.

То Новое индустриальное общество, о котором в свое время писал Джон Кеннет Гэлбрейт [Galbraith 1967], во многом

осталось позади. Провозглашенный в последней трети XX в. поход в постиндустриальное будущее так и не состоялся, хотя многие черты перемен теоретики постиндустриализма угадали верно (см.: [Bell 1973; Sakaiya 1991; Smart, 2011]). Однако несмотря на существенный рост удельного веса в экономике развитых стран сферы услуг, индустриальное материальное производство осталось технологическим ядром экономики. Возрастающая роль знаний привела не к замене ими материального производства, а к формированию новой его ступени – знание интенсивного материального производства, выступающего базисом перехода к новому индустриальному обществу второго поколения, НИО.2 [Бодрунов 2016].

Переход к НИО.2 создает совокупность предпосылок – и в сфере производства (во всех его элементах), и в сфере соответствующей организации общества – для продвижения в сторону формирования неэкономического способа удовлетворения человеческих потребностей, к ноономике [Бодрунов 2018a].

Новые возможности удовлетворения потребностей и новые риски

Современная экономика уже создала материальные предпосылки и технологические возможности для удовлетворения человеческих потребностей на гораздо более высоком уровне, чем ранее. Однако всегда ли эти возможности используются для обеспечения реальных нужд человека? Капиталистическая рыночная экономика продемонстрировала огромные возможности наращивания объемов производства и потребления. Но рост производства и потребления в погоне за прибылью приводит к тому, что производителю безразлична природа удовлетворяемых потребностей – лишь бы обеспечить расширение сбыта товаров и услуг. И в этой погоне за прибылью капитал не прочь формировать и раздувать разного рода иллюзорные, симулятивные потребности, играя на любых человеческих слабостях.

Погоню некоторых групп потребителей за статусными символами вместо реальных благ описывал еще в начале XX в. Торстейн Веблен [Veblen 1899]. То несоразмерно большое значение, которое феномен симулятивных потребностей и симулятивных благ приобрел в последней трети XX в., вызвал необходи-

мость философского осмысления природы и значения этого феномена. Анализ благ-симулякров был проведен в работах известного французского постмодерниста Жана Бодрийяра [Baudrillard 1972; Baudrillard 1981] и американского философа и литературного критика Фредрика Джеймисона [Jameson 1991].

Речь идет не просто о потребностях, которые нерациональны. За симулятивными потребностями и «удовлетворяющими» их товарами-симулякрами вообще не стоит ничего, кроме иллюзий. Симулякры выступают как всего лишь знаки удовлетворения мнимых потребностей (хотя этот симулятивный компонент часто бывает привязан к вполне реальному полезному товару, раздувая его цену за счет дополнительной мнимой ценности в глазах потребителя).

В результате формируется не просто «общество потребления», не знающее меры в наращивании объема потребляемых благ, а экономическая машина раздувания мнимых потребностей и средств их столь же мнимого удовлетворения, на которые, однако, расходуются вполне реальные ресурсы. В результате растет как объем потребляемых природных ресурсов, так и поступающих в природу отходов от их переработки. До определенных пределов экосистема Земли справлялась с последствиями нарушаемого человеком природного равновесия. Однако в последние годы уже значительно превышен порог возможностей этой экосистемы обеспечивать возобновление израсходованных природных ресурсов [Calculating... web].

Но утрата способности к восстановлению природных ресурсов – не единственная опасность, создаваемая экономическим давлением на природную среду. Нарастает воздействие на нее самых разнообразных видов загрязнения – механического, химического, электромагнитного, акустического и т.д. Это ведет к нарушению функционирования биосферы и условий обитания самого человека, к нарушению климатического равновесия, утрате биологического разнообразия и множеству других, может быть, еще до конца не осознаваемых последствий.

Скорость вымирания видов живых существ, к примеру, уже многократно превысила темпы естественного процесса вымирания видов. Каждый день планета лишается в среднем 72 видов. Если взять самую верхнюю оценку количества видов жи-

вых существ на Земле – 100 миллионов, – то в год вымирает 263 вида на каждый миллион, при естественном темпе вымирания в 1 вид на каждый миллион в год [Knight web; UNReport web; IPBES 2019 web].

В то же время стихийный рост техносферы, определяемый критериями экономической рациональности, то есть погоней за «рыночной эффективностью», приводит тем самым к опасным, плохо контролируемым последствиям. Количество технетических (то есть образующих созданные человеком техноценозы [Кудрин 1980]) видов стремительно обгоняет биоразнообразие природы, достигая одного миллиарда [Zalasiewicz, Williams et al. web]. Фактически техноценозы, созданные человеком, подавляют биоценозы, а технетические виды существ вытесняют биологические, не просто обгоняя, но и сокращая биоразнообразие [UNReport web].

Но почему же так угрожающе растет давление человека на природную среду, составляющую условие существования самого человека? В этот тупик ведет парадигма безудержного роста производства и потребления, превратившаяся в парадигму роста производства чего угодно и потребления чего угодно, лишь бы, в соответствии со смыслом хрематистики, росли объемы сбыта и прибыли. Очевидно, говорить о разумности такого подхода к организации жизни человека вряд ли возможно, это установлено еще Аристотелем.

Эта проблема осознана уже давно, ученые и общественные деятели бьют тревогу еще со времен нашумевшего доклада Римскому клубу о пределах роста 1972 г. [Meadows, Meadows et al. web], движения «зеленых» по всему миру поддерживают эту обеспокоенность, и на международном уровне проблема устойчивого развития уже много лет не сходит с повестки дня, начиная со Стокгольмской (1972 г.) конференции ООН по окружающей среде, затем – создания в 1983 г. Комиссии ООН по окружающей среде («Комиссии Брундтланд») и проведения в 2002 г. Всемирного саммита ООН. Заключен целый ряд соглашений по климату. США, еще недавно отвергавшие проблему климатических изменений и воздействия человеческой экономической активности на климат, при новом президенте, наоборот, теперь уже пытаются возглавить мировые усилия по ее решению [Leaders... web].

Однако вся эта обеспокоенность и все принимаемые решения не привели до сих пор к сколь-нибудь существенным практическим шагам по предотвращению экологического кризиса. Более того, и ныне предлагаемые меры носят отчетливо прагматический «торгашеский» характер, что обусловлено попытками решения этих проблем привычными экономическими механизмами и что с высокой степенью вероятности не имеет обеспечивающей их решение перспективы. И вот уже в 2020 г. Папа Римский Франциск в своей энциклике *Fratelli tutti* вновь предостерегает от скорого забвения наглядных уроков, данных пандемией коронавируса: «Как только этот кризис здоровья пройдет, нашим худшим ответом было бы еще глубже погрузиться в лихорадочное потребительство и новые формы эгоистического самосохранения» [Encyclical... web].

Слова об «эгоистическом самосохранении» не случайны. Мы видим, что меньшинство человечества обеспечило себе возможности и отгородиться от эпидемических превратностей, и продолжать наращивать доходы в рамках парадигм «пир во время чумы» или «кому война, а кому – мать родна», продолжить бездумный рост потребления, оборачивающегося усиливающимся расхищением природных ресурсов. При этом для большинства населения планеты погоня за материальным накоплением оборачивается беззащитностью перед угрозами здоровью и в то же время недоступностью самых элементарных благ: достаточного питания, чистой воды, жилища, образования и т.д.

Новый облик производства – новые цели и потребности

Такая ситуация неизбежна в мире, где проблемы развития человеческой цивилизации решаются лишь в меру достижения экономических критериев успеха. Без постепенного отхода от первенствующего значения этих критериев и выдвигания на передний план критериев подлинно человеческих, определяющих достижение конкретных целей человеческого развития, упомянутое глобальное противоречие разрешить невозможно. Нужен переход к таким общественным отношениям, при которых хозяйственная деятельность, удовлетворяющая потребности человека, будет определяться в первую очередь не экономическими критериями. Это становится объективно возможным постольку, по-

сколькo по мере насыщения витальных потребностей на первый план выдвигаются иные, приобретающие неэкономическую форму. Речь идет в первую очередь об освоении благ культуры, о возвышении личности человека и человеческого разума, о развитии на этой основе способностей человека к самореализации.

Но в каком направлении будет развиваться человек?

Замена экономических критериев удовлетворения потребностей критериями подлинной разумности обращает нас к известной концепции ноосферы, сферы господства человеческого разума [Вернадский 1944]. Однако формирование ноосферы само по себе не обеспечивает прихода «царства добра». Более того, наличие ноосферы сразу ставит вопрос о том, какие именно императивы разума будут в ней господствовать и как будет разум использоваться: как инструмент развития – либо как инструмент разрушения? Концепция ноосферы ответы на эти главные вопросы не дает.

Переход человечества на ступень НИО.2 означает растущие возможности для человека выйти из непосредственного участия в процессе производства и – тем самым – расширить пространство свободного времени. Однако наличие этих возможностей само по себе также вовсе не гарантирует, что свободное время станет пространством человеческого развития, а не временем праздности и бездумного потребительства. Ведь вместе с ростом материальных возможностей открываются широкие просторы для все более полного удовлетворения потребностей человека. Не стоит думать, что «пирамида Маслоу» автоматически по мере насыщения потребностей низшего порядка будет обеспечивать переход к потребностям более возвышенным.

Эта проблема не может быть решена и на пути простого просветительства и пропаганды неких возвышенных идеалов. Ключ к решению вопроса лежит не столько в степени насыщения потребностей (хотя это одна из необходимых предпосылок), сколько в изменении характера основной деятельности человека – перехода от экономически детерминированного труда ради добывания «хлеба насущного» к свободной творческой деятельности, требующей развития и мобилизации самых разнообразных способностей человека.

Переход к такой деятельности становится возможным по мере того как человек, выйдя в ходе развития знаниеинтенсивного

производства из непосредственного производственного процесса, превращается в силу, контролирующую и направляющую развитие относительно автономной техносферы. Разумеется, предпосылкой этого является насыщение жизненных потребностей человека в условиях сокращающегося времени необходимого труда.

Не стоит думать, что даже при наличии всех указанных условий структуру человеческих потребностей, сформировавшихся в экономическом обществе, воспитавшем *homo economicus*, ситуацию удастся изменить легко и просто. Ханна Арендт вообще опасалась, что этого может и не произойти: «...animal laborans никогда не тратит свое избыточное время ни на что, кроме потребления, и чем больше ему будет оставлено времени, тем ненасытнее и опаснее станут его желания и его аппетит. Конечно, виды похоти изощряются, так что потребление уже не ограничивается жизненно необходимым, захватывая, наоборот, излишнее; но это не меняет характер нового общества, а хуже того, таит в себе ту тяжкую угрозу, что в итоге все предметы мира, так называемые предметы культуры, наравне с объектами потребления, падут жертвой пожирания и уничтожения» [Арендт 2000, 171].

Эти опасения вполне оправданны. В той действительности, которую Арендт наблюдала вокруг себя, в том мире, в котором мы до сих пор живем, то есть в мире капитализма и рынка, поведение большинства людей именно таково. И пролонгация этих условий вполне может позволить сбыться апокалиптическому прогнозу известного философа. Изматывающая работа ради заработка оставляет человеку свободное время только для того, чтобы он потреблял, потреблял и потреблял – как для того, чтобы восстановить свои силы и снова приступить к труду, так и для того, чтобы успеть поглотить всю ту массу благ и услуг, которая поставляется на рынок. Все, что произведено, должно быть куплено – и вся машина маркетинга, рекламы, оболванивающей человека и взращивающей низменные потребности и псевдопрогрессивные ценности масскультуры, воспитывающего «образцового потребителя» современного образования, работает на то, чтобы сформировать образ жизни, при котором человек стремится потреблять как можно больше и работать для этого как можно больше, чтобы снова заработать и снова потребить. Большинство

живет в этом порочном кругу, не видя из него выхода и даже не представляя, что выход вообще может быть. Более того, полагая подобный порядок естественным и... разумным!

«Человеческий индивид представляется всецело погруженным во всеподчиняющий нечеловеческий и противочеловеческий мир вещей-объектов, где нет и не может быть места для его подлинной суверенности в качестве субъекта-творца» [Батищев, 2015, 199]. Как же человеку вырваться из этого, порожденного им же самим, порочного круга?

Ни проповедь аскетизма, ни стремление ограничить потребление различного рода принудительными барьерами, ни призывы к идеалам альтруизма, коммунизма и т.п., как показали многообразные тысячелетние попытки, на самом деле не являются решением, ибо они не опираются на объективные тенденции развития. Разумеется, разъяснительные и воспитательные меры, внедрение в сознание понимания необходимости самому осмотрительно относиться к формированию круга своих потребностей, тоже необходимы, но – только в том случае, если они опираются на объективные предпосылки.

Какие же объективные предпосылки способны изменить структуру предпочтений, изменить набор потребностей человека? Существуют ли они?

Ответ можно дать вполне оптимистический. Прежде всего это изменение природы основной деятельности человека.

Человек есть то, что он делает. «Субъект не сводим лишь к субъекту сознания и воли, но есть субъект деятельности, которая образует собой весь культурный мир общественного человека, человеческую *действительность*» [там же, 200]. Когда для человека его деятельность станет выступать как осознанное созидание собственного культурного мира, тогда и императивы культуры, и ноо-критерии устройства бытия станут для него важнейшими элементами критериальной базы, на основе которой им будут приниматься любые решения, в том числе – о производстве и потреблении, их разумных границах.

При этом объективные процессы развития знаниеинтенсивного производства в НИО.2 будут все более высвобождать время человека для саморазвития, образования, творчества. Более того, в самой сокращающейся трудовой деятельности будет с не-

отвратимой очевидностью возрастать творческая компонента. В том случае, когда деятельность человека станет по преимуществу творческой, его предпочтения постепенно будут смещаться от погони за объемами материальных благ и услуг к самореализации личности в процессе творческой деятельности.

Таким образом, главными ценностями для ноо-человека станут средства и условия развития его творческого потенциала.

Другая предпосылка заключается в развитии на этапе НИО.2 – вместе со знаниеинтенсивным производством – активности человека в познании мира и самого себя как его части, а следовательно, и осознания своих истинных, несимулятивных потребностей, принятии этого знания и, на этой основе, утрате ценностных императивов симулятивного или нерационального потребления. Тем самым человек значительно продвинется в понимании того, какие ограничения налагает разумный подход и на производственную деятельность, и на потребление.

Третья предпосылка лежит в сфере самого потребления. Насыщение (на базе развития знаниеинтенсивного производства) жизненных потребностей человека, обеспечивающее уход от борьбы за существование, от страха недопотребления перед лицом угрозы недоедания, болезней и т.д., создает условия для того, чтобы потребности такого рода не занимали первостепенное место в жизни людей, становясь все более вторичными в силу прогрессирующих возможностей их разрешения.

Важным фактором является и растущая социализация общества – общественная компонента развития человека как личности и как социального существа.

Технологический прогресс и растущие изменения в экономических институтах (в частности, объективный процесс неуклонной трансформации экономического способа удовлетворения потребностей в преимущественно неэкономический, в том числе процесс диффузии собственности, также обусловленный развитием технологий нового технологического уклада [Бодрунов, 2021]), прокладывают дорогу социализации общества и развитию ноокачеств человека-личности. Человек вынужден обретать (и обретает, это невозможно отрицать, – частью неосознанно, частью осознанно) с развитием общества все бóльшую социальную ответственность, становясь все более «социальным», все более отвечающим

общекультурным императивам жизнедеятельности, все более включенным в выполнение своей общественной миссии, продвигаясь, как мы уже писали [Бодрунов 2018б], от «зоо» к «ноо» – как в отношении формирования типа своего общественного поведения (человек «социализируется»), так и в отношении формирования критериальной базы этого поведения, мотивов, нравственно-ценностного ядра. При этом следует обратить внимание именно на оборотную сторону социализации человека: социализирующийся, принимающий более продвинутые в социальном плане нормы общества, его установок, морали и т.п. категорий человек оказывает, в свою очередь, соответствующее – социализирующее – воздействие на экономические, политические и иные институты общества, внося в них собственные, порой отличные на конкретном этапе от представлений окружающих, личные представления и форматы общественного бытия, раздвигает его существующую критериальную базу. Человек социализирует общество. Все более социализирующийся человек привносит в общественное бытие и в общественное сознание новые ценности и мотивы жизнедеятельности и поступков, трансформируя тем самым социо-политико-экономические институты в направлении «ноо». А эти новые институты, в свою очередь, станут оказывать соответствующее обратное влияние на человека, на сообщество индивидов, усиливая ноотрансформацию человека. Более подробно этот феномен автор надеется раскрыть в своей следующей статье («От экономических интересов – к нооценностям»).

Таким образом, все четыре перечисленных фактора создают основу соединения осознания необходимости и реализации возможности разумного самоограничения количественного наращивания потребления.

Термин «самоограничение» при этом не в полной мере, слишком узко, отражает определение того сдвига в отношении человека к своим разумным потребностям, который становится необходимым перед лицом глобальных проблем и в то же время возможным в силу развития материальных, технологических предпосылок перехода на новую ступень развития производства. Скорее, следует говорить о самоопределении человеком себя в качестве человека разумного, истинно разумного, осознающего и устанавливающего для себя силой разума границы и уровни удовле-

ния своих потребностей (в том числе – и в личном потреблении), выход за которые означает выход в сферу неразумного, то есть уже «нечеловеческого», не отвечающего критерию *sapiens*. Такое самоопределение не может строиться на каком-либо внешнем принуждении (даже чисто духовном или идеологическом), нацеленном на ограничение потребления. Человеку предстоит самому переосмыслить критерии рациональности производства и потребления – чтобы они соответствовали задачам развития самого человека и сохранения природной, биои техно-среды, в которой он существует и может обеспечить свои ноо-потребности.

Снижение конфликтности и новое неравенство

Именно такой человек способен избавиться от погони за поглощением материальных благ, за миражом фальшивых, навязанных ему рынком потребностей и обратиться к развитию подлинно человеческих качеств. Соответственно, такое развитие создает предпосылки для снижения конфликтности человеческого развития.

Мы согласны с известной философской парадигмой, согласно которой развитие вообще не может происходить вне снятия и воспроизводства противоречий. Однако если мы будем иметь в виду современный уровень глобальных противоречий, мы должны осознавать, что ситуация сейчас совершенно отлична от любых других исторических эпох развития человеческой цивилизации: уровень современных технологий уже не позволяет рассчитывать, в случае их применения для разрешения подобных противоречий, на ее сохранение.

Возможно ли предотвратить такое развитие событий? Разумеется, нынешняя социально-экономическая система неизбежно порождает и политические, и экономические, и социальные конфликты, и выход за ее пределы также вряд ли будет бесконфликтным. И все же как современное состояние процесса познания социальной действительности, так и уровень развития производства позволяют и предвидеть, и предотвратить, или, во всяком случае, смягчить социальные конфликты. Достигнутый потенциал удовлетворения потребностей человека дает возможность нахождения социальных компромиссов вместо бескомпромиссной борьбы за средства существования, которая была неизбежна, ко-

гда эта борьба была в значительной мере тождественна борьбе за выживание.

Очевидно, что приверженность старым стереотипам отвечает определенным частным интересам тех, кто извлекает экономические выгоды либо социальные предпочтения из эксплуатации слабостей *homo economicus*, навязывая ему модель безграничного раздувания потребностей, в том числе и симулятивных. Именно погоня за этими частными интересами, превратно понимаемыми как безусловно разумные, лежит в основе нарастания современных глобальных проблем, о которых говорилось выше. Поэтому изживание социальной конфликтности возможно при обеспечении перемен не только в технологических возможностях производства, но и в общественном устройстве хозяйственной деятельности, отходящем от чисто экономической рациональности.

Одним из шагов может стать развитие продуктивных и осознанно направляемых на продвижение ноо-процессов в обществе методов регулирования общественного производства, которые избавлены от бюрократической централизации и основываются, к примеру, на вовлечении в процессы целенаправленной плановой и солидарной деятельности всех заинтересованных сторон. Это позволило бы ориентировать производство не только на критерии экономической рациональности, но и – все больше и больше, поэтапно – на достижение конкретных целей, определяемых критериями разума и целями культурного развития. В перспективе, при переходе от экономического способа удовлетворения потребностей людей к нооэкономике [Бодрунов 2018а; Бодрунов 2019; Бодрунов 2020], где удовлетворение потребностей будет основано на взаимодействии человека и относительно автономной техносферы, для рыночных обменов и экономических отношений вообще не останется места, в то время как то же плановое регулирование функционирования техносферы в интересах создания условий самореализации каждого человека займет в структуре организации общественного производства подобающее место.

Следует учитывать, что путь к сглаживанию конфликтности будет непростым, потому что инерция узко экономических стереотипов в поведении человека не преодолевается автоматически и сразу даже с расширением возможностей занятии интензивного производства удовлетворять человеческие по-

требности, как и с нарастанием творческого содержания человеческой деятельности. Тем важнее формирование идейной платформы общества, ориентированного не на принципы социалдарвинизма, а на идеологию солидаризма [Бодрунов 2021; Leroux 1840; Bourgeois 1896].

Смягчение, а затем и снятие социальных конфликтов не означает, однако, устранения социальных противоречий как таковых. Однако если сейчас в основе социальных противоречий лежит глубокое экономическое неравенство [Bodrunov, Galbraith 2017], основанное по сути на традиции борьбы за средства существования, оборачивающейся для одних борьбой за выживание перед лицом голодной смерти, а для других – борьбой за поглощение возможно большего объема материальных ресурсов, то природа будущего неравенства будет иной. Она будет вытекать из базовых характеристик нового общественного устройства производства, основанного на принципах ноономики.

Каким будет истинный *homo sapiens*?

Поскольку в ноономике главной целью производства и одновременно главным его фактором выступает творческая самореализация человека, то и основой нового неравенства будет выступать способность человека к овладению средствами этой самореализации. Здесь уже не будет экономических барьеров для овладения знаниями, информацией, всеми благами культуры, для обучения и повышения квалификации. Однако останутся различия, основанные на неодинаковых индивидуальных задатках людей. При этом понятно, что эти различия также могут быть сглажены путем развития когнитивных технологий, однако различия в человеческой индивидуальности все равно останутся, в том числе – в способностях людей осваивать различные виды деятельности.

Таким образом, сохранится неравенство, основанное на различиях в достигаемой мере развития творческих способностей индивида, что будет стимулировать стремление к освоению благ культуры и образования, к росту самореализации, но не будет составлять основу для имущественных привилегий и для поляризации общества на противостоящие социальные группы и классы; в свою очередь, человек ноообщества, истинный *homo sapiens*, будет жить в обществе высокого уровня социализации, в число базовых ценностей которого будет входить представление о без-

условной социальной ответственности и необходимости осознанных и солидарных усилий по преодолению общественных и личностных противоречий.

Источники – Primary Sources and Translations

Арендт 2000 – *Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни* / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибикина. СПб.: Алетейя, 2000 (Arendt, Hannah, *Vita activa oder Vom tätigen Leben*, Russian Translation).

Батищев 2015 – *Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип* // *Батищев Г.С. Избранные произведения* / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015 (Batyshev, Heinrich S., *Active Essence of Human as Philosophical Principle*, in Russian).

Вернадский 1944 – *Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере* // *Успехи современной биологии*. 1944. Т. 18. Вып. 2. С. 113–120 (Vernadsky, Vladimir I., *Several Words on the Noosphere*, in Russian).

Baudrillard, Jean (1972) *Pour une critique de l'économie politique du signe*, Gallimard, Paris. Baudrillard, Jean (1981) *Simulacres et Simulation*, Galilee, Paris.

Bell, Daniel (1973) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*, Basic Books, New York.

Bourgeois, Léon (1896) *Solidarité*, Colin, Paris.

Calculating Earth Overshoot Day 2020: Estimates Point to August 22nd [June 5, 2020. Global Footprint Network], URL: <https://www.overshootday.org/content/uploads/2020/06/Earth-Overshoot-Day-2020-Calculation-Research-Report.pdf>

Encyclical Letter Fratelli Tutti of The Holy Father Francis On Fraternity and Social Friendship, (October 3, 2020) 35, URL: http://www.vatican.va/content/francesco/en/encyclicals/documents/pa-pa-francesco_20201003_enciclica-fratelli-tutti.html

Galbraith, James K. (1967) *The New Industrial State*, Houghton Mifflin Co, Boston.

Galbraith, James K. (2017) *New Industrial Revolution and Inequality Issues: Study guide*, Ed. by Sergey D. Bodrunov, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow.

IPBES (2019): Global assessment report on biodiversity and ecosystem services of the Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services. E.S. Brondizio, J. Settele,

S. Díaz, and H.T. Ngo (editors). IPBES secretariat, Bonn, Germany, URL: <https://www.ipbes.net/global-assessment>

Jameson, Frederic (1991) *Postmodernism or the Cultural Logic of Late Capitalism*, Duke University Press, Durham, NC.

Leaders Summit on Climate Summary of Proceedings, The White House (april 23, 2021), URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/04/23/leaders-summit-on-climate-summary-of-proceedings/>

Leroux, Pierre (1840) *De L'humanité de son Principe, et de son Avenir ou se Trouve Exposée, la Vraie Définition de la Religion et ou l'on Explique le Sens, la Suite, et L'enchaînement du Mosaisme et du Christianisme*, Tome 1, Perrotin, Paris.

Meadows, Donella H., Meadows, Dennis L., et al. (1972) *Limits to Growth. A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*, URL: <http://www.donellameadows.org/wp-content/user-files/Limits-to-Growth-digital-scan-version.pdf>

Schwab, Klaus, Malleret, Thierry (2020) *Covid-19: The Great Reset*, World Economic Forum, Geneva, URL: <http://reparti.free.fr/schwab2020.pdf>

UN Report: Nature's Dangerous Decline 'Unprecedented'; Species Extinction Rates 'Accelerating' (May 6, 2019), URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/blog/2019/05/nature-decline-unprecedented-report/>

Veblen, Thorstein (1899) *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*, Macmillan, New York.

Ссылки – References in Russian

Бодрунов 2016 – Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. 2-е изд. СПб.: ИНИР имени С.Ю. Витте, 2016.

Бодрунов 2018а – Бодрунов С.Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018.

Бодрунов 2018б – *Бодрунов С.Д.* От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 109–118.

Бодрунов 2019 – *Бодрунов С.Д.* Ноономика: онтологические тезисы // Экономическое возрождение России. 2019. № 4 (62). С. 6–18.

Бодрунов 2020 – *Бодрунов С.Д.* К вопросу о сравнительном анализе теорий ноономики и социализма // Вопросы политической экономии. 2020. № 3. С. 52–64.

Бодрунов 2021 – *Бодрунов С.Д.* Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм // Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм. Т. 1. Сб. пленарных докладов Объединенного международного конгресса СПЭК-ПНО-2020 / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. М.: ИНИР, 2021. С. 11–28.

Бондаренко 2009 – *Бондаренко Т.А.* Общение в виртуальном мире Интернета // Вестник ДГТУ. 2009. Т. 9. № 4 (43). С. 216–223.

Десаи 2020 – *Десаи Р.* Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи / Науч. ред. российского изд. С.Д. Бодрунов. М.: ИНИР им. С.Ю. Витте: Цетрката лог, 2020.

Клейменова 2020 web – *Клейменова Л.* The New York Times: как компании следят за нашей жизнью через приложения // РБК. 14.01.2020. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5e1888919a79472a692abf75>

Кудрин 1980 – *Кудрин Б.И.* Научно-технический прогресс и формирование техноценозов // ЭКО: Экономика и организация промышленного производства. 1980. № 8. С. 15–28.

Сороцкий 2012 – *Сороцкий М.С.* Виртуальное общение: социальные сети – одиночество или исповедальность? // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. 2012. № 14 (133). Вып. 21. С. 227–232.

С.Д. Бодрунов

НООНОМИКА КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ¹

Введение

Современное общество непрерывно меняется. Экономическая система, опирающаяся на непрерывный поток инноваций, приносит нам новые и все более сложные технологии, меняющие весь уклад жизни.

Особенностью современного этапа технологического развития является формирование шестого технологического уклада, характерным свойством которого является широкое распространение гибридных технологий. В одном технологическом комплексе не просто объединяется несколько типов технологий: они взаимно обуславливают функционирование друг друга. Такое объединение технологий обеспечивается современными информационно-коммуникационными технологиями, позволяющими координировать протекание разнородных технологических процессов.

Типичным примером такой гибридной технологии является 3D-принтирование, где объединяются технологии принтирования (послойного нанесения материалов), технологии подготовки и нанесения различных видов материалов (экструзия пластических масс, фотополимеризация, порошковая металлургия и т.д.) и трехмерное компьютерное моделирование, позволяющее воспроизводить образец с высокой точностью. Другой пример – современный смартфон, где объединены технологии радиосвязи, голосовой и телевизионной связи, фотосъемки, геолокации, компьютерной обработки текстовой и аудиовизуальной информации и т.д.

Еще одной особенностью технологий шестого уклада является возрастание их знаниеинтенсивности, т. е. удельного веса знаний, применяемых в производственном процессе. Наступает такой момент, когда доля знаний, имплементированных в технологический процесс и его продукты, начинает существенно пре-

¹ Опубликовано в журнале «Стратегирование: теория и практика». – 2021. – Т. 1. – № 2. – С. 136-150. <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2021-1-2-136-150>.

вышать собственно материальную часть, т. е. происходит «непрерывное повышение информационной и снижение материальной составляющей»².

Технологии шестого уклада характеризуются вытеснением человека из непосредственного участия в производственной деятельности.

Все эти черты шестого технологического уклада открывают возможности полного удовлетворения человеческих потребностей. Однако «золотой век» человечества не спешит наступать. Изучение происходящих сдвигов приводит к выводу, что накопление новых технологических возможностей открывает не только перспективы, но и таит в себе угрозы.

Эти угрозы начали формироваться еще на предшествующих стадиях технологического развития. Первой была осознана угроза тотального уничтожения человечества в случае применения оружия массового поражения: ядерного, химического, биологического. Затем стало ясно, что масштабы промышленного развития цивилизации создают высокую нагрузку на природную среду. Это было показано в докладе Римскому клубу 1972 года³.

Истощение невозполнимых запасов природных ресурсов, климатический кризис из-за изменения состава атмосферы, колоссальные масштабы загрязнения окружающей среды (механического, химического, акустического, электромагнитного), утрата биоразнообразия и т. д. – все это ставит нашу цивилизацию на порог саморазрушения.

Эти угрозы осознаются, но снижается ли степень тех рисков, которые несет с собой наша производственная деятельность? Ответ пока не утешительный.

Развитие современных технологий ведет одновременно к нарастанию кризисных явлений и к формированию потенциальных возможностей преодоления этого кризиса. Вопрос заключа-

² Бодрунов С.Д. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты // Экономическое возрождение России. 2016. Т. 48. № 2. С. 5-14.

³ The limits to growth: A report for the Club of Rome's project on the predicament of mankind / D.H. Meadows [et al.]. New York: Universe Books, 1972. 211 p.

ется в том, сумеем ли мы воспользоваться открывающимися возможностями или пойдем по пути углубления накапливающихся проблем? Это зависит от того, как будет эволюционировать общественное устройство нашей жизни, куда мы будем направлять силы, созданные нашим знанием, но которыми мы не можем разумно распорядиться.

Острота этих проблем была еще раз подтверждена на VII Международной научной конференции «Актуальные проблемы глобальных исследований: глобальное развитие и пределы роста в XXI веке» 15–18 июня 2021 г. (7 th International Scientific Conference “Topical Issues of Global Studies: Global Development and Limits to Growth in the 21st century”). На ней были представлены результаты междисциплинарного научного проекта «Мировое развитие и «пределы роста» в XXI веке: моделирование и прогноз» под руководством ректора МГУ, академика В.А. Садовниченко. Этот доклад отвергает концепцию нулевого роста, выдвинутую в 1972 г. Но, как и авторы доклада Римскому клубу, исходит из того, что технологическое решение проблем конфликта с окружающей средой возможно только в том случае, если для технологического прогресса будут поставлены соответствующие общественные цели⁴.

Проблема поиска пути общественной эволюции, позволяющего человечеству преодолеть нарастающие проблемы, как и вопросы, связанные с обеспечением такой эволюции в желаемом направлении, будут находиться в центре внимания данной статьи.

Объекты и методы исследования

Исследование тенденций и противоречий современной стадии развития экономики позволяет сделать определенные выводы о направлениях ее эволюции. Речь идет не об экстраполяции сложившихся трендов на будущее, а об анализе накапливающихся проблем и формирующемся потенциале их решения. Такой подход позволяет увидеть, в каком направлении будут происходить сдвиги в социально-экономическом устройстве общества. Никто не даст

⁴ Мировое развитие и «пределы роста» в XXI веке: моделирование и прогноз. URL: <https://www.msu.ru/upload/pdf/2021/20210421-akaev.pdf> (дата обращения: 13.09.2021)

гарантий, что развитие пойдет именно в этом направлении, потому что невозможно исключить негативный сценарий, ведущий человеческую цивилизацию в тупик или к катастрофе. Но если мы хотим найти выход из одолевающих нас проблем, то пути такого выхода под силу определить уже сейчас.

Как нарастание рисков и угроз, так и потенциал их предотвращения заложены в одном и том же – в развитии технологий, опирающихся на прогресс в нашем познании. Но будем ли мы идти по пути нарастания угроз или по пути их преодоления, зависит не только от технологий, но и от того, при каких общественных условиях мы будем их применять.

Что дает нам современный этап развития технологий, который характеризуется распространением пятого технологического уклада и возникновением шестого?

Эти технологии, во-первых, отличает возрастание доли знаний (не просто знаний, а именно научных) в составе затрат на производство. Во-вторых, применение этих технологий сопровождается нарастающим выходом человека из непосредственного участия в производственном процессе⁵.

Следствием данных тенденций является снижение материалоемкости производства, которое приводит к существенному преобладанию доли знаний, имплементированных в готовый продукт, над долей материальных затрат. Означает ли это вытеснение материального производства «производством знаний»? Нет, т.к. знания играют ключевую роль в разработке новых технологий и они не могут заменить собой материальные продукты. Новые знания в производстве ценны лишь потому, что они могут быть воплощены в материальных технологических процессах и новых материальных продуктах, без которых невозможно развитие сферы услуг. Поэтому производство на новой ступени развития, будучи в высокой степени знаниеинтенсивным, остается материальным. Более того, оно остается индустриальным. Несмотря на снижение удельного веса промышленности, она по-прежнему играет роль производственно-технологического ядра для всех

⁵ *Frank M., Roehrig P., Pring B.* What to do when machines do everything: How to get ahead in a world of AI, algorithms, bots, and big data. Hoboken: Wiley, 2017. 256 p.

остальных секторов экономики⁶. Этот вывод подтверждается эмпирическими данными о роли индустрии в экономике США и Европейского Союза⁷.

Какие бы шаги в росте эффективности удовлетворения потребностей ни позволяло бы нам сделать технологическое развитие, ключевую роль играет характер наших потребностей, определяющий их как с количественной, так и с качественной стороны. Никакая эффективность не даст позитивных результатов, если она подчинена безудержной погоне за наращиванием объемов потребления. В современной экономике ориентация потребления на безграничное увеличение его объемов усугубляется тенденцией к наращиванию иллюзорных, фальшивых, нерациональных потребностей. Эта тенденция получила в общественных науках теоретическое отражение в работах Жана Бодрийяра и Фредерика Джеймисона⁸.

Согласно концепции Ж. Бодрийяра значительная часть потребления в современном капитализме формируется не реальными полезными вещами (потребительскими стоимостями), а лишь знаками удовлетворения мнимых потребностей (симулякрами). Действительно, многие потребности формируются искусственно: под влиянием идеологической обработки потребителей по самым различным каналам им навязываются излишние или даже приносящие вред предметы потребления, а многим полезным вещам приписываются дополнительные свойства, симулирующие удовлетворение потребностей. Тем самым конструируется гиперреальность,

⁶ *Bodrunov S.* Noonomy as the material basis for a prospective humanitarian model of public order // Sustainability. 2021. Vol. 13. № 3. <https://doi.org/10.3390/su13031454>.

⁷ Debunking the post-industrial myth. URL: <https://www.industryweek.com/the-economy/public-policy/article/22007271/debunking-the-postindustrial-myth> (дата обращения: 13.09.2021).; Building a strong and modern European industry. URL: https://www.business europe.eu/sites/buseur/files/media/reports_and_studies/building_a_strong_and_modern_european_industry_-_compressed_for_web_and_sending.pdf (дата обращения: 13.09.2021).

⁸ *Baudrillard J.* Pour une critique de l'économie politique du signe. Paris: Gallimard, 1972. 268 p.; *Baudrillard J.* Simulacres et simulation. Paris: Galilee, 1981. 115 p.; *Jameson F.* Postmodernism or the cultural logic of late capitalism. Durham: Duke University Press, 1991. 438 p.

симулирующая реальное содержание⁹. Симулятивные потребности раздуваются ради стремления расширить рынки сбыта за счет производства симулякров. Однако на производство этих симулякров расходуются реальные ресурсы, а потребитель отдает за них часть своего дохода. Более того, фальшивая гиперреальность искажает весь образ жизни и представления о реальном мире, формируя мир, в котором высшей ценностью становится погоня за символическим сверхпотреблением¹⁰.

Результаты и их обсуждение

Последовательное осуществление всех обрисованных выше тенденций, заложенных в новейших технологиях, меняет не только производственную базу, но и весь образ жизни общества. Можно прогнозировать начинающийся переход общества на новую ступень развития, которую, следуя традиции Дж.К. Гэлбрейта, мы называем новым индустриальным обществом. Точнее, в отличие от его «New Industrial State», новым индустриальным обществом второго поколения (НИО.2)¹¹.

Переход на ступень НИО.2 открывает новые возможности развития экономики и удовлетворения потребностей людей. Речь идет не только о росте удовлетворения потребностей вместе с ростом производительности. Гибридные технологии, основанные на синергии различных технологий пятого и шестого технологических укладов (опираясь на внедряемые в любые технологии информационные и телекоммуникационные технологии), создают изделия и услуги, позволяющие одновременно удовлетворить целый ряд потребностей и значительно снизить материалоемкость производства.

⁹ Huang Y. The construction of hyper-reality of advertisement in consumption culture // Journal of Asian Research. 2019. Vol. 3. № 2. P. 190–205. <https://doi.org/10.22158/jar.v3n2p190>.

¹⁰ Antony S., Trambo I.A. Hyperreality in media and literature: An overview of Jean Baudrillard's Simulacra and Simulation // European Journal of Molecular and Clinical Medicine. 2020. Vol. 07. № 10. P. 3314-3318.

¹¹ Galbraith J.K. The new industrial state. Boston: Houghton Mifflin, 1967. 443 p.; Бодрунов С.Д. Новое индустриальное общество: структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты // Экономическое возрождение России. 2015. Т. 46. № 4. С. 9-23.

В то же время современная экономика создает новые материальные возможности для развития человеческой личности. Благодаря информационно-коммуникационным технологиям становятся более доступными блага образования и культуры. В производстве растет потребность в квалифицированном труде, требующем высококачественного образования и профессиональной подготовки. Высокая степень удовлетворения основных базовых потребностей создает предпосылки для развития потребностей более высокого порядка. Однако несет ли высокий уровень насыщения потребностей однозначный прогресс, а формирование новых технологических возможностей удовлетворения потребностей – снятие проблемы потребления? Это не только не означает автоматическое решение наших проблем, но и несет в себе потенциальную возможность их усугубления.

Современное экономическое и технологическое развитие характеризуются возрастанием разрушающего давления на природную среду. Об этом говорится не одно десятилетие. Из недавних исследований на эту тему можно назвать работы Уильяма Конноли¹². Не менее опасным является и увеличение вмешательства в природу человека. Такое вмешательство выступает как побочный продукт нашего потребления: состава той пищи, которую мы поглощаем, того воздуха, которым мы дышим, тех вещей, которые мы носим, воздействия тех устройств, которые нас окружают и которыми мы пользуемся. Можно упомянуть резко возросшую информационную нагрузку на человека. Весь образ жизни современного человека – на работе, дома и на отдыхе – пронизан самыми разнообразными воздействиями подобного рода, вплоть до несовпадения ритма нашей жизни с нашими биологическими ритмами.

Современная стадия развития человеческой цивилизации характеризуется ростом угроз, связанных с прямым и целенаправленным вмешательством в природу человека: касается ли это

¹² *Connolly W. Facing the planetary: Entangled humanism and the politics of swarming. Durham, London: Duke University Press, 2017. 232 p.; Connolly W. Climate machines, fascist drives, and truth. Durham: Duke University Press, 2019. 136 p.*

экспериментов по модификации генома человека или перспектив биопротезирования, или использования электронных имплантов, или развития многообразных способов манипулирования нашим сознанием и психикой¹³.

В результате возрастающей нагрузки на природное равновесие человечество приближается к точке бифуркации, к переломному моменту¹⁴. От принимаемых решений будет зависеть, откроется ли «окно возможностей» для дальнейшего развития или человечеству придется бороться за выживание перед лицом наступающих катастрофических последствий прежней траектории развития.

Что касается тех технологических возможностей, на которые опираются подобного рода угрозы, то они сами по себе не могут характеризоваться отрицательно. Они могут использоваться для достижения благих целей: продления жизни, укрепления здоровья, расширения возможностей получения знаний, смягчения социальных конфликтов и т.д. Эти технологии расширяют также круг наших потребностей и возможности их удовлетворения.

В этом пункте мы сталкиваемся с наиболее существенным противоречием: повышение уровня удовлетворения потребностей чревато таким ростом поглощаемых ресурсов и производимых отходов (а также побочных эффектов), что это может разрушить среду нашего обитания. Даже использование

¹³ *Morris J.* Simulacra in the age of social media: Baudrillard as the prophet of fake news // *Journal of Communication Inquiry*. 2021. Vol. 45. № 4. P. 319-336. <https://doi.org/10.1177/0196859920977154>; *Susser D., Roessler B., Nissenbaum H.* Technology, autonomy, and manipulation // *Internet Policy Review*. 2019. Vol. 8. № 2. <https://doi.org/10.14763/2019.2.1410>; *Reisach U.* The responsibility of social media in times of societal and political manipulation // *European Journal of Operational Research*. 2021. Vol. 291. № 3. P. 906-917. <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2020.09.020>; *Broudy D., Arakaki M.* Who wants to be a slave? The technocratic convergence of humans and data // *Frontiers in Communication*. 2020. Vol. 5. № 37. <https://doi.org/10.3389/fcomm.2020.00037>.

¹⁴ *Korotayev A., LePoire D.J.* The 21st century singularity and global futures: A big history perspective. Cham: Springer, 2020. 620 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-33730-8>.

цифровых технологий и искусственного интеллекта может вести к возрастанию нагрузки на окружающую среду из-за роста энергопотребления¹⁵. Таким образом, новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2), поднимая общество на новую ступень удовлетворения потребностей и создавая новые возможности для развития человеческой личности, расширяя круг наших знаний, не создает гарантий разумного использования этих возможностей на пользу, а не во вред человеку. Если сохраняется та система экономических отношений, которая признает рациональным рост объемов сбыта чего угодно, лишь бы это приносило прибыль и вело к росту ВВП (даже если речь идет о симулятивных потребностях и производстве симулякров), то никакой технический прогресс не спасет нас от бездумной растраты ресурсов.

Решение проблемы лежит в русле тех общественных отношений, в рамках которых функционирует эта новая ступень развития производства. Очевидно, что справиться с противоречиями развития, с нарастанием угроз и очевидных кризисных явлений может только смена общественных условий производства, а вместе с этим критериев, целей и мотивов производственной деятельности, характера формирования наших потребностей.

Для этого нужны не частные поправки и подвижки в сложившейся системе критериев производственной деятельности, а постепенное движение в сторону отказа от ориентации на экономические критерии деятельности. В свое время именно развитие экономической рациональности, постановка производства и потребления на основе сопоставления экономических выгод и убытков служили мощнейшим двигателем прогресса. Экономическая рациональность позволила создать мощные и постоянно совершенствующиеся производительные силы, расширить как круг потребностей человека, так и воз-

¹⁵ *Strubell E., Ganesh A., McCallum A.* Energy and policy considerations for deep learning in NLP // Proceedings of the 57th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. Florence. 2019. P. 3645-3650.; *Spelda P., Stritecky V.* The future of human-artificial intelligence nexus and its environmental costs // Futures. 2020. Vol. 117. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2020.102531>.

возможности их удовлетворения. Она воспитала, с одной стороны, дух предприимчивости, с другой – привычку к упорному дисциплинированному труду.

Однако наступает момент, когда человеческая цивилизация начинает платить за эти достижения экономического общества слишком высокую цену. Созданные экономическим обществом силы используются экономически рационально. Но оказывается, что это не всегда разумно с точки зрения их влияния на судьбу человеческой цивилизации. Экономически рациональное поведение опирается на разум, на познание действительности, но только с одной ее стороны – со стороны счета выгод и убытков. Экономическая рациональность не охватывает разумными суждениями действительность во всей ее полноте и со стороны всего комплекса проблем и противоречий ее развития, в том числе создаваемыми экономически рациональными действиями.

Мы оставляем в стороне теоретическую ограниченность концепции рационального и максимизирующего индивидуальную полезность индивида. Давно ясно, что реальные люди, в том числе в своих экономических отношениях, не ходячие калькуляторы, непрерывно подсчитывающие соотношение выгод и убытков, и что индивидуальная полезность практически всегда выступает не единственным фактором принятия экономических решений¹⁶. Поэтому неоклассическая концепция экономической рациональности подвергалась критике с позиций концептуальных оснований политической экономии¹⁷. Она подвергалась также критике с философских позиций, отвергающих продуктивность методологии позитивизма, на которой основана данная концепция¹⁸. Критика велась также и с методологических, эмпириче-

¹⁶ *Conlisk J.* Why bounded rationality? // *Journal of Economic Literature*. 1996. Vol. 34. № 2. P. 669-700.

¹⁷ *Heilbroner R.* Behind the veil of economics: Essays in the worldly philosophy. New York: W.W. Norton, 1988. 207 p.; *Foley D.K.* Rationality and ideology in economics. *Social Research*. 2004. Vol. 71. № 2. P. 329-342.

¹⁸ *Hollis M., Nell E.J.* Rational economic man: A philosophical critique of neo-classical economics. London, New York: Cambridge University Press, 1975. 279 p.

ских, социологических и психологических позиций¹⁹. Теории ограниченной рациональности и постулаты поведенческой экономики, составляющие часть этой критики, инкорпорированы в современную неоклассическую теорию, которая сделала некоторые уступки реальности.

Несмотря на всю эту критику, экономическая рациональность представляет собой существенный факт современной экономической системы, пусть и характеризующий эту систему упрощенно и односторонне. Погоня за частным интересом, стремление к наиболее благоприятному соотношению выгод и убытков были и остаются ведущими факторами экономического поведения.

Такая рациональность в качестве критериальной базы решений о производстве и потреблении должна быть заменена критериями, способными более полно учесть последствия принимаемых решений: технологические, экологические, социальные и т.д. Можно говорить о замене узких критериев экономической рациональности более широкими и универсальными критериями разума. Таким образом, разумные цели производства и разумные потребности, исходящие из всей полноты знаний о действительности, должны занять место главных критериев принятия решений в сфере производства. Место экономики должна занять ноономика – неэкономический способ производства и удовлетворения потребностей человека²⁰.

Как определить те критерии разумности, которые должны заменить узкую экономическую рациональность? Эти критерии

¹⁹ *Schram S.F., Caterino B.* Making political science matter: Debating knowledge, research, and method. New York, London: New York University Press, 2006. 304 p.; *Green D.P., Fox J.* Rational choice theory // The SAGE handbook of social science methodology / editors W. Outhwaite, S.P. Turner. London: Sage, 2007. P. 269-282.; *Bourdieu P.* The social structures of the economy. Malden: Polity, 2005. 180 p.; *McKinnon A.M.* Ideology and the market metaphor in rational choice theory of religion: A rhetorical critique of “religious economies” // *Critical Sociology*. 2013. Vol. 39. № 4. P. 529-543. <https://doi.org/10.1177/0896920511415431>.; *Rubin P.H., Capra C.M.* The evolutionary psychology of economics // *Applied evolutionary psychology* / editor S.C. Roberts. New York: Oxford University Press, 2011. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199586073.003.0002>.

²⁰ *Бодрунов С.Д.* Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.

определяются (не только будут, но отчасти определяются уже и сейчас) богатством человеческой культуры. Само изменение системы потребностей и целевых установок производственной деятельности – от наращивания объемов потребления к развертыванию потенциала человеческой личности – определяет и критерии достижения этих целей. Поскольку личность формируется суммой освоенных культурных достижений человечества, то на основе этих достижений формируются и критерии разумности человеческих потребностей в развитии личности. Как отмечается в книге «Ноономика», необходимо «соединение технологической мощи с силой знания, с человеческим разумом, воплощенным в традициях человеческой культуры»²¹.

Одного лишь желания изменить социальные установки в данном направлении недостаточно. Чем создается не только необходимость, но и возможность перехода от экономики к ноономике?

Во-первых, возможность создается теми технологическими достижениями, которые разворачиваются на стадии НИО.2 и обеспечивают, по мере существенного роста знаниеинтенсивности производства, значительное возрастание роли знаний и людей, владеющих знаниями. Тем самым на первый план в качестве ведущего фактора развития производство выходит творческая деятельность человека. Переход человека к творческой деятельности создается также ростом производительности труда, ведущим к росту свободного времени, и вытеснением человека из непосредственного процесса производства. Это перемещает его в сферу целеполагания, управления, исследований и разработок и т. д.

Во-вторых, на стадии НИО.2 создается такой потенциал удовлетворения жизненных потребностей человека, который может обеспечить достаточный уровень насыщения жизненными благами. Это открывает путь для переориентации потребностей с обеспечения материальных условий жизни человека к развитию личности самого человека. Вопреки концепции Абрахама Маслоу и большинства его критиков, смена преобладающих потребностей не может быть объяснена только изнутри самой системы

²¹ Там же.

потребностей и мотивов человеческого поведения через выстраивание той или иной схемы их взаимодействия²².

Эмпирические исследования показывают, что реальная иерархия потребностей выстраивается несколько иначе, нежели полагал Маслоу²³. Теория Клейтона Альдерфера пытается разрешить видимые противоречия концепции Маслоу с действительностью через усложнение картины взаимодействия иерархически расположенных уровней потребностей²⁴. Некоторые критики видят решение проблемы взаимоотношения потребностей в пересмотре этических оснований концепции Маслоу (которые он сам расценивал как «гуманистическую психологию»), заменив их «интегральным гуманизмом»²⁵. Другие считают необходимым предложить собственную, более реалистичную конструкцию видов и структуры потребностей²⁶. Взгляды Маслоу подвергаются ревизии и пересмотру с позиций соответствия его взглядов на человеческие потребности и мотивы поведения Священному Писанию²⁷.

Несколько ближе к пониманию проблемы подошли те исследователи, которые восприняли концепцию Амартия Сена «*sarability approach*» (подход с позиции способностей). Хотя этот подход применяется не для оценки соотношения и взаимодейст-

²² *Maslow A.H.* Motivation and personality. New York: Harper and Brothers, 1954. 411 p.

²³ The 3 things employees really want: career, community, cause. URL: <https://hbr.org/2018/02/people-want-3-things-from-work-but-most-companies-are-built-around-only-one> (дата обращения: 13.09.2021).

²⁴ *Alderfer C.P.* An empirical test of a new theory of human needs // *Organizational Behaviour and Human Performance*. 1969. Vol. 4. № 2. P. 142-175. [https://doi.org/10.1016/0030-5073\(69\)90004-X](https://doi.org/10.1016/0030-5073(69)90004-X).

²⁵ *Acevedo A.* A personalistic appraisal of Maslow's needs theory of motivation: From "humanistic" psychology to integral humanism // *Journal of Business Ethics*. 2018. Vol. 148. № 4. P. 741–763. <https://doi.org/10.1007/s10551-015-2970-0>.

²⁶ *Desmet P., Fokkinga S.* Beyond Maslow's pyramid: Introducing a typology of thirteen fundamental needs for human-centered design // *Multimodal Technologies and Interaction*. 2020. Vol. 4. № 3. <https://doi.org/10.3390/mti4030038>.

²⁷ *McCleskey J.A., Ruddell L.* Taking a step back – Maslow's theory of motivation: A Christian critical perspective // *Journal of Biblical Integration in Business*. 2020. Vol. 23. № 1. P. 6-16.

вия потребностей, а для оценки уровня жизни, он затрагивает вопрос того, что удовлетворение потребностей человека зависит не только от объема потребляемых жизненных благ, но и от его способности к развитию и от совокупности условий, позволяющих эти способности реализовать. Как подчеркивает Амартия Сен: «Эти переменные, не относящиеся к доходу, указывают на возможности, которые у человека есть все основания ценить и которые не связаны строго с экономическим процветанием» («These non-income variables point to opportunities that a person has excellent reason to value and that are not strictly linked with economic prosperity» – перевод наш)²⁸. Далее был сделан вывод о том, что потребляемые блага важны не только сами по себе, но и как условия для более или менее успешного развития человека²⁹. Но следующий шаг – установить связь не только между реализацией способностей человека и уровнем потребления, но и между развитием процесса реализации способностей и изменением характера самих потребностей, – сделан не был.

Смена преобладающих мотивов действий человека и его потребностей не может быть объяснена только на основе того или иного подхода к последовательности насыщения потребностей или взаимодействия между ними с высоким и низким уровнем насыщения. Это касается и перехода к преобладанию мотивов и потребностей саморазвития и самореализации человека. В действительности такой переход становится возможным не в силу самого насыщения жизненных потребностей, которое выступает как необходимая предпосылка, позволяющая человеку освободиться от каждодневной борьбы за «хлеб насущный». Главной движущей силой изменения структуры и иерархии потребностей выступают не характеристики потребления, а характеристики производственной деятельности человека и существенное обогащение ее творческими функциями. Именно развитие этих функций и выдвигает потребность в развертывании потенциала человеческой личности на первый план.

²⁸ Sen A. *Development as freedom*. New York: Alfred A. Knopf, 1999. 380 p.

²⁹ Levine D.P., Abu Turab Rizvi S. *Poverty, work, and freedom: Political economy and the moral order*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 172 p.

Ноономика, ориентируя производство на удовлетворение потребностей в развитии личности, выступает не только как новый способ организации производства, но и как основа нового уклада развития человеческого общества или ноо-общества.

Противоречия общественного развития, которые создают импульс движения к ноономике, не обеспечивают автоматического движения по данному пути их разрешения. Хочется верить, что человечество пробьет себе дорогу к лучшему будущему. Но в таком случае этот путь может быть сопряжен с зигзагами, блужданиями, тупиками и поисками выхода из них. Поэтому в движении к ноономике следует опереться на те возможности и предпосылки ее формирования, которые складываются уже сейчас. Важнейшая из этих предпосылок – возможность сознательного и целенаправленного совершенствования общественных отношений. Иначе говоря, движение к НИО.2 и через него к ноономике должно осуществляться как сознательно рассчитанный долгосрочный стратегический проект, реализуемый поэтапно.

К настоящему времени наиболее полно разработанной концепцией формирования и реализации таких проектов является концепция стратегирования академика В.Л. Квинта³⁰.

Для реализации движения к ноономике как стратегического проекта важно понимать, что в данном случае целевой установкой стратегии выступает не ноономика как таковая. Стратегия опирается на определенные интересы и ключевые ценностные ориентиры общества. Каковы же эти ориентиры?

Любая стратегия развития ставит своей целью улучшение качества жизни человека и общества. Сложность решения этой задачи состоит в том, что необходимо определить реализация каких конкретных интересов и ценностей на данном этапе приведет к росту качества жизни. Именно они составляют основу формулирования стратегических приоритетов. Но даже этого недостаточно. Необходимо выявить для реализации каких приоритетов мы можем обеспечить формирование преимуществ, позволяющих дос-

³⁰ *Квинт В.Л.* Концепция стратегирования. Т. 1. СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2019. 132 с.; *Квинт В.Л.* Концепция стратегирования. Т. 2. СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2020. 162 с.

тичь значимого прогресса, а не растрчивать ресурсы в стремлении к заманчивым, но утопичным на данном этапе целям³¹.

Качество жизни выступает не только как некий общий, но и абстрактный ориентир, не раскрывающий во всей полноте ни конкретных приоритетов стратегии, ни тех преимуществ, которые можно использовать для их обеспечения. Определение качества жизни будет весьма различаться для разных общественных условий и уровней экономического развития. Как будут различаться и средства достижения этого целевого ориентира.

Изучение современных объективных тенденций, позволяющих сделать вывод об эволюции общества по направлению к ноономике, дает представление о значимых интересах и ценностях, а также о преимуществах, на которые мы можем опереться в достижении поставленных целей. Соответствующие приоритеты должны быть также уточнены применительно к национальным особенностям объекта стратегирования. Для России, например, речь идет о необходимости реиндустриализации как необходимого этапа для обеспечения любых последующих стратегических сдвигов.

Стратегия движения к ноономике, имеющая крайне далекий горизонт реализации, предполагает достижение определенных промежуточных рубежей, к каждому из которых будет вести определенный стратегический проект. Реализация первого стратегического проекта всегда требует смены стратегии и разработки нового проекта, ведущего к следующему стратегическому рубежу. Как отмечает В.Л. Квинт, «даже самые успешные стратегии достигают этапа, на котором в связи с изменением условий или потребностей должен начинаться переход к новой стратегии»³². Можно предварительно определить, что для нашей страны первым таким рубежом будет выступать реиндустриализация, затем – формирование НИО.2, а в последующем – движение непосредственно к ноономике.

Для каждого из этих рубежей нужно иметь конкретную формулировку тех интересов и приоритетов, как и тех стратеги-

³¹ Квинт В.Л. К анализу формирования стратегии как науки // Вестник ЦЭМИ. 2018. № 1. <https://doi.org/10.33276/S0000121-6-1>.

³² Квинт В.Л. Концепция стратегирования. Т. 1. СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2019. 132 с.

ческих преимуществ, которые в совокупности будут определять концепцию стратегирования для каждого этапа развития.

Концепция ноономики позволяет однозначно утверждать, что, независимо от специфики каждого из этапов, их цели и приоритеты необходимо формулировать с учетом необходимости обеспечить условия для развития человеческой личности. В то же время следует считаться с тем, что пока мы находимся еще в экономическом обществе и не можем немедленно отказаться от экономических критериев рациональности. Это накладывает отпечаток на интересы и приоритеты нашего общества. Ставя задачу ограничения безудержного стремления к наращиванию объема потребления, мы не можем не считаться с тем, что рост потребления необходим в силу того, что для части членов общества еще в недостаточной мере обеспечены их базовые жизненные потребности. Одновременно с решением этой задачи должны формироваться материальные и духовные предпосылки для того, чтобы расширить возможности творческой деятельности, освоения богатства культуры и формируемых на этой основе сдвигов в сторону разумных критериев потребления³³.

Что касается тех преимуществ, на которые может опираться стратегия движения к ноономике, то они должны конкретизироваться применительно к каждому этапу этого движения. Потенциальные преимущества для осуществления реиндустриализации заключаются в возможности сочетания потока доходов от топливносырьевого экспорта с имеющимися возможностями в области фундаментальных научных исследований, сохранившимися инженерными и проектно-конструкторскими школами, а также промышленной базой в ряде высокотехнологичных отраслей. Для перехода на ступень НИО.2 потребуется добавить к этим преимуществам значительное расширение воспроизводства человеческого потенциала. При переходе от этапа к этапу должно расширяться использование тех преимуществ, которые несут с собой раскрытие потенциала человеческой личности и воспитание «человека культурного». В этом видится не только один из важнейших приоритетов развития, но и фактор, дающий существенные преимущества в этом развитии.

³³ *Квинт В.Л., Бодрунов С.Д.* Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021. 351 с.

Тем не менее на промежуточных рубежах чисто экономические критерии деятельности будут играть существенную роль, а человек еще не полностью утратит свойства «человека экономического». Лишь с закреплением на стадии НИО.2 появятся условия для постепенного сокращения роли тех экономических форм и отношений, которые опосредуют и регулируют производственную деятельность человека. За счет использования «технологий доверия» будет сжиматься сфера экономического посредничества, а массовое вытеснение человека из непосредственного производства приведет к снятию с общественных отношений оболочки производственных отношений. Только на такой основе можно будет отойти от экономической рациональности и перейти к рациональности, основанной на критериях разума и культуры.

Концепция ноономики ориентирует стратегию на разработку принципиально новых технологий, являющихся результатом прорывных научных исследований и опирающихся на использование высокоразвитого человеческого интеллекта. Именно такие технологии будут обеспечивать снижение ресурсоемкости производства и перемещение людей из непосредственного процесса производства в сферы творческой деятельности.

Такого рода прорывные исследования и созданные на их основе технологии имеют для стратегирования важнейшее значение. Их разработка и применение могут позволить достигать сформулированных выше стратегических целей на каждом этапе реализации стратегии, направленной на повышение качества жизни во всех его аспектах. Поэтому важна система поиска и трансфера инновационных разработок, позволяющая обнаружить и использовать их для обеспечения приоритетов стратегии³⁴.

Разработка стратегии должна не просто улавливать современные тенденции развития, чтобы опереться на них. Она должна прогнозировать, определять потенциальное влияние и включать в процесс стратегирования такие тренды, которые еще не проявили себя или еще не сформировались. Академик В.Л. Квинт подчеркивает: «Наиболее инновационные и потенциально успешные страте-

³⁴ Квинт В.Л., Хворостяная А.С., Сасаев Н.И. Авангардные технологии в процессе стратегирования // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 11. С. 1170-1179. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-11-1170-1179>.

гии основаны на анализе малоизвестных или еще не осознанных к началу реализации стратегии трендов и закономерностей»³⁵

Выводы

Исследование современных тенденций технологического и социально-экономического развития позволяет констатировать как рост возможностей для удовлетворения потребностей человека и развития человеческой личности, так и рост рисков и угроз. Возрастает нагрузка на окружающую природную среду, растут риски неконтролируемого развития техносферы, становятся реальностью опасения бездумного или злонамеренного вмешательства в природу самого человека. Рост возможностей удовлетворения потребностей направлен на формирование иллюзорных потребностей и стимуляции их удовлетворения.

Эти проблемы поддаются решению на основе развития познания человеком окружающего мира и применения полученных знаний в технологических процессах. Технологии становятся менее ресурсоемкими, а роль знания, имплементированного в технологиях и их продуктах, перевешивает их материальную часть. На этой основе человечество вплотную подходит к новой ступени своего развития – новому индустриальному обществу второго поколения (НИО.2).

Однако сохранение нынешней ориентации на узкие критерии экономической рациональности, когда рациональным является все то, что приносит экономические выгоды, не позволяет отказаться от безудержного поглощения природных ресурсов, сопровождаемого загрязнением природной среды, климатическими сдвигами, утратой биоразнообразия и прямым разрушением необходимых для существования человека природных объектов.

Разрешением этого противоречия выступает изменение общественного устройства производства и изменение критериев формирования целей производства и человеческих потребностей. Основой для этого является возрастание знаниеинтенсивности производства и постепенное вытеснение людей из непосредственного процесса производства в сферы творческой деятельности. Место глав-

³⁵ *Квинт В.Л.* Разработка стратегии: мониторинг и прогнозирование внутренней и внешней среды // *Управленческое консультирование.* 2015. Т. 79. № 7. С. 6-11.

ной цели производства занимает не объем потребления, а развертывание творческого потенциала личности человека. Место экономики занимает ноономика – неэкономический способ удовлетворения потребностей на основе критериев разума и культуры.

Чтобы избежать конфликтов и зигзагов на этом пути, нужно придать движению к ноономике управляемый характер. Необходима разработка долгосрочной стратегии поэтапного движения от рубежа к рубежу: через реиндустриализацию к НИО.2, а затем к ноономике. Наилучшей теоретической и методологической основой разработки такого долгосрочного стратегического проекта является теория стратегирования академика В.Л. Квинта.

Применительно к национальным целям развития можно сказать, что повышение качества жизни и движение к обществу, которое способно создать достойные человека условия жизни и деятельности, является той миссией, которая должна лежать в основе стратегии национального развития. С позиций ноономики качество жизни включает в себя не только рациональный (по разумным критериям) уровень потребления, но и условия развития человеческой личности и возвышения ее культуры в процессе творческой деятельности. На такой основе станет возможным и снятие рисков, связанных с нарушением воспроизводства природной среды.

Задача реализовать эту миссию может рассматриваться как главное послание, которое стратегия движения к ноономике обращает к нашей стране и ко всему человечеству.

Литература

1. *Бодрунов С.Д.* Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты // Экономическое возрождение России. 2016. Т. 48. № 2. С. 5-14.

2. *Бодрунов С.Д.* Новое индустриальное общество: структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты // Экономическое возрождение России. 2015. Т. 46. № 4. С. 9-23.

3. *Бодрунов С.Д.* Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.

4. *Квинт В.Л.* К анализу формирования стратегии как науки // Вестник ЦЭМИ. 2018. № 1. <https://doi.org/10.33276/S0000121-6-1>.

5. *Квинт В.Л.* Концепция стратегирования. Т. 1. СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2019. 132 с.

6. *Квинт В.Л.* Концепция стратегирования. Т. 2. СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2020. 162 с.

7. *Квинт В.Л.* Разработка стратегии: мониторинг и прогнозирование внутренней и внешней среды // Управленческое консультирование. 2015. Т. 79. № 7. С. 6-11.

8. *Квинт В.Л., Бодрунов С.Д.* Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2021. 351 с.

9. *Квинт В.Л., Хворостяная А.С., Сасаев Н.И.* Авангардные технологии в процессе стратегирования // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 11. С. 1170-1179. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-11-1170-1179>.

10. *Acevedo A.* A personalistic appraisal of Maslow's needs theory of motivation: From "humanistic" psychology to integral humanism // Journal of Business Ethics. 2018. Vol. 148. № 4. P. 741–763. <https://doi.org/10.1007/s10551-015-2970-0>.

11. *Alderfer C.P.* An empirical test of a new theory of human needs // Organizational Behaviour and Human Performance. 1969. Vol. 4. № 2. P. 142-175. [https://doi.org/10.1016/0030-5073\(69\)90004-X](https://doi.org/10.1016/0030-5073(69)90004-X).

12. *Antony S., Tramboo I.A.* Hyperreality in media and literature: An overview of Jean Baudrillard's Simulacra and Simulation // European Journal of Molecular and Clinical Medicine. 2020. Vol. 07. № 10. P. 3314-3318.

13. *Baudrillard J.* Pour une critique di l'economie politique du signe. Paris: Gallimard, 1972. 268 p.

14. *Baudrillard J.* Simulacres et simulation. Paris: Galilee, 1981. 115 p.

15. *Bodrunov S.* Noonomy as the material basis for a prospective humanitarian model of public order // Sustainability. 2021. Vol. 13. № 3. <https://doi.org/10.3390/su13031454>.

16. *Bourdieu P.* The social structures of the economy. Malden: Polity, 2005. 180 p.

17. *Broudy D., Arakaki M.* Who wants to be a slave? The technocratic convergence of humans and data // Frontiers in Communication. 2020. Vol. 5. № 37. <https://doi.org/10.3389/fcomm.2020.00037>.

18. *Conlisk J.* Why bounded rationality? // *Journal of Economic Literature*. 1996. Vol. 34. № 2. P. 669-700.

19. *Connolly W.* *Climate machines, fascist drives, and truth*. Durham: Duke University Press, 2019. 136 p.

20. *Connolly W.* *Facing the planetary: Entangled humanism and the politics of swarming*. Durham, London: Duke University Press, 2017. 232 p.

21. *Desmet P., Fokkinga S.* Beyond Maslow's pyramid: Introducing a typology of thirteen fundamental needs for human-centered design // *Multimodal Technologies and Interaction*. 2020. Vol. 4. № 3. <https://doi.org/10.3390/mti4030038>.

22. *Foley D.K.* Rationality and ideology in economics. *Social Research*. 2004. Vol. 71. № 2. P. 329-342.

23. *Frank M., Roehrig P., Pring B.* *What to do when machines do everything: How to get ahead in a world of AI, algorithms, bots, and big data*. Hoboken: Wiley, 2017. 256 p.

24. *Galbraith J.K.* *The new industrial state*. Boston: Houghton Mifflin, 1967. 443 p.

25. *Green D.P., Fox J.* Rational choice theory // *The SAGE handbook of social science methodology* / editors W. Outhwaite, S. P. Turner. London: Sage, 2007. P. 269-282.

26. *Heilbroner R.* *Behind the veil of economics: Essays in the worldly philosophy*. New York: W. W. Norton, 1988. 207 p.

27. *Hollis M., Nell E.J.* *Rational economic man: A philosophical critique of neo-classical economics*. London, New York: Cambridge University Press, 1975. 279 p.

28. *Huang Y.* The construction of hyper-reality of advertisement in consumption culture // *Journal of Asian Research*. 2019. Vol. 3. № 2. P. 190–205. <https://doi.org/10.22158/jar.v3n2p190>.

29. *Jameson F.* *Postmodernism or the cultural logic of late capitalism*. Durham: Duke University Press, 1991. 438 p.

30. *Korotayev A., LePoire D.J.* *The 21st century singularity and global futures: A big history perspective*. Cham: Springer, 2020. 620 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-33730-8>.

31. *Levine D.P., Abu Turab Rizvi S.* *Poverty, work, and freedom: Political economy and the moral order*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 172 p.

32. *Maslow A.H.* Motivation and personality. New York: Harper and Brothers, 1954. 411 p.

33. *McCleskey J.A., Ruddell L.* Taking a step back – Maslow’s theory of motivation: A Christian critical perspective // *Journal of Biblical Integration in Business*. 2020. Vol. 23. № 1. P. 6-16.

34. *McKinnon A.M.* Ideology and the market metaphor in rational choice theory of religion: A rhetorical critique of “religious economies” // *Critical Sociology*. 2013. Vol. 39. № 4. P. 529-543. <https://doi.org/10.1177/0896920511415431>.

35. *Morris J.* Simulacra in the age of social media: Baudrillard as the prophet of fake news // *Journal of Communication Inquiry*. 2021. Vol. 45. № 4. P. 319-336. <https://doi.org/10.1177/0196859920977154>.

36. *Reisach U.* The responsibility of social media in times of societal and political manipulation // *European Journal of Operational Research*. 2021. Vol. 291. № 3. P. 906-917. <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2020.09.020>.

37. *Rubin P.H., Capra C.M.* The evolutionary psychology of economics // *Applied evolutionary psychology* / editor S. C. Roberts. New York: Oxford University Press, 2011. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199586073.003.0002>.

38. *Schram S. F., Caterino B.* Making political science matter: Debating knowledge, research, and method. New York, London: New York University Press, 2006. 304 p.

39. *Sen A.* Development as freedom. New York: Alfred A. Knopf, 1999. 380 p.

40. *Spelda P., Stritecky V.* The future of human-artificial intelligence nexus and its environmental costs // *Futures*. 2020. Vol. 117. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2020.102531>.

41. *Strubell E., Ganesh A., McCallum A.* Energy and policy considerations for deep learning in NLP // *Proceedings of the 57th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. Florence. 2019. P. 3645-3650.

42. *Susser D., Roessler B., Nissenbaum H.* Technology, autonomy, and manipulation // *Internet Policy Review*. 2019. Vol. 8. № 2. <https://doi.org/10.14763/2019.2.1410>.

43. *The limits to growth: A report for the Club of Rome's project on the predicament of mankind* / D. H. Meadows [et al.]. New York: Universe Books, 1972. 211 p.

Часть 4.

**НИО.2: что дальше?
(материалы коллоквиумов
ИНИР им. С.Ю. Витте)**

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С. Ю. Витте на тему
«Генезис ноономики. Качественные изменения в
общественном производстве в процессе продвижения
общества к ноономике – диффузия собственности
(критическое сопоставление позиций классической
политэкономии и неоклассических взглядов)». Стенограмма
(03.01.2021 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, эксперт РАН, д.э.н., профессор;

А.В. Бузгалин – руководитель Центра социэкономии кафедры политической экономии МГУ им. М. В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С. Ю. Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор.

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Я думаю, что главной темой данного коллоквиума может стать изменение ряда традиционных представлений как классической политической экономии, так и неоклассики в связи с началом качественных изменений в общественном производстве, его технологиях, факторах. Прежде всего речь может и должна идти о трансформациях содержания важнейших категорий экономической науки – собственности, стоимости – в условиях, когда главным ресурсом становится не ограниченный (материальный) ресурс, и результатом становится не производство ограниченных (материальных, в первую очередь) вещей, а использование неограниченных знаний.

Начнем, пожалуй, с проблемы собственности. Так, в тех случаях, когда мы говорим о диффузии собственности, возникает вопрос об основаниях этой трансформации. В чем они?

В своих предшествующих докладах и текстах я уже упоминал, что диффузия собственности связана со снижением значимости (мы именно такое слово употребляли) собственности как

института, обеспечивающего удовлетворение потребностей (помним, что потребность человека всегда удовлетворяется через некие общественные механизмы, институты).

В основе сегодняшнего экономического способа удовлетворения потребностей лежит собственность. Но этот (экономический) способ постепенно уходит в прошлое, и формируется социальное пространство, в котором человек получает одно, другое, третье и так далее, не опосредуясь отношениями собственности. В этом пространстве собственность имеет для него все меньшую значимость, ценность (обратим внимание на это понятие!) с точки зрения удовлетворения его потребностей.

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). Отмечу важный нюанс: Вы используете два понятия: и ценность, и значимость. Значимость – с точки зрения потребления, а ценность – с точки зрения сохраняющихся экономических отношений. Я правильно понимаю или нет?

СДБ. Совершенно верно. Значимость в экономике «оценивается» ценностью. В экономике, экономических отношениях. Но если представим себе удовлетворение потребности индивида в некоем, к примеру, предмете, без посредства экономики, мы можем говорить о значимости этого предмета для индивида. С точки зрения редуцирующихся экономических отношений, то есть существующих, но постепенно отмирающих, мы можем говорить о ценности с точки зрения социального контента вообще – о значимости.

В этом контексте уместно обратиться к господствующей в настоящее время неоклассической теории. В свое время маргиналисты говорили о том, что существует предельная полезность и, в отличие от классической политэкономии с ее трудовой теорией стоимости, рассматривали ценность исходя из теории предельной полезности. Чем больше происходит насыщение некоторыми предметами или объектами для удовлетворения этих самых потребностей, чем выше достигнутый уровень удовлетворения определенной потребности, тем ниже ценность объекта и, подчеркну, тем, вообще говоря, менее ценно всякое следующее приобретение (здесь мы уже входим в пространство отношений собственности) по сравнению с предыдущим. И это, в силу снижения значимости/ценности, влечет снижение стоимости объекта. При присвоении объекта (значимость/ценность которого опреде-

ляет его стоимость) он становится собственностью; она же, в свою очередь, становится (с ростом насыщения удовлетворяемой потребности) все менее значимой, вплоть до полной потери такой значимости. Диффундирует – можно посмотреть на это и так.

Я в данном случае склонен к достаточно критической оценке этого подхода по многим причинам (хотя бы, к примеру, по неуниверсальности его применения для описания реальности: не каждый конкретно следующий объект имеет меньшую значимость для удовлетворения потребности, иногда бывает равнозначная ситуация, а порой вообще может стать ровно наоборот), но это особенно критично, если мы переходим в пространство, где речь идет не об алмазах или глотке воды в пустыне, а о знаниях. Посмотрим хотя бы на такой пример, как насыщение потребности человека в некой книге. Формально рассуждая, все должно выглядеть просто: первая книга ему важна, вторая менее важна, пятая книга совсем уже не важна, и полезность ее едва ли не нулевая. Но при содержательном рассмотрении проблемы здесь встает вопрос: а о какой книге идет речь? О книге вообще? Пять книг купил, по цвету корешков подобрал, и потребность в книге удовлетворена? Очевидно, что вопрос в том, о какой книге идет речь. Если это не просто вторая, а некая другая книга? А если та же самая? У меня, например, есть молитвенник, которому 20 лет; я его вожу с собой везде, он уже поистрепался. Ценность второго точно такого же молитвенника, который я приобрел лет 10 назад, для меня существует, и она, эта ценность, не меньше, а может быть, и больше, чем первого. Почему? Да потому что, когда первый экземпляр истреплется окончательно, я буду пользоваться вторым молитвенником, и для меня важно, что он именно такой же.

В этом примере вторая (точно такая же) книга имеет не меньшую, а, наоборот, большую ценность, предельная полезность ее выше, чем у предыдущего объекта. Если же рассматривать совокупность разных по содержанию книг, то всякая новая книга для меня представляет определенную ценность, большую или меньшую, здесь говорить о том, какая книга полезнее, какая не полезнее, а где присутствуют, скажем, «противополезности», тоже сомнительное удовольствие.

Но даже если мы посмотрим на стандартный для маржиналистов пример с водой, то и здесь все будет непросто. Известное

физиологическое свойство человека – удовлетворять жажду, ведь без воды, как поется в старой песенке, «ни туды и ни сюды», человек – животное, которое потребляет воду. Но известно и другое, что жидкость, потребляемая человеком, влияет на состав его крови, и если в течение короткого времени принять большое количество жидкости, то состав крови меняется, а кровь меняется по компонентам, но туда входят, например, литий и другие микроэлементы, которые влияют на функции мозга и нервной системы. При выпивании в один присест определенного количества воды, примерно 6-8 литров (в зависимости от веса человека), кровь изменяется настолько, что человек умирает и спасти его уже невозможно. То есть здесь предельная полезность наступает при, скажем 5 литрах, а дальше наступает «отрицательная полезность». Как с этим? Данная теоретическая разработка ответа на этот вопрос не дает. Тогда можно ее рассматривать как некое качественное описание процесса насыщения/удовлетворения потребностей.

АВБ. Я бы сформулировал некое промежуточное резюме Ваших размышлений так: в той мере, в какой мы можем использовать маржиналистский подход, мы должны исходить из того, что применение теории предельной полезности должно быть связано не только с количественными, но и с качественными аспектами. Даже, пожалуй, иначе: возможность и целесообразность использования теории предельной полезности прямо связаны с содержанием как самих потребностей, так и того объекта, на который они направлены.

СДБ. Да, примем во внимание эту ремарку. Продолжу. На мой взгляд, вследствие своей неуниверсальности теория предельной полезности не является в полной мере научной, хотя у маржиналистов есть важное рациональное зерно, которое они (вот парадокс!) сами, как мне представляется, не очень-то и уловили. Мы к этому еще вернемся.

Посмотрим с другой стороны.

С точки зрения классической политэкономической теории собственность – это некие отношения между людьми, складывающиеся в процессе производства. Но вот вопрос: производства – для чего? В чем суть производства? А суть производства – это удовлетворение потребностей людей. Удовлетворение потребностей людей происходит тогда, когда люди присваивают то,

что произведено, придавая данному феномену качество принадлежности некоторому конкретному лицу.

АВБ. И ограничение доступа кого-либо другого к объекту собственности.

СДБ. Да. Это включается в понятие принадлежности. Ну, не будем педантами, говоря об исключительной принадлежности.

Итак. В конечном счете в финале человек этот объект собственности съел или надел, или что-то еще такое, как-то применил, но никому не дал, все только сам. Себе. Для себя любимого. Это и есть собственность. Здесь собственность и полезность пересекаются с точки зрения того, что и полезность, и собственность определяются механизмом присвоения, у них общий, один и тот же механизм, по-разному трактуемый разными людьми.

И здесь важно найти соприкосновение классиков и неоклассиков: первые справедливо акцентируют собственность как отношение, но выделение вторыми такого аспекта, как предельная полезность, тоже имеет смысл. В чем он? Удовлетворение потребности, насыщение, завершение удовлетворения потребности, переход в отрицательную стадию и так далее – все эти аспекты важны, ибо они открывают путь к пониманию основ диффузии собственности.

АВБ. Если я правильно понимаю, Вы подводите к тому, что приближение к пределу насыщения потребности есть ключ к содержанию понятия «диффузия собственности»: по мере насыщения потребности ценность собственности на данный объект снижается, происходит диффузия собственности?

СДБ. Я бы сказал так: когда значение собственности падает, диффундирует, и институт под названием «отношение собственности» диффундирует вплоть до атома, до испарения, то есть до момента, когда цельный процесс производства, обмена и так далее заканчивается финальным потреблением. Этот момент и есть момент присвоения, только в данном случае это собственность. Когда она присваивается кем-то, она становится собственностью, если она не присваивается, она уже не собственность. Вот, к примеру, есть камень, лежащий на дороге, ничейный, он не собственность. Как кот Матроскин. Как только вы его обозначили как *свой* камень, он стал вашей собственностью. Земля, которая стоит просто так, – ничья. Но, когда вы с помощью института собственности на землю ее огородили и назвали ее пастбищем № 6, тогда оно – это пастбище – уже

может быть присвоено вами, оно уже чье-то, огорожено в соответствии с теми установками, которые есть в данный момент, которые зафиксированы в соответствующих институтах, характерных для данной стадии общественного развития.

Таким образом, если мы берем кусок земли для выпаса сотни овец, потом еще один кусок, потом еще один кусок, потом еще один кусок, а использовать эти – дополнительные – куски уже не можем, их предельная полезность для нас падает. Больше травы, чем на первых участках, ваши овцы не съедят. Остальное пропадет втуне. На каком-то этапе удовлетворение потребности в пастбище для сотни овец произошло, насыщение потребности в земле полностью завершено и присвоение каждого следующего куска для вас не имеет такой ценности, как первого куска. Здесь и «зарыта собака», которая говорит нам, что собственность, как институт, для нас становится не абсолютно значимой. Значимость пятого куска меньше, чем первого. Ценность – соответственно тоже. Цена на рынке (экономические отношения!) – тоже. В конце процесса, на каком-то этапе, это – уже незначимая вещь, не принимаемый (в собственность) объект. Несобственность. Это и есть процесс диффузии собственности.

Кстати, отметим важный «побочный» момент. Именно на этом «оселке» происходит «затачивание» другой проблемы – контрпоставления реальных и симулятивных потребностей. И – их различие. И в классических политэкономических представлениях, и у неоклассиков при рассмотрении этой конфигурации рассматриваемых понятий речь идет на самом деле об удовлетворении реальных потребностей; симулятивные потребности могут быть любыми, принципиально ненасыщаемыми: нося априори иррациональный, трансцендентный характер, они – в общем случае – не могут быть в полной мере удовлетворены в принципе. В этом смысле, к примеру, еще в древности Аристотель отказал хрематике (прибыли ради прибыли, что есть суть базовой парадигмы современной «сбренившей» «экономики», не имеющей пределов удовлетворения симулятивной потребности в росте капитала ради роста капитала, денег ради денег...) в разумности.

Но – предлагаю вернуться к теме.

Теперь – о том, что касается происхождения собственности.

Если использовать подход классической политической экономии, современная собственность – это, как правило, продукт общественного труда, овеществленного в некотором феномене, продукт труда, который направлен на преобразование чего-нибудь в то, что нужно конкретно для удовлетворения потребностей человека.

АВБ. И здесь, если следовать Марксу, мы можем говорить о двух сторонах товара, находящегося в собственности. Одна – потребительная стоимость товара, продукт конкретного труда, удовлетворяющий конкретную потребность. Вторая сторона товара – стоимость, продукт общественного абстрактного труда. Эта стоимость в развитом товарном производстве имеет форму денег и удовлетворяет потребность в этом всеобщем эквиваленте. В капиталистическом товарном производстве стоимость товара (по Марксу) создается трудом наемного работника, который одновременно и создает новую стоимость (она равна стоимости рабочей силы + прибавочная стоимость) и переносит стоимость средств производства на создаваемый им товар. Тем самым стоимость капиталистически произведенного товара разлагается на стоимость средств производства, стоимость рабочей силы и прибавочную стоимость...

СДБ. ...а расходы на зарплату в этой формуле на самом деле – это эквивалент стоимости рабочей силы, т. е. стоимости тех средств, которые нужны работнику для того, чтобы человек мог воспроизводить свою физическую и интеллектуальную способность к труду – ну и содержать семью, растить детей, которые придут ему на смену и не дадут остановиться капиталистическому производству.

Здесь я сделаю небольшое отступление. Производство, если следовать классической политэкономии в широком смысле, включает в себя и распределение, и обмен, и потребление. Но есть и понятие производства в узком смысле слова. Там есть орудия труда, предмет труда и сам труд. Так было в XIX веке. Сегодня я выделяю четыре основных компонента: это материальный компонент – то, что связано с предметом труда, материалами и так далее, то, из чего делают продукт. Дальше – технология, т. е. каким образом, способом делают продукт. Еще дальше – то, как организованы процесс, организация производства, потому что современное разделение труда дошло до того, что у нас есть кооперация внутри производства, внутри производственной цепочки, внешняя коопе-

рация и так далее, то есть разделение труда происходит на уровне даже вплоть до станочника. В этом плане организация производства – это отдельный фактор, который активно влияет на результат. Труд, наконец, сам труд. И – результат этого всего дела, наконец, произведенный продукт; не товар, продукт, берем просто продукт, потому что товар начинается, когда совершается обмен.

Когда мы рассматриваем эти элементы производства, мы говорим о том, что в каждом из этих элементов, в том числе и в материалах (если не брать совсем уж сырой материал, а из любого передела), присутствует знание, еще один, помимо материального (сырья, энергии и т.п.), ресурс производственного процесса. Этот ресурс по мере прогресса технологий постепенно вытесняет все другие – материальные – ресурсы. Последние (их доля) становятся все меньше и меньше (на единицу продукции), а роль знаний становится все больше. Наступает момент, когда знания становятся базовым ресурсом.

Но за счет чего происходит вытеснение знаниями других компонентов? За счет того, что знания позволяют человеку экономить время на производство единицы продукции, труда в создание товара вкладывается все меньше. Тем самым труда (субстанции стоимости по Марксу) становится все меньше и меньше.

АВБ. Позволю себе в этой связи короткое отступление. Нас, советских студентов, на спецсеминаре по «Капиталу» учили, что рост производительности труда и автоматизация производства ведут к тому, что, в соответствии с предвидением Маркса, человек становится «по ту сторону материального производства», а на смену абстрактному труду частного производителя, создающего товар в капиталистической системе, приходит всеобщий (научный, творческий) труд, который априори является общественно необходимым и не требует рыночной формы подтверждения своей общественной значимости. Это предопределяет конец рыночно-капиталистической системы и общественной экономической формации в целом. Вы об этих положениях Маркса упоминаете в своих работах по ноономике.

СДБ. Да, это касается и живого, и овеществленного труда, постоянного капитала, который включает стоимость средств производства и предмета труда. Но на ваших семинарах не объясняли, почему это происходит. Почему «рост производительности труда и

автоматизация производства» ведут к тому к чему ведут? В чем фокус? В чем причина неясности и недообъясненности?

Сюда ранее включили и знания. Не выделяя их роли, а как нечто само собой присутствующее. Не определяя специальную роль этого феномена как раз в этих процессах: роста производительности – чего? – труда и автоматизации производства, то есть редукции в этой марксовской формуле – чего? – труда! Но это совершенно необоснованно с точки зрения природы знаний, но не случайно с точки зрения принципов организации экономического общества. Между тем знания есть и в самом труде, рабочая сила более квалифицированного работника выше, ибо воспроизводство его способности к труду через повышение его квалификации предполагает освоение все больших по объему и содержанию знаний. Возникает феномен, которому я дал имя «знаниеемкий работник» – работник, у которого «емкость знания» (объем знаний и умение использовать их в производстве) гораздо больше, чем у работника предыдущего уровня квалификации и который может все больше и больше использоваться во все более знаниеемком производстве.

В любом случае труд работника, однако, все равно вытесняется. Вытесняется за счет того, что расширяется применение знаний и внедрение их через технологию в процесс производства.

Более того, эти знания присутствуют и в прибавочной стоимости. Классическая формула Маркса определяет стоимость как сумму постоянного капитала C (средств производства и предметов труда) и капитала переменного (труда и прибавочной стоимости, V и M). В отличие от Маркса, я считаю, что ее увеличивает – чем далее, тем более – не просто труд сам по себе, а внедренное через труд знание. Труд исчезает, но остается знание, знание дальше заменяет труд, в пределе этого процесса остается самодействующее производство, взаимодействие технических устройств, то есть самоорганизация технологий и так далее. И тогда и потому и будет предсказанный Марксом переход человека «по ту сторону производства». При этом если мы знания можем овеществить не только в механические, но и в электронные и другие средства производства, в искусственный интеллект и прочее, то многие функции, которые выполнял человек, все больше и больше переходят к техническим устройствам, которые воспроизводят сами себя, постоянный капитал, C .

АВБ. В соответствии с классическим марксизмом здесь и наступает предел, конец рыночно-капиталистической системе производства. Вы видите это несколько иначе...

СДБ. Я считаю, что в этом процессе не только V исчезает, но и M постепенно превращается в C , потому что знания постепенно и замещают собой труд, и переходят в средства производства. Если труд исчезает, а знания его замещают, то прибавочная стоимость становится продуктом знания, и затем часть ее инвестируется на следующем этапе капиталистического производства не только в средства производства и труд (роль коих все время уменьшается), но и в знания, которые опредмечены и в первых, и во вторых, и в технологии, их соединяющей.

Что же такое знание, становящееся основой процесса производства? Это нечто незабываемое, точнее говоря – несоздаваемое, как станок или иное оборудование. Когда говорят «производство знаний», это неверно, не бывает производства знаний, они существуют объективно, бывает процесс «добычи», постижения, открытия, восприятия знаний. Но дело в том, что знания имеют особую природу, об этом я еще 35 лет назад писал в своей первой диссертации (что уже и тогда было далеко не открытие). Эта природа заключается в том, что знание «в руках не удержать». Если мы говорим о том, что знание (то, что является результатом научного исследования или конструкторской работы) как-то закреплено в виде интеллектуальной собственности, то это не «естественное» его состояние, не институт, существовавший вечно. Еще пару веков назад не было такого феномена, как патент. Этот и другие инструменты т. н. института интеллектуальной собственности появились с развитием экономических отношений, когда знания стали значимым ресурсом производства – ресурсом, который уже невозможно было не учитывать в процессе производства.

В результате сформировались такие институты, как патент, патентное право, поверенные, юридически оформленная собственность на знания, т. е. был искусственно создан институт интеллектуальной собственности. Но дело в том, что знания – это не изначальный объект, который можно огородить и он в этом огороженном пространстве будет находиться в единичном экземпляре. Знание невозможно «удержать» длительное время, оно «растекается», осваивается другими и остается у них.

АВБ. Маркс это определяет как продукт всеобщего труда, неограниченный по своей природе и потенциально принадлежащий всем. Марксисты-шестидесятники ввели для обозначения этого феномена понятие «собственность каждого на все», а современные левые интеллектуалы выдвинули лозунг: «все, что можно раздавать, не теряя, не должно продаваться», не должно быть собственностью. Отсюда – практики бесплатного, открытого для всех программного обеспечения, «копи лефт» (как альтернативы «копи райт») и т. п. Неоклассики это определяют как блага, характеризующиеся свойствами неконкурентности в потреблении и неисключаемости. Знание – это то, что по идее может и должно быть доступно всем, каждому, без ограничений, нет?

СДБ. Да, за знания можно постараться слупить какие-то деньги, но даже институт патентов предусматривает *временное* огораживание знания. Это временное ограничение не случайно: оно учитывает природу знания, учитывает то, что через какое-то время знание, даже если вы его сумели «огородить» при помощи института частной собственности, становится общим достоянием, как бы кто бы ни стремился его огораживать. Теорему Пифагора невозможно эксплуатировать 2000 лет и платить Пифагору или его наследникам за эксплуатацию теоремы.

Поэтому интеллектуальная собственность имеет длительность. И – неопределяемые сверхточно границы (что называется, начало и конец), что тоже вытекает из природы знания. Отсюда, даже при наличии развитых институций интеллектуальной собственности, – сложно определяемые права ее владельцев. Посмотрите, к примеру, сколько судов по интеллектуальной собственности по сравнению с судами по материальным вопросам – доли процента.

АВБ. Это – очень важная деталь, указывающая на противоречия института интеллектуальной частной собственности.

СДБ. Эта противоречивость проистекает из природы объекта. Если мы говорим об объекте материальном, то здесь собственность – понятный институт, понятно, как его защищают. Это связано с тем, что этот материальный объект принадлежит некоему лицу, само право присвоения направлено на конкретный объект, который не может одновременно быть в собственности у других людей, принадлежать другим или быть освоен другими и так далее. Он имеет

точное пространственное местоположение, размеры, границы и т. п. Он персонифицирован – ваша ручка, ваш стол, ваш дом и так далее.

Но это – материальные объекты. В сфере знаний ситуация иная. Теорема, которую вы доказали, или ваша конструкторская разработка принадлежит вам, но как только вы ее внедрили куда-нибудь, объяснили ее другим, передали ее другим – она уже принадлежит фактически и другим (хотя в случае «защиты» ее патентом она как бы не есть собственность других!). Знание не может быть удержано другими, оно все дальше и дальше распространяется. Постепенно его осваивают все.

Более того, существует объективный процесс, на который я указал еще много лет назад, – процесс «ускорения ускорения» научно-технического прогресса, в основе которого лежит ускорение ускорения нашего познания мира, потому что всякое новое знание позволяет открывать новое знание. Чем больше знаний мы открываем, тем больше пространство и знания, и незнания (помните, мы когда-то говорили про шар, который раздувается: чем больше шар, тем больше поверхность, с которой он граничит, чем больше «шар» знания, но тем больше и поверхность незнания). Каждый кластер новых знаний влечет за собой не один, а множество (бесконечное, хотя мы в конкретный момент воспринимаем лишь ограниченную часть этой бесконечности) новых кластеров знания, открываемых вследствие появления первого, а каждый из новых кластеров знания, в свою очередь, как цепная реакция, все больше и больше открывает новые.

Это приводит к тому, что скорость постижения новых знаний становится все большей, а это значит, что скорость освоения предыдущих знаний тоже увеличивается. Следовательно, и патент не может быть вечным, потому что появляется новое изобретение, затем появляется еще более новое и так далее.

Отсюда – стремление к скупке патентов и в ряде случаев торможение прогресса ради сохранения интеллектуальной собственности и ренты. Здесь – налицо противоречие между тем, что сегодня вложено владельцем интеллектуальной собственности в процесс производства и новым знанием: для собственника важно окупить вложенные ресурсы в рамках приобретенного им знания, и если новое знание этому мешает, собственник будет стремиться затормозить его внедрение.

АВБ. Да, Вы правы, это – двойственность капитала по отношению к НТП. Советские политэкономы много об этом писали, но потом это все объявили «красной пропагандой», а капиталиста позиционировали исключительно как перманентного инноватора.

СДБ. Это – скорее словоблудие. Ведь капиталист просто превращает часть знаний в формуле Маркса в C (абстрагируемся от редуцирующегося параметра V), и это C надо окупить, в том числе и купленные им ранее знания (скажем, предыдущие патенты или результаты ОКР), и если он не успевает это окупить, потому что маржа M , общая масса прибыли от этого продукта, позволяющая обеспечить компенсацию инвестиций, еще не успела к нему поступить, он выступит против инноваций. А зависит это от многого: от нормы M , от того, какова скорость оборота в этом процессе (потому что что-то может долго окупаться, что-то – медленно, можно сделать много и продать, можно мало продать, можно быстро продать, можно медленно) и так далее. Зависит от того, какой это конкретно продукт, какова его рыночная позиция и пр. В целом поскольку окупаемость еще не наступила, то капиталист пытается не дать новому знанию повергнуть старое в прах и разрушить тем самым и его, и M , и в конечном итоге и C (C не окупится через перенесение его стоимости на продукт! Это – потеря капитала, разрушение производства, банкротство), и только когда жизнь его заставит прикупить новое знание и включить его в состав C , он раскошелится, этот самый «перманентный инноватор». То есть – за счет этого идет, с одной стороны, прирост знаний в экономике и в обществе, знания появляются и развиваются, а с другой – институт закрепления знаний в собственности тормозит процесс общественного развития.

Что из этого дальше вытекает? Из этого дальше вытекает важное следствие: поскольку технологический прогресс невозможно остановить, да к тому же он развивается быстрее, чем социально-экономический (институты общества идут вслед, а не впереди изменения технологий), постольку возникает противоречие между первым и вторым. Прогресс технологий – это базис (во всяком случае, в соответствии с классическими политэкономическими представлениями). Знания имеют естественное происхождение, не человек их придумал, человек их открывает подобно тому, как открывают месторождение руды или новую звезду, существующие объективно.

Вслед за этим – раньше или позже – изменяются и социально-экономические отношения, институты и в т. ч. собственность.

Что же касается прибавочной стоимости, то в этом процессе она (это самое М) будет постепенно всё более реализовываться не за счет труда, а за счет знания, всё более становящегося общим достоянием и «дешевающим», во-первых, и, во-вторых, с насыщением потребностей людей значимость/ценность этого М будет теряться, поскольку теряется значимость/ценность собственности (в которой реализуется М в момент присвоения) как таковой вообще.

Рассмотрим этот процесс. Эта собственность (основа экономического способа удовлетворения потребностей) нужна тогда, когда ее получил предприниматель-капиталист (предприниматель, лицо, имеющее капитал, исходные материалы для того, чтобы поддержать производственный процесс). Когда он ее получил, то он через некоторое время превращает ее в новые феномены, которые позволяют ему продолжать этот процесс. В том числе таким феноменом может стать труд, а он, как мы отметили выше, постепенно теряет свое место в производстве, исчезает. В перспективе человек-работник из труда выходит, человек производящий уходит, но остается капиталист, который владеет средствами развития, например искусственным интеллектом, патентом, оборудованием, какими-то материалами и так далее. Заметим, всё более знаниеемкими средствами. Этот фактор стремится получить новое М для того, чтобы купить новые средства для получения последующего М, и так далее.

Остается проблема реализации произведённого богатства, в том числе овеществленного в нем М. Но если мы видим, что насыщение происходит все больше и больше, технологический прогресс идет все быстрее и быстрее, процесс освоения знаний ускоряется, а при этом знания «растекаются», то в этом случае удовлетворение потребностей приводит к тому, что ценность этого М, прибавки, которая, еще раз подчеркну, превращается в собственность с момента присвоения, теряется.

Этот промежуточный вывод подводит нас к тому, что экономический способ производства постепенно уходит в прошлое, потому что стимул, требующий нечто производить, – это наши потребности, которые не удовлетворены ныне никаким другим способом – только экономическим, но со снижением зна-

чения собственности, как выше показано, мы переходим к неэкономическому способу удовлетворения потребностей людей. Отсюда – редуцирование и экономических отношений, и экономического (капиталистического) производства.

В этом контексте интересен вопрос о том, что такое современная экономика. Если я не ошибаюсь, в V веке до нашей эры было придумано слово «экономика». Оно означало некий способ ведения хозяйства, при этом предполагалось, что будут удовлетворяться потребности за счет этого ведения хозяйства. Позже, как я уже говорил, Аристотель подчеркнул, что есть еще и проблема получения выгоды, и здесь начинается хрематистика. Он смотрел далеко вперед, предполагая, что рано или поздно возникнет «получение прибыли ради прибыли», в его терминологии – это она и есть, хрематистика. Это получило широкое распространение с того момента, когда деньги заняли определенное место в процессе удовлетворения потребностей людей – сначала как посредник, потом – как цель и средство накопления.

Почему деньги стали средством накопления? Потому что у человека есть потребность в накоплении, обеспечении «подушки безопасности». Это – реальная и правильная потребность. Она призвана решать проблему разрывов, неперманентности, негарантированности непрерывности удовлетворения потребностей. На этапе становления человека, затем – в силу недоразвития общественного производства из-за низкого уровня технологий предыдущих технологических укладов – эта неперманентность как раз компенсировалась путем накопления необходимого для обеспечения потребностей в периоды разрывов возможности их удовлетворения из природы или общественного производства. Развитие этой потребности привело к тому, что наряду с формулами товар – деньги – товар и деньги – товар – деньги появилась другая формула – всеобщая формула капитала: деньги – товар – деньги с приростом. В результате товар превратился уже в посредника, сам процесс обмена, приводящий к удовлетворению первичных потребностей, стал вытесняться, а на первый план в нашем способе удовлетворения потребностей, то есть в экономике, пришел процесс обмена с целью получения прибавочной стоимости, главное место заняла другая потребность – потребность в прибыли, получение прибыли. Хрематистика, не имеющая рационального наполнения. А удовлетворение потребно-

стей людей стало посредником между прибылью и прибылью+. Побочным, неглавным, второстепенным, вспомогательным элементом хрематистики. Со все более возгоняющимся процессом «искривления», симуляции потребностей и даже с исключением процесса удовлетворения реальных потребностей как посредника между прибылью и прибылью+. Деньги – из денег. Без продукта.

Так мы пришли к системе современных противоречий. С одной стороны, у человека есть потребности одного типа и потребности другого типа. И реальные, и симулятивные. И надо понять: как, почему они возникают, как соотносятся, как мигрируют одни в другие. На самом деле хрематистика в наше время не стала в полной мере подменой экономики, как часто считают. Аристотель, на мой взгляд, объяснил, что есть хрематистика, но не объяснил ее происхождение, как это мы сейчас проделали. А это важно. Мы предполагаем, что в одном флаконе по имени «экономика» в наши дни смешано удовлетворение самых разных потребностей – и витальных, и симулятивных, и сверхсимулятивных – потребностей в накоплении, в добывании прибыли и так далее.

Отсюда – императив поиска альтернативы, императив воспитания человека, культуры его жизни и потребления, разумного ограничения его потребностей, в первую очередь симулятивных. Возвращение к истинному назначению производства.

Но как будет развиваться реальный процесс? Объективное требование, превращающееся в насущную потребность человеческого общества, – снижение такого рода – симулятивных – потребностей. Оно произойдет тогда и потому, когда и почему будет снижаться экономический компонент способа удовлетворения потребностей. Сейчас мы вступаем в новый не просто технологический уклад, а в уклад особый, где знания становятся базовым ресурсом производства и основным содержанием и средств производства, и продукта. Знаниеемкого продукта. Призванного удовлетворять во всё большей степени насыщение потребностей – без труда как элемента производства, экономики. Постепенно, шаг за шагом, снижение основы экономического способа удовлетворения потребностей, снижение значимости собственности, ее диффузия через механизмы, о которых я говорил, через снижение трудоемкости и – шире – роли труда и так далее, в связи с ростом знаний, ведет к тому, что экономические отношения утрачивают свою определяющую роль, и

человек начинает удовлетворять свои потребности напрямую, не опосредуясь экономическими отношениями. То есть ему будет нужен продукт, а не товар, который он получит без посредника; исчезнет мена в связи с тем, что все необходимые потребности будет удовлетворять самодействующая производственная система.

Эта связка позволяет показать, что на самом деле и классики, которые заложили основы трудовой теории стоимости, и институционалисты, которые говорили об институтах, и неоклассики – все они так или иначе говорят об одном и том же. Описывают на самом деле вышеозначенный процесс происхождения, развития и ухода с исторической арены института собственности.

И остается раскрыть вопрос о том, каким – экономическим или качественно новым – способом будут удовлетворяться потребности людей и как будет развиваться (и будет ли развиваться) новый способ. Сегодня они все говорят об экономике, описывают ее с разных позиций, пытаются объяснить, исходя из разных парадигм. Мы как раз пытаемся сказать о другом – что есть в этом вопросе основное.

АВБ. Правильно ли я понимаю, что, на Ваш взгляд, главная проблема – не в том, исходя из какой методологии и на каком языке (классической политэкономии, неоклассики или др.) объяснять экономику, а в том, как и что идет на смену экономике?

СДБ. Верно, объяснять надо фундаментальные трансформации, свидетелями которых мы являемся, и объяснять их – исходя из процесса открытия знаний, внедрения этих знаний в тонкую ткань сегодняшних производственных отношений. Если мы понимаем, что в экономических отношениях базовые компоненты исчезают, исчезают компоненты собственности и прочее, то мы понимаем, что тем самым начинается переход к другому способу удовлетворения потребностей – неэкономическому. Через этап постепенного редуцирования нынешних экономических отношений и институтов в рамках формирующегося Нового индустриального общества второго поколения, трансформации их по траектории, описанной в моей недавней книге «Ноономика: траектория глобальной трансформации» и в статьях последнего времени.

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С. Ю. Витте на тему
«Измерение результатов общественного развития: к
постановке проблемы». Стенограмма
(03.01.2021 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, эксперт РАН, д.э.н., профессор;

А.В. Бузгалин – руководитель Центра социэкономии кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С.Ю. Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор.

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). Проблема измерения результатов социально-экономического развития имеет долгую историю. В XX веке, особенно во второй его половине, типичным стал акцент на оценке результатов развития стран по объему валового внутреннего продукта (ВВП) в абсолютной величине или на душу населения. Но новый век ознаменовался началом глубоких трансформаций, которые поставили под сомнение универсальность этого измерителя, о чем вот уже не первое десятилетие идет, по сути дела, всемирная дискуссия. Вы уже не раз выступали с критикой этого показателя. Я думаю, будет правильно, если Вы подробнее остановитесь на этом вопросе.

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Да, я думаю, можно дополнительно прокомментировать то, что я уже писал ранее о ВВП.

Давайте посмотрим, что на самом деле происходит с ВВП.

Итак, у нас есть валовой внутренний продукт. Мы произвели некий продукт, посчитали все, что мы произвели. Фактически же мы посчитали то, что уже неоднократно было произведено, перепроизведено в процессе работы в какой-то период времени. То есть так мы получили годовой валовой объем этой всей продукции. Почему плохо так считать? Если мы вспомним так

называемую «догму Смита», то, Вы же помните, там все считалось по 2 раза, по 3 раза, по 5 раз и так далее, в результате общий продукт включал в себя в том числе и то, что было произведено до того. Фактически – это то, что в советское время обозначалось как «вал». Сегодня нечто сходное (хотя и с несколько иной, основанной на системе национальных счетов, методикой) представляет собой ВВП.

Более того, если вдуматься и пристальнее посмотреть, мы увидим, что в ВВП включено два абсолютно разных аспекта.

Один связан с тем, что производится некий фактический, назовем его так, продукт, пусть даже он предназначен для удовлетворения симулятивных потребностей.

С другой стороны, в ВВП включено и кое-что иное – все что угодно: любые финансовые транзакции, выпуск облигаций каких-нибудь, продажа их, и пр., – все это тоже включается в ВВП. Таким образом, получается, что в определенных случаях роста реального/фактического продукта нет, но ВВП, тем не менее, растет. То есть, для того чтобы нарастить ВВП, мы можем не производить, а переливать из пустого в порожнее и за это платить, в результате воды в стакане не прибавилось, а ВВП вырос.

В этом плане показатель ВВП абсолютно не годится для того, чтобы измерять результаты экономики (поскольку экономика – это механизм, способ удовлетворения потребностей людей!), потому что удовлетворение потребности может снижаться, а ВВП – расти и наоборот (мы такие примеры приводили). Поэтому когда мы говорим о том, что нам надо обеспечить измерение развития общества, причем развития в сторону удовлетворения потребностей, когда мы говорим о социализации общества, о его гуманизации, об ориентации на расширение удовлетворения реальных потребностей социума и индивидов, то мы должны искать иные, нежели ВВП, измерители.

В самом деле, будет ли социализация выше, если будет выше ВВП? Удовлетворим ли мы в большей степени потребности людей? Будет ли людям лучше?

На самом деле, если мы будем придерживаться старого подхода, когда мы подсчитываем ВВП, то получим лишь очень косвенное отражение степени удовлетворения потребностей. Как

в кривом зеркале. И чем дальше, чем хрестоматичнее, симулятивнее становится современная экономика, тем больше.

Здесь полезно обратиться к Марксу, его известной формуле стоимости:

$$(W = C + V + M).$$

Условно говоря, Ваш постоянный капитал C – это первый Ваш капитал на бирже. Потом вы наняли на работу биржевого агента, заплатив ему за его работу (это Ваш переменный капитал, V), и получили некую прибыль (обозначим ее M , хотя это и не прибавочная стоимость в классическом ее виде). Оборот в день – 10 раз. Масса прибыли, которую Вы получите при успешной торговле на бирже, – колоссальная, ВВП растет. Кто получил какой продукт? Никто никакого продукта не получил, но при этом, если мы используем такие измерители, то мы *как бы* и социализацию общества развиваем, и жизнь у нас лучше становится, и так далее.

На самом деле – это, наоборот, усиливает рост таких проблем, как социальное неравенство, обнищание и прочих подобных негативных трендов. Потому что отвлекаются реальные средства из производственного, промышленного, индустриального (реального) сектора экономики – и переносятся в фиктивный, потому что там прибыль выше. Поэтому использовать ВВП, даже исходя из этих соображений, в качестве некоего показателя результатов развития, роста социализации общества через увеличение удовлетворения потребностей людей, – это неправильно.

Те же вопросы возникают, когда мы говорим о темпах роста. То есть увеличение посчитанного подобным образом темпа экономического роста может происходить за счет убывания эффективной части ВВП.

Это – известные феномены. ВВП критиковался неоднократно и многими, даже нобелевскими лауреатами. Тем не менее на сегодняшний день мы являемся свидетелями использования на практике именно этого неправильного подхода, мы все меряем в ВВП, мы меряем развитие темпами экономического роста, мы говорим об увеличении или падении темпов роста (или вообще спаде) экономики, но мы не говорим о развитии.

То же касается инвестиций. Так, академик А.Г. Аганбегян говорит, что без инвестиций нет роста экономики. Конечно, он

прав. Только – какого роста? Но далее он говорит, что нужно инвестировать в инфраструктуру, в производство. Правильно, это надо делать, инвестиции надо направлять именно туда. Если реально инвестировать в эти сферы, то мы, по крайней мере – опосредованно, можем увидеть удовлетворение реальных потребностей людей. Хотя, с другой стороны, тоже не очень понятно, что такое «инвестировать в инфраструктуру». Необходимо пояснение. Если мы выпускаем облигации какие-нибудь, на них делаем акции, на акции еще что-то, некие дериваты, направляем на это деньги и говорим, что мы инвестируем в железную дорогу, то тут еще вопрос: мы инвестируем реально в железную дорогу или все-таки в финансовые спекуляции? Это еще большой вопрос, какая доля инвестиций пойдет на реальное развитие инфраструктуры. Особенно в контексте нынешней «сбрившейся» экономики, в которой присутствует колоссальный симулятивно-спекулятивный сектор.

То есть тут, опять же, мерять впрямую этими показателями нельзя, это неправильно. Мне некоторые экономикс-эксперты в Вольном экономическом обществе пишут формальные записки, что если мы проинвестируем, условно говоря, больше на 5% инфраструктуру России, то будет некий дополнительный экономический рост (есть разные количественные оценки). Но очень редко при этом задаются вопросом, который я еще раз повторяю: даст ли это реальный продукт в конце концов потребителю? В условиях нынешней нашей (да и не только нашей!) экономики? Мы можем инвестировать в создание «железной дороги», которая ведет в никуда.

АВБ. Да, это правда.

СДБ. Мы можем построить самолет, который не будет летать, но его все равно учтем в ВВП. Или не пригодное для перевозки полезных грузов судно – зато мы будем везде в мире говорить, что мы произвели лучший в мире подводный корабль, который летает выше всех и при этом стреляет неизвестно куда и зачем (помните старую шутку о «подводной лодке в степях Украины»?). И – учтём в нашем ВВП! Но при этом реального продукта для реального человека нет. Мы понимаем, что какая-то доля расходов должна идти на эти вещи, это важно для страны, спору нет, но это не должно учитываться в составе измерителя, по которому мы пытаемся замерять достигнутые успехи в улучшении жизни населения. Между тем у нас в ВВП вкладывается и производство такого

рода изделий. Если мы, допустим, скажем: «Давайте затянем пояса» и будем, например, строить башню до небес, потому что она защитит нас от «лапутянской» экспансии (назовем это так, следуя Свифту), или какой-нибудь другой экспансии, экспансии инопланетян, то будет ли у нас в этом случае больше хлеба, яблок, штанов или книжек, научных исследований, или чего-то еще реально потребного такого? Не будет больше. Более того, может быть – и меньше, но ВВП при этом будет расти, темпы будут наращиваться.

Продолжим. Рассмотрим наиболее актуальные в настоящее время проблемы, вызванные или обострившиеся пандемией. Пандемия привела к снижению ВВП по всему миру (ну разве что – за исключением Китая, но и там его рост резко замедлился). Все говорят: «Трагедия, снижение ВВП, бедность растет», а я говорю: «Посмотрите, ребята, какая структура этого падения». Например, услуги, которые оказались нужны людям (стали удовлетворять их потребности!) во время пандемии, выросли в десятки раз. А ненужные – отвалились. Нанося, кстати, ущерб их производителям и занятому в этих секторах населению. Потребитель проголосовал своими деньгами, спросом своим за то, что ему нужно в этих условиях. Общий ВВП упал, но упало ли «счастье» людей в этом конкретном аспекте? Может, и нет, а может – даже наоборот, потому что у них появились, к примеру, другие возможности учиться, Zoom какой-нибудь, выросло производство компьютерной техники, которая необходима для этого, сетей, программ и так далее. С точки зрения ВВП – падение, с точки зрения ухудшения качества жизни – да, оно произошло, возможно, в неких элементах, если мы привыкли к одному, а сейчас все иное. Но я прямо говорю: вот, к примеру, моя семья не особенно почувствовала какого-то снижения качества жизни (я не говорю об ощущениях, я говорю об экономических эффектах и последствиях), потому что как она могла есть конкретные продукты из магазина, так она и ест то же самое из того же самого магазина. А вот затрат денег и времени на всякие ненужные в этих условиях вещи, разные малонужные перемещения стало меньше, возможности онлайн-контактов возросли, за счет этой экономии и этих новых механизмов коммуникации стало возможным что-то дополнительно сделать или приобрести и т. д.

Более того, если ВЭО России тратило на конференции раньше по 5–10 миллионов рублей, то сейчас тратит 300–500 ты-

сяч, остальные деньги могут пойти на повышение доходов сотрудников, ремонт, приобретение необходимых для ВЭО вещей (которые нужно еще будет дополнительно кому-то произвести, обработать и др., что будет вкладом в реальную компоненту ВВП, а не в симулятивную). То есть в этом плане «ВВП ВЭО» (с точки зрения затрат) упал в разы, а «качество жизни» его существенно улучшилось. И заказы для подрядчиков в целом не уменьшились.

АВБ. Да, в этом что-то есть. Хотя у большинства людей в последний год качество жизни снизилось, и существенно.

СДБ. Это верно. Потому что есть, конечно, разные ситуации у людей, у компаний, особенно занятых в менее нужных отраслях, но именно поэтому их и невозможно «аршином общим» ВВП измерять.

Но вернемся к сути проблемы ВВП.

ВВП как способ подсчета удовлетворения потребностей, который мы сегодня используем, сформировался исторически примерно с середины XX века. Если вспомнить советское время, там были бурные споры, как мерять, что мерять, зачем мерять и так далее. Потом появился показатель, который все обозначали словом «вал», и это стало одним из факторов, приведших к трагедии Советского Союза, я считаю.

Трагедия состояла в том, что из применения такого способа учета вытекало много различных негативных последствий. Во-первых, в себестоимость продукции включался повторный счет, плюс заработная плата, плюс норма, которая отпускалась Госпланом на прибыль... Но в этом случае было выгодно получить подороже, а не подешевле продукцию на переработку, заплатить побольше денег, потратить больше материалов, электричества или чего-то еще такого, т. е. увеличить издержки по нормативам, по которым формировалась прибыль, из нее платили премии и все остальное, шло прямое стимулирование экономического роста за счет того, что затратность этого производства не снижалась, а росла. Рос «вал», цены росли, а стоимость, тем более потребительная стоимость, падала.

Это была проблема Советского Союза. В свое время (если я не ошибаюсь, в 1965 году) товарищ Косыгин пытался провести экономическую реформу. Почему он не смог провести ее? В стране ведь были экономисты, которые понимали опасность и вред вало-

вых показателей, которые понимали, что это нужно изменить, что-то надо в натуральных показателях считать, а что-то считать в рублях, но на основе реальных цен, а не раздувания себестоимости.

Но для использования плановой системы учета тогда не хватало технологических мощностей, не хватало техники, не хватало программ, которые позволяли бы очень быстро обчислять эти все вещи. Поэтому наше планирование было простым и строилось по принципу «от достигнутого». Отсюда – диспропорции в народном хозяйстве, а диспропорции такого рода ведут к разрушению системы. Внедрению передовых методов противостояло при этом мощное лобби, которое получало зарплаты – и государственные, и партийные руководители всех уровней, которые получали свои премии от того, что они знали, как увеличить «вал» и наращивались проценты.

Приведу только один пример. Когда я был в советское время инструктором в партийном органе, мы как-то покритиковали руководство одного завода за то, что оно не сэкономило электроэнергию. Выяснили при проверке, что они целый месяц выпускали в ночную смену несколько человек и ставили станки на работу. Станки работали вхолостую, но потребляли электроэнергию, довольно дорогие материалы шли в отходы. Эта кажущаяся бессмысленной и, более того, вредной, операция проводилась потому, что в следующем году затраты, которые они понесли, попадут в цену, она вырастет, вырастет вал, премии и т. п. Когда мы задали вопрос директору завода: «На фига ты это делаешь? Ты же понимаешь, что это неправильно!», он ответил: «Во-первых, цены вырастут, объем произведенной продукции вырастет, и мы, и наши партийные начальники получим премии. Во-вторых, меня накажут, конечно, за то, что допустил перерасход электроэнергии, но убыток от наказания будет намного меньше, чем премия за рост вала».

Тогда мы не могли технологически решить эту проблему. И экономически не могли: рынка не было, а система учета не работала. Вы помните, что говорил товарищ Ленин? Социализм – это учет.

АВБ. Учет и контроль. Более того, мы в своих работах еще тогда, в СССР, писали, что планомерная организация производства начинается с всенародного учета и контроля.

СДБ. Он не имел в виду учет валовой, он имел в виду нормальный учет, учитывать реальный продукт, только тогда мы могли

учитывать затраты, мы думать могли о том, что затраты – это и есть это самое C и это самое V . Тогда если прибыль нам не нужна была как экономический механизм, стимул, она могла быть как-то нормирована, то прибыль можно считать постоянной величиной, а эти вещи снижались бы, если бы была экономия той же электроэнергии и других ресурсов. В результате – снижение цен, не инфляция, а дефляция, негатив которой можно было избегать и регулировать – не будем в это углубляться, сейчас не об этом речь. Это первое.

Второе. При этом удовлетворялись бы потребности людей, потому что зарплата оставалась бы такой же или чуть побольше, покупательная способность их росла бы, это было бы подстегивание спроса, который бы Госплан считал правильно, исходя из заработной платы и цен массового продукта. В результате Советский Союз мы бы сохранили.

Этот неверный показатель, неправильная политэкономическая платформа, неправильно понимаемый способ управления народным хозяйством привели к тому, что прекрасная идея, которая вполне сочетается с нооподходом, была стерилизована. А обвиняют социализм. Не социализм тут виноват был. Социализм был извращен – и в силу объективных, и в силу субъективных причин – до безобразия.

А что касается «вала», то как ни парадоксально, здесь был и элемент подражания Западу – догнать и перегнать Америку... по ВВП.

А Америку никогда не догонишь, потому что Америка пошла другим путем. В последние десятилетия США сделали гигантскую ошибку, они утратили свое лидерство, которое получили на 10-15 лет и стали гигантской империей и колоссальной страной. Они утратили это лидерство, потому что в этой стране началась деиндустриализация, а в экономике, в ВВП основные позиции стали занимать финансовый капитал, транзакции и так далее. Поэтому догнать *такую* Америку трудно.

АВБ. Я бы сказал, что догнать кого-то – все равно кого – по ВВП – это задача вчерашнего дня. Точнее, ложная задача, стремление к победе в соревновании, кто выпьет больше воды (Вы как-то справедливо напомнили, что если человек выпьет больше определенного объема воды, не помню точно, литров 8-10, за один раз, он умрет)...

СДБ. Вернемся к практикам США. Чтобы компенсировать падение внутреннего дохода, они скупали и печатали деньги и через Бреттон-Вудскую систему раздавали их по всему миру, скупали все, что можно скупить. Их производство в этом случае неизбежно должно было упасть, и оно (реальное производство) падало. В результате Америка за каких-нибудь 30 лет утратила многие свои позиции. Если ранее у них 30% людей работали в промышленности, давали реальный продукт, то в XXI веке стали работать 10-12%, и США ... стали зависеть от импорта. Некоторое время назад еще Б. Обама начал говорить о том, что Америке нужна реиндустриализация, что надо везти всё назад – оборудование, рабочих и т. п. с тем, чтобы уйти от дефицита торгового баланса, уйти от проблем с импортом, зависимости от поднимающихся стран.

В этой связи другой вопрос: а почему страны типа Китая в это же время поднимались? Потому что делали они реальную продукцию, удовлетворяющую реальные потребности и потому имеющие постоянный и высокий спрос, плюс при этом у них зарплата – V была маленькая, примерно сравнимая с мировыми ценами на экспортируемую продукцию прибыль, прибавочка – M, была повыше. И консолидировалась она целенаправленно в рамках понятной государственной политики в группе C. В результате, когда они через знания начинали повышать качество C, да и квалификацию труда, они через некоторое время освоили технологии, выкупили принадлежавшие ранее иностранцам либо создали новые производства и сейчас делают все сами. И прибыльность теперь могут устанавливать сами, владея высокими знаниями C и V.

А в таком варианте ВВП будет расти быстрее едва ли не автоматически, что мы и наблюдаем, причем его структура будет качественно иной, более адекватно отражающей то, что хотели отражать, подозреваю, основоположники идеи внедрения этого показателя – уровень насыщения реальных потребностей.

Но об этом, о структуре ВВП, возможности адаптации этого показателя к оценке реальной ситуации с удовлетворением потребностей, к оценке доли и роли ноокомпонента в современной полухрестоматийной экономике и в перспективной экономике НИО.2 – в следующий раз.

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С. Ю. Витте на тему
«Рост знаниеемкости производства ведет к диффузии
стоимости и собственности». Стенограмма
(30.01.2021 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, эксперт РАН, д.э.н., профессор;

А.В. Бузгалин – руководитель Центра социэкономике кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С.Ю. Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор.

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). В рамках предшествующего коллоквиума мы с Вами затронули вопрос о соотношении понятий «собственность» и «стоимость»...

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Да. Продолжим. Давайте остановимся на понятии «собственность».

Собственность – это не предмет, а отношение. Я начал бы с этого...

АВБ. ...Вы в данном случае, как и в ряде других работ, используете методологию и теорию классической политической экономии. В рамках этой парадигмы собственность именно так и определяется – как общественное отношение, в котором соединяются экономическое содержание (например, отношения капиталиста и наемного работника) и правовое оформление этого содержания (например, частная собственность на капитал и прибавочную стоимость, с одной стороны; собственность наемного работника на свою рабочую силу и заработную плату – с другой).

СДБ. Кто бы спорил?! Но давайте эти абстрактные соотношения рассмотрим на примере. Когда я приехал жить в Великобританию, по-первости меня шокировало понятие property (собственность). Как это понимают британцы. Они говорят: ты

живешь в своей собственности. Подчеркну: не в своей квартире, не в своем доме, а в своей собственности. У тебя, к примеру, 5 собственности и так далее и тому подобное. На мой взгляд, это неправильно, хотя многие понимают собственность именно так – как нечто, принадлежащее тебе, как предмет. Я же рассматриваю собственность как отношение.

Представьте себе: есть кот Матроскин. Он – «ничейный». Когда у него спрашивают: «Ты чей кот?», он говорит: «Я – ничей кот. Я сам по себе, свой собственный». То есть, условно говоря, он принадлежит сам себе. Или другой пример. Стол принадлежит, например, Вам. Он – Ваш стол. Если он принадлежит мне – он мой стол. Но при этом он не перестает быть столом как предметом, а то что он «чей-то», чья-то собственность – это его качество, которое определяется нашим *отношением* к этому предмету. *Мой* стол – это Ваше и мое отношение к этому столу – скажем, отношение такое, что этот предмет является моей собственностью.

Продолжу. Что такое стоимость? Стол может стоить, условно говоря, 100 рублей. В момент, когда я сплю, он мне не нужен (вспомним о сопряжении стоимости с полезностью). Стол не стоит для меня сейчас ничего. Зато когда я работаю, он стоит, может быть, и больше ста рублей. Потому что 100 рублей – это рыночная цена этого стола. Это – отношение, которое устанавливается в процессе мены и если полезность этого стола будет равна 100 рублям, то это будет цена, в основе которой лежит стоимость этого стола. И это – отношение, которое возникает в процессе производства стола, его обмена на деньги и последующего потребления, когда кто-то, сидя за ним, работает.

АВБ. Здесь интегрируются отношения людей в процессе производства (стола), обмена и потребления, где полезность этого предмета становится практически актуальной.

СДБ. Я бы сказал иначе: эта полезность устанавливается в процессе мены и использования этого предмета – стола. При этом, подчеркну, ценность – это весьма относительная штука. И полезность – тоже относительная штука. Потому что, когда я сплю, полезность стола для меня снижается до нуля, а когда я работаю – она, напомним, возрастает и может быть больше 100 рублей. Когда я голоден, одна-единственная рыбка мне очень дорога. Но если я наелся и мне дают рыбку, я могу ее вернуть в

бумажку и положить на хранение в холодильник просто на всякий случай, или даже вообще выбросить, мне она не нужна. Хотя стоимость у нее есть. Почему? Потому что (и здесь мы уже переходим в пространство классической политической экономии) стоимость есть овеществленный абстрактный труд.

Таким образом, получается, что мы сделали этот стол или поймали эту рыбку, затратили труд, и, если мы получили на рынке денежный эквивалент, результаты этого труда обрели стоимость. При этом стоимость эта исчисляется.

Однако здесь есть место и для акцента на полезности вещи...

АВБ. ... в марксистской политической экономии есть важный тезис: товар есть единство стоимости (овеществленного абстрактного труда) и потребительной стоимости (продукта конкретного труда, полезности вещи)...

СДБ. ...и потому мы здесь видим пересечение с теорией полезности, а это, на мой взгляд, даже более взвешенная трактовка феномена «стоимость», потому что это отношение людей к предмету в процессе мены. Это – качество, которое мы придаем предмету через свои отношения в процессе обмена этими предметами, мены этих предметов, одного на другое, понимаете?

АВБ. Да, понимаю, хотя и не считаю, что для учета полезности товара надо обращаться к теории полезности.

СДБ. Хорошо, оставим этот спор. Посмотрим на компоненты, на которые разлагается стоимость. Это – постоянный капитал, переменный капитал (стоимость рабочей силы) и прибавочная стоимость. В процессе капиталистического производства создается продукт – нечто, что затем в процессе мены превращается в товар. Чей он?

АВБ. Ответ известен: капиталиста. Прибавочная стоимость присваивается капиталистом в момент, когда продукт труда работника воплощен в товаре, являющемся собственностью капиталиста.

СДБ. Один феномен – стоимость (включая прибавочную стоимость) переходит в другое качество – в качество под названием «собственность». И эта собственность чья-то.

АВБ. Капиталиста...

СДБ. Для меня в данном случае важен момент перехода.

Что дальше? Дальше, если мы говорим о собственности, то капиталист, присвоивший результат труда работника, обменивает этот результат (являющийся его собственностью товар) на рынке на деньги.

АВБ. ...Часть из них он потратит на компенсацию затрат на постоянный капитал, часть пойдет на заработную плату работника, а оставшаяся часть (прибавочная стоимость) будет использована на личное потребление и на инвестиции в расширение производства...

СДБ. Да, конечно, известное дело. Рассмотрим ту часть, которую капиталист инвестировал в процесс производства, потратив ее опять же на постоянный капитал (покупку средств производства) и на переменный капитал (найм работников). Собственно говоря, эта ситуация описывает непрерывный процесс производства, т. е. воспроизводство. В этом процессе происходит «перевод» собственности из одного состояния в другое – во второй стол, третий стол, пятый стол, но главное – в стоимость. В том числе и в прибавочную стоимость. В этом смысле всякая вновь полученная «новая» прибавочная стоимость есть «предыдущая» (включая все предыдущие циклы воспроизводства) прибавочная стоимость плюс переменный капитал «нового» цикла.

СДБ. Теперь усложним наш анализ и рассмотрим ситуацию, когда в экономике определяющую роль играют знания. Итак, есть знания. Они имплементируются в новые товары, которые становятся новыми объектами собственности капиталиста...

АВБ. ...и в этом процессе в некоем товаре опредмечиваются как те знания, которые привнес капиталист (например, купив патент на новую технологию или самостоятельно сделав изобретение подобно Генри Форду, которому приписывают идею конвейера), так и те, которыми обладают работники (скажем, знания, полученные в процессе бесплатного общественного образования в МГУ). Результаты и того и другого присваивает собственник произведенного при помощи этих знаний товара, т. е. капиталист.

СДБ. Сделаю несколько иной акцент: знание находится «внутри» и переменного капитала, и постоянного капитала, и оно (это знание), в отличие от других факторов производства, относительно дешевле. При этом знания сублимируются в предметы,

которые становятся собственностью капиталиста и выносятся на рынок.

В следующем цикле мы имеем более квалифицированную рабочую силу, которая формирует новое качество переменного капитала, такой работник обладает большими знаниями и способностью создавать большую стоимость и большую прибавочную стоимость. Кроме того, знаний становится все больше и в постоянной части капитала, которая переносится на вновь создаваемый товар. Все это входит в следующий цикл производства, в котором используются и те знания, которыми обладает наемный работник, и те, что воплощены в новом постоянном капитале. И произведенный продукт, и воплощенные в нем знания прогрессируют. И самое главное – постоянно, все время увеличиваются доля и роль знаний как в переменном, так и в постоянном капитале (по Марксу).

Более того, в этом процессе снижается роль труда как такового, в первую очередь – физического.

В результате знаниеемкость произведенного продукта, являющегося собственностью капиталиста, растет. Вслед за этим растет знаниеемкость постоянного капитала и «знаниеемкость» работника.

АВБ. Отмечу последнее, это важно. В результате технологического развития, с одной стороны, стоимость рабочей силы наемного работника увеличивается. В нее во все большей степени входят затраты на образование, на здравоохранение, культуру, свободное время и т. п. С другой стороны, сокращается объем необходимых для производства товара затрат труда.

СДБ. Ах, как точно Вы это заметили! Доля труда, несмотря на рост его знаниеемкости и стоимости его, падает с ростом знаниеемкости производства в целом! А в перспективе, по Марксу, наступит время, когда человек выйдет за пределы материального производства.

АВБ. Да, Маркс писал даже об «уничтожении труда»...

СДБ. Он как бы тем самым говорит сначала о том, что переменный капитал исчезнет. Но при этом Маркс говорит что? Что прибавочная стоимость – это результат исключительно труда!..

АВБ. Да. Это именно так.

СДБ. Но если труд исчезает, то исчезает и прибавочная стоимость.

АВБ. Да. А вместе с этим исчезнет и капитализм, и рынок.

СДБ. А если исчезает прибавочная стоимость, то тогда исчезает и стоимость! И стоимость, переходящая в собственность...

АВБ. ...тоже исчезает.

СДБ. Редуцируется, по крайней мере. Да. Более того, в этом случае мы, с одной стороны, имеем больше знаний, а с другой – все меньшая роль труда приводит к тому, что собственность как таковая как бы все больше порождает саму себя. Есть ли в этом экономический, именно экономический (!), смысл? Его нет, потому что сам факт или акт присвоения становится ненужным в этом процессе. И в результате получается, что исчезают экономические отношения как таковые.

Это – очень важное следствие всех моих рассуждений.

АВБ. Этот вывод прямо корреспондирует с тем, что Вы писали в своих работах по ноономике.

СДБ. Рассмотрим еще один вопрос (все-таки – о полезности): а как сказанное связано с проблемой полезности? Если, скажем, полезность нашей вещи, какой-то для нас, важна как для потребителя, то мы готовы за эту вещь, скажем, что-то другое отдать. Но – представьте себе, что собственности как таковой нет.

Возникает коллизия: с одной стороны – предмет (пусть все тот же стол) для меня полезен. Но при этом он не мой стол и не ваш стол, он ничей – стол.

Описание вот этого процесса, скажем производства, наращивания, присвоения благ через схему предельной полезности, является в общем-то неточным. Но и у Маркса это неправильно подано...

АВБ. А что с Вашей точки зрения у Маркса неправильно?

СДБ. А неправильно то, что в теории прибавочной стоимости Маркса жестко утверждается, что она есть результат исключительно труда. А это в современных условиях, как мы показали выше, результат не исключительно труда. Это результат наращивания знаниеемкости во всех процессах. Это – результат снижения «трудоемкости» производства, снижения в нем доли труда с наращиванием знаниеемкости всех компонент производства продукта и последовательным соответствующим редуциро-

ванием собственности. Фактически знание заместит труд, переводя его в качестве субчасти в то, что Маркс назвал постоянным капиталом. Функции труда перейдут к машинам. И что? Теперь исключительно они, а не «исключительно труд», будут создавать новый результат «общественного производства». Собственность, которая диффундирует.

АВБ. Сергей Дмитриевич, я позволю себе реплику. В марксизме принято считать, что в условиях господства автоматизированного производства и вытеснения живого труда из непосредственного производственного процесса на смену рыночно-капиталистической организации производства приходит иная. Капитализм, рынок несовместимы с автоматизированным производством подобно тому, как феодализм несовместим с господством индустрии. Исключения возможны (например, использование труда крепостных на металлургических фабриках Демидова в Российской империи), но только и именно исключения. И в этих – новых – условиях стоимость не создается. Создаются общественные блага, стоимости не имеющие. Учету подлежат только общественно необходимые затраты овеществленного труда. Соответственно в этих условиях нет ни прибавочной стоимости, ни капитала, ни частной собственности. Такова концепция Маркса.

СДБ. Я с этим согласен, и теория ноономики подводит к сходным выводам. Но никакого (!) объяснения этого феномена эти самые «люди в марксизме» не дают, и больше того, если вы открываете советские учебники политэкономии (а я ответ на этот вопрос поискал в четырех учебниках), то везде находите нечто иное. Точнее – того, что Вы, Александр Владимирович, говорите, Вы там не найдете. Кстати, найдите мне в «Капитале» положение о том, что автоматизированный труд приведет к исчезновению капитализма.

АВБ. В «Капитале», быть может, и не найду, разве что в одном из фрагментов III тома, где говорится о «царстве свободы», но в экономических рукописях 1957-1958 годов есть тезисы, говорящие, что творчество как всеобщий труд есть предел капитализма. Ну а то что я говорил выше, это не столько Маркс, сколько марксизм 60-х – 70-х годов XX века – то, на чем я вырос и то, чем мы занимались в МГУ. Так что тут Вы правы: у Маркса этот тезис лишь обозначен.

СДБ. Творчество – да, да только это не совсем то, о чем мы сейчас говорим. Творил и древний человек. И мастер в средневековье. Да уровень знаниеемкости их, если хотите, «творческой компоненты» труда был разный. Именно это, знаниеемкость, ее рост ведёт к «уничтожению труда»!.. И вообще – что есть этот Марксов «всеобщий труд»?.. Нет проясняющего комментария ни у него, ни у марксистов.

Но – давайте оставим историю вопроса и перейдем к реалиям XXI века. Я в рамках теории ноономики пытаюсь объяснить, почему исчезают и труд, и прибавочная стоимость. Потому что идет процесс насыщения всех компонентов производства, в том числе тех, что перечисляет Маркс, знаниями. В результате знание, становясь важнейшим фактором производства, изменяет содержание последнего, ибо знание – это фактор, который имеет особую природу. Он размывает то объективное отношение, которое имеет имя «стоимость».

Причина фундаментальна: по мере повышения роли знаний в производстве стоимость снижается вплоть до исчезновения. В зависимости от того, сколь широко используются те или другие знания для производства, происходит диффузия стоимости. В результате, когда идет процесс насыщения знаниями, знания перетекают в продукт производства, и если рассматривать экономическое инвестирование, то в этом процессе знания постоянно накапливаются и умножаются. Говоря упрощенно, их (знаний) там, в продуктах производства, становится все больше и больше. Как в производстве, условно говоря, iPhone (этот пример мы разбирали в книге о ноономике). А стоимость становится все меньше и меньше, потому что там меньше и меньше труда.

АВБ. Я так понимаю, что дальше Вы перейдете к проблеме диффузии не только стоимости, но и собственности.

СДБ. Да, но надо иметь в виду, что диффузия стоимости – это лишь часть более общего процесса. Речь идет о том, что по мере прогресса знания экономические отношения редуцируются и, в частности, редуцируются отношения собственности. «Исход» экономических отношений – это как бы конец всего процесса, всей этой цепочки, а посередине стоит диффузия собственности.

Диффузия собственности и диффузия стоимости взаимосвязаны, ибо мы в процессе общественного производства создаем

стоимость, которая перетекает в собственность в момент присвоения имеющего стоимость товара. В момент инвестирования в производство стоимость, овеществленная в объекте собственности, опять перетекает в стоимость постоянного капитала. Соответственно, если диффундирует одно, то диффундирует и другое.

Этот процесс, еще раз подчеркну, идет следующим образом. Повышение знаниеемкости приводит к тому, что редуцируется труд как фактор производства – он замещается знаниями сначала во все большей мере, а в конечном итоге – целиком, и далее накапливаются уже знания. Но знание – и вот здесь – особая важность: это – особый фактор производства, и этот фактор имеет другую природу, нежели материальные факторы и труд, и он (этот новый фактор, знание) имеет особое свойство – дешеветь в силу того, что его стоимость «размазывается» на огромное (в пределе – бесконечное) количество тех, кто получает это знание.

АВБ. Пожалуй, стоит сделать на этом акцент: знание – это «продукт», который можно раздавать сколь угодно широкому кругу потребителей, при этом его не теряя. Раз, однажды «произведенное» знание (скажем, $2 + 2 = 4$), в перспективе может получить любой человек. Так возникает потенциальная возможность перехода к отношениям, которые советский марксист конца XX века Вадим Межуев назвал собственностью каждого на все, а Вы, как мне кажется, назовете... исчезновением собственности.

СДБ. «Собственность каждого на все» как понятие ничего не объясняет. И оно базируется на ложном понимании сохранения отношения собственности. А оно «испаряется»! Здесь – другое. Знание становится доступно все более широкому (в абсолюте – бесконечному!) кругу потребителей, поэтому присвоение не может быть единым актом, оно становится множественным, «разомкнутым» во времени и пространстве, и в этом – коренное отличие знания от всех других вещей. Соответственно, происходит сокращение основных компонентов в формуле Маркса $c + v + m$, сокращение значимости стоимости и как следствие – сокращение значимости собственности, а в перспективе – и вообще экономических отношений. Отсюда, собственно говоря, простой вывод: с наращиванием научно-технического прогресса, его развитием связан процесс редуцирования экономических отношений. И всякое сопро-

тивление этому процессу создает возможность конфликта, причем не только общественно-экономического.

А раз так – встает фундаментальная задача: социализация общества как естественная потребность, которая пересекается с идеями марксистов о том, что необходимо «счастье для всех», равенство – хотя бы в доступе к благам и так далее.

И это – не только проблемы будущего. Недавно в Давосе в очередной раз говорили о кризисе, о его последствиях. Одно из последствий сегодняшней экономической обстановки, так скажем, ее развитие – это не только высокая геополитическая конфликтogenность и с связанные с этим вопросы, но и основная проблема – проблема неравенства, бедности, экономического эгоизма и так далее. Ее неразрешенность приводит, собственно говоря, к разрушению экономической системы именно как системы. Потому что здесь напряжение экономических отношений достигает своего высокого градуса, возможно – предельного. В результате экономика – и не только экономика, собственно, социальная сфера – могут не выдержать...

Теория ноономики, объясняя причины происходящего, не просто – описательная история. Она еще и тенденции развития цивилизации формулирует, и строго доказывает, какие тренды грядут. И – главное: на этой основе, научной основе, предлагает конкретные решения. Социализация общества – новая мощная объективная потребность человечества – невозможна без солидарного подхода мирового сообщества к реализации этих решений. Отсюда – и потребность в солидаризме как идеологической платформе ноономики, о чем я говорил в своем докладе на нашем международном ИНИРовском семинаре в декабре 2020 года.

**Онлайн-коллоквиум Института нового индустриального
развития (ИНИР) им. С.Ю.Витте на тему
«Теория ноосферы и теория ноономики»
Стенограмма
(31.06.2021, Москва-Лондон)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, эксперт РАН, д.э.н., профессор;

А.В. Бузгалин – руководитель Центра социэкономии кафедры политической экономии МГУ им. М.В.Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С.Ю.Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор.

А.А. Золотарев – Исполнительный директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю.Витте, к.э.н.

Александр Анатольевич Золотарев (ААЗ). Добрый день, уважаемые коллеги! Мы давно уже не встречались вживую из-за пандемии, и сегодня это тоже не получается.

Но – время идет. Идеи ноономики, высказанные в основополагающих книгах С.Д.Бодрунова, его статьях и докладах на различных конференциях, в т.ч. – международных, подхватываются все новыми и новыми группами исследователей. Появилось за последние два года множество публикаций, связанных с ноономикой, различными аспектами этой теории, и особенно по разделу НИО.2, в различных журналах по всей стране (замечу, некоторые, наиболее интересные, ИНИР планирует собирать и издавать 2-3 раза в год в специальном общедоступном альманахе – мы надеемся, что это будет полезно для всех желающих более полно видеть взгляды специалистов на различные аспекты теории ноономики, имея при этом возможность сравнивать их с идеями и подходами автора теории). В некоторых вузах уже читаются курсы по теории ноономики. Многих интересуют практические аспекты теории – реиндустриализация экономики на пе-

редовой технологической основе, развитие технологий следующего технологического уклада и переход к НИО.2. В частности, в апреле т.г. на Научном Конгрессе ЕвразЭС коллегами было предложено идеи теории ноономики положить в основу концепции развития Евразийского сообщества как цели и практически ориентированной дорожной карты реализации интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Отдельные позиции этой теоретической платформы взяты на вооружение при практической подготовке программ развития регионов страны – так, в частности, поступила Московская школа экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (руководитель работы – академик В.Л.Квинт) при подготовке стратегии развития Кузбасса. И т.д.

Таким образом, понятие «ноономика» развивается как научное направление (теория), с одной стороны, а с другой – уже и как платформа для живой практики. Это, заметим, совершенно аналогично развитию понятия «экономика»: есть экономика как наука, а есть экономика как практический механизм удовлетворения потребностей людей.

При этом здесь стоит подчеркнуть, хотя мы это делали и раньше неоднократно, что экономика и ноономика (каждая из них!) – и две принципиально различающиеся теоретические концепции, и два принципиально различных практических механизма. И то, что многие предложенные ноономикой идеи (как теорией и как практикой) привлекают исследователей, все более убеждающихся в цивилизационной бесперспективности экономического общества и ищущих разумные альтернативы развития, нам представляется важным.

Это, с одной стороны, подтверждает расширяющееся ознакомление с этой теорией научной общественности, интерес к ней. Мы, ИНИР, как институт, занимающийся проблемами нового индустриального развития и ноономики более 20 лет, этим обстоятельством, ростом интереса к разрабатываемой в институте тематике, безусловно, удовлетворены.

Однако, с другой стороны, возникла – и также растет – проблема. Часть авторов, особенно не слишком погруженных в теорию ноономики, допускают неверные трактовки ее идей, ее положений, и даже порой – ее базовых принципов.

К примеру, часто звучит трактовка ноономики как некоей «нооэкономики» – что неверно в принципе: в одной из своих ра-

бот Вы, Сергей Дмитриевич, уже сравнивали словосочетание «нооэкономика» с бессмысленным словосочетанием «травоядный хищник», это – нонсенс, выраженный через оксюморон, вызывающий иной раз просто пердимонокль. Однако словечко начало «гулять» во вполне уважаемых научных изданиях.

Или – сравнение «эры ноономики» с «эпохой коммунизма»; достаточно жесткий и детальный ответ автора теории по этому поводу дан недавно в журнале «Вопросы политической экономии».

Но это – так сказать, цветочки. Из этого недостаточно глубокого анализа вызревают ягодки. Я имею в виду представление теории ноономики в соотношении ее с широко известной, особенно в отечественной научной и околонаучной среде, теорией ноосферы. То представляется, что ноономика есть некое развитие, продолжение, уточнение (!) теории ноосферы, то – что теория ноономики, наоборот, часть теории ноосферы. И т.п.

Хотелось бы, что называется, «не множить сущности». Необходимость назрела как-то точнее, с участием автора теории ноономики, определиться с местом теории ноономики в, если позволите, научном пространстве, и с ее соотношением с теорией ноосферы.

Это – тема сегодняшнего онлайн-коллоквиума.

Я знаю, что вы, коллеги, уже вели разговоры и даже переписку по этому поводу. Нами в институте эти материалы собраны и обработаны, и даже на этой основе профессором А.В.Бузгалиным подготовлены некие тезисы. Прошу начать Вас, Александр Владимирович, с них.

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). Спасибо, Александр Анатольевич!

Дорогой Сергей Дмитриевич!

Меня все не отпускал наш недавний большой телефонный разговор о теориях ноосферы и ноономики. Я даже кое-что записал из Ваших идей плюс добавил некоторые общие соображения как контекст, с учетом наших предыдущих разговоров и некоторых Ваших высказываний, мелькавших ненавязчиво в Ваших статьях.

Получился некий набросок, или тезисы к обсуждению, как это представил Александр Анатольевич. Возможно, где-то что-то упущено. Наверное, в этих кратких тезисах, с которых я предлагаю начать разговор, не отражено все то, что Вы вкладываете в теорию

ноономики в отличие от теории ноосферы, но хотелось зафиксировать некоторые Ваши мысли для начала обсуждения.

Позвольте представить этот набросок, еще раз подчеркнув, что ниже представлена попытка тезисно отразить теорию ноономики профессора Бодрунова, и ее соотношение с теорией ноосферы, а, конечно, не позиция Бузгалина по вопросу о будущем человечества. Свое видение данного процесса я предельно кратко изложу ниже.

Итак, первый тезис.

Как известно, генезис понятия ноосферы традиционно связывают с именем Тейяра де Шардена, а создание теории ноосферы – с текстами академика В.И. Вернадского. Первый трактовал это понятие преимущественно в идеалистическом ключе, второй сделал принципиальный шаг к созданию новой теоретической модели, отражающей развернувшиеся в XX веке качественные изменения в сфере взаимодействий общества (человека) и природы, суть которого – превращение человечества в силу, определяющую развитие биогеоценозов и, как следствие, ответственность общественного человека за будущее природы.

Второй тезис.

XX век и, в особенности, его вторая половина, ознаменовались обострением проблем во взаимодействии общества и природы. Прежняя модель, характерная для индустриального производства предыдущего поколения, основанного на 3-м технологическом укладе, исходила из теоретически неакцентированного, но реально использовавшегося (как основа практики) подхода, в соответствие с которым природа рассматривалась как источник ресурсов для производства. При этом природные ресурсы, опять же, неакцентированно, считались как бы *неисчерпаемыми*: преодоление их ограниченности связывалась с развитием геологоразведки и иных средств.

Переход к 4-му технологическому укладу и превращение индустриальной системы во всеобщую привели к качественным изменениям в понимании проблем взаимодействия общества и природы и, в частности, экономики и природы:

- природные ресурсы очевидно оказались ограничены;
- стало очевидным (прежде всего практически), что воздействие индустриального производства на природу ведет к негативным последствиям в состоянии биосферы;
- экологические проблемы являются глобальными;

- они нарастают.

Третий тезис.

Эти изменения в технологиях и общественно-экономической жизни закономерно вызвали необходимость их теоретического осмысления.

Идеи де Шардена стали де факто основой для многочисленных идеалистических исследований, которые мы в данном обзоре оставим в стороне.

Опередившие свое время работы В.И. Вернадского оказались более адекватны существу происходящих изменений.

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Я бы сказал: с точки зрения естественно-научного подхода.

АВБ. Да, но не только. У Вернадского есть и немало социо-философских размышлений. В частности, академик показал, что:

- главным фактором, определяющим развитие биосферы становится общественный человек и его разум (я бы добавил – коллективный разум (или отсутствие такового; последнее становится все более очевидно в XXI веке);...

СДБ. Не будем о грустном...

АВБ. Что делать! Далее – что еще подчеркнул В.И.Вернадский:

- неконтролируемое антропогенное воздействие на природу и ее неконтролируемая либо плохо контролируемая эксплуатация не только ведет к разрушению биосферы, но и создает угрозу существованию человечества как рода;
- первое и второе обуславливает необходимость как минимум сознательного регулирования (без уточнения механизма регулирования; в литературе идет спор, в какой мере Вернадский считал, что социалистическое строительство и идеи коммунизма созвучны идеям ноосферы) взаимоотношений общества и природы, как максимум – качественного изменения принципов их взаимодействия.

Четвертый тезис.

Вследствие изменения практик и развития теорий – во многих случаях независимо от разработок Вернадского, с которыми большинство западных авторов либо плохо знакомо, либо не знакомо вообще – сформировались основные теоретические модели осмысления и решения экологических проблем. Практи-

чески все они исходят из того, что эти проблемы реальны и глобальны, требуют комплексного решения, предполагающего развитие новых технологий, экономических, политических, социальных, культурных и т.п. изменений.

Но есть и существенные различия.

Выделим три основных течения.

Доминирующее – решение экологических проблем необходимо, но оно может и должно осуществляться путем некоторого реформирования существующей общественно-экономической системы. С точки зрения социал-либерального подхода, широко использующего новую институциональную теорию, главный путь – формирование институтов (понимаемых в данном случае как «правила игры»), которые на местном, общенациональном и международном уровне определяют принципы взаимодействия бизнеса и общества. Эти две стороны в процессе переговоров определяют, что и в какой мере для них предпочтительнее: определенная мера загрязнения, но развитие производств, или ужесточение экологических ограничений, но сворачивание производств, или инвестиции в развитие новых технологий...

СДБ. Социал-демократический подход, равно как и подход большинства «зеленых» и соответствующие им теории, дополняют этот вариант введением некоторых абсолютных экологических ограничений и нормативов...

АВБ. Да, это надо тоже учитывать.

Второе течение – экомарксизм и экосоциализм – исходят из того, что решение экологических проблем возможно только на пути качественного изменения общественной системы, ухода от рынка и частной собственности и перехода к социализму.

Наконец, «радикальный экологизм» требует полного отказа от индустриального производства, урбанизма и т.п.

При этом все эти подходы их авторы редко связывают с той или иной трактовкой ноосферы (исключение составляют некоторые религиозные, тяготеющие к идеям де Шардена, и экомарксистские, тяготеющие к идеям Вернадского, работы).

Пятый тезис.

В постсоветской России большинство ученых, исследующих фундаментальные вопросы экологии, исходят из тех же посылок, что и западные социал-либералы и социал-демократы (зе-

ленные). Однако в нашей стране есть и специфика: на базе теории ноосферы Вернадского возникло немало своеобразных разработок, в которых авторы создают некие свои особенные «универсальные» системы с «универсальными» законами и т.п., в принципиальном плане не дающих новых идей в теорию ноосферы, но зачастую уводящих в сторону от самих идей этой теории.

Шестой тезис.

Оставим в стороне эти последние и рассмотрим – как подход самого Вернадского соотносится с теорией ноономики.

Теория ноономики формировалась во многом исходя из иных, нежели у Вернадского, предпосылок. Я полагаю, что ее главным основанием было выделение закономерностей развития технологий и – шире – общественного производства и влияние происходящих в этой сфере изменений на экономику и общество. Но выводы теории ноономики во многом оказались близки к ряду положений, разрабатывавшихся Вернадским, и основанных на них работ современных экологов. Эти общие, по моему пониманию, для теории ноосферы и ноономики положения весьма немногочисленны и касаются главным образом общих установок, но при этом являются значимыми. К ним относятся следующие положения:

- развитие во второй половине XX века привело к глубоким глобальным *противоречиям* во взаимодействии общества и природы;
- эти противоречия обуславливают *необходимость качественных изменений* в этом взаимодействии;
- ответственность за осуществление этих изменений лежит на «*коллективном ноо*». Здесь «ноо» – и это то, как я понимаю идеи С.Д. Бодрунова – это некие действия индивидов и их общественных организаций, государства (государств), осознавших вследствие развития технологий необходимость перехода к качественно новому состоянию общества – ноономике – и осуществляющих на этой основе некие сознательные действия. Какие именно действия предполагается осуществлять – показано в работах С.Д. Бодрунова, раскрывающих проблематику «квадриги ноономики» (технологический прогресс, диффузия собственности, солидаризм, социализация общества).

СДБ. Да, эти, три позиции, о которых я говорил (и не раз), Вы Александр Владимирович, отразили верно, согласен. Хотя термин «коллективное ноо» – Ваша новелла. На мой вкус –

достаточно удачная. Это точнее, чем «коллективный разум». Гносеология греческого «ноо» шире, чем общеупотребительный смысл русского слова «разум», это Вы ощутили очень существенно; именно из-за своей базовой, исконной смысловой нагрузки слово «ноо» включено в сам термин «ноономика»...

АВБ. Далее – **седьмой** тезис: теория ноономики имеет, однако, ряд принципиальных отличий от теории ноосферы. Вы, Сергей Дмитриевич, как я понял Ваши работы, показали, что специфика теории ноономики состоит в следующем:

- выделены *объективные материальные основания*, обуславливающие как *необходимость*, так и *возможность* разрешения существующих противоречий во взаимодействии общества и природы, а так же *глобальные угрозы* на этом пути;

- показано, что направление *снятия* этих противоречий – *переход от экономики к ноономике* (обществу, лежащему «по ту сторону» экономики) на основе развития *знаниеемкого производства*;

- раскрыты пути такого снятия; в частности, выделены такие уже упомянутые выше компоненты, как *научно-технический прогресс*, *социализация общества*, *солидаризм*, *диффузия собственности* («квадрига ноономики»);

- показано, что эти *изменения носят именно качественный характер*, но при этом должны быть *эволюционными*;

- теория ноономики базируется не на экологических аспектах разработок Вернадского и современных экологов, но на исследованиях гораздо более широкого круга специалистов в области закономерностей научно-технического прогресса, социальной философии, экономической теории, социологии, психологии и др.

СДБ. Что касается последней позиции, я бы, во-первых, подчеркнул, что идеи ноосферы в трактовках Ле Руа и де Шардена не могли не быть учтены и в теории ноономики (сюда, в частности, примыкают роль знания, разума, духовного возвышения в процессе развития личности и многие другие нарративы концепции ноономики). Во-вторых, сам Вернадский, на мой взгляд, смотрел на проблему все-таки гораздо глубже, не сводя ее к экологии, как делают «за него» некоторые новоявленные «ноосферисты», и он также опирался на известные к тому времени естественно-научные концепции.

АВБ. Да, последнее уточнение существенно.

Итак, суммируя: теория ноономики носит фундаментальный, целостный, универсальный, междотраслевой методологически и практически-ориентированный характер, творчески рассматривая и подтверждая ряд выводов теории ноосферы, но принципиально – гносеологически и онтологически – отличаясь от последней.

При этом, отмечу, что мой взгляд на будущее развитие общества, наследующий идеи Маркса и Энгельса о грядущем скачке из «царства необходимости» в «царство свободы», близок к идеям профессора Бодрунова в том, что касается видения будущего как «лежащего по ту сторону материального производства», развивающегося на основе автоматизированного производства и ориентированного на развитие человека. Но это будущее я – в отличие от профессора Бодрунова – квалифицирую как коммунизм, путь к которому лежит через качественное, революционное преобразование всех отношений «царства необходимости». Последний тезис особенно значимо разделяет наши с Вами позиции и подвергается особенно жесткой критике с Вашей стороны, уважаемый Сергей Дмитриевич.

СДБ. Что можно сказать?

Дорогой коллега, Александр Владимирович!

Спасибо за то, что не забываете наши разговоры, фиксируете и переосмысливаете сказанное, чему свидетельство – тезисные наброски по итогам некоторых из них для подготовки сегодняшнего коллоквиума. Они хороши и во многом верно отражают ситуацию с оценкой (взаимо)связи (и различием) теории ноономики и теории ноосферы.

Но я бы многое уточнил. Хотя бы – частично.

В чем *единственное принципиальное* сходство теории ноосферы и теории ноономики? В том, что они *целостно* рассматривают важнейший предмет: *цивилизационное развитие*; причем обе теории, исходя из *РАЗНЫХ истоков*, во главу угла (и это – неслучайно!) выдвигают *разум* (да-да!) как *универсальный инструмент* такого развития. Это – надо особо подчеркнуть.

В тезисах это специально не выделено, хотя и очень чувствуется Ваше глубокое погружение в проблему (особенно чувствуется политэкономический взгляд, что интересно и важно); при сем тезисы все-таки, сорри, далеко пока не отражают полноты упомянутой связи и различия обеих теорий и рассматривают проблему более

как вытекающую из общественных отношений. Проблема, в моем понимании – шире. Как говорят мои студенты – «ширше и ширее».

Заметим для начала, что в понятие ноосферы вообще разные авторы (не только двойка: Вернадский (натуралист, естественно-научник) – де Шарден (адепт философско-религиозного подхода) – и здесь, в том факте, что их идеи суть два принципиальных камня в теории ноосферы, без которых она не существует, я вижу не конфликт науки и религиозного осмысления мироздания (что есть советско-пропагандистская благоглупость), а их глубинное соединение!) – вкладывают разный смысл, посему было бы важно вообще-то поначалу и эти смыслы вычленить да с разных сторон нам порассматривать (а уж потом – с позиций теории ноономики). Конечно, было бы необходимо, лучше в большой книге, а не в рамках краткого коллоквиума, более глубоко и аргументированно упомянутые связи/отличия раскрыть, показав очень важные вещи – развитие теоретических воззрений на проблему развития человечества не только Вернадского (да и де Шардена), но и ученых, ему (им) предшествующих в этих идеях, ему (им) «параллельных», его (их) продолживших. Я, в частности, имею в виду прежде всего, к примеру, великого вполне Канта. Шопенгауэра. Кельвина с его теорией «тепловой смерти Вселенной», Клаузиуса (понятие энтропии и величайший второй закон термодинамики; его идеи, в частности, приложил к проблеме эволюции Н.А.Умов, определивший еще в начале XX века фундаментальное свойство организованной материи и основной признак ее существования – «негэнтропийное» возрастание «стройности» в природе, обуславливаемое процессом эволюции живого и жизни как явления), биологов Ламарка (эволюция живого!) и (ясное дело!) Чарльза Дарвина – именно на него опирался Ф.Энгельс (еще один, вкупе с К.Марксом, «генетический отец» теории ноосферы), российского почвоведом (и учителя Вернадского!) В. Докучаева (теория почвы как целостного природного тела), Эрвина Бауэра (см. его исследования первой трети XX века о фундаментальном термодинамическом отличии живого вещества от неживого и о значении термодинамических особенностей живой материи для понимания т.н. «прогрессивной эволюции», неизбежно «приводящей» к возникновению разума); здесь же, с другой стороны – российский религиозный философ Н.Ф.Федоров (идея человека как садовника

«ноосферного сада», его большое, энциклопедического формата, творение «Философия общего дела» (и я здесь скорее вижу прото-ноономику в части солидаризма); многое из этого продолжено в «концепции ноосферного гуманизма» И.Борзенко). Стоит вспомнить и общецивилизационные идеи К.Э.Циолковского, их много и плодотворно исследовал А.Урсул; в них важным мне представляется то, что Циолковский полагал (и с чем я согласен), что степень развития социального организма определяется его зрелостью с точки зрения разума; при этом на самом деле тот же Циолковский понимал ноосферу шире, чем Вернадский, рассматривая ее не просто как некую планетарную оболочку, а говоря о «космоноосфере» и увязывая степень гуманности разума неразрывно с объединением любых разумных существ для достижения целей их существования и развития, каковыми он видел всеобщее благо, и т.п. Многие внесли в формирование фундамента теории ноосферы наши философы-мыслители Н.Бердяев и П.Флоренский. Или вот – как ни покажется странным, но есть четкое совпадение идей Вернадского о том, что законы управления живого и неживого различны, но это различие есть необходимое условие для единства мироздания (его устойчивого существования) – с идеями Нильса Бора с его концепцией «дополнительности живого и неживого». Многие взяли и Вернадский, и, судя по всему, Э. Ле Руа (с его тезисом о переходе биосферы в новое состояние – ноосферу) и де Шарден из идей А.Бергсона о «творческой эволюции жизни» (в частности, его гипотеза о направленности времени в одну сторону и односторонности эволюции жизни в процессе развития Вселенной, каковую впоследствии поддерживал и Вернадский). Одновременно с Вернадским, стоит отметить, творил академик А.Е.Ферсман (признававшим себя в некотором смысле учеником Вернадского) – биогеохимические аспекты теории ноосферы, проблемы технологической деятельности человека, теория техногенной миграции химических элементов, основы теории техноценозов...

Ну, а о последующих выдающихся исследователях вообще можно многое сказать, поскольку теория ноосферы весьма богата возможными расширениями. К примеру, академик Влаиль Казначеев, теоретик-биолог, создатель науки об адаптации человека, П.Кузнецов (проблема устойчивого развития человечества в системе «природа – общество – человек»), и т.д. Особо стоит вы-

делить выдающегося ученого, ушедшего от нас на переломе XX–XXI веков, Н.Н.Моисеева, создавшего стройную теорию эволюции Вселенной – через термодинамическую самоорганизацию системы от неживой материи к живому, человеку, разуму (как присущему мирозданию элементу, его вершине и его универсуму). Вообще, многие концептуальные положения духовного аспекта ноосферного взгляда на существо человека и его развитие были заложены во многих религиофилософских концепциях, особенно в монотеистических – в частности, христианстве.

Именно в таком ареопаге мыслителей и родилось то, что каким-то образом вербализировано де Шарденом (автором термина «ноосфера») и (причем – в теснейшей их «взаимомысли») Вернадским в виде не до конца ими прописанной теории ноосферы, что и получило развитие в современной т.н. «ноосферологии» (тут, я с Вами согласен, множество появилось и наслоений – Вернадского, похоже, скоро надо будет защищать от «развивателей»).

Наш подход, Вы справедливо отметили, – другой.

Он также, безусловно, базируется на применении *фундаментальных законов развития материи* (живого и неживого), включая весь процесс этого развития – материальной сферы, ее приложения в материальном обеспечении жизни (и человека как биосущества, в частности), на законах развития общества (в том числе вытекающих из необходимости материального существования социума, экономических, технологических, психологических и т.п.), на общефилософских законах бытия, но – («**номос**») на признании предустановленного *единства материального и духовного* как двух сторон одной медали – *мироздания*, порождающего *разум* (как общефилософского концепта теории нономики), с четким логическим обоснованием *необходимости и неизбежности перехода* (на этой основе, *принципальной!*) общества к новому состоянию (черты которого тоже достаточно ясно прорисовываются из данной логики) как *закономерный этап развития Вселенной*, порождающий/выявляющий/проявляющий (через самоосознание) на определенном этапе своей эволюции разум («**ноо**»); отсюда вытекают все основные тезисы нономики как теории цивилизационного развития *человека* – «индивидуального» *носителя* разума, и нообщества – как «*коллективного*» носителя разума.

В теории ноономики (ноо!) разум предстает как одно из проявлений сущности мироздания, и постепенно, эволюционно проявляется через формирование своих носителей – человека, постепенно развивающегося и все более способного усваивать знания (вычленять себя из окружающего мира, осознавать свои *потребности*, определять свои *интересы*, осознавать *ценности*, находить пути их удовлетворения), и общества – «коллективно-го» носителя разума (имеющего *свои* потребности, интересы и ценности), и через их взаимосвязь.

При этом надо четко понимать, что уровень осознания человеком и обществом своих истинных потребностей не «стоит на месте», носители разума (как и всё в мироздании) развиваются, осознавая и свои потребности, и интересы на все более «длинном горизонте», и порой отвергая (как превалирующеценностные!) «бывшие», сиюминутные потребности в пользу более «дальних», больших, перспективных, исходя из все-более глубоко осознаваемых истинных ценностей (развивая критериальную базу своего бытия в сторону «ноо»).

Вот почему на смену экономике как механизму удовлетворения потребностей более низкого порядка с развитием способов их удовлетворения (в т.ч. – через переход к НИО.2, развитие технологий и НИО.2-индустрии), придет ноономика – как неэкономический способ удовлетворения потребностей людей (индивидуумов) – потребностей, сформированных в рамках ноокритериальной базы ценностей, в корреляции с удовлетворением потребностей социума/общества – того типа общества, которое мы называем ноообществом, и материальным базисом которого станет ноономика. Только в такой парадигме возможно истинное «сапиенс»-развитие человека и общества, преодоление тех развилок и кризисов (экологических, климатических, психологических и т.п., не говоря уже об экономических), могущих поставить нашу цивилизацию, которая есть проявление разума через создание в процессе развития Вселенной его носителей, на грань исчезновения.

Наличие в нас разумного начала, замечу при этом, не исключает гибели *НАШЕЙ* цивилизации вследствие бифуркационных процессов во Вселенной, в том числе и по причине бифуркаций самого разума либо его конкретного носителя (человечества, в данный момент, и, весьма вероятно, не единственного) – но разум

(знание, идея, дух) как неотъемлемое свойство мироздания, будет существовать и продолжен в иных мирах/формах. И это – тоже вполне себе конкретный и важный вывод теории ноономики: предупреждение – голова дана не только, чтобы шапку носить. Думать надо. Как жить дальше. И лучше ли для нашей цивилизации «экономическая синица» в руке, чем «журавль ноономики» в небе.

Что тогда такое ноосфера?

Можно, видимо понимать ее как некое «пространство действия» разума, расширяющееся до всей Вселенной. Наверное, здесь «сойдутся» (если пренебречь деталями) трактовки многих основоположников и исследователей теории ноосферы (от Вернадского и де Шардена до Циолковского и Н.Моисеева) как философского обобщения проявления «вселенского разума». Или, вернее, «вселенского ноо».

Теория ноономики – это синтетический взгляд, представление о конкретном носителе разума – человеке и социуме, их становлении, развитии, включая развитие человека (как нообиосоциальной сущности) и общества/социума, возрастающего к уровню ноообщества.

Ноономика же есть материальный базис такого общественного устройства и обеспечения жизнедеятельности в нем человека (индивидуума). Ну и, естественно (отсылаюсь к Вашему вступлению, Александр Анатольевич), научное направление, исследующее основания и пути продвижения цивилизации к становлению ноономики и ноообщества.

Вот такие первые размышления над тезисами. Не сомневаюсь, будут еще. Может быть, более четкие. Пока ограничусь этими.

И, в завершение, – пару фраз в ответ на Ваш, Александр Владимирович, тезис о «качественном, революционном скачке». На мой взгляд, «качественный» и «революционный» – далеко не односмысловые понятия. Это – вообще понятия разного ряда: «качественный» предполагает обретение иного качества, а «революционный» – это о механизме, ломающем, в отличие от эволюции, естественное течение процесса. При этом революционный перелом не всякий раз дает иное качество, которое как раз можно получить и при эволюционном движении. Переход количества в качество как скачок хоть и можно трактовать как революцию, но вообще-то скачок-то подразумевает просто период/момент, когда

некие «количественные» (условно) признаки, обуславливающие одно «качество», изменяясь, создают «качество» другое. И он, такой переход, не обязательно есть ломка; более того, чаще эволюция эффективнее революции – хотя бы, возьмите, эволюция биологическая, превращение ветви человекообразных в хомо. Я это видел бы так. При этом революционный переход в конфликтологии по-иному вообще-то именуют катастрофой. Почему? Потому что такой переход не просто «снимает» предыдущие противоречия (сохраняя позитивное), но сопряжен с «битьем горшков», в том числе – полезных, нашедших бы себе применение и в последующем «хозяйствовании»... А социальная революция – это и есть «битие горшков», не зря она «пожирает собственных детей» (это – не просто образ, это – суть революционного переворота и его обязательные (!) последствия). Кроме того, процесс революционный гораздо менее управляемый, чем эволюционный, который может быть хорошо – оптимально! – управляем, в том числе – и с применением стратегирования и планирования шагов и действий; да и результат эволюции существенно более прогнозируем. И что еще важно – любая революция в любой системе происходит в абсолютно конкретных условиях, и – безусловно – использует любые доступные средства. А социальная революция – происходит всякий раз в конкретно-исторических, конкретно-ценностных, конкретно-технологических, если хотите условиях. Сейчас, в нынешних условиях могущества капитала, разброда ценностей и достижения технологического уровня, способного уничтожить людей, да и всю цивилизацию, множеством вариантов, революционный переход уже невозможен. На мой взгляд – принципиально.

Но, вообще говоря, это – тема другой дискуссии.

ААЗ. Спасибо, уважаемые Александр Владимирович и Сергей Дмитриевич! Думаю – и надеюсь, Вы согласитесь, – пока этот разговор не раскрыл всю полноту обсуждавшейся проблемы, есть много аспектов, нами сегодня не затронутых, и предлагаю продолжить разговор на научном семинаре Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте в октябре т.г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. VI-й том (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. Сб. науч. трудов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2022. – 347 с.

Подписано в печать 03.03.2022.
Формат 60х90/16. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. 347 с., 18,9 печ. л.
Заказ № 10396/2

Институт нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте,
197101, Санкт-Петербург,
ул. Большая Монетная, 16.

Отпечатано в типографии ООО «Кси-Принт»,
192029, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, 36.